

415/2-Молд
М 75

2155

8(с)молд.
М-75

МОЛДАВСКО-
РУССКО-
УКРАИНСКИЕ
ЛИТЕРАТУРНЫЕ
СВЯЗИ
начала XX в.

АКАДЕМИЯ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР
Институт языка и литературы

МОЛДАВСКО·
РУССКО·
УКРАИНСКИЕ
ЛИТЕРАТУРНЫЕ
СВЯЗИ

начала XX в.

(1901—1917)

Работа выполнена в секторе литературных взаимосвязей

Работу рецензировали и рекомендовали
к изданию кандидаты филологических наук
Д. В. Коваль и В. М. Чекан

Коллективная монография «Молдавско-руско-украинские литературные связи начала XX в. (1901—1917 гг.)», завершающая исследование молдавско-руско-украинских литературных связей дооктябрьского периода, освещает влияние на литературный процесс и на общественную жизнь Бессарабии таких русских писателей, как Л. Н. Толстой и М. Горький, связи с молдавской культурой классиков украинской литературы М. М. Коцюбинского и И. Я. Франко, вопросы популяризации и пропаганды русской литературы в Бессарабии, молдавской литературы на Украине и в России. В книге рассмотрены также особенности восприятия русской и украинской литературы бессарабской общественностью.

Издание адресовано всем, интересующимся проблемами литературных и культурных взаимосвязей, проблемами истории литературы.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. К. Вартичан, *И. А. Затушевская,*
К. Ф. Попович (отв. ред.),
С. Г. Пынзару, А. С. Романец

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:

К. Ф. Попович (предисловие, гл. 9, 10, 12, заключение), *С. Г. Пынзару* (гл. 1, 2, 3, 4, 5, 6), *А. А. Матковская* (гл. 7, 8,), *А. С. Романец* (гл. 11)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 4

Часть I

Глава 1

ЭПОХА «ДВИЖЕНИЯ САМИХ МАСС...» 8

Глава 2

Л. Н. ТОЛСТОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАЯ БОРЬБА В
ПРЕДОКТЯБРЬСКОЙ БЕССАРАБИИ 21

Глава 3

ТВОРЧЕСТВО М. ГОРЬКОГО И ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ БЕССАРАБИИ 70

Глава 4

МОЛДАВСКИЙ ПОЭТ А. МАТЕЕВИЧ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА 100

Глава 5

ТВОРЧЕСТВО РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ПРЕДОКТЯБРЬСКОЙ БЕССАРАБИИ
(1901—1917) 123

Глава 6

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ГАЗЕТЕ «БАСАРАБИЯ» (1906—1907) 151

Глава 7

П. А. СЫРКУ И СЛАВЯНО-МОЛДАВСКИЕ СВЯЗИ 158

Глава 8

МОЛДАВСКО-СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ
В НАСЛЕДИИ А. И. ЯЦИМИРСКОГО 171

Часть II

Глава 9

МОЛДАВСКО-УКРАИНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ В НАЧАЛЕ XX В. 188

Глава 10

М. М. КОЦЮБИНСКИЙ В МОЛДАВИИ 196

Глава 11

ИВАН ФРАНКО И УКРАИНСКО-МОЛДАВСКИЕ СВЯЗИ 218

Глава 12

УКРАИНСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ В ОЦЕНКЕ БЕССАРАБСКОЙ ПРЕССЫ 228

Заключение 258

Именной указатель 260

Предисловие

Революционное движение в начале XX в., достигшее своей вершины в период буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг., способствовало подъему духовной культуры в Бессарабии. Это обусловило повышение интереса к более развитой прогрессивной культуре братских русского и украинского народов. Условия национального и социального угнетения народов края определяли сложность деятельности писателей. Их передовые представители не только выдерживали жестокий гнет самодержавия, но и боролись против социальной несправедливости, реакционных идеологических и литературных теорий и лозунгов. Образцами для подражания прогрессивные писатели края считали лучшие произведения русской и украинской литературы.

Изучению особенностей взаимосвязей молдавской, русской и украинской литератур, путей проникновения произведений писателей братских народов в бессарабскую читательскую среду, роли произведений русских и украинских писателей в формировании общественной атмосферы в крае посвящена настоящая коллективная работа. Она продолжает две вышедшие в последние годы книги¹ и завершает исследование молдавско-русско-украинских литературных связей в дооктябрьский период. Работа носит очерковый характер и освещает ряд узловых вопросов, позволяющих воссоздать общую картину и особенности этих связей. Состоит она из двух частей (молдавско-русские и молдавско-украинские литературные связи), которые в свою очередь подразделяются на несколько глав.

С великими писателями и борцами за социальную справедливость такими, как Л. Толстой, М. Горький, М. Коцюбинский, связаны многие аспекты общественной жизни Бессарабии и молдавско-русско-украинских литературных связей.

¹ См.: Очерки молдавско-русско-украинских литературных связей (с древнейших времен до середины XIX века).— Кишинев, 1978; Молдавско-русско-украинские литературные связи во второй половине XIX века.— Кишинев, 1979.

Пребывание Л. Толстого в Кишиневе составило одну из интереснейших страниц истории культуры края. Сам факт в известной мере стимулировал обращение бессарабской общественности к творчеству и общественной деятельности великого писателя. Передовая интеллигенция и, главным образом, ее революционная часть использовала в своей пропагандистской работе многие произведения писателя. В период революционного подъема появляются первые в Бессарабии переводы на молдавский язык его произведений, призванные приобщить к бессмертному литературному наследию широкие массы молдавских крестьян.

Интерес бессарабской общественности к творчеству и мировоззрению Л. Толстого не только отражал, но и во многом определял настроение умов в крае, формировал мотивы гражданской деятельности и идейно ориентировал местные литературные круги. Весьма красноречивым в этом отношении является и тот факт, что многие бессарабцы — представители различных социальных кругов — вели переписку с Л. Н. Толстым.

Большой вклад в развитие культуры края внес М. Горький. Его биография и творческий путь тесно связаны с Бессарабией². Пребывание писателя в крае и создание им ряда произведений по молдавским мотивам и преданиям не могли не обратить на себя внимание бессарабской общественности. Идейная насыщенность, высокий революционный пафос, острое социальное звучание произведений Горького вызвали большой интерес к его личности и творчеству. В совокупности этих аспектов кроется причина появления многочисленных вариантов «Песни о Соколе», «Песни о Буревестнике» и некоторых других произведений писателя, увидевших свет на страницах местных периодических изданий, возникновение споров о Горьком-художнике и Горьком-гражданине, нашедших отражение в тех же изданиях. Борьба мнений вокруг М. Горького разгорелась еще больше в связи с перепечаткой местными газетами таких его работ, как «Патруль», «О мещанстве» и др. В этих спорах рождались различные точки зрения, складывалось общественное мнение, что оказывало влияние на местный литературный процесс и культуру в целом.

Несколько иные формы носят связи молдавской литературы с творчеством и личностью классика украинской литературы М. М. Коцюбинского. Будучи членом комиссии по борьбе с филлоксерой в Бессарабии, М. М. Коцюбинский на протяжении нескольких лет бывал в молдавских деревнях, знакомился с жизнью и бытом крестьян. Любовь к бессарабской земле и сочувствие ее обездоленным труженикам нашли отражение в ряде

² См.: Богач Г. Горький и молдавский фольклор.— Кишинев, 1966; Горкийши култура молдовеняскэ.— Кишинэу, 1968; Пынзару С. Горький в Молдавии.— Кишинев, 1971 и др.

рассказов, которые известны в истории литературы под названием «бессарабского цикла».

В отличие от Л. Толстого и М. Горького известность и слава к М. Коцюбинскому на молдавской земле приходят только при Советской власти. Лишь после Великой Октябрьской социалистической революции его произведения впервые переводятся на молдавский язык, впервые появляются статьи о его жизни, творчестве и, в частности, о «бессарабском цикле». Это не означает, однако, что молдавский читатель не был ранее знаком с М. Коцюбинским. Достаточно сказать, что первые подражания его произведениям в Бессарабии относятся к началу XX в. В частности, под впечатлением одного из рассказов М. Коцюбинского создал свое первое оригинальное произведение молдавский поэт А. Матеевич, которому в книге посвящен один из разделов. В нем прослеживается влияние русской литературы, русских писателей на молдавскую литературу.

В разное время в зависимости от объективных и субъективных факторов, поэт обращался к творчеству русских писателей, начиная с Г. Р. Державина, А. К. Толстого, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и кончая Н. А. Некрасовым, Л. Н. Толстым, А. П. Чеховым и М. Горьким. Их идеи и опыт помогали молдавскому поэту расти духовно, совершенствовать свое мастерство, находить ответы на многочисленные вопросы, которые жизнь и конкретная действительность ставили перед ним.

Картину литературных контактов и взаимовлияний значительно дополняют и расширяют главы, в которых освещаются явления общего плана: «Русская литература предоктябрьской Бессарабии», «Русская литература в газете «Басарабия» (1906—1907 гг.)», «Украинская драматургия на страницах бессарабской печати».

Фронтальное изучение материалов, публиковавшихся в исследуемый период на страницах местной печати, их систематизация позволили в первой из вышеупомянутых глав воссоздать картину русскоязычной литературы, преобладавшей в Бессарабии, показать развитие лучших традиций русской литературы местными авторами. В этом плане обращает на себя внимание творчество Н. Влайкова, Я. Окснера, Г. Тодорова, Н. Махо и других, нашедшее в главе подробный анализ.

В главе «Русская литература в газете „Басарабия“ (1906—1907 гг.)» исследуется один из путей ознакомления широкой читательской общественности края с русской литературой. В газете, выходившей на молдавском языке на протяжении десяти месяцев, большое место занимали переводы произведений Н. А. Некрасова и подражания им, принадлежавшие перу молдавского поэта В. Оату. Здесь же, в молдавском переводе, были напечатаны три «Письма к жителю городской окраины» В. Г. Короленко — филиппики, в которых осуждались покрывшие себя позором черносотенцы. В литературном разделе

газеты «Басарабия» часто публиковались произведения А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, что способствовало распространению русской литературы в крае и росту ее влияния на литературную и общественную жизнь.

Местная бессарабская пресса популяризировала творчество не только русских, но и украинских писателей, драматургов. Так, на страницах бессарабских газет широко обсуждались выступления многочисленных украинских трупп, гастролировавших в Кишиневе и в некоторых уездных городах края, причем значительное место в комментариях уделялось репертуару трупп, что способствовало более глубокому проникновению жителей края в произведения украинской классической драматургии. Многие театральные обозреватели обращали внимание на демократичность украинской драматургии, на то, что лучшие произведения украинских драматургов разоблачали национальный гнет, которому подвергался украинский народ. Пристальное внимание бессарабских критиков к ставившимся произведениям, целенаправленная оценка их идейных и художественных особенностей во многом способствовали тому, что украинская драматургия своим социальным содержанием помогала созданию революционной атмосферы.

В ряде глав книги освещаются вопросы исследования и популяризации молдавско-русских и молдавско-украинских культурных и литературных связей в начале XX в.

Проблемы молдавско-украинских литературных связей занимают большое место в огромном литературном и научном наследии И. Франко. Глубокое знание культуры европейских народов и древних славянских рукописей, гуманизм и стремление к интернациональному единению народов способствовали созданию писателем ряда интересных глубоких исследований молдавско-украинских литературных и культурных связей, нашедших свое проявление как в древней письменности и культуре братских молдавского и украинского народов, так и в их устном поэтическом творчестве.

Большое внимание исследованию славяно-молдавских связей уделяли П. А. Сырку и А. И. Яцимирский. Выходцы из Бессарабии, ставшие впоследствии крупнейшими учеными-славистами, они посвятили себя изучению славянской древности. Огромная эрудиция П. А. Сырку и А. И. Яцимирского позволила им на обширном литературно-лингвистическом материале выявить конкретные факты и явления, свидетельствующие об общности духовных истоков, взаимодействии и взаимовлиянии славянских и молдавских культур и реалий в далеком прошлом.

Вышеупомянутые материалы позволяют воссоздать общую картину литературной жизни в Бессарабии в начале XX в., а также сложный процесс молдавско-русско-украинских литературных связей, отображающих комплекс взаимных контактов трех братских народов.

Часть I

Глава I

Эпоха «движения самих масс»...

Первый день 1901 г. был и первым днем нынешнего, двадцатого столетия, которое родилось в самом начале трудовой недели — в понедельник. Поздравляя своих читателей с Новым годом, тогдашние газеты поздравляли их и с наступившим новым веком.

Мировая пресса пророчила в новом столетии торжество пара и электричества, предсказывала расцвет наук, культуры и промышленности. Русские газеты, отражая далеко не безоблачную картину общественно-политической, экономической и т. д. жизни страны, в новогодний вечер писали о «жгучих запросах настоящего и неизвестностях будущего», о материальной и духовной нищете народных масс, о безграмотности и невежестве, отсутствии в России «прочного правопорядка», элементарных политических свобод и т. д.

В начале XX в. Россия со всеми входившими тогда в ее состав народами находилась в преддверии великих, всемирно-исторических потрясений и перемен, которым суждено было круто изменить ход истории не только Российской империи, но и всего человечества. Эти перемены дали о себе знать еще в прошлом столетии. Возникновение русского марксизма (группа «Освобождение труда», возглавляемая Г. В. Плехановым, 1883), стачка рабочих на Прохоровской мануфактуре в Иваново-Вознесенске в 1885 г., Морозовская стачка того же года, ознаменовавшая начало массового рабочего движения в России, и другие события позволили К. Марксу и Ф. Энгельсу утверждать, что Россия уже к началу 80-х гг. XIX в. становится «передовым отрядом революционного движения в Европе»¹. Создание В. И. Лениным революционного «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1895), рождение Российской социал-демократической рабочей партии (1898), основание бессмертной газеты «Искра», первый номер которой появился на пороге нашего столетия — 24 декабря 1900 г. и фактически зна-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 305.

меновал рождение большевизма как политического течения, мартовская демонстрация на Казанской площади в Петербурге в 1901 г., знаменитая рабочая стачка на Обуховском заводе Первого мая того же года и т. д.— все это подтверждало вывод о том, что в начале XX в. центр мирового революционного движения переместился в Россию. В стране быстро развивались события, раскрывавшие содержание начавшегося еще в 90-е гг. прошлого века третьего — пролетарского этапа революционно-освободительного движения. Первая русская революция 1905—1907 гг. явилась центральным событием предоктябрьского семнадцатилетия нашего века, «генеральной репетицией», без которой, как писал В. И. Ленин, победа Октябрьской революции 1917 г. «была бы невозможна»².

«Величайшие исторические события происходят в России,— восторженно писал В. И. Ленин в 1905 г. в статье «Начало революции в России» спустя три дня после Кровавого воскресения в Петербурге.— Пролетариат восстал против царизма»³. В другой статье того же года начало революции было определено как «поворотный пункт в истории России»⁴. После трагических событий на Дворцовой площади в Петербурге пролетарское движение в России становилось все шире: распространившись до самых далеких окраин, брожение и недовольство охватило «самые разнообразные и самые отсталые слои общества»⁵. Пролетариат, подчеркивал В. И. Ленин в феврале 1905 г., «впервые противопоставляет себя, как класс, всем остальным классам и царскому правительству»⁶. Мощные волны революционного движения российского пролетариата разбудили к активной освободительной борьбе революционное крестьянство, ставшее надежным союзником рабочего класса в жестокой схватке с общим врагом — буржуазно-помещичьим строем и ненавистным царским самодержавием.

Очень важна мысль Ленина о том, что революционное движение русского пролетариата вызвало национально-освободительное движение нерусских народов Российской империи, «*большие половины, почти три пятых (точно: 57 проц.)*» которых подвергалось национальному угнетению, не пользовалось даже свободой родного языка⁷ и т. д. Сама жизнь, таким образом, создавала обстановку, в которой общность интересов и целей борьбы русского народа и народов национальных окраин рождала и укрепляла революционную сплоченность и интернациональную солидарность. Нетрудно понять, какое важное значение имело это обстоятельство для взаимоотношений на-

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 9—10.

³ Там же, т. 9, с. 201.

⁴ Там же, с. 207.

⁵ Там же, с. 249.

⁶ Там же, с. 251.

⁷ Там же, т. 30, с. 323.

родов, населявших Россию, с одной стороны, и русским народом, с другой, для взаимодействия их культур, для общерусского литературного движения вообще.

Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г., восстание пресненских рабочих Москвы в декабре того же года ознаменовали «высшую точку восходящей линии российской революции»⁸, «высший пункт развития первой рабочей революции против царизма»⁹. За поражением московских рабочих, писал далее Ленин, последовало поражение всей первой революции¹⁰, последовали двенадцать «долгих, мучительных лет самой дикой помещичьей реакции», терзавшей «всех рабочих и крестьян всех народов России»¹¹.

Разгром революции и последовавшая за этим реакция, поразившая все области общественно-политической жизни страны, в том числе и литературу, не смогли свести на нет уроки революции. Во-первых, 1905 г. показал всему миру, «как велико, как грандиозно может быть /.../ напряжение сил пролетариата, если дело идет о том, чтобы бороться за действительно великие цели, бороться действительно революционно!»¹². Во-вторых, рабочий класс и революционное крестьянство России в грозные 1905—1907 гг. получили настоящее боевое крещение, вышли из битвы политически и революционно возмужавшими, закаленными. Вступив в революцию, дремавшая Россия «превратилась в Россию революционного пролетариата и революционного народа»¹³, годы первой русской революции подготовили ряды бойцов, которые победили в 1917 г.¹⁴ В-третьих, революционные события в России оказали огромное революционизирующее влияние на все народы мира и прежде всего, конечно, на национальные окраины самой тогдашней Российской империи, где классовая борьба рабочих и крестьян органически сочеталась с борьбой национально-освободительной.

«Хотя общий ход революционной борьбы в Молдавии протекал в основном так же, как и в России,— пишет молдавский историк Н. А. Мохов,— однако здесь, как и на остальных национальных окраинах России, имелись и некоторые отличительные черты, проистекавшие из особенностей социально-экономического развития края»¹⁵. Первая и одна из наиболее важных особенностей состоит в малочисленности развитого промышлен-

⁸ Там же, с. 321.

⁹ Там же, т. 37, с. 386.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же, т. 30, с. 312.

¹³ Там же, с. 311.

¹⁴ См. Там же, т. 37, с. 387.

¹⁵ Мохов Н. А. Предисловие к книге: Иванов Ю. и Шемяков Д. Революционное движение в Молдавии в 1905—1907 гг. — Кишинев, 1955, с. 3.

ного пролетариата. Хотя размах революционного движения в крае и был велик, для вооруженного восстания, подобно, скажем, московскому, в Молдавии достаточно сил не оказалось¹⁶. Нетрудно понять, что это обстоятельство отрицательно сказалось на всей общественно-политической жизни в крае, на интенсивности и характере борьбы двух культур в молдавской культуре этого периода, на развитии литературного процесса, в том числе и молдавско-русских литературных отношений. В то же время необходимо подчеркнуть, что именно в силу малочисленности и слаборазвитости молдавского пролетариата Кишинев накануне революции 1905—1907 гг. продолжал оставаться городом отсталым в революционном отношении. Это послужило основной причиной того, что царское правительство избрало Кишинев местом политической ссылки русских и украинских революционеров. В конце прошлого века в Бессарабии насчитывалось свыше 180 таких ссыльных, большая часть которых проживала в Кишиневе¹⁷. Причем значительное число политических ссыльных составляли революционные социал-демократы.

Этот момент имеет большое значение для выяснения такого принципиального вопроса, как роль русской и украинской революционной социал-демократии в зарождении социал-демократического движения в Молдавии. Исследователями установлено, что основную массу социал-демократов Кишинева составляли именно русские пролетарии¹⁸, которые были активными проводниками передовых идей русского освободительного движения. Исследователи пишут о прямом влиянии русского революционного движения на развитие рабочего движения в Молдавии. В этом заключается вторая особенность развития революционной борьбы в Молдавии исследуемого периода. Интересная и важная сама по себе, эта специфическая черта заслуживает не меньшего внимания и при выяснении возможных источников и каналов влияния прогрессивной русской культуры и литературы на бессарабскую общественность.

В этом плане представляет интерес работа библиотек самых разных категорий (частных, училищных, городских и сельских народных и общественных), имевшихся не только в Кишиневе, но и в Бельцах, Оргееве, Сороках, Хотине, во многих сельских населенных пунктах тогдашней Бессарабии, а также их место и роль в социал-демократическом и революционном движении, которое оказывало значительное влияние на интенсивность и характер молдавско-русских литературных

¹⁶ См.: *Иванов Ю. и Шемяков Д.* Революционное движение в Молдавии в 1905—1907 гг.— Кишинев, 1955, с. 148.

¹⁷ См.: Там же, с. 31.

¹⁸ Там же.

связей предоктябрьского периода вообще и в годы первой русской революции в особенности¹⁹.

Создание Кишиневской народной бесплатной библиотеки-читальни связано с социал-демократическим движением в крае. Библиотека была организована по инициативе преподавателей воскресной школы, которой руководила Теофилия Дорошевская, член местного социал-демократического кружка²⁰. Члены этого кружка постоянно работали в библиотеке. Большое влияние на деятельность библиотеки оказывал созданный в декабре 1902 г. Кишиневский комитет РСДРП.

Народная бесплатная библиотека-читальня была тесно связана с Кишиневской публичной библиотекой, которая располагала гораздо большими возможностями политического и идейно-художественного воздействия на читателей, уделяла значительное внимание дифференцированному социальному анализу состава читателей. В публичной библиотеке велся дополнительный учет читателей по месту их жительства в верхней и нижней части Кишинева. В верхней части жили имущие слои населения, в нижней — городская беднота²¹. И если до конца XIX в. Кишиневская публичная библиотека играла преимущественно культурную роль в жизни края, то в канун первой русской революции и во время революционных событий она начинает играть и общественно-политическую роль. Библиотека «являлась не только местом встречи участников революционного движения, но и местом пропаганды и распространения политической литературы»²². Не случайно она, как и народная бесплатная библиотека, пользовалась особым вниманием со стороны «охранителей порядка», находилась под надзором полиции.

Значение изложенных фактов детальнее раскрывается при соотнесении их с конкретными событиями социал-демократического и революционного движения в крае.

В силу экономической отсталости Бессарабии социал-демократическое движение в крае возникает с некоторым опозданием по сравнению с центральными районами России²³. Тем не менее и здесь произошли события, которые свидетельствуют о быстром вовлечении Бессарабии в политическое и революционное движение России, составной частью которой она являлась.

Несмотря на относительно незначительную численность населения, отсталость (по сравнению, скажем, с соседней Одесой или с Харьковом, Киевом, не говоря уже о Петербурге) в

¹⁹ См.: *Ганенко П.* История Кишиневской публичной библиотеки, 1830—1917.— Кишинев, 1966; *Киртока А.* Кишиневская народная бесплатная библиотека-читальня, 1896—1909; Из истории развития библиотечного дела в Молдавии.— Кишинев, 1961.

²⁰ См.: *Киртока А.* Указ. соч., с. 24.

²¹ См.: *Ганенко П.* Указ. соч., с. 101.

²² *Ганенко П.* Указ. соч., с. 83.

²³ См.: *Иванов Ю. и Шемяков Д.* Указ. соч., с. 31.

революционном развитии, Кишинев в начале нашего столетия становится центром социал-демократического движения в крае. В Кишиневе были сосредоточены и основные силы местной прогрессивной интеллигенции, революционно настроенной молодежи, обучавшейся в местных учебных заведениях, а также университетах страны и Западной Европы²⁴. Создание здесь рабочих кружков, затем социал-демократической группы, постепенное расширение революционно-агитационной деятельности, рождение стачечной борьбы, забастовочное движение весной 1901 г., образование летом этого же года «Группы объединенного протеста» искровского направления, наконец, создание в апреле 1901 г. первой в России подпольной типографии ленинской газеты «Искра» — вот факты и события, характеризующие Бессарабию и ее столицу в канун революции 1905 г. К ним же следует отнести первую в Молдавии политическую демонстрацию рабочих и учащихся Кишинева в сентябре 1901 г. в связи с проводами ссыльного социал-демократа Домбровского и объявление Кишинева «на положении усиленной охраны»²⁵, распространение ленинских трудов, общественные волнения вследствие разгрома в марте 1902 г. кишиневской подпольной типографии «Искры» и состоявшегося в ноябре следующего года в Одессе судебного процесса над работниками типографии, нелегальные маевки как новое явление в рабочем движении в Молдавии, перерастание стачечной борьбы рабочих отдельных предприятий в стачечную борьбу отдельных профессий с выдвижением совместных требований предпринимателям, создание в декабре 1902 г. Кишиневского комитета РСДРП и т. д.

Русская революция 1905 г. вызвала в Молдавии заметный подъем общественного движения. Наряду с пролетариатом в революционных выступлениях участвовали крестьянство, демократически настроенная интеллигенция, учащаяся молодежь, солдаты, кустари и ремесленники²⁶, что подтверждало буржуазно-демократический характер первой русской революции. Августовская всеобщая политическая забастовка кишиневского пролетариата и полупролетарских слоев как наиболее важное событие лета 1905 г. свидетельствовала о развитии революционного движения²⁷. Забастовка рабочих-железнодорожников и печатников Кишинева, Бендер, Бельц, Тирасполя в октябре 1905 г. как отзвук октябрьской всеобщей политической забастовки в России озаменовала одну из высших точек революционного движения в крае, ибо события декабря, как уже отмечалось раньше, не переросли в вооруженное восстание. Тем не менее революционное движение в крае продолжало раз-

²⁴ Там же.

²⁵ См.: Там же, с. 48.

²⁶ Там же, с. 129.

²⁷ Там же.

виваться среди крестьян. В 1906 г. крестьянскими волнениями были охвачены все уезды тогдашней Бессарабии. В 1906—1907 гг. в Молдавии было зафиксировано свыше 50 крестьянских выступлений против местных помещиков и царских властей²⁸.

Как подчеркивал В. И. Ленин в статье «Доклад о революции 1905 года», рабочее движение в тогдашней России вызвало национально-освободительное движение населявших ее народов. Применительно к Молдавии очень важно подчеркнуть следующее: в силу того, что здесь было мало русских помещиков, что местные революционные социал-демократы «вели большую систематическую работу по разоблачению как великодержавного русского шовинизма, так и местного национализма, воспитывая трудящихся в духе пролетарского интернационализма», в крае «не было заметного национального антирусского движения»²⁹.

Разумеется, было бы антинаучно подгонять факты и события общественно-политического характера под умозрительную схему развития культурного и литературного движения. Литература как общественное явление не есть зеркальное отражение окружающей действительности, а идеологически обусловленное и опосредованное воспроизведение этой действительности по специфическим законам ее эстетического освоения. В свою очередь, литературные связи как явление, не имеющее самостоятельного бытия и выступающее как составная часть данного литературного процесса в его сложных прямых и опосредованных контактах с литературами других народов, бесспорно подчиняются основным закономерностям и тенденциям данного литературного процесса. На этих связях, как и на литературном движении в целом, отражается вся сложность общественно-политической и духовной жизни народа. В этом плане упомянутое выше принципиально важное положение об отсутствии в предоктябрьской Молдавии выраженного национального антирусского движения имеет прямое отношение к вопросу о молдавско-русских литературных связях исследуемого периода вообще и развития русскоязычной литературы Бессарабии в частности. На литературной жизни в крае сказывалась общественно-политическая атмосфера. И факты, относящиеся к революционному движению в Бессарабии, проясняют, конкретизируют общий фон литературной жизни, развития молдавско-русских связей.

Только выяснив, какие произведения и каких русских писателей имелись в бессарабских, и в частности кишиневских библиотеках, общественное и культурное бытие этих произведений, степень их участия в политической и духовной жизни

²⁸ См.: *Иванов Ю. и Шемяков Д.* Указ. соч., с. 129.

²⁹ *Мохов Н. А.* Указ. соч., с. 5.

общества, можно понять, каким образом собственно литературные факты могут активно способствовать прогрессивному поступательному движению общества.

Конечно, роль в жизни бессарабской общественности таких русских писателей, как Толстой, Горький, Чехов, Короленко, Л. Андреев, борьба мнений вокруг их личностей, творчества, общественной деятельности и т. д. нашли то или иное отражение в местной периодической печати³⁰. Именно на материалах периодической печати написаны отдельные главы настоящей книги. Тесная связь литературных явлений с общественно-политическим движением, одна из наиболее важных особенностей исследуемого периода, нашла свое отражение и в том, что в бессарабской периодической печати в эти годы огромное внимание уделялось остросоциальной и политической публицистике русских писателей. Но это, как нетрудно понять, далеко не все о распространении русской литературы в предоктябрьской Бессарабии, ее популярности среди местных читателей.

Значительно восполнить эту картину помогают сохранившиеся годовые отчеты кишиневских городских библиотек. Основное преимущество этих отчетов заключается в том, что в них по каждому разделу, в том числе и художественной литературы, отражено ежегодное количество читательских запросов (в читальне и по абонементу) на произведения того или иного писателя. Зачастую читательские вкусы довольно противоречивы.

Особо следует сказать о популярности такого русского писателя, как Л. Андреев. В разные годы в различных газетах тогдашней Бессарабии («Бессарабская жизнь», «Бессарабское обозрение», «Южный край», «Бессарабские губернские ведомости», «Бессарабец») печатались многие его рассказы и очерки («Неосторожность», «Орешек», «Негодяй», «Фальшивый рубль и добрый дядя», «Иван Иванович», «Татьянин день», «Покой»), в местных театрах ставились его пьесы «Анатэма», «Дни нашей жизни» и др. Другая сторона его популярности раскрывается при анализе работы упомянутых кишиневских библиотек³¹. Прочную славу Л. Андрееву принесла книга «Рассказы» (т-во «Знание», 1901). Резкий спад читательского интереса к его творчеству в 1905, 1906 и 1907 гг. можно объяснить глубочайшим социальным пессимизмом его произведений. Мотивы социального и духовного одиночества человека, настрое-

³⁰ Необходимо учесть, что в Бессарабии на всем протяжении предоктябрьского семнадцатилетия легальной прогрессивной печати не было (исключение составляет «полевенение» отдельных газет, «Бессарабской жизни», например, в разгар первой русской революции).

³¹ См.: Отчеты Кишиневской городской общественной библиотеки за 1903—1911 гг. — Кишинев, 1905—1911.

ние всеобщего краха, катастрофизма и т. д. могли отпугнуть на какое-то время определенную часть его читателей и почитателей.

Трагическое восприятие Л. Андреевым разгрома революции как общего краха человеческих идеалов импонировало той части интеллигенции, которая, как и сам писатель, в условиях политической, общественной и идейной реакции была охвачена унынием, безысходностью, пессимизмом. Большой и оригинальный талант Л. Андреева оказался фактически на службе реакции, при этом самая большая опасность заключалась в громадной силе идейно-психологического воздействия андреевского таланта на читателя.

Важно подчеркнуть, что именно в разгар реакции местная литературно-критическая мысль оказала более чем упорное противодействие андреевскому отрицательному влиянию на умы и сердца читателей. Речь идет о серии статей одного из ведущих бессарабских критиков этого периода С. Ноева, опубликованных в газете «Бессарабская жизнь» и целиком или частично посвященных личности и творчеству Л. Андреева³².

Исключительно интересна и содержательна статья с широко распространенным в то время названием «По поводу» (статья была опубликована в 1908 г. по поводу исполнения десятилетия литературной деятельности Л. Андреева). Творческая эволюция Л. Андреева показана С. Ноевым как незаметный переход от простого неприятия мира к проповеди активного отказа от жизни. «Великий инквизитор, подверг он мучительной пытке жизнь, и она этой пытки не выдержала и скончалась. А взамен ее пришла избавительница — смерть»³³.

Определяя специфические черты и особенности творчества Л. Андреева, бессарабский критик в отдельных местах разделяет мнение, высказанное М. Горьким и тогдашними марксистскими критиками прежде всего А. Луначарским. Это особенно заметно в последней части статьи. «Эмиссарам смерти» автор противопоставляет тех, в чьих сердцах «вулканически бурлит чувство борьбы, гнева и мести». Чтобы наглядней и убедительней раскрыть содержание своей фразы о социальном протесте, живущем в народных низах, усилить идейно-психологическое воздействие своей статьи на читателя, автор прибегает к помощи великого горьковского авторитета, цитируя следующие замечательные слова из статьи «О цинизме», напечатанной в сборнике «Литературный распад».

³² Ноев С. Власть тьмы.— Бессарабская жизнь, 1908, 3/16 января; Он же. Он проклинает...— Там же, 30 марта; Он же. По поводу.— Там же, 13/26 апреля; Он же. Трагедия личности и смерть в текущей беллетристике.— Там же, 25 апреля; Он же. Перед лицом рока (Л. Андреев. «Дни нашей жизни»).— Там же, 1909, 1 января.

³³ Бессарабская жизнь, 1908, 13(26) апреля.

«Медленно, но неуклонно,— писал в этом отрывке М. Горький,— растет в народе самосознание, загорается солнце социальной справедливости, и под дыханием грядущей весны заметно тает холодный и тяжкий покров лицемерия и предвзвешенности, бесстыдно обнажается уродливый остов современного общества — тюрьмы человеческого духа.

Миллионы глаз сверкают радостным огнем, всюду сверкают молнии гнева, освещая веками накопленные тучи глупости и ошибок, предубеждений и лжи; мы — накануне праздника возрождения народных масс»³⁴.

Статья С. Ноева публиковалась в самый разгар реакции. Но как раз из этого и вытекает ее бесспорное значение. Автор правильно интерпретировал одно из наиболее сложных и противоречивых явлений русской литературы начала XX в., каким является творчество Л. Андреева.

Анализ годовых статистических отчетов Кишиневской городской библиотеки свидетельствует о том, что по количеству читательских запросов на первом месте стоял великий русский писатель Л. Н. Толстой. Его произведения ежегодно спрашивались в среднем не менее 600 раз. За ним следуют М. Горький, Ф. М. Достоевский и И. С. Тургенев: средняя цифра ежегодных читательских запросов — не менее 300. Свыше 100 раз спрашивались произведения Н. В. Гоголя, И. Гончарова, А. И. Куприна, А. П. Чехова.

Если рассматривать читательские запросы в динамике, то обнаруживается, что интерес к таким великим русским писателям, как Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский и М. Горький, понижался как раз в годы наибольшего подъема общественного движения в Бессарабии³⁵. На первый взгляд это может показаться парадоксальным: трех величайших русских писателей стали читать меньше именно в бурные революционные годы. Однако как раз крутые водовороты событий и могли отвлечь на некоторое время определенную часть читателей и втянуть их в общественное движение. Что касается Л. Н. Толстого и М. Горького, то часть читателей могла отойти от них по диаметрально противоположным причинам: от Толстого отошла прогрессивно настроенная интеллигенция в силу неприятия писателем революции, от Горького же демонстративно отвернулась консервативная часть бессарабских читателей, убедившаяся в окончательном его переходе на позиции революционного пролетариата.

Упомянутый уже «Каталог Кишиневской городской общественной библиотеки» свидетельствует о том, что одна только эта библиотека располагала тысячами книг свыше чем 50 ав-

³⁴ Бессарабская жизнь, 1908, 13(26) апреля.

³⁵ См.: Отчеты Кишиневской бесплатной народной библиотеки-читальни за 1903—1911 гг. — Кишинев, 1905—1911.

торов, в том числе и наиболее выдающихся представителей русской классической литературы³⁶.

Исключительным спросом у кишиневского читателя, это подтверждают годовые отчеты библиотеки, пользовались сборники горьковского товарищества «Знание», выходившие с 1904 г., их тиражи в отдельные годы достигли больших размеров. Так, если в 1905 г. на сборник было 178 запросов, то в 1907 — 581, в 1909—614, в 1911—633.

«На страницах „знаниевских“ изданий получали освещение важнейшие события эпохи, процессы революционной ломки и брожения, охватившие страну. Полнее и смелее, чем какое-либо другое художественное объединение, „знаниевцы“ откликнулись на ход рабочего движения; на перемены в деревне, в армии, в городских низах и в привилегированных классах, на события русско-японской войны и первой русской революции. Эта литература следовала по горячим следам истории и стремилась запечатлеть все, что происходило тогда в России, вплоть до прямого, схваченного с натуры изображения забастовок, демонстраций, восстаний, баррикадных боев»³⁷. Всего этого в литературе самой Бессарабии (как на молдавском, так и на русском языках) не было. В условиях Бессарабии литература отразила только элементы общедемократической борьбы, в то время как классовая, революционная борьба местного пролетариата не нашла своего художественного воплощения. Сборники товарищества «Знание» восполняли этот существенный пробел в местной литературе, удовлетворяя потребности в таких произведениях наиболее прогрессивной части бессарабской интеллигенции. Она составляла основной костяк читателей «знаниевской» литературы и представляла в то же время того **нового** читателя, «читателя-друга», о котором мечтал М. Горький. «Великое, брат, явление,— писал М. Горький Н. Телешову в 1903 г.,— этот «новый» читатель, поглощающий книги действительно как пищу духовную, а не как приправу к скучной и серой жизни»³⁸.

³⁶ Несколько примеров в алфавитном порядке: В. Гаршин — 3 т.; Н. Гоголь — несколько многотомных изданий; И. Гончаров — полное собрание сочинений в 9-ти т.; М. Горький — 4 т. изд. 1899 г. и 5-томное издание 1900 г.; А. Грибоедов — два полных собрания сочинений; Ф. Достоевский — пять полных собраний сочинений (в том числе в 12, 14 и 24-х т.), много отдельных произведений; В. Жуковский — 9 изданий; В. Короленко — «Очерки и рассказы» изд. 1893 г.; Н. Лесков — 17 изданий, одно — в 10-ти т.; А. Писемский — 10 изданий, одно — в 24-х т.; А. Пушкин — три издания, одно — полное, в 6-ти т.; М. Салтыков-Щедрин — 27 изданий, одно — в 9-ти т.; Л. Толстой — 6 изданий, одно — в 11-ти т.; И. Тургенев — 7 изданий, одно — полное в 10-ти т.; Г. Успенский — 10 изданий; А. Чехов — 7 изданий, одно — в 10-ти т. Внушительное количество произведений С. Аксакова, К. Батюшкова, П. Вяземского, Н. Гнедича, Г. Державина, Н. Златовратского, А. Кольцова, И. Крылова, В. Курочкина, Д. Маммина-Сибиряка, И. Никитина, К. Рылеева и др.—См.: Каталог Кишиневской городской общественной библиотеки.— Бендеры, 1904.

³⁷ История русской литературы: В 3-х т.—М., 1964, т. 3, с. 753.

³⁸ Архив А. М. Горького, т. VII.—М., 1959, с. 37.

Такой читатель формировался и в предоктябрьской Бессарабии. Он складывался как под влиянием конкретной общественно-политической ситуации в крае, так и под воздействием русской литературы. Именно этот новый читатель, появившийся из демократических слоев населения, из народных низов, прежде всего и интересует нас при изучении вопроса о распространении русской литературы в предоктябрьской Бессарабии. Именно он сидел в редкие часы досуга в зале народной бесплатной библиотеки-читальни или отдавал последний рубль, чтобы получить в платной Кишиневской городской общественной библиотеке Пушкина, Гоголя, Толстого, Горького или сборники товарищества «Знание».

События первой русской революции вызвали значительное оживление литературной жизни на национальных окраинах страны, связанное с ослаблением цензуры, появлением и развитием печати на национальных языках, подъемом национально-освободительного движения и т. д.

Несмотря на сильное ослабление и истощение национальных традиций в молдавской литературе дооктябрьской Бессарабии вследствие руссификаторской политики царизма, угнетения и притеснения национальной культуры и национального языка, в период революции 1905—1907 гг. заметное оживление наблюдается и в культурной жизни Бессарабии. Это подтверждают появление первых газет и журналов на молдавском языке, становление национальных писателей и т. д. Своеобразным откликом на революционные события в крае и главным образом на крестьянские волнения явилось поэтическое творчество молдавских стихотворцев этого периода Тудосе Романа, Серджиу-Виктора Кужбэ, Василия Оату (Мошу Василе) и особенно Алексея Матеевича, наиболее талантливого молдавского поэта предоктябрьской Бессарабии. Все они формировались как творческие личности под сильным влиянием русской литературы.

В отличие от других национальных окраин тогдашней России в Бессарабии литература на национальном, молдавском языке не получила большого развития. Ее достижения в области поэзии воплощены в творчестве Алексея Матеевича. Однако проза не представлена по существу ни одним писателем. Не получила развития драматургия, литературная критика и т. д. Зато, как бы компенсируя эти громадные потери в молдавской литературе предоктябрьской Бессарабии, в крае довольно интенсивно развивалась художественная литература и литературная критика на русском языке.

При изучении русскоязычной литературы Бессарабии в центре внимания стоит вопрос об отношении этой литературы к основным проблемам эпохи, в частности к первой русской революции. В процессе разысканий выявляется общерусский характер ведущих тенденций литературного развития в пред-

октябрьской Бессарабии с их заметным преломлением в местном литературном процессе. Например, здесь более упрощенно предстает картина литературного развития. В отличие от русской литературы, где в начале XX в. наблюдается сложнейший и уникальнейший процесс взаимодействия трех направлений: критического реализма, социалистического реализма и модернизма³⁹, где параллельно или сменяя друг друга, развивались рабочая революционная поэзия, поэзия революционного романтизма, новокрестьянская поэзия, с одной стороны, символизм, «младосимволизм», акмеизм, футуризм и т. д., с другой стороны, в Бессарабии литературный процесс был далеко не таким богатым и противоречивым. Важным моментом нам представляется выявление в местной русскоязычной поэзии (в отличие от поэзии на молдавском языке) отдельных образцов революционно-романтической и революционно-пролетарской поэзии.

При изучении этого литературно-художественного материала основной методологической предпосылкой служит известное ленинское положение об интернационализации общественно-политической, экономической, культурной и т. д. жизни как одна из главных тенденций капиталистического развития на стадии империализма. В таком «контексте» местная русская литература, которая создавалась представителями разных национальностей предоктябрьской Бессарабии, в том числе и молдаванами, должна рассматриваться как специфическая форма общения разнонациональной прогрессивной творческой интеллигенции.

В прошлом столетии молдавско-русские литературные связи развивались под влиянием русских писателей на писателей молдавских⁴⁰. В предоктябрьской Бессарабии, в силу крайней малочисленности собственно молдавских писателей, литературные связи находят свое воплощение не в отдельных конкретных именах (счастливое исключение составляет, пожалуй, А. Матеевич), а, как уже было отмечено ранее, в комплексном влиянии русской литературы на бессарабскую прогрессивную общественность. Иными словами, разговор в основном идет о месте русской литературы в общественно-политической и культурной жизни края, о ее значении в формировании передового общественного мнения, в идейно-эстетическом и художественном воспитании местного читателя. Это одна из особенностей молдавско-русских литературных связей предоктябрьского семнадцатилетия.

Вниманию читателя предлагается не история молдавско-

³⁹ Келдыш В. А. Русский реализм начала XX века.— М., 1975, с. 10.

⁴⁰ Подробно об этом см.: Очерки молдавско-руско-украинских литературных связей (с древнейших времен до середины XIX века).— Кишинев, 1978; Молдавско-руско-украинские литературные связи второй половины XIX в.— Кишинев, 1979.

русско-украинских литературных связей в предоктябрьской Бессарабии, естественным образом предполагающая хронологически стройное, поэтапно последовательное и относительно полное освещение проблемы, а очерки, «избранные места» из общей и сложной картины, объединенные одной главной идеей — идеей первой русской революции. Они призваны составить у читателя представление о главных «компонентах» исследуемого явления, их общественном содержании и значении. Наконец, изучение молдавско-русских литературных связей в предоктябрьской Бессарабии предполагает исследование литературного процесса в крае в наиболее значительных особенностях его развития. Картина молдавско-русских литературных связей этого периода отражает литературное движение в крае в его основных чертах и тенденциях развития. Это еще одна особенность молдавско-русских литературных связей в Бессарабии предоктябрьского семнадцатилетия.

Глава 2

Л. Н. Толстой и общественно-литературная борьба в предоктябрьской Бессарабии

Будущий автор «Войны и мира» впервые посетил Бессарабию в марте 1854 г. Молодой граф, подпоручик артиллерии Лев Толстой следовал через наш край на военную службу в Дунайскую армию, штаб которой располагался в Бухаресте¹. К этому времени передовая литературная общественность России знала его как автора первой части трилогии «Детство. Отрочество. Юность».

Прослужив около полугода в Бухаресте, 3 сентября того же года Л. Толстой пересек вместе с артиллерийским корпусом границу на р. Прут у м. Скуляны (47, 3). В Скулянах Л. Толстой находился и 4-го сентября, 7-го сентября он прибыл в Калараш.

Из дневника писателя узнаем о тогдашнем его настроении. «Здоровье и расположение духа хорошо. Непринужденность и скромность, к которым я стараюсь приучить себя, начинают оказывать на меня свое благое влияние — мне легко» (47, 25). И далее следует «заповедь», которую впоследствии можно бу-

¹ См. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90-та т.—М., 1957, т. 20, с. 37—38. В дальнейшем том и страница этого издания даются в скобках.

дет встретить буквально в каждой записи на протяжении многих дней пребывания Толстого в этих краях: «Важнее всего для меня исправление от лени, раздражительности и бесхарактерности» (47, 25).

9 сентября 1854 г. Толстой записал в своем дневнике о прибытии в г. Кишинев (47, 25). Пребывание Толстого в Кишиневе — непродолжительный, но знаменательный эпизод в жизни великого русского писателя. Из Кишинева он писал Н. А. Некрасову и родным, с Кишиновом связаны его интересные замыслы и проекты.

Именно в Кишиневе у Толстого родилась мысль о создании «Общества для содействия просвещению и образованию среди войск». По-видимому, это было связано со стремлением прогрессивного русского офицерства стать ближе к простому люду, одетому в солдатские шинели, распространять в их обездоленной, темной среде свет грамоты.

Жизнь проекта оказалась недолгой: неожиданно пять из семи офицеров, недавно разделявших идею создания «Общества», отказались от ее реализации (47, 37). Вначале Л. Толстой воспринял их отказ с недоумением и огорчением. Вскоре, однако, выяснилось, что они увлеклись новым проектом, так же вызванным к жизни заботой о судьбе простых солдат. Об отношении Толстого к новому плану, о первых кишиневских впечатлениях узнаем из его письма к Т. А. Ергольской от 17 октября 1854 г.: «Лучше расскажу вам,— писал Лев Николаевич,— о более для меня приятном. Во-первых, мы в Кишиневе уже скоро 6 недель: город провинциальный, красивый, очень оживленный по случаю приезда великих князей Николая и Михаила. Жизнь протекает спокойно, в удовольствиях и в ожидании известий из Крыма... С некоторого времени я занят одним начинанием, о котором я вам расскажу, только ежели оно удастся; работаю я с большим удовольствием, потому что это вещь действительно полезная» (подчеркнуто мною. — С.П.) (59, 278—279).

Под этим «начинанием», как оказалось впоследствии, подразумевался журнал, который должен был называться «Солдатский вестник» или «Военный листок». В журнале, по замыслу Толстого и его товарищей, должны были быть официальная и неофициальная части. В последней предполагалось помещать современные и исторические рассказы из военного быта, солдатские песни и т. д.

«Мы хотели основать «Листок», — писал Л. Н. Толстой Н. А. Некрасову,— по цене и по содержанию доступный всем сословиям военного общества, который бы, избегая всякого столкновения с существующими у нас военно-официальными журналами, служил бы только выражением духа войска» (59, 296).

К сожалению, и этому плану не было суждено осуществиться: петербургские власти отклонили проект журнала, ссылаясь на существование газеты «Русский инвалид».

Различные планы и замыслы не мешали Л. Толстому постоянно думать о драматических событиях, происходивших в это время в Крыму, куда молодой офицер настойчиво добивался перевода. 1 ноября 1854 г. его мечта осуществилась: мужественным защитникам Севастополя из Бессарабии было послано подкрепление, с которым отправился и Толстой. С Бессарабией, с Кишиневом он расстался навсегда, но места эти будет неоднократно вспоминать до последних дней жизни.

Последнее десятилетие жизни Льва Толстого началось под знаком бесконечно позорного для русской православной церкви события, каким явилось печально известное определение Святейшего синода от 20—22 февраля 1901 г. об отлучении писателя от церкви.

Именно в последние десять лет жизни великого писателя значительно обострилась борьба вокруг него. В этот период с особой силой проявились противоречия между Л. Толстым и господствовавшими классами страны. Вопреки реакционной сущности своей религиозно-морализаторской проповеди, Л. Толстой расшатывал устои самодержавия и буржуазно-помещичьего строя тогдашней России. Эта колоссальная роль Толстого в общественно-политической жизни страны и имелась в виду, когда говорилось о существовании в России начала нынешнего столетия двух царей, одним из которых, причем неизмеримо более могущественным, был Лев Толстой².

Обличительный пафос Толстого особенно характерен не только для его публицистических выступлений последних лет жизни, но также для больших художественных произведений, в частности, романа «Воскресение». Толстой и до кризиса начала 80-х гг. расходился с официальной моралью верхов, разоблачал ее антинародную сущность. В произведениях 80—90-х гг. (пьесах «Власть тьмы», «Плоды просвещения»; повестях «Смерть Ивана Ильича», «Отец Сергей», «Крейцера соната») возрастала антипомещичья, антидворянская критика Толстого.

Роман «Воскресение», появившийся на самом рубеже двух столетий, стал кульминацией в идейно-нравственной эволюции великого писателя. Ни в одном из произведений Л. Толстого, как справедливо пишут исследователи, критика буржуазно-помещичьего строя не достигала такой огромной силы, как в «Воскресении». Ни в одном из своих предшествующих произведений Л. Толстой так беспощадно не разоблачал буржуазно-помещичье государство, церковь, буржуазную мораль, как в этом романе.

Выход в 1899 г. романа «Воскресение», на страницах кото-

² См.: Дневник А. С. Суворина. — М., П., 1923, с. 63.

рого под мрачной личиной Топорова был показан тогдашний обер-прокурор синода Победоносцев, ускорил развязку — великий писатель был отлучен от православной церкви. Современники Толстого имели веские основания видеть в его отлучении и личную месть Победоносцева своему непримиримому врагу. Но истинная цель отлучения состояла, конечно, в том, чтобы совместными усилиями церковных и светских властей скомпрометировать величайшего писателя и мыслителя, расправиться с ним.

Горячий, по словам В. И. Ленина, страстный протест Толстого против государства и полицейски-казенной церкви, чиновничьего произвола и грабежа, церковного иезуитизма, обмана и мошенничества³, неминуемо ставили Толстого вне тогдашнего общественного строя и вне православной церкви. В то же время его «мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника»⁴ делали великого писателя неприкосновенным. Выслать его из страны или сослать в далекую Сибирь царские власти не решались, поэтому они действовали более коварными методами — через высшие церковные инстанции. То, что назревало постепенно и тайно долгое время, в феврале 1901 г. стало явным.

24 февраля, когда в церковной печати было опубликовано пресловутое определение синода, было обнародовано также распоряжение Главного управления по делам печати под № 1576, категорически запрещающее появление в печати сведений и статей, относящихся к постановлению синода. Это распоряжение явилось саморазоблачением тогдашних правительственных кругов, которые не просто поддерживали жестокое преследование великого писателя и мыслителя со стороны высших церковных властей, но фактически выступали с ними единым фронтом в борьбе против Л. Толстого.

«Русскому телеграфу,— отмечал В. Г. Короленко в связи с отлучением Толстого,—кажется, приходится в первый раз еще со времени своего существования передавать такое известие. «Отлучение от церкви», передаваемое по телеграфной проволоке, парадокс, изготовленный историей к началу XX века»⁵.

Этот исторический парадокс приобрел значение одного из наиболее крупных событий общественно-политической жизни России начала нынешнего столетия. Оно не осталось незамеченным и в предоктябрьской Бессарабии.

Через некоторое время после опубликования определения синода в «Церковных ведомостях при Святейшем правительствующем синоде» оно стало известно и читателям «Бессарабских губернских ведомостей». «Определение Святейшего си-

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 20.

⁴ Там же, с. 19.

⁵ Цит. по кн.: Петров И. Г. Отлучение Льва Толстого.— М., 1964, с. 6.

нода от 20—22 февраля 1901 г., № 557, с посланием верным чадам Православные Греко-российские Церкви о графе Льве Толстом» было напечатано в 48-м номере этой газеты от 1 (14) марта 1901 г.

В послании выпяченным и намеренно запутанным языком говорилось о хуле и нападениях, которые изначала терпела церковь от «многочисленных еретиков и лжеучителей, которые стремились ниспровергнуть ее и поколебать в существенных ее основаниях», о том, что «все силы ада не смогут одолеть церкви святой» и что она «пребудет неодоленною вовеки»⁶.

Это, однако, было лишь прологом, подготовкой к нанесению основного удара по одному из самых опасных «еретиков и лжеучителей» — по Л. Н. Толстому. Лицемерно называя Толстого «известным миру писателем», авторы определения всячески стремились опорочить его имя, подорвать его популярность в широких народных массах, вызвать к нему ненависть церковных фанатиков, говорили о дерзком восстании Толстого «в прельщении гордого ума своего» против бога и церкви, о том, что писатель проповедует ниспровержение всех догматов православной церкви и самой сущности веры христианской.

Церковники явно противоречили себе, когда отлучали от церкви человека, который, как говорилось в определении синода, «сознательно и намеренно отторг себя сам от всякого общения с Церковию Православною». В этом «самоотторжении» Толстого от православной церкви наиболее опасным, по мнению авторов определения, был момент «соблазна» для других верующих бесстрашного бунта против лицемерия церковников.

Среди семи высших церковных сановников, подписавших определение синода, был и «смирренный» Иаков, тогдашний епископ Кишиневский и Хотинский, хорошо известный читателям бессарабской газеты.

С 1803 г. представителей высшего духовенства вызывали для участия в синоде по личному выбору и усмотрению обер-прокурора синода. Бессарабия в начале XX в. была заповедником махровой реакции. В ней жили не только безземельные, угнетенные крестьяне, но и самые богатые и самые реакционные помещики России: Пуришкевич, Крушеван, Крупенский, Синадино и др. Они оказывали большое влияние на правительственные круги. Принадлежавший к наиболее реакционному крылу церковников кишиневский епископ Иаков являлся в то же время ставленником бессарабских помещиков в Святейшем синоде. Поэтому его приглашали для участия в «святейшем судилище». Вот почему «Кишиневские епархиальные ведомости» так рьяно пропагандировали злобные измышления всероссийской реакции о Л. Толстом.

⁶ Бессарабские губернские ведомости, 1901, 1(14) марта.

Как известно, первым откликом на отлучение явилось письмо жены писателя Софьи Андреевны Толстой митрополиту Антонию и обер-прокурору синода Победоносцеву, написанное сразу же после опубликования определения. Как само письмо, так и подробности, связанные с его появлением в печати, нашли отражение и в бессарабской прессе.

Письмо С. А. Толстой было опубликовано в «Бессарабских губернских ведомостях» 29 марта 1901 г. В нем выражалось беспредельное «горестное негодование» против жестокого распоряжения синода, само же определение было названо бумагой. Она писала также о бессмысленном секретном указании синода священникам не отпевать в церкви Толстого в случае его смерти и т. д. Определение синода, по словам С. А. Толстой, вызвало «негодование в людях и большую любовь и сочувствие Льву Николаевичу. Уже мы получаем такие изъявления, и им не будет конца со всего мира»⁷.

О событиях, предшествовавших появлению в печати письма С. А. Толстой, рассказала «Петербургская газета» в номере от 27 марта 1901 г. Только благодаря этим событиям и смогла быть обнародована полемика между графиней С. А. Толстой и митрополитом Антонием. Они также были освещены в бессарабской печати. «Бессарабские губернские ведомости» от 31 марта 1901 г. перепечатали из упомянутой «Петербургской газеты» рассказ близкого к синоду протоиерея Ф. Н. Орнатского о том, почему обнародовано письмо гр. Толстой.

«Обнародование письма графини С. Толстой и ответа на него его преосвященства митрополита Антония,— сообщала своим читателям кишиневская газета,— имело свои веские и более чем уважительные причины, так как письмо графини стало очень широко распространяться в публике — и не только в заграничных газетах и ходивших по рукам рукописных переводах, что не было бы еще таким широким распространением. Распространялись еще до появления в заграничной печати гектографические копии и не перевода, а подлинника письма, т. е. черновика его, и распространялись в огромном количестве экземпляров. Один экземпляр такой копии был получен и у нас в Экспедиции изготовления государственных бумаг. Сним я и поехал к его преосвященству. Владыка сверил копию письма с подлинником, она оказалась тождественной. Тогда-то и решено было, в виде противодействия распространению одностороннего мнения, обнародовать как письмо графини, так и ответ владыки. Сперва оба эти документа были изготовлены на гектографе и раздавались в синоде, а затем уже решено было напечатать их в прибавлении к «Церковным ведомостям» (подчеркнуто мною.— С. П.)⁸.

⁷ Бессарабские губернские ведомости, 1901, 29 марта.

⁸ Там же, 31 марта.

Все эти события, отмечал академик АН МССР И. К. Вартичан, «определили отношение молдавской общественности к личности и творчеству Л. Н. Толстого. Так, официозная часть сразу же ополчилась против великого писателя. Был организован ряд лекций и бесед о Л. Н. Толстом. Буквально на второй же день после появления на страницах печати определения синода духовная семинария «предложила беседу на тему «О духоворах и о влиянии на них учения Л. Н. Толстого», которая так и не состоялась по болезни (?) лектора. Более того, в «Кишиневских епархиальных ведомостях» было опубликовано объявление, в котором перечислялись «важнейшие сочинения против лжеучения графа Л. Н. Толстого» в количестве 17 названий книг с указанием подробного адреса книжного магазина, откуда можно их выписывать»⁹.

В необузданной, жестокой и бесстыдной травле Л. Н. Толстого особенно усердствовал Амвросий, архиепископ Харьковский и Ахтырский. Именно его речь «О делателях на жатве «Божией», опубликованная в церковном журнале «Вера и разум» и в других изданиях и перепечатанная «Кишиневскими епархиальными ведомостями», послужила поводом к одному из первых откликов ленинской «Искры» на отлучение великого писателя от церкви.

Опасность проповеднической деятельности Л. Толстого, по мнению Амвросия, заключалась в том, что «в сумме его заблуждений находят все враги христианства свои воззрения и убеждения, а его всесветная известность и благоговение к нему его почитателей служат поддержанию и оправданием для всех лжеучителей и проповедников противохристианских и противонравственных идей»¹⁰.

«Духовные палачи» Л. Н. Толстого, как назвала церковников в упомянутом письме С. А. Толстая, вскоре получили новую поддержку со стороны правительственных кругов. Через месяц после опубликования в печати определения синода и Распоряжения Главного управления по делам печати тем же Главным управлением всем губернаторам был разослан 26 марта 1901 г. циркуляр следующего содержания: «После обнаружения послания Святейшего синода о графе Л. Н. Толстом газеты стали усиленно печатать телеграммы и известия, выражающие сочувствие этому писателю.

Ввиду того, что выражение в печати сочувствия графу Толстому при настоящих условиях приобретает характер как бы протеста против послания Святейшего синода, Главное управление по делам печати, по приказанию г. министра внутренних дел, имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство сделать зависящее распоряжение о том, чтобы подобного

⁹ Вартичан И. К. Л. Н. Толстой в Молдавии.— В кн.: Вартичан И., Грекул И., Попович К. Страницы дружбы. Кишинев, 1958, с. 210.

¹⁰ Кишиневские епархиальные ведомости, 1901, № 12, с. 276.

рода телеграммы и известия не были дозволяемы к печати в повременных изданиях»¹¹.

Для Бессарабии такой циркуляр имел крайне отрицательные последствия прежде всего потому, что в крае в начале нынешнего столетия полностью отсутствовала легальная демократическая печать, не говоря уже о революционной. Поэтому у бессарабских церковников были серьезные преимущества в борьбе против Л. Н. Толстого. Запретив печатать сочувственные материалы, циркуляр в то же время оставлял «зеленую улицу» для публикаций, враждебных Л. Н. Толстому. Благодаря этому бессарабский церковный журнал «Кишиневские епархиальные ведомости» злобно травил Толстого не только в год его отлучения от церкви, но и в последующие.

В связи с этим крайне важно выявить и рассмотреть все факты, свидетельствующие о том, как прогрессивная общественность Бессарабии противостояла лагерю церковных мракобесов в борьбе вокруг Л. Толстого. Особого внимания заслуживает такое, например, более чем красноречивое признание журнала «Кишиневские епархиальные ведомости»: «Учение графа Л. Н. Толстого, — читаем в одном из его номеров, — распространяется во многих губерниях как среди интеллигентного класса, так и среди простого народа. Сочувственно принимается оно и интеллигенцией Бессарабской губернии, что доказал истекший год, когда по поводу отлучения графа от Церкви интеллигентные лица г. Кишинева и других городов и даже сел без стеснения высказывали не только сочувствие учению Толстого, но и дозволяли себе резкие выражения по адресу членов Св. синода, издавших известное послание, предостерегавшее православных чад от лжеучения графа» (подчеркнуто мною. — С. П.)¹².

Таким образом, журнал признавал, что прогрессивная общественность края по-разному реагировала на позорный акт синода. Общим же было косвенное выражение сочувствия и солидарности с отлученным писателем.

Как известно, отлучение Л. Толстого роковым образом совпало с его болезнью. Однако к середине 1901 г. в разгар борьбы вокруг писателя, его самочувствие стало заметно улучшаться. Представители бессарабской общественности в связи с этим направляли писателю приветственные телеграммы. 10 июля 1901 г. в «Бессарабских губернских ведомостях» сообщалось, например, о том, что третьего дня в Ясную Поляну гр. Толстому была отправлена телеграмма по случаю его выздоровления с более чем 300 подписями.

В телеграмме говорилось: «С трепетным чувством лоя

¹¹ Цит. по ст.: *Мейлах Б. В. И. Ленин и ленинская «Искра» о походе самодержавия против Толстого в 1901 году.* — Русская литература, 1960, № 4, с. 148.

¹² Кишиневские епархиальные ведомости, 1902, № 6, с. 91.

каждое известие хода Вашей болезни, дорогой Лев Николаевич, сердечно радуемся* наступившему улучшению и желаем** от всей души скорейшего выздоровления. Мы, жители Кишинева, шлем вам привет как великому художнику и смелому борцу за свободу, за свободу совести... Желаем вам долголетия на благо человечеству и своей родины»¹³.

Через месяц, 9 августа 1901 г., из Бессарабии в Ясную Поляну была отправлена телеграмма жителей г. Аккермана***. «Позвольте нам, жителям города Аккермана,—говорилось в ней,—присоединиться к общей радости по поводу счастливого поворота в ходе болезни вашей и пожелать еще много лет руководить мыслящую часть общества по пути к нравственному совершенству»¹⁴.

Поздравляя любимого писателя с улучшением здоровья, бессарабская прогрессивная общественность косвенно выражала ему свое сочувствие в связи с отлучением его от церкви, а это в той конкретной обстановке граничило с протестом против произвола церковников. Причем сочувствие выражалось и в других формах. Например, вместе с другими писателями, в начале 1903 г. Л. Н. Толстой был избран почетным членом общественной библиотеки-читальни г. Орgeeва.

В 1901 г. в марксистском научно-политическом журнале «Заря», издававшемся в Штутгарте, была напечатана статья В. И. Ленина «Внутреннее обозрение». В. И. Ленин писал о расширении в России политического протеста и в качестве примера приводил письмо «почетного гражданина из бывших духовных Иеронима Преображенского», в котором с глубокой симпатией говорилось о том, что «великого писателя земли русской» стремятся читать все «и стар и млад, образованные, малограмотные и едва читающие»; «читают, рассуждают, и решения, конечно, не в пользу духовенства»¹⁵. В контексте тогдашнего времени это было прямое отрицание отлучения Л. Н. Толстого от церкви и в то же время резкой отповедью Иеронима Преображенского в ответ на вышеупомянутую подстрекательскую речь архиепископа Амвросия, перепечатанную и журналом «Кишиневские епархиальные ведомости».

Протест прогрессивной общественности против отлучения Л. Толстого сливался с революционными волнениями в стране и усиливался ими. Так, например, в апрельском номере «Искры» за 1901 г. приводилось письмо одной из участниц антиправительственной демонстрации 25 февраля того же года. В нем говорилось: «...Мы дошли до Кузнецкого моста, где нам представилась чудная картина: весь Кузнецкий мост до Лу-

* В тексте — радуюсь.

** В тексте — желаю.

¹³ Днестр, 1960, № 11, с. 113.

*** Ныне Белгород-Днестровский Украинской ССР.

¹⁴ Днестр, 1960, № 11, с. 114.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 340.

бянки был залит сплошной массой народа, почти исключительно фабричным и мастеровым, незначительным количеством студентов и массой уличных мальчишек; вся эта толпа свистела, кричала «ура», размахивала платками и бросала шапки; но, как ураган, налетели жандармы, которые разбили толпу на несколько групп, и мы пошли на Лубянскую площадь. Здесь было арестовано несколько студентов, толпа бросилась их отбивать, избила пристава и, когда он спрятался в ресторане, разбила в последнем окна. Здесь публика увидела Л. Н. Толстого (это было как раз в день появления в газетах его отлучения от церкви), толпа устроила Толстому овацию, с криками: «Ура, Лев Николаевич!» проводила его по Рождественке, где по его просьбе усадила на извозчика. Я вышла на Цветной бульвар, который был усеян народом; полиция старалась разбить толпу на маленькие кучки и не допускать до Тверской, а направлять ее в переулки, но толпа, уменьшаясь на одном месте, вырастала, подобно голове гидры, вдвое большем количестве в другом»¹⁶.

Подобные материалы чрезвычайно интересны сами по себе как исторические документы, связанные с значительным общественно-политическим событием не только в жизни Л. Толстого, но и России, всего мира.

Важно подчеркнуть, что в Кишиневе как раз во время описываемых событий нелегально издавалась ленинская газета «Искра» и материалы, связанные с отлучением Л. Толстого, публиковались в тех номерах «Искры», которые, как установили молдавские историки, были распространены и в Бессарабии¹⁷. Именно «Искра» помогла тогдашнему читателю, в том числе и в Бессарабии, понять истинный характер беспрецедентного преступления русского клерикализма. Она противостояла, говоря словами газеты, «бесшабашному разгулу церковного кликушества в печати и в проповедях в связи с отлучением Толстого».

Революционная социал-демократия России взяла под свою защиту величайшего писателя мира. В этой связи необходимо напомнить, что в самый разгар борьбы вокруг Л. Толстого в одной из кишиневских подпольных типографий был выпущен шестой номер екатеринославской нелегальной газеты «Южный рабочий», в котором напечатана большая статья под красноречивым названием «Лев Толстой и полицейско-поповская клика»¹⁸.

Рассматривая мировоззрение и творчество Л. Н. Толстого в их сложной противоречивости и подчеркивая, что путь к идеалам братства и справедливости проходит не через нравствен-

¹⁶ Цит. по ст.: Мейлах Б. Указ. соч., с. 148.

¹⁷ См.: Шемяков Д. Е. и Иванов Ю. Публикации ленинской газеты «Искра» о революционном движении в Молдавии.— Известия молдавского филиала АН СССР, 1955, № 7 (27), с. 6.

¹⁸ См.: Иванов Ю. Мэртурний.— Култура Молдовей, 1964, 24 май.

ное самоусовершенствование, а через революционную борьбу, неизвестный автор статьи писал: «Мы знаем, что против насилия и обмана нужны не терпение и смирение, а иное средство... Русский народ оттого и страдает так долго, что слишком крепко сидели в нем смирение и терпение. Вступив на путь дружной организованной борьбы, мы собственными руками водрузим поддерживаемое и Толстым знамя свободы и справедливости на залитой кровью русской земле»¹⁹.

«Святейший синод,— писал В. И. Ленин в связи с кончиной великого русского писателя,— отлучил Толстого от церкви. Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, жандармами во Христе, с темными инквизиторами, которые поддерживали еврейские погромы и прочие подвиги черносотенной царской шайки»²⁰.

Позорное для русского клерикализма отлучение Л. Н. Толстого от православной церкви, рассчитанное на подрыв всенародного доверия к любимому писателю, на изоляцию его от широких народных масс, на возможную физическую расправу с ним, объективно способствовало росту популярности Л. Н. Толстого и его творчества. В неравном поединке бессарабской прогрессивной общественности с местными церковниками особенно важную роль сыграла русская подпольная пресса и прежде всего ленинская «Искра».

Первая русская революция 1905—1907 гг. была потоплена в крови. Наступили годы мрачной столыпинской реакции. Удушливая атмосфера реакции сказалась на подготовке и проведении 80-летнего юбилея Л. Н. Толстого. К предстоявшему толстовскому юбилею по-своему готовилась и официальная, самодержавная Россия.

18 марта 1908 г., например, департамент полиции разослал губернаторам, градоначальникам, начальникам жандармских управлений и охранных отделений циркуляр о наблюдении за тем, чтобы чествование Толстого «не сопровождалось **нарушением существующих законов и распоряжений** правительственной власти» (подчеркнуто мною. — С. П.). Аналогичные указания были даны всем губернаторам тогдашним председателем совета министров М. Столыпиным²¹. Цензура строго следила за тем, чтобы в печати не было никакого «восхваления врага православной церкви и существующего в империи государственного строя»²².

Важным фактором общественной жизни и революционного движения в России явилось активное участие прогрессивных сил в толстовском юбилее. Это свидетельствовало о том, что

¹⁹ Цит. по кн.: Семеновский О. Марксистская критика о Чехове и Толстом.— Кишинев, 1967, с. 136.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 22.

²¹ См.: Петров Г. И. Отлучение Льва Толстого, с. 97.

²² Там же.

революция потерпела лишь временное поражение, что дух участников революции не сломлен, что они в отличие от всевозможных ренегатов и попутчиков революции не отказались от своих принципов и идеалов. Если либералы, пошедшие на компромисс с царизмом, ценили в Толстом проповедь непротivления злу насилieм, если меньшевики-ликвидаторы, плетясь в хвосте «веховцев», повторяли либерально-кадетские версии о Толстом, то В. И. Ленин и его сторонники в борьбе за Толстого продемонстрировали свою верность революционным традициям пролетариата, принципам марксистской теории, доказали ее жизненную силу даже в период упадка революционного движения. Не случайно меньшевики Неведомский, Базаров и другие, отказавшись от основополагающих принципов марксизма, одновременно приняли веховскую концепцию в отношении Толстого, т. е. приняли его теорию непротivления злу насилieм.

Именно в связи с 80-летним юбилеем Л. Н. Толстого, как известно, В. И. Лениным была написана гениальная статья «Лев Толстой, как зеркало русской революции». В ней творчество писателя рассматривалось с точки зрения характера русской революции и ее движущих сил и впервые давался ясный и четкий ответ на вопрос: чем вызваны кричащие противоречия «толстовщины», какие недостатки и слабости революции они выражают? В. И. Ленин говорил о смертельном ударе, нанесенном революцией 1905—1907 гг. прежней рыхлости и дряблости масс, о размежевании классов и политических партий. Статья заканчивалась призывно, мобилизующе: «Под молотом столыпинских уроков, при неуклонной выдержанной агитации революционных социал-демократов, не только социалистический пролетариат, но и демократические массы крестьянства будут неизбежно выдвигать все более закаленных борцов, все менее способных впадать в наш исторический грех толстовщины!»²³. В этой же статье В. И. Лениным была дана четкая характеристика отношения буржуазной прессы к Толстому в предъюбилейные и юбилейные дни.

Легальная русская пресса, по словам В. И. Ленина, в дни толстовского юбилея была до тошноты переполнена лицемерием — казенным и либеральным. Первое В. И. Ленин считал лицемерием продажных писак, которым еще вчера было велено травить Л. Толстого, а в дни юбилея — отыскивать в нем патриотизм. Гораздо более утонченным и поэтому гораздо более вредным и опасным В. И. Ленин считал лицемерие либеральное. «Послушать кадетских балалайкиных из «Речи» — сочувствие их Толстому самое полное и самое горячее. На деле рассчитанная декламация и напыщенные фразы о «великом богоискателе» — одна сплошная фальшь, ибо русский либерал ни в толстовского бога не верит, ни толстовской критике су-

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 213.

ществующего строя не сочувствует. Он примазывается к популярному имени, чтобы приумножить свой политический капитал, чтобы разыграть роль вождя общенациональной оппозиции...»²⁴.

Ленинскую характеристику необходимо помнить при выявлении основной тенденции, определившей в дни празднования толстовского юбилея позицию бессарабской печати — печати, как известно, либеральной или черносотенной.

По иронии судьбы в тот же день 18 марта 1908 г., когда из Петербурга был разослан упомянутый циркуляр, в газете «Бессарабская жизнь» под рубрикой «К чествованию Л. Н. Толстого» была опубликована первая короткая информация о создании в Париже, Лондоне, Берлине комитетов по празднованию 80-летнего юбилея Толстого.

Как ни странно, но наиболее подробные сведения о подготовке к предстоящему толстовскому юбилею изложены на страницах церковного еженедельника «Кишиневские епархиальные ведомости». В небольшой заметке «О юбилее двух писателей» читателям сообщалось о предстоявших 80-летию со дня рождения Льва Толстого (28 августа) и 25-летию со дня смерти И. С. Тургенева (22 августа).

«Память великих людей, — писал журнал, скрывая на некоторое время свое истинное, враждебное отношение к одному из двух «великих людей», к Л. Толстому, — должна быть священна, и чествование памяти И. С. Тургенева несомненно вызовет у русских людей большой энтузиазм, между прочим, потому, что готовящееся чествование Л. Н. Толстого, при жизни Тургенева (в это время Тургенева в живых уже не было. — С. П.), его старшего искреннего друга, должно выяснить взаимное отношение этих двух крупных светил нашей литературы»²⁵.

Итак, оценка Толстого церковным журналом в год его восьмидесятилетия сводилась, по существу, к традиционному эпитету «светило». Правда, в той же заметке говорилось, что «Лев Николаевич светило не для одной русской литературы» и что «его международное значение и хотят подчеркнуть лица, принимающие наиболее близкое участие в готовящемся торжестве».

В данной заметке интересно сообщение о том, что ко дню восьмидесятилетнего юбилея Л. Н. Толстого готовилось издание международного сборника, посвященного великому русскому писателю.

Даже в дни юбилея правительственные и церковные круги России не переставали преследовать Л. Толстого. Нельзя сказать, что великий писатель спокойно относился к бесконечным

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 209.

²⁵ Кишиневские епархиальные ведомости, 1908, № 13, с. 521.

гонениям, а жестокость преследователей не причиняла ему боли.

Особые страдания причиняло Толстому то, что травле подвергались его друзья, последователи, единомышленники и распространители его запрещенных произведений. Так, 7 мая 1908 г. за хранение и распространение запрещенных произведений Толстого Петербургской судебной палатой был приговорен к одному году тюремного заключения близкий знакомый писателя В. А. Молочников. Узнав о приговоре, Лев Николаевич решил предать это возмутительное дело гласности. 18 мая было закончено письмо, известное сегодня под названием «В редакцию газеты «Русь», которое несколько позже вошло составной частью в статью «По поводу заключения В. А. Молочникова» (37, 426).

Написанное на основе частного факта письмо выражало одну из принципиальных и важных сторон неустанной борьбы великого писателя против самодержавного строя. Оно наглядно показало самого Толстого как человека ежеминутно готового принять на себя жестокие удары, которые сыпались на его последователей и друзей. Письмо Толстого появилось в газете «Русь» 22 мая 1908 г., а 27 мая было перепечатано газетой «Бессарабская жизнь».

«Опять и опять совершается это удивительное дело,— писал Толстой, имея в виду арест Молочникова,— мучают и разоряют людей, распространяющих мои книги, и оставляют в покое меня, главного виновника не только распространения, но и появления этих книг. Ведь, казалось бы, ясно, что хватание людей, распространяющих мои книги, и сажание их по тюрьмам никак не может уменьшить, если он есть, интерес к моим книгам, так как книги, изданные в России и за границей, есть у меня в большом количестве, и я, составитель и главный распорядитель этих книг, пока жив, не перестану составлять и распространять их. Людей же, считающих добрым делом распространение моих книг, становится все больше и больше, и тем больше, чем больше их за это преследуют. И потому, казалось бы, ясно, что одно разумное средство прекратить то, что не нравится в моей деятельности,— это то, чтобы прекратить меня. Оставлять же меня и хватать и мучить распространителей не только возмутительно, несправедливо, но еще и удивительно глупо... как мне ни больны страдания моих друзей, я не могу, пока жив, прекратить эту мою деятельность... И пускай не думают, что вследствие разговоров в газетах о каком-то моем юбилее, я воображаю себя обеспеченным от всякого рода насилий. Я в этом отношении никак не поддаюсь самообману и очень хорошо знаю, что все эти толки о необходимости празднования моего 80-летия при решительных против меня мерах правительства тотчас же заменяются для большинства моих чествователей признанием давнишней необходи-

мости принятия против меня тех мер, которые принимаются против моих друзей... А потому опять и опять прошу и советую всем, кому неприятно распространение моих писаний, взяться за меня, а не за ни в чем не повинных людей» (подчеркнуто мною.— С. П.)²⁶.

Страна переживала второй год мрачной столыпинской реакции, лучших представителей народа арестовывали и ссылали на каторгу, с каждым днем все больше и больше становилось виселиц.

Все это с болью и ужасом воспринимал Л. Н. Толстой, о чем свидетельствуют записи в «Дневнике». Л. Н. Толстого особенно потрясло напечатанное в газетах 9 мая 1908 г. известие о казни через повешение двадцати крестьян, осужденных военно-окружным судом за разбойное нападение на усадьбу землевладельца Лубенко в Елисаветградском уезде (37, 425).

Это трагическое событие послужило толчком для написания Л. Н. Толстым одной из лучших своих публицистических работ «Не могу молчать». Посылая статью В. Г. Черткову в Англию, Л. Толстой, имея в виду смертные казни, писал: «Это так мучает меня, что я не могу быть спокоен, пока не выскажу всех тех чувств, которые во мне это вызывает» (37, 426). В другом письме Л. Толстой просил В. Г. Черткова издать статью как можно скорей.

Статья «Не могу молчать» была напечатана с сокращениями 4 июля 1908 г. в нескольких московских и петербургских газетах, а через два дня, 6 июля 1908 г. со ссылкой на петербургские газеты была перепечатана кишиневской газетой «Бессарабская жизнь».

Этот факт заслуживает особого внимания, в частности, и потому, что на газеты, публиковавшие статью Толстого, был наложен штраф, а издатель севастопольской газеты, который расклеивал номера с отрывками из статьи «Не могу молчать», был арестован (37, 426).

Мировая прогрессивная общественность восприняла статью «Не могу молчать» как крик души, измученной, до краев переполненной страшной болью, как негодующее, страстное и суровое обвинение тогдашнему самодержавно-полицейскому общественному строю, который сделал системой и нормой массовые казни «для достижения своих целей»²⁷. Обращаясь к «высшему сословию» как к классу, враждебному народу, Толстой писал в своей статье, что «представители христианской власти, руководители, наставники, одобряемые и поощряемые церковными служителями», совершают «величайшие преступления: ложь, предательство, всякого рода мучительство и — последнее самое ужасное преступление, самое противное всякому не вполне развращенному сердцу человеческому: не убийство,

²⁶ Бессарабская жизнь, 1908, 27 мая.

²⁷ Там же, 6 (19) июля.

не одно убийство, а убийства, бесконечные убийства». Эти убийства царские власти пытались оправдать «разными глупыми ссылками» на статьи, написанные их же представителями в глупых и лживых книгах и кощунственно называемые законами (37, 88). Толстой выносил беспощадный приговор всему правительственному аппарату «от секретарей суда до главного министра и царя» как участникам «ежедневно совершаемых злодеяний».

Несмотря на то, что Л. Н. Толстой осуждал деятельность революционеров с позиций «непротivления злу насилieм», обращался с увещеваниями к «совести» участников «ежедневно совершаемых злодеяний», его статья «Не могу молчать» буквально потрясла читателя силой обличения господствовавших классов, мужеством, страстным протестом против злодеяний.

«Нельзя так жить,— писал Л. Н. Толстой в предпоследнем разделе своей статьи.— Я по крайней мере не могу так жить, не могу и не буду.

Затем я и пишу это и буду всеми силами распространять то, что пишу, и в России и вне ее, чтобы одно из двух: или кончились эти нечеловеческие дела, или уничтожилась бы моя связь с этими делами, чтобы или посадили меня в тюрьму, где бы я ясно сознавал, что не для меня уже делаются все эти ужасы, или же, что было бы лучше всего (так хорошо, что я и не смею мечтать о таком счастье), надели на меня, так же как на тех двадцать или двенадцать крестьян, саван, колпак и так же столкнули с скамейки, чтобы я своей тяжестью затянул на своем старом горле намыленную петлю» (37, 95).

Эти трагические слова писал человек, которому через полтора месяца исполнялось 80 лет. Публикация статьи и все, что происходило вокруг этого события, полностью подтвердили справедливость слов Толстого о том, что готовившееся чествование его юбилея не гарантировало его «от всякого рода насилieв».

Действительно, появление статьи «Не могу молчать» вызвало новую волну разнузданной травли писателя. Правительственная газета «Россия» 30 июля 1908 г. писала, что Л. Н. Толстого следовало бы заключить в тюрьму, в правительственных сферах обсуждалось предложение министра юстиции Щегловитова о привлечении Л. Н. Толстого за статью «Не могу молчать» к суровой судебной ответственности²⁸. Бурной и противоречивой оказалась и читательская реакция на статью: в архиве писателя в Государственном музее Л. Н. Толстого хранятся свыше двадцати «ругательных» и шестьдесят сочувственных писем (37, 427).

Понятно, какую громадную моральную поддержку гонимому писателю оказывали в такой ситуации сочувственные

²⁸ См.: Петров Г. И. Отлучение Льва Толстого, с. 100.

письма, письма солидарности, которые Л. Н. Толстой получал от простых людей. Такие письма поступали в Ясную Поляну и из Бессарабии. Так, например, житель г. Сороки Анатолий Гудевич писал 8 июля 1908 г.:

«Дорогой Лев Николаевич! Под живым впечатлением только что напечатанной (в № 157 «Речи») статьи Вашей «О смертных казнях» («Не могу молчать». — С. П.) — я испытывал великую душевную потребность послать Вам свой сердечный привет...

Как я невыразимо счастлив, что Вы решились на этот высокий подвиг, о котором для Вас (любя Вас всеми силами моей души) тайне часто мечтал в эти последние два года...

Искренне любящий Вас

Ан. Гудевич²⁹.

В приписке к своему письму бессарабский корреспондент Л. Н. Толстого обращался с просьбой послать ему полный текст статьи «Не могу молчать», напечатанной в газете с пропусками.

Лев Николаевич читал это письмо, о чем свидетельствует его помета на конверте. Там же Н. Н. Гусев, тогдашний секретарь Толстого, отметил, что статья «Не могу молчать» А. Гудевичу послана.

Когда началась травля Л. Н. Толстого в связи с опубликованием статьи «Не могу молчать», за великого русского писателя в Бессарабии заступилась та же газета «Бессарабская жизнь», которая в начале июля 1908 г. опубликовала статью Л. Н. Толстого. 15 июля 1908 г. в газете была напечатана небольшая, но довольно резко и смело написанная заметка «Лев Толстой и черная сотня», которая явно игнорировала циркуляры департамента полиции в отношении Л. Н. Толстого.

«Могучее слово великого писателя земли русской «Не могу молчать», — говорилось в статье, — нашедшее сочувственный отзыв в сотнях тысяч сердец русских граждан, не прошло бесследно и для черного стана. Зашипели гады темного царства, зашевелились трупные черви.

В то время как вся мировая печать отнеслась с глубоким сочувствием к страстному и потрясающему по своей искренности протесту гениального писателя против смертной казни, наша черная пресса проявила такую кровожадность, такое бессердечие и чисто хулиганское бесстыдство, что в уме каждого беспристрастного человека невольно возникает тревожный вопрос — что же дальше, до какой степени нравственного падения дойдут эти люди-звери, рукоплещущие при виде красной рубашки палача и двух столбов с перекладиной»³⁰.

Многие факты и события юбилейных дней свидетельствуют о том, что великий праздник мировой прогрессивной культуры

²⁹ Днестр, 1960, № 11, с. 115.

³⁰ Бессарабская жизнь, 1908, 15 (28) июля.

послужил в условиях столыпинской реакции поводом для еще одного столкновения между силами реакции и прогресса. Буквально за несколько дней до юбилея в газетах появилось сообщение о том, что петербургские рабочие в ознаменование юбилея Л. Н. Толстого готовили петицию в Государственную думу об отмене смертной казни. Об этом писала за два дня до юбилея газета «Бессарабская жизнь»³¹. В рубрике «К чествованию Л. Н. Толстого» газета выражала удовлетворение в связи с тем, что и кишиневцы не остались в стороне, а вместе с передовой частью общества участвуют в торжествах по поводу 80-летней годовщины рождения великого писателя. В газете также сообщалось, что группа бессарабских интеллигентов готовит на 28 августа публичное собрание, посвященное юбилею. В программе проведения в Кишиневе 80-летия Л. Н. Толстого предусматривалось чтение нескольких кратких рефератов о личности и творчестве великого юбиляра, оглашение приветственной телеграммы от имени общего торжественного собрания и т. д.

Заслуживает внимания следующий момент предъюбилейных приготовлений. «Наконец,— говорилось в газете,— самое главное: распорядители убедительнейше просят не прерывать референтов во время чтения аплодисментами или иными знаками одобрения и вообще вести себя сдержанно как во время собрания, так и по окончании, дабы не нарушать какой-нибудь даже маленькой некорректностью благоговейного настроения собравшихся. Мы должны помнить, что малейшее нарушение **может вызвать административное воздействие**, огорчит прежде всего маститого юбиляра, покой которого теперь, во время его болезни, мы особенно должны беречь» (подчеркнуто мною.— С. П.)³².

В подчеркнутых словах прежде всего отразилась, конечно, позиция либеральной печати. Она боялась демонстраций, открытой и острой постановки вопросов, о которых говорил В. И. Ленин. В то же время в словах о возможном «административном воздействии» чувствуется вполне реальный страх бессарабских друзей Толстого перед «синими мундирами», т. е. жандармами, которые могли из-за аплодисментов разогнать торжественное собрание, посвященное Л. Н. Толстому. Действительно, в дни 80-летнего юбилея великого русского писателя во многих городах страны полиция была приведена в полную готовность.

Наступило 28 августа 1908 г. Вся первая страница газеты «Бессарабская жизнь» в этот день была посвящена Л. Н. Толстому. Интересен «зачин» редакции к публиковавшимся о нем материалам: «Казенная Россия,— писала газета, — оставаясь или безучастным, или же, как, например, синод, даже враждеб-

³¹ См.: Бессарабская жизнь, 1908, 26 августа (7 сентября).

³² Там же, 1908, 27 августа (8 сентября).

ным зрителем первого нашего общенационального праздника, тем самым явно всему миру показала, что не ее руками будет спаяна Великая Россия»³³. Как бы в подтверждение этих слов газета напечатала материалы о выступлении синода против Л. Толстого, циркуляры о Толстом и т. д.

В одном из материалов упомянутого номера газеты «Бессарабская жизнь» — «У Л. Н. Толстого» И. Тенеромо рассказал о страстном протесте Л. Н. Толстого против казни пяти молодых революционеров.

Получалось, таким образом, что благодаря воспоминаниям одного из своих знакомых Л. Н. Толстой на протяжении менее чем двух месяцев дважды выступил на страницах одной и той же кишиневской газеты с протестом против смертной казни.

В юбилейный день 28 августа 1908 г. были также опубликованы статьи «Л. Н. Толстой как художник» бессарабского критика С. Ноева, «Общественные идеалы Л. Н. Толстого» Г. Гинса и «Первая попытка» Н. М.-ского. Публикацией этих статей кишиневская газета расширила, как видим, круг вопросов, освещавших различные стороны личности и творчества великого юбиляра.

В «Бессарабской жизни» 30 августа 1908 г. были опубликованы материалы о торжественном собрании в честь Л. Н. Толстого. Собрание проходило по объявленной накануне праздника программе. Вначале были оглашены приветственные телеграммы, затем последовали выступления (рефераты): «Л. Н. Толстой как гуманист» Л. Д. Писаржевской и «Л. Н. Толстой как психолог» П. П. Тутышкина. Были зачитаны приветственные телеграммы великому юбиляру от граждан г. Кишинева, от редакции газеты «Бессарабская жизнь», от бессарабского общества естествоиспытателей и любителей естествознания, совета кишиневской бесплатной библиотеки-читальни, комитета бессарабского студенческого землячества в Санкт-Петербурге, врачей-психиатров бессарабского земства, правления кишиневского женского клуба и т. д.

В поздравительной телеграмме врачи-психиатры бессарабского земства, например, приветствовали «маститого юбиляра, гениального художника-психолога», которому удалось «своим глубочайшим психологическим анализом обнажить затаенные уголки человеческой души, раздробить сложные душевные явления на простейшие психические элементы, яркой кистью величайшего мастера нарисовать живые образы, уясняющие нам русскую национальную психологию определенной исторической эпохи и который всей своей жизнью представил нам величественную личность гуманиста и труженика на благо всего человечества»³⁴.

³³ Бессарабская жизнь, 1908, 28 августа (9 сентября).

³⁴ Государственный музей Л. Н. Толстого. Рукописный фонд, шифр 257/8—3.

Телеграммы были разные, но, учитывая время написания, они дают общее представление о том, каким виделся Л. Н. Толстой бессарабской общественности 1908 г., какие черты личности, какие стороны литературной и общественной деятельности его особенно выделялись, в чем видела прогрессивная интеллигенция нашего края мировое значение великого русского писателя и мыслителя и т. д.

Не обошлось, естественно, и без некоторых широко распространенных в то время словесных штампов («великий учитель», «апостол правды», «провозвестник грядущего самоусовершенствования человеческой личности» и т. д.). Однако основное содержание поздравительных телеграмм 1908 г. свидетельствует о том, что их составители всячески стремились, в пределах цензурных возможностей, вкладывать в слова как можно больше теплоты и сердечности. В отдельных телеграммах ясно слышится скрытый вызов «правителям» страны, делаются образные и смысловые «ссылки», аналогии с тем или иным толстовским изречением или названием художественного или публицистического произведения («Не могу молчать», «Власть тьмы» и т. д.).

Поздравляя Л. Н. Толстого с восьмидесятилетием и называя это событие «праздником всего мыслящего мира», прогрессивная общественность Бессарабии желала ему, «чуткому поборнику правды», «защитнику и другу народных масс», «мощному и чуткому заступнику попираемых человеческих прав и грозному обличителю насилия», в «пору бесправия» «будить своим могучим словом заснувшую совесть», «служить слабым, угнетенным», «силой могучего таланта бороться с царством невежества и властью тьмы» и т. д.

Как и все остальные материалы о Л. Н. Толстом, появившиеся в 1908 г. в легальной местной печати и принадлежавшие критикам буржуазно-либерального направления, упомянутые статьи, обладая определенными положительными качествами, в то же время были не лишены ошибочных утверждений, противоречивых толкований.

Так, С. Ноев в своей статье своеобразно трактовал субъективный момент в художественном творчестве Л. Н. Толстого. С. Ноев правильно утверждал, что в основе активной деятельности персонажей Л. Н. Толстого постоянно лежит какой-либо этический норматив, что способность подмечать наиболее типические черты определенной нации, конденсировать их в каком-либо задуманном образе и создавать национальные типы в лучшем смысле слова является драгоценным качеством Толстого-художника, что творческий процесс по необходимости является «комбинацией» субъективного и объективного моментов и т. д., в то же время в дальнейших своих рассуждениях о специфике художественной манеры Л. Н. Толстого автор статьи

обнаруживал непонимание как раз того, что было названо Чернышевским «диалектикой души» и составляло великое открытие Л. Н. Толстого.

В Л. Толстом, справедливо писал С. Ноев, сочетаются многие национальные черты русского народа. Но он же абсолютно неверно утверждал при этом, что к этим национальным чертам относятся непротивление злу и др. Платон Каратаев и М. Кутузов для Ноева — «символ народного терпения и стойкости». Они, по мнению критика, — «лучшие типы Толстого». Их основная черта — «космизм», т. е. они любят все и всех. В разбираемой статье, как видим, один из основных компонентов, составляющих, по известному выражению В. И. Ленина, «исторический грех толстовщины»³⁵, а именно — пресловутое непротивление злу насилием, каратаевское начало возводится С. Ноевым в национальную черту русского народа.

В статье С. Ноева констатируем искусственное, механическое расчленение Л. Н. Толстого на художника, с одной стороны, и на мыслителя и проповедника, с другой. И все это преподносилось таким образом, будто каждый из этих «двух Толстых» существовал и действовал абсолютно независимо от другого, причем Толстой-художник во всем был непогрешим, в то время как «грешил» Толстой-мыслитель и моралист.

Всю сложность толстовского феномена блестяще раскрыл В. И. Ленин, который доказал, что «кричащие противоречия» были присущи Л. Н. Толстому во всех проявлениях его великой и сложной личности: и его произведениям, и его взглядам, и его учениям, и его школе³⁶.

«Уже больше двадцати лет,— писал в своей статье Г. Гинс,— как Л. Н. Толстой укрепился в своих идеалах, отрицая весь современный строй жизни», соединяя проповедь учения Христа «с жестоким по силе и искренности обличением существующих порядков»³⁷.

Раскрывая тему своей статьи, автор писал далее, что центральное место в социальных воззрениях Л. Н. Толстого занимает аграрный вопрос. Идеал сельскохозяйственных свободных обществ людей сам собою отрицает городскую культуру и все городские, «интеллигентские» вопросы. Роскошная жизнь и стремление к счастью человечества непримиримы. Так учит Л. Толстой,— писал Г. Гинс. Всякий политический порядок: монархический или конституционный, парламентский или деспотический — отрицается и отвергается Толстым как ненужный и вредный.

Касаясь «учений» Л. Н. Толстого, автор справедливо писал, что эти учения противоречат историческому развитию и основываются на идеалистических предпосылках.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 213.

³⁶ См.: Там же, с. 209.

³⁷ Бессарабская жизнь, 1908, 28 августа.

«Он стоит,— заканчивал свою статью Г. Гинс,— как нравственный колосс, выше всех нас и мы должны поэтому... признать великие идеалы, проверять свою совесть, исполняться любви к людям, великой, очищающей, благородной любви, которой полна каждая строка Толстого»³⁸.

В условиях 1908 г. эти слова означали не что иное, как «восхваление врага православной церкви и существующего в империи государственного строя», против чего всеми силами боролась царская цензура. В этом бесспорная значимость статьи Г. Гинса.

В том же юбилейном номере «Бессарабской жизни» от 28 августа 1908 г. была опубликована и статья под названием «Первая попытка» за подписью Н. М.-ского. Это была своего рода рецензия на художественный перевод рассказов Л. Толстого с русского на молдавский. В ней впервые в легальной бессарабской печати говорилось о соотношении творчества Л. Н. Толстого и освободительного движения в России, вернее, русской революции. Статья написана иносказательно, с подтекстом, одни понятия явно подменены другими, призванными «пронести» через цензурные рогатки важный для тогдашнего читателя смысл.

«Расхождение в норме поведения», что на языке автора статьи должно было означать расхождение Л. Толстого с русским революционным движением на почве теории непротивления злу насилем, обострилось в течение многих лет, «но чуткий к справедливости старец своими резкими, правдивыми статьями тесно связывал себя с **молодой Россией** и, несмотря на его явное несочувствие **борьбе**, последняя развивалась и на его сочинениях. Наряду с подпольной социалистической литературой распространялись и сочинения Толстого, революционный станок печатал их наравне с призывами к активным наступлениям»³⁹.

Выделенные нами слова как бы «просвечиваются». Для тогдашнего читателя их истинный смысл был близок и понятен. «Молодая Россия» должна была означать революционную, борющуюся, обновляющуюся Россию, «борьба» звучала ясно и конкретно как революционная борьба, «активные наступления» — революционные методы борьбы против самодержавия. Все это страстно и бескомпромиссно осуждалось, отрицалось и отвергалось Л. Н. Толстым, но вопреки этому отрицанию его лучшие публицистические статьи способствовали росту революционного сознания. И это подтверждали события 1905—1907 гг.

При обыске квартиры кишиневского литератора Ивана Спыну в декабре 1906 г., например, среди ста двадцати наименований запрещенной литературы были обнаружены и статьи Л. Н. Толстого «Неужели это так надо?» (один экземпляр) и

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

известная «Солдатская памятка» (12 экземпляров)⁴⁰. Это далеко не редкий и тем более не единственный пример использования бессарабским революционным подпольем публицистики Л. Н. Толстого. Так, широко известные публицистические статьи «К рабочему народу», «Офицерская памятка», «Не могу молчать», «К солдатам», «Конец века», «Обращение к русским людям», «О значении русской революции» и другие были изъяты жандармами при обыске и аресте бессарабских революционеров в Кишиневе, Бельцах, Дубоссарах, Карагасанах, Теленештах. Эти произведения можно было найти в нелегальных библиотеках социал-демократических кружков и групп в Рыбнице, Калараше, Скулянах, Каушанах, Бричанах⁴¹.

Таким образом, высказывание бессарабского критика о революционном станке, печатавшем публицистические произведения Л. Н. Толстого наряду с социалистической литературой, было не просто красивой фразой, а констатацией фактов принципиального значения.

«Мы находимся,— развивал свою главную мысль Н. Мский,— еще слишком близко от пронесшейся недавно бури и стоим пока еще на перепутье, что мешает нам понять, какую роль сыграл Толстой в происшедшем переломе, но **есть одна особенность русского прогрессивного движения, источник которого, нам сдается, непосредственно питается великим гением Толстого, его призывом к борьбе со сложенными руками**» (подчеркнуто мною. — С. П.)⁴².

Призыв к борьбе со сложенными руками — это теория непротивления злу насилием. Она действительно отразила одну из особенностей «русского прогрессивного движения», что на современном языке значит революционного движения, причем эта особенность русской крестьянской революции была выделена В. И. Лениным как одна из основных слабых сторон русской революции, приведших к ее поражению. Но художественный гений Л. Н. Толстого явился не источником названной особенности, а отразил, как в зеркале, эту слабую сторону русской революции.

80-летний юбилей Л. Н. Толстого, кроме всего вышеизложенного, был отмечен в Бессарабии еще одним, скромным по своему содержанию, но значительным по своей уникальности фактом — выходом в свет специального юбилейного издания «Рассказы графа Льва Николаевича Толстого. Для молдавской деревни».

В истории молдавско-русских литературных связей этот небольшой сборник занимает исключительное место. Во-первых, это единственное в дооктябрьской Бессарабии отдельное изда-

⁴⁰ Центральный государственный архив МССР (ЦГА МССР), ф. 297, оп. 1, д. 76, л. 4.

⁴¹ См.: *Иванов Ю.* Мэртурий.— *Культура Молдовей*, 1964, 24 май.

⁴² Бессарабская жизнь, 1908, 28 августа.

ние не только рассказов Л. Н. Толстого, но и произведений русской литературы вообще. Во-вторых, книга издавалась специально для молдавской деревни, что предопределило общее содержание и даже внешнее оформление издания: подбор рассказов для перевода на молдавский язык («Хозяин и работник», «Два старика», «Чем люди живы»), язык и стиль перевода и т. д.

«Цель настоящего издания,— говорилось в предисловии на русском и молдавском языке,— приобщить деревенское молдавское население Бессарабии, не могущее в подлиннике ознакомиться с сочинениями Льва Николаевича, к всемирному культурному празднику».

Небольшая вводная статья «Несколько слов о Льве Николаевиче Толстом» явилась и первой биографической справкой о Толстом на молдавском языке. В ней приводились основные сведения о жизни и творческой деятельности писателя, подчеркивалось его сочувственное отношение к обездоленным массам русского крестьянства, искреннее стремление изменить его тяжелую жизнь. Издатели сборника отмечали мировую известность и популярность Л. Н. Толстого. «Все его произведения, особенно последние,— читаем в предисловии к сборнику,— переводятся на языки всех культурных народов».

Следуя доброй традиции того времени дарить Льву Николаевичу переводы его произведений и книги о нем, издатели юбилейного сборника на молдавском языке послали в Ясную Поляну два экземпляра этой ставшей ныне библиографической редкостью книги, которые в настоящее время хранятся в личной библиотеке писателя в музее-усадьбе Ясная Поляна.

Газета «Бессарабская жизнь», которая внесла значительный вклад в празднование юбилея Л. Н. Толстого в Бессарабии, тепло приветствовала выход книги, отмечая в то же время более широкое, общекультурное значение этого издания.

«Издание рассказов Толстого в виде изящной книги с портретом и биографией,— говорилось в статье Н. М.-ского «Первая попытка»,— является первой попыткой издания сочинений Толстого, но может стать и основанием для более широкой культурной задачи — книгоиздательства на молдавском языке лучших произведений мировой литературы».

Вряд ли можно придумать что-либо более достойное сегодняшнего культурного праздника, как образование общества распространения книг на молдавском языке имени Л. Н. Толстого⁴³.

Как можно убедиться, в период подготовки и проведения толстовского юбилея шла непрекращавшаяся напряженная борьба между светской и церковной реакцией, с одной стороны, и силами прогресса, с другой. В этом плане все, что происходило в Бессарабии в связи с празднованием 80-летнего юбилея

⁴³ Там же.

Л. Н. Толстого, было не просто эхом больших событий, а отражением на «малом экране» событий общероссийского масштаба.

Толстовский юбилей был отмечен появлением в бессарабской печати ряда довольно интересных статей, в которых, наряду с общераспространенными в то время ошибочными утверждениями высказывались и оригинальные мысли, принимались отдельные попытки увязать проблемы личности и творчества Л. Н. Толстого с вопросами русской общественной жизни, и в частности русской революции. Но все статьи бессарабских критиков Толстого показали, что громадного авторитета, которым пользовался великий русский писатель у прогрессивной общественности Бессарабии, не могли поколебать силы церковной и светской реакции.

Газеты и телеграф разнесли 30 октября 1910 г. по всему свету известие о том, что Л. Н. Толстой навсегда покинул Ясную Поляну. Это событие оказалось в центре внимания не только на родине великого писателя, но и во всем мире.

Наиболее злостные враги Толстого — царское самодержавие и российская православная церковь — стремились, чтобы широкая общественность в стране и за рубежом считала основными причинами ухода писателя из Ясной Поляны прежде всего раскаяние в обличительной деятельности и возвращение в лоно православной церкви.

В действительности уход Л. Н. Толстого из Ясной Поляны был естественным и логическим завершением многолетних сложных внутренних процессов социально-философского и нравственно-психологического характера. Трагические события, начавшиеся, как тогда казалось большей части современников, в памятную для всех ночь с 27 на 28 октября 1910 г., были обусловлены тягчайшими сомнениями, муками и жестокой борьбой Толстого с самим собой в течение почти тридцати лет. Уход Л. Н. Толстого из Ясной Поляны не был проявлением с его стороны смиренного мудрия, не вызывался желанием раскаяться в своей обличительной деятельности и вернуться в лоно «родной» православной церкви, десять лет назад позорно отлучившей его. В ненастную октябрьскую ночь 1910 г. стало осуществляться долго готовившееся решение Толстого окончательно разорвать все связи с жизненным укладом, который уже давно был им осужден, и начать совершенно новую жизнь в новых условиях. Это был последний великий подвиг великого русского писателя, человека, мыслителя¹⁴.

Единственное и окончательное желание Л. Н. Толстого, когда он покидал Ясную Поляну, сводилось к тому, чтобы уехать как можно дальше, обосноваться где-нибудь на земле, среди простого народа и на новом месте, в новой обстановке продолжить прежний подвижнический труд. Интересными в

¹⁴ См.: Мейлах Б. С. Уход и смерть Льва Толстого. — М.—Л., 1960, с. 273.

этом отношении являются воспоминания врача и друга Льва Николаевича Д. П. Маковицкого: «Я думал,— свидетельствовал автор воспоминаний,— что Лев Николаевич уезжает на месяц от Софьи Андреевны в такое место, куда она за ним не поедет, пока в Шамордино*, где не скоро отыщут его, а оттуда — дальше. Знай я, что он совсем уезжает, я настаивал бы на поездке в Бессарабию или за границу» (подчеркнуто мною.— С. П.)⁴⁵.

Путь Л. Н. Толстого к новой жизни прервался 31 октября 1910 г. из-за болезни, а затем и смерти на малоизвестной до того железнодорожной станции Астапово. Уход и смерть Л. Н. Толстого стали основными событиями конца 1910 г. и обсуждались во всех уголках земли.

«Умер Лев Толстой,— писал В. И. Ленин в статье-некрологе, опубликованной в центральном органе РСДРП газете «Социал-демократ» 16 (29) ноября 1910 г.— Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции»⁴⁶.

Раскрывая и развивая основное положение своей статьи, В. И. Ленин писал далее, что, рисуя преимущественно дореволюционную полосу в исторической жизни России, «Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе». Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, — писал В. И. Ленин, — выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества»⁴⁷.

Как и в статье 1908 г. «Лев Толстой, как зеркало русской революции», В. И. Ленин сосредоточил основное внимание на вопросе о характере и отличительных чертах русской революции и отражении этого в творчестве Л. Н. Толстого, как зеркала этой буржуазной и в то же время крестьянской революции, на выявлении противоречий во взглядах Л. Н. Толстого, обусловленных не только противоречиями мысли писателя, но и теми в высшей степени сложными условиями, социальными влияниями, историческими традициями, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в дореволюционную эпоху.

В произведениях Л. Н. Толстого, по словам В. И. Ленина, «выразились и сила и слабость, и мощь и ограниченность

* Женский монастырь в Козельском уезде бывшей Калужской губернии, в котором жила в то время сестра Л. Н. Толстого Мария Николаевна; к ней приехал Толстой после ухода из Ясной Поляны.

⁴⁵ Маковицкий Д. П. Уход Льва Николаевича.— В кн.: Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1978, т. 2, с. 431.

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 19.

⁴⁷ Там же.

именно крестьянского массового движения»⁴⁸. Этим прежде всего объясняется и то, что Л. Толстой — «горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю»⁴⁹. Правильная оценка Толстого, писал В. И. Ленин, возможна только с точки зрения социал-демократического пролетариата.

Страстный, глубоко аргументированный анализ мировоззрения и творчества Толстого с точки зрения характера русской революции и ее движущих сил, сделанный В. И. Лениным в статье «Л. Н. Толстой», прямо противостоял оценке Л. Толстого в либеральной русской прессе. В оценке Л. Толстого, обращал внимание В. И. Ленин, либеральные газеты отделывались пустыми, казенно-либеральными, избито-профессорскими фразами о «голосе цивилизованного человечества», о «единодушном отклике мира», об «идеях правды, добра»⁵⁰. Либералы **не могут**, подчеркивал В. И. Ленин, «высказать прямо и ясно своей оценки взглядов Толстого на государство, на церковь, на частную поземельную собственность, на капитализм»; каждое положение в критике Толстого «есть пощечина буржуазному либерализму». Уже одна «безбоязненная, открытая, беспощадно-резкая постановка Толстым самых больных, самых проклятых вопросов нашего времени **бьет в лицо** шаблонным фразам, избитым вывертам, уклончивой, «цивилизованной» лжи либеральной публицистики»⁵¹. Прикрываясь общими фразами о Толстом как «великой совести», либералы фактически уходили от тех конкретных вопросов, которые были поставлены Толстым, выдвигали на первый план не разум Толстого, а его предрассудок.

«Умер Толстой, и отошла в прошлое дореволюционная Россия, слабость и бессилие которой выразились в философии, обрисованы в произведениях гениального художника. Но в его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему. Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат»⁵².

Известный критик-материалист, выходец из России К. Доброджану-Геря, внесший значительный вклад в популяризацию творчества великого русского писателя в Молдавии, в письме к В. Г. Короленко от 11 ноября 1910 г. писал: «Смерть гиганта Толстого и вся трагическая обстановка, при которой она совершилась, — это настоящий символ всей теперешней русской

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 20.

⁴⁹ Там же, с. 21.

⁵⁰ Там же, с. 22.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

жизни. Умер Толстой! Не верится! Такое огромное зарево света и исчезло! Исчезновение Толстого на русского должно произвести такое же впечатление, как если бы кто заснул у подножия Гималаев и, проснувшись, увидел бы перед собой бесконечную долину песков сыпучих. То была не гора, а целая цепь гигантских гор... и вдруг долина песчаная!»⁵³.

О смерти Л. Толстого как о великой невозвратимой утрате в мировой художественной мысли писал А. Матеевич, один из наиболее талантливых молдавских поэтов начала нашего столетия. «В лице Л. Н. Толстого, — подчеркивал автор в статье «Мысли Л. Н. Толстого о религии и их оценка», — сошел в могилу последний из славной плеяды писателей-художников, общивших русской изящной литературе XIX века мировое значение»⁵⁴.

Уход и смерть Толстого получили широкий отклик и в бессарабской периодической печати. Следует, однако, еще раз напомнить, что отсутствие в это время революционной прессы в крае в значительной степени ограничило возможности участия в событиях прогрессивной местной интеллигенции и ее влияния на общественное мнение, открыв в то же время самое широкое поле деятельности для прессы либерально-казенной, клерикальной и черносотенной.

В освещении событий, связанных с уходом Л. Н. Толстого из Ясной Поляны, бессарабские газеты шли с некоторым опозданием по следам русской столичной печати, которая оказалась не в состоянии разобраться и объяснить действительные причины и цель ухода писателя из Ясной Поляны.

И все же, несмотря на явное засилье казенной печати, есть основания говорить об определенном классовом размежевании бессарабского общественного мнения в связи с уходом и смертью Л. Толстого, хотя действительное положение вещей отразилось в местной печати далеко не полно и в общем искаженно. Оценивая упомянутые события и их отражение в бессарабской печати, необходимо также учитывать запреты царских властей и цензуры, с которыми встречалась любая попытка отразить в легальной печати симпатии к великому русскому писателю. Чудовищно, но факт, — издателей провинциальных газет в печальные ноябрьские дни 1910 г. штрафовали даже за помещение портрета писателя в траурной рамке.

Смерть Л. Н. Толстого еще раз столкнула его бессарабских друзей и врагов. Враждебный писателю лагерь возглавляли прежде всего орган местных церковников журнал «Кишиневские епархиальные ведомости» и черносотенная газета П. Крушевана «Друг». В противовес им действовали «Бессарабская жизнь», провинциальное «Бессарабское обозрение» и др.

⁵³ Иностранная литература, 1958, № 3, с. 264—265.

⁵⁴ Кишиневские епархиальные ведомости, 1912, № 37, с. 1048.

В связи с уходом и смертью Л. Н. Толстого упомянутый церковный журнал поместил на своих страницах пять статей. В центре внимания служителей культа стоял вопрос о так называемом «примирении» Толстого с православной церковью. Церковный цензор А. Пархомович, например, не без раздражения писал об «отсутствии у Толстого желания примириться с церковью» и о постановлении синода «сохранить отлучение в силе и уведомить об этом всех благочинных с целью недопущения панихид и заупокойных богослужений»⁵⁵.

Продолжая жестоко преследовать своего противника даже после его смерти, автор статьи кощунственно приписывал Толстому неискренность в действиях и помыслах, желание публично «порисоваться» перед смертью и т. д.

Другой бессарабский мракобес, священник В. Балтага, в заметке «Об отношении православной церкви к Л. Толстому» яростно обрушивался на Анзиминова, который выразил публично свое возмущение в связи с настойчивыми попытками Святейшего синода «примирить» умиравшего писателя с церковью. В ряду других инсинуаций автора заметки в адрес Толстого находим и измышление о том, что якобы Толстой, «пользуясь громадным состоянием, равнодушно смотрел на жалкое существование крестьян Ясной Поляны»⁵⁶.

Эта злобная клевета возводилась для того, чтобы любимыми средствами подорвать авторитет Толстого в глазах простых людей. Поэтому малейшая попытка защитить великого писателя от инсинуаций светских и церковных властей встречалась бессарабскими клерикалами в штыки.

В траурные дни ноября 1910 г. в борьбу против Толстого активно включилась и черносотенная газета Крушевана «Друг». 9 ноября 1910 г., в день похорон Л. Н. Толстого, на ее страницах со статьей-некрологом «Смерть титана» выступил редактор газеты В. Якубович. Статья наглядно показывает как бессарабская реакция использовала светлое имя писателя для черносотенной пропаганды.

С одной стороны, В. Якубович, вынужденный считаться с общественным мнением и с мировым именем Толстого, называет его «титаном», «гением», «славой, честью и достоинством науки». С другой стороны, Якубович в слово «о гениальности» Толстого вкладывает свое представление о якобы характерной для него национальной исключительности, в расистско-шовинистическом духе противопоставляя гений великого русского писателя другим народам⁵⁷.

Лицемерие бессарабских черносотенцев по отношению к Толстому становится еще более очевидным, когда в том же

⁵⁵ Кишиневские епархиальные ведомости, 1910, № 1—2, с. 1692.

⁵⁶ Там же, № 49, с. 1787.

⁵⁷ См.: об этом: Семеновский О. В. В. Воровский — литературный критик. — Кишинев, 1963, с. 112.

номере названной газеты и на той же странице великий русский писатель назван «фанатиком-пропагандистом», которого Россия помнит «лишь в силу его бывшего величия»⁵⁸.

Однако важно выявить и показать те общественные силы Бессарабии, которые прямо или косвенно противостояли лагерю реакции. Взять, например, либеральную газету «Бессарабская жизнь». Уход и смерть Л. Н. Толстого нашли в ней несравнимо более слабое отражение, чем, скажем, события юбилейного 1908 г. Это можно объяснить не только тем обстоятельством, что редактором ее уже не был Ф. Е. Захаров, интересный и прогрессивный журналист. В большей мере сказывался слабый накал общественного движения в Бессарабии, атмосфера мрачной столыпинской реакции.

Тем не менее, вопреки цензурным запретам названная газета по возможности откликнулась на смерть великого русского писателя. Еще 2 ноября в связи с уходом Толстого из Ясной Поляны в «Бессарабской жизни» было напечатано стихотворение местного поэта Петра Перевалова «Голос мира», посвященное Толстому.

В день кончины Л. Н. Толстого, 7 ноября 1910 г., редакция «Бессарабской жизни» отправила в Астапово на имя В. Г. Чертова следующую телеграмму:

«Редакционная семья «Бессарабской жизни», потрясенная смертью великого учителя, возлагает венок скорби на гроб Льва Николаевича, преклоняясь перед нетленным, вечно живым словом Толстого. Скорбь наша — отражение скорби всего грамотного человечества, понесшего невоснаградимую потерю»⁵⁹.

На первой странице газеты обращает на себя внимание некролог местного журналиста А. Тамарина «7 ноября (Лев Николаевич умер)». Автор писал: «Толстой — сама жизнь, с ее ужасной борьбой человека со зверем, с ее стремлением к свету через баррикады условностей и барьеры наносных уродливостей житейского обихода».

На той же странице было напечатано стихотворение Евгения Глика «Великому»:

Немым молчаньем объята вся Россия,
В покровы черные облекся старый мир.
За грани бытия ушел его кумир,
Его взяла к себе жестокая стихия...»

Вторая и третья страницы газеты также были траурными.

В последующие дни газета постоянно печатала материалы под рубриками «К кончине Л. Н. Толстого» и «Вокруг великой смерти». Излагались подробности погребения гениального русского писателя в Ясной Поляне, рассказывалось о Толстом-

⁵⁸ Друг, 1910, 9 (22) ноября.

⁵⁹ Бессарабская жизнь, 1910, 8 ноября.

севастопольце, повторялись (вслед за русской центральной печатью) причины ухода Толстого из Ясной Поляны, описывались его болезнь и смерть, освещались взаимоотношения Толстого с другими русскими писателями (И. С. Тургеневым, М. Горьким, Л. Андреевым) и т. д.

Интересные факты, отражающие отклики бессарабской прогрессивной общественности на смерть Л. Н. Толстого, связаны с провинциальной еженедельной газетой «Бессарабское обозрение», которую издавал и редактировал с декабря 1909 г. в г. Сороках И. Вайсман, близкий к социал-демократическим кругам.

В одном из номеров газеты за ноябрь было напечатано весьма настораживавшее читателя сообщение. «Губернатор,— говорилось в газете,— запретил газетам печатать объявления о панихидах, а также касаться в статьях воззрений Л. Толстого на правительство и церковь. Аналогичные распоряжения разосланы губернаторам по всем городам и уездам Бессарабской губернии». Не менее красноречивым является и сообщение редакции «Бессарабского обозрения» от 14 ноября 1910 г.: «№ 50, предположенный редакцией к выпуску в двойном объеме, **по причинам технического характера** (подчеркнуто мною.— С. П.) выходит в обычном размере». Нетрудно понять, что это были за «причины технического характера». По всей вероятности, объем 50-го номера газеты должен был быть увеличен именно в связи со смертью Л. Н. Толстого.

Эти факты подтверждают известное положение, что газеты были лишены возможности полно и открыто высказываться по поводу смерти русского писателя.

В свете сказанного необходимо расценивать и некролог газеты «Бессарабское обозрение» «Памяти Великого», напечатанный в том же 50-м номере и подписанный инициалом «W», т. е. начальной буквой фамилии издателя — редактора газеты Вайсмана. Статья написана явно «с подтекстом». Под обычными «дозволенными» царской цензурой выражениями проницательные читатели того времени понимали значительно больше, чем их буквальный смысл.

«Достиг „вечного успокоения“ великий старец,— писал автор некролога, — „вечного отдыха“, после тяжелой, почти шестидесятилетней работы, посвященной коренному пересмотру представлений нашего ума, стремлений нашей воли, правил нашего личного поведения и форм нашего общежития. Перед лицом своего сознания и своей совести он провел едва ли не все вопросы о правде и неправде нашего времени и высказал по каждому вопросу свой приговор, суровый и прямолинейный, в высшей степени оригинальный и глубокомысленный (подчеркнуто мною.— С. П.).

...Наконец светоч правды и истины был найден в принципе «непротивления злу насилием». Горячо стал служить ему ве-

ликий старец, успокоился на мгновение его так долго мятущийся дух, но только на мгновение, ибо заметил он, что тухнет его свечеч правды и истины в барских хоромах, и отправился он искать подходящего места своей «правде», но не нашел: тяжкий недуг сломил его на дороге...»⁶⁰.

Интересным и содержательным оказался № 51 «Бессарабского обозрения» от 21 ноября 1910 г. Под рубрикой «Писатели и ученые всего мира о Льве Николаевиче Толстом» приводились высказывания Г. Гауптмана, А. Франса, О. Мирбо, Ж. Ришпена, Ф. Нансена, В. Короленко и многих других видных зарубежных и русских деятелей. Здесь же был опубликован текст телеграммы, отправленной жителями г. Сорок (свыше ста подписей) на имя дочери Толстого Александры Львовны. В ней говорилось: «Во дни великой скорби по отошедшем в иной мир учителе жизни мы, жители гор. Сорок, Бессарабской губернии, присоединяем и наши голоса к всеобщему выражению глубокой скорби, переживаемой всеми, кому дороги идеалы любви и правды»⁶¹.

В том же номере газеты было опубликовано пресловутое определение Святейшего синода от 20—22 февраля 1901 г. «Об отлучении Л. Толстого от православной церкви». Тем самым «Бессарабское обозрение» еще раз напомнило местной прогрессивной общественности о позорном и жестоком поступке российского клерикализма по отношению к величайшему писателю мира и как бы перебрасывало мост от 1901 г. к 1910 г., когда газетам запрещалось «печатать объявления о панихидах» по великом сыне России.

Среди откликов бессарабской прессы на смерть Толстого была опубликована в той же сорокской газете «Бессарабское обозрение» статья выдающегося марксистского критика и публициста В. В. Воровского «У великой могилы»⁶². Статья Воровского, напечатанная под псевдонимом «П. Орловский», явилась ценным вкладом марксистской критики в научное объяснение сложной личности Толстого как писателя и мыслителя. Конечно, опубликованная в малоизвестной провинциальной бессарабской газете, статья Воровского, в отличие от почти одновременно вышедшей статьи В. И. Ленина, не могла оказать столь же мощного идейного воздействия на читателя. Однако то, что впервые статья «У великой могилы» была опубликована в бессарабской газете, важно само по себе и представляет собой интересный факт истории дооктябрьской молдавской прогрессивной печати на русском языке.

Рассматривая и оценивая статью «У великой могилы» как явление бессарабской общественно-политической и литературной жизни, как фактор воздействия на местную прогрессивную

⁶⁰ Бессарабское обозрение, 1910, 14 ноября.

⁶¹ Там же, 21 ноября.

⁶² Там же.

общественность, необходимо подчеркнуть ее особое, даже уникальное место в развернувшейся в Бессарабии борьбе вокруг Л. Н. Толстого в связи с его уходом и смертью. В этом плаче статья В. В. Воровского прямо противостояла широко распространенной в ноябре 1910 г. (а также много лет спустя) версии о Толстом как «великом богоискателе», покинувшем Ясную Поляну не в результате долголетней мучительной внутренней борьбы с самим собой в стремлении порвать с чуждой ему социальной средой, а в предчувствии смерти и в желании «уйти от жизни» в полном примирении со своей успокоившейся наконец совестью и церковью.

Иного взгляда в этом вопросе придерживался Воровский. Уход Л. Н. Толстого из Ясной Поляны критик-большевик рассматривал как выход великого писателя «на широкий простор необъятной родины».

«Говорят, что лесные звери, предчувствуя близкую смерть, уходят куда-то в глубь дебрей и там умирают. Охотники никогда не натыкаются на трупы зверей, погибших естественной смертью. С последним дыханием зверя исчезают и его физическое и его духовное существо, все должно исчезнуть, не должно оставаться ни следа...

А великая человеческая личность накануне смерти покидает свой насиженный родной уголок, бросает семью, бросает тихий уют домашнего очага, узкий круг избранных друзей и тесный кругозор любимой Ясной Поляны.

Она выходит на широкий простор необъятной родины, останавливается среди бесконечного поля, на перекрестке широких дорог, где тысячами тянется серый безвестный люд, тот самый неведомый, вечно ищущий человек, которого так любил великий покойник и который так чтит и любил его.

Более открытой, более всенародной, более отвечающей духу его учения смерти Толстой не мог просить себе...»⁶³.

Так начиналась статья В. Воровского в сорокской газете «Бессарабское обозрение». Уже в этом небольшом отрывке отразилась общая концепция статьи о Толстом как гениальном выразителе чаяний широчайших народных масс России. Она раскрывается далее и убедительно объясняется.

Статью В. И. Ленина «Л. Н. Толстой», увидевшую свет 16 ноября 1910 г. в нелегальной большевистской газете, В. Воровский мог и не знать. Зато он бесспорно знал статью 1908 г. «Лев Толстой, как зеркало русской революции», основные положения которой нашли дальнейшее развитие в статье-некрологе «Л. Н. Толстой». Как бы то ни было, но силой проникновения в сущность Толстого как сложнейшего явления, глубиной и убедительностью аргументации основных положений статья Воровского отсылает нас к гениальной ленинской характерис-

⁶³ Бессарабское обозрение, 1910, 21 ноября.

тике Л. Н. Толстого. Вместе с тем нельзя забывать, что статья «У великой могилы» родилась как итог длительной работы Воровского-публициста над темой о Толстом в фельетонах 1908—1910 гг.⁶⁴

Первый, принципиально важный момент, на котором останавливается Воровский в своей статье,— это мировое значение Толстого-художника. Он направлял полемические стрелы против тех, кто видел в Толстом «только автора нравственных учений», только пропагандиста евангелия своего толкования, изобретателя инертной доктрины непротivления злу, поборника личного совершенствования, мирного анархиста, загородившего всей массой своего имени и таланта «путь коллективного совершенствования» и для кого Лев Толстой действительно умер. В то же время В. В. Воровский подчеркивал, что Л. Н. Толстой велик как яркий выразитель затаенных, неосознанных, не находящихся формул мечтаний, безымянных серых масс. «И тем был он им дорог, и потому находил такой отзвук в их сердцах, и за то имя его стало дорогим последнему изголодавшемуся крестьянину, что в словах и поучениях Толстого звучала в образной форме душевная тоска, вечная жажда, неосознанное стремление забитой, загнанной, но не способной отречься от своего человеческого бытия массы»⁶⁵.

Другой важный момент статьи В. В. Воровского — это выявление противоречий в мировоззрении и творчестве Л. Н. Толстого. В конечном итоге ими были обусловлены его сильные и слабые стороны как художника и мыслителя. При этом автор статьи «не ограничивался только признанием самого факта существования противоречий в учении и творчестве писателя, но и стремился объяснить их в связи с объективными условиями, заложенными в недрах русской действительности»⁶⁶, то есть в оценке Толстого В. В. Воровский бесспорно шел за В. И. Лениным или рядом с ним.

В оценке В. В. Воровского Л. Н. Толстой предстает как «художник-великан», «неподкупный голос», «вечно неугомонный мозг», «болевшее за всех страждущих сердце» и т. д. Вместе с тем критик-большевик резко отрицательно отзывался о реакционных заблуждениях Толстого — проповедника и мыслителя, о толстовской системе опрощения. И опять же, придерживаясь марксистской диалектической методологии исследования, В. В. Воровский неизбежно приходит к единственно правильному выводу о «корнях» этого явления. «Не он выдумал эту систему опрощения, отречения от недоступных материальных благ, непротivления все давящему насилию, искания счастья в нездешней, нематериальной среде, вечной апелляции

⁶⁴ См.: Семеновский О. В. В. В. Воровский — литературный критик. — Книшнев, 1963, с. 102—108.

⁶⁵ Бессарабское обозрение, 1910, 21 ноября.

⁶⁶ Семеновский О. В. В. В. Воровский — литературный критик, с. 118.

к какой-то высшей, неподкупной, но неведомо где кроющейся справедливости.

Нет, это создала сама вековая жизнь многих миллионов русского крестьянства, слезы и кровь бесконечных поколений, те слезы и кровь, что обильно впитала русская земля, из которой вырос художник-великан»⁶⁷.

Недосказанность, зашифрованность многих важных моментов статьи не мешает нам понять — особенно с помощью «ключа» ленинской оценки Толстого — такое принципиальное положение, как отношение революционного пролетариата к наследию великого писателя. Те, иносказательно писал В. В. Воровский, «кто всей своей мыслью ушли в познание... будущего, кто видел, что будущее может и должно сложиться не на почве личного самоусовершенствования и искания счастья в самом себе», враждебно относились к «толстовскому евангелию безысходной скорби и отречения от царства божия на земле».

Но Толстой — изобретатель косного учения о внутреннем спасении и совершенстве, говорит Воровский в своей статье, это еще «не вся Россия, не весь народ, что в нем заложено и что в нем бродит».

«Кричащие противоречия» Л. Н. Толстого помешали ему понять цели и борьбу русского пролетариата. Русский рабочий класс и его революционный авангард отвергли толстовский рецепт изменения мира путем всеобщей любви, кротости и всепрощения. Толстой, в свою очередь, страстно и категорически отрицал революционные способы переделки жизни пролетариатом. «И каждый из них был верен себе и прав перед лицом души своей. Но вряд ли можно сомневаться, кто был прав перед историей...»⁶⁸

Через семь лет после смерти великого мятежного писателя история подтвердила правоту большевика В. В. Воровского и трагическое заблуждение горячего искателя правды и счастья для всех вне революционной борьбы, каким был Л. Н. Толстой. Но путь до Октября еще предстояло пройти.

А в ноябре 1910 г. вся Россия пришла к могиле великого писателя, чтобы воздать ему почести, «ибо вся она понимала, что хоронит не только одного из величайших сынов своих, последнего из своих могилян, но что вместе с ним хоронит и последнюю веру покорной, непротивящейся, пассивной России»⁶⁹.

Так заканчивалась замечательная статья В. В. Воровского «У великой могилы». В ней особенно поражает то, с каким оптимизмом говорил В. В. Воровский (и это в мрачную годину глубокого безвременья!) о светлом грядущем России, путей к которому не признавал Л. Н. Толстой. Удивляет еще одно об-

⁶⁷ Бессарабское обозрение, 1910, 21 ноября.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

стоятельство: как могла такая статья появиться в бессарабской газете некоторое время спустя после опубликования в ней упомянутого распоряжения бессарабского губернатора об отношении к Толстому!

Таковы основные моменты, связанные со смертью великого русского писателя Л. Н. Толстого, нашедшие отражение в бессарабской периодической печати. Но не из легальной подцензурной печати мы узнаем о подлинных событиях тех дней, о резких столкновениях друзей и врагов Толстого у его могилы, а из секретных когда-то материалов и из других бесцензурных источников.

Именно по ним молдавские историки установили, что в связи со смертью Л. Н. Толстого 10 ноября 1910 г. в доме № 44 по Синадиновской улице в Кишиневе состоялась массовая сходка рабочих и учащейся молодежи. Участники сходки собрали деньги и послали телеграмму соболезнования семье покойного. Там же была составлена и на другой день распространена среди молодежи города специальная листовка. В ней говорилось:

«Товарищи! Закатилось солнце всего мира. Умер Л. Н. Толстой. Вся Россия и вместе с ней весь мир оплакивает кончину того, кто так много дал человечеству. Вчерашняя телеграмма принесла эту страшную, ошеломляющую весть. И несмотря на это, жизнь в нашем городе идет своим чередом и даже страшно подумать, что иллюзионы, рестораны, театры полны народом». Далее звучал страстный призыв откликнуться на эту непоправимую утрату:

«Товарищи! Стыдно! Если у вас есть души, если совесть не спит, то надо откликнуться на это горе. В Москве учащиеся распущены на три дня, то же, вероятно, происходит и в других городах. Товарищи, не отставайте и вы!»⁷⁰.

Листовка возымела свое действие: сотни молодых рабочих и учащихся откликнулись на ее призыв, не вышли на работу и прекратили занятия.

Это тем более необходимо подчеркнуть, так как только молодежь действовала, а кишиневские обыватели продолжали пребывать в безмятежном спокойствии. Об этом с печальной проницательностью писала газета «Бессарабская жизнь». Узнав о кончине великого русского писателя, представители «культурного» общества Кишинева «покачали головами, выкурили в знак горести по лишней папиросе, сказали: «Мертвый в гробе мирно спи, жизнью пользуйся живущий», — и продолжали «пользоваться жизнью»⁷¹.

Такие факты — пусть даже единичные — дополняют в какой-то мере картину борьбы вокруг Толстого, которую мы мо-

⁷⁰ Цит. по кн.: *Иванов Ю., Иткис М.* Участие молодежи в революционном движении в Молдавии, 1900—1917. — Кишинев, 1959, с. 29—30.

⁷¹ *Тамарин А.* Мы скорбим. — Бессарабская жизнь, 1910, 9(22) ноября.

жем составить сегодня на основе материалов легальных бессарабских газет.

Со смертью Л. Н. Толстого интерес бессарабской общественности к его личности и творчеству не исчез. Свидетельством тому может служить 1911 г., названный в бессарабской прессе «годом траура», «печальной годовщиной». По случаю первой годовщины смерти Л. Н. Толстого местные газеты печатали неизданные произведения писателя («Легенда о Пасхе», «Что я видел во сне» и др.), статьи, посвященные его светлой памяти. В последующие годы в разных газетах Бессарабии продолжали появляться как произведения самого Л. Н. Толстого («Рождественская легенда», «Женская верность» и мн. др.), так и статьи, раскрывающие тот или иной эпизод из жизни писателя (например, статья Вл. Бонч-Бруевича «Л. Н. Толстой в голодные годы», статья без подписи «Старец Васанофий и Лев Толстой», рассказывающая о нечистых махинациях церковников, пытавшихся представить великого писателя «покаявшимся» перед смертью), его взаимоотношения с другими русскими писателями и т. д.

Таким образом, смерть Л. Н. Толстого послужила еще одним поводом для острого столкновения противоположных мнений о личности и творчестве писателя. При этом, в отличие от юбилейного 1908 г., смерть более резко разграничила классовые силы, участвовавшие в борьбе против или за Толстого, и даже заметно активизировала деятельность прогрессивной общественности Бессарабии.

Всемирная слава делала великого писателя неприкосновенным для русского самодержавия, но она, в то же время накладывала на Л. Н. Толстого невероятно много обязанностей по отношению к своим современникам, особенно внутри страны, наделяла его особой притягательной силой для миллионов простых людей. В этом плане те письма, которые получал Лев Николаевич от совершенно неизвестных ему людей по самым различным вопросам, свидетельствуют о громадной популярности великого писателя в самых широких народных массах.

Этот беспрецедентный волнующий «диалог» между великим русским писателем и целым миром продолжался не один десяток лет и представляет собой интереснейшую страницу общественно-политической деятельности Л. Н. Толстого. В этот диалог были вовлечены сотни людей — от царя и министров до простых солдат и школьников.

В числе 50 тыс. писем, которые получил за свою жизнь Л. Н. Толстой и которые в настоящее время хранятся в Государственном музее писателя в Москве, находятся и несколько десятков писем, а также множество телеграмм, отправленных в Ясную Поляну отдельными лицами и целыми коллективами прогрессивной общественности тогдашней Бессарабии в связи

с тем или иным событием в жизни великого писателя. Почти сорок имен можно насчитать среди бессарабских корреспондентов Л. Н. Толстого.

Простые люди Бессарабии считали великого русского писателя чуть ли не волшебником, способным ответить на все вопросы жизни — общественно-политические, философские, религиозные, нравственные, литературные, вопросы любви и брака, жизни и смерти и т. д. Для многих искателей правды, смысла жизни, выхода из невыносимых условий капиталистического общества Л. Н. Толстой был «учителем жизни». Эта наивная вера во всемогущество яснополянского проповедника и мыслителя была подчас единственной поддержкой для простых людей. Передовые умы из низов, по словам Л. Леонова, «привыкли к утешной мысли, что неподкупное сердце бьется вблизи, зоркое око видит их каторжный труд и лишения, чуткое ухо слышит их стон и песню...»⁷².

Письма датированы, в основном, последними двумя десятилетиями жизни Л. Н. Толстого и лишний раз подтверждают ту известную истину, что к Ясной Поляне были обращены взоры и сердца всех, кто только знал имя Льва Толстого. По своему возрасту, образованию, социальному положению, культурному уровню, интеллектуальному развитию и т. д. бессарабские корреспонденты Л. Н. Толстого принадлежали к самым разным категориям, среди них были студенты и семинаристы, гимназисты и начинающие литераторы, учителя и врачи, издатели журналов и управляющие книжными магазинами и т. д.

Одно из наиболее ранних писем бессарабцев к Л. Н. Толстому относится к 1888 г. Это было время, когда в России широко издавали произведения специально для народного чтения. Один из первых бессарабских корреспондентов Л. Н. Толстого, управляющий кишиневским книжным магазином М. Шах, желая внести «хоть малую лепту в это доброе дело», решил «предпринять в провинции подобные же издания». Он остановился на произведениях Л. Н. Толстого для народного чтения, «как наиболее подходящих по своему характеру и направлению». Автор письма обращался к Льву Николаевичу с «покорнейшей просьбой» дать согласие на выпуск этих изданий⁷³.

Нельзя не назвать благим намерение кишиневского корреспондента издать произведения Л. Н. Толстого для народного чтения. Этим бессарабский издатель, осознавал он это или нет, противопоставлял низкопробной, лубочной литературе «специально для народного чтения» простые по форме и богатые по содержанию повести и рассказы Л. Н. Толстого.

Письмо М. Шаха, к сожалению, осталось без ответа, а его намерение издать в Кишиневе произведения Л. Н. Толстого — неосуществленным. Вместе с тем следует отметить, что отдель-

⁷² Леонов Л. Слово о Толстом. — М., 1960, с. 6.

⁷³ Днестр, 1960, № 11, с. 28.

ные произведения для народного чтения были изданы в Бессарабии еще в первой половине 80-х гг., т. е. задолго до обращения упомянутого кишиневского издателя к Толстому. Речь идет о четырех книгах, в которые вошли рассказы, увидевшие свет еще в начале 60-х гг. в журнале Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». Эти книги были изданы в г. Бендерах в 1882—1884 гг. А. А. Эрленвейном, уроженцем Кишинева и выпускником кишиневской гимназии. В них были представлены девять детских рассказов Л. Н. Толстого «для семьи и школы».

В 1889 г. к Л. Н. Толстому в Москву обратился из Кишинева с письмом И. М. Левит. Прочитав сочинение Л. Н. Толстого «Об искусстве», «изобилующее новыми, трезвыми, свежими и правдивыми взглядами на искусство», автор письма выражал свое желание перевести его на древнееврейский язык.

«Очень буду рад,— писал Лев Николаевич Левиту 23 января 1899 г. из Москвы,— что книга моя «Об искусстве» будет переведена на древнееврейский язык» (72, 45). На вопросы своего корреспондента о судьбе еврейского народа Толстой отмечал: «Задачи еврейства в будущем, как и всякого народа, есть освобождение себя от обособленности и пристрастия к своей народности и религии и все большее и большее уяснение общечеловеческих идеалов и посильное осуществление их в жизни» (72, 45).

Для дальнейших рассуждений, как бы раскрывающих содержание понятия «общечеловеческие идеалы», характерен внеклассовый, абстрактный гуманизм. «Для людей, державшихся такого мировоззрения,— писал Л. Н. Толстой, имея в виду понятие общечеловеческих идеалов,— нет рабства, нет обидчиков и угнетателей, потому что идеалы эти доступны при всех возможных условиях» (72, 45). Ошибочность и реакционность теории «братства во Христе» всего человечества, всех классов и возможности осуществления общечеловеческих идеалов без борьбы и «при всех возможных условиях» очевидна.

В марте 1900 г. И. М. Левит опять писал Л. Н. Толстому, сообщая ему о своем переводе книги «Об искусстве» и прося разрешения писателя на перевод романа «Воскресение» (72, 46).

Молдавские корреспонденты Толстого обращались к нему в самые тяжелые моменты жизни, но даже в таких случаях они высказывали свои сомнения или просто не соглашались с тем или иным положением толстовского учения. Такие письма поражают прямоотой и искренностью.

В качестве примера можно привести письма Е. Грищенко⁷⁴

⁷⁴ Е. Грищенко — дочь помещика, слушательница в 1904 г. Высших женских курсов в Москве. Следовательно, ее письмо в какой-то степени отражало нравственно-психологическую атмосферу определенной части тогдашней молдавской интеллигенции.

из бессарабского местечка Гертоп-Маре, И. Тучака из Глодян, С. Лунги из Кишинева и др.

В письме от 17 июля 1904 г. Е. Грищенко писала Л. Н. Толстому, что она горячо хочет верить, что без веры ей нельзя жить и когда ее вера начинает слабеть, она часто думает о самоубийстве. Она просила объяснить ей, «как примирить веру с новейшими выводами естествознания», ссылаясь при этом на немецкого зоолога-дарвиниста Эрнста Геккеля (1834—1919), который в книге «Мировые загадки» оправдывал с точки зрения естествознания смертную казнь. «Ведь нельзя их (выводы естествознания.— С. П.) отрицать,— писала Грищенко, — ведь они тоже выводы разума, а там нет места для Бога, не может быть его.

Допущение Бога нарушило бы все построение, а чувствуется, что в нем тоже истина. Как примирить их?»⁷⁵.

Автором письма, по ее же словам, руководило отчаяние; для нее вопросы, обращенные к Толстому, — не праздные, а жизненные и кроме него, Толстого, автору письма «никто не может помочь»⁷⁶.

Еще раньше, в июне того же 1904 г., Е. Грищенко написала письмо, о содержании которого мы можем судить по ответу Толстого на него. «Вы делаете два вопроса,— отвечал Л. Н. Толстой Е. Грищенко: — о свободе воли и о страдании» (75, 132). Письмо Е. Грищенко, к сожалению не обнаруженное, показалось Л. Н. Толстому серьезным и он ответил на него также серьезно и очень подробно (75, 132).

Авторы многих писем пытались спорить с Толстым, обнаруживали противоречия в его нравственно-философском учении, опровергали отдельные его положения. Главным предметом споров являлась пресловутая толстовская теория непротivления злу насилием.

Подобные письма, как правило, Толстой получал от молодых представителей бессарабской общественности в период революции 1905—1907 гг., когда не только центр России, но и ее национальные окраины были охвачены мощным общественно-политическим подъемом.

В 1905 г., например, впервые написал Толстому 15-летний подросток из Бендер Яков Соколов, назвавший его «учеником». Как множество других корреспондентов великого писателя, Я. Соколов вначале выражал свое горячее желание приехать в Ясную Поляну и жить вблизи Толстого. Затем Соколов наивно и по-детски искренно поднимает перед своим учителем целый ряд далеко не наивных вопросов: любовь мужчины к женщине как помеха к выполнению им своего гражданского долга перед людьми, шкурничество людей в капиталистическом обществе, необходимость борьбы против зла и неправды и т. д.

⁷⁵ Государственный музей Л. Н. Толстого, шифр 27/АТ, инв. № 46629.

⁷⁶ Там же.

При этом затрагиваемые Соколовым вопросы рассматриваются вначале в весьма общей и абстрактной плоскости, вне классовых критериев и оценки. Но вот перед нами последнее сохранившееся письмо Соколова к Л. Н. Толстому от 21 ноября 1906 г. Прошел всего год с небольшим, но вчерашнего «ученика» Толстого будто подменили, о чем свидетельствует, на наш взгляд, отрывок из этого письма.

«Вы, Лев Николаевич,— писал Соколов Толстому, — говорите и учите, как и Христос учил, непротивлению злу насилем и терпению. Но что должны делать те миллионы бедных рабочих, которых держат в темноте и которые находятся в непосильном рабстве у маленькой кучки людей? Неужели народ должен слепо молчать и повиноваться угнетателям, на которых никакие мольбы не действуют? Что же должен делать народ в этом случае по-Вашему, чтобы освободиться от гнета и темноты? Неужели он должен молчать, как и наши отцы и деды молчали и терпели, молчанье и терпенье которых довело до полного порабощения?

Или что должен был бы сделать тот человек, который стоял бы на берегу реки с заряженной винтовкой, а на другом берегу напротив его стоял бы палач с мечом, а у ног его лежали бы связанные люди и над головой которых палач уже заносил бы меч, чтобы погубить несчастных связанных; как не убить палача, чтобы спасти несчастных связанных людей? Что бы Вы сделали, Лев Николаевич, если бы Вы очутились на месте человека, стоящего с винтовкой в моем примере?*

Под палачом я подразумеваю правительство и буржуев. Под связанными людьми, находящимися под ногами палача, я подразумеваю угнетенный народ, жизнь которого правительство и буржуи постепенно отравляют. А под человеком, стоящим на другом берегу с винтовкой, подразумеваю более или менее уже сведущих людей и стремящихся к благу народа»⁷⁷.

Нетрудно догадаться, как поступил бы сам Соколов, если бы он в созданной им же аллегории стал бы на место человека с винтовкой.

Следуя своему неукоснительному правилу лично читать каждое адресованное ему письмо, Лев Николаевич ознакомился и с только что приведенным. 16-летний подросток из далекой Бессарабии затрагивал один из самых уязвимых в мировоззрении и проповеднической деятельности Толстого вопросов — теорию непротивления злу насилем.

Толстой, как известно по его колоссальному эпистолярному наследию, в переписке с частными лицами никогда не поддавался чувству раздражения, обиды или оскорбления, хотя писем, дававших повод к этому, писатель получал немало. Это, безусловно, тоже было одним из проявлений пресловутой тео-

* В оригинале вопросительные знаки отсутствуют.

⁷⁷ Государственный музей Л. Н. Толстого, серия 123, № 34.

рии непротивленчества. Покорность воле божьей, смирение, кротость, любовь к гонителям, по мнению Л. Н. Толстого, помогают нести тяготы жизни как тем, кто переносит гонения, так и тем, кто знает про это.

Бессарабский «ученик» и последователь учения Толстого, как видим, явно расходился во взглядах со своим «учителем жизни».

Лев Николаевич и в данном случае не проявил никакого чувства раздражения. Сначала на конверте этого письма Толстой написал: «Ответить, что ответ в книгах», но затем, что случалось очень редко, сделанную запись он зачеркнул, заменив ее известными буквами «Б. О.», т. е. без ответа.

Были и другие корреспонденты, у которых глубокое чувство любви и симпатии к Л. Н. Толстому, преклонение перед его великой личностью сочеталось с явным несогласием с его учением или по крайней мере с желанием поспорить с маститым мыслителем, указать на противоречия в его нравственно-философской системе и т. д. В этом плане наиболее интересны случаи, когда в спор о теории непротivления злу насилием включались служители культа, т. е. как раз те, кто «по долгу службы» был призван защищать догматы религии. В качестве примера коротко остановимся на письме ученика II класса кишиневской семинарии С. И. Лунги к Толстому, написанном 28 ноября 1908 г.

Прочитав известное сочинение Толстого «В чем моя вера?», в котором наиболее полно была сформулирована теория непротivления злу насилием, молдавский корреспондент Толстого понял, «что протivлением злу зло не только не уничтожается, но даже увеличивается»⁷⁸. В то же время С. Лунга просил Льва Николаевича разъяснить ему «кажущееся протivоречие между словами и делами Христа». Именно Христос, писал С. Лунга, проповедуя непротivление злу, бичом изгоняет торгующих из храма и, таким образом, насилием, злом уничтожает зло. «Не следует ли из этого, — продолжает размышлять С. Лунга, — что в разрешении этого вопроса, вопроса о непротivлении злу, слова наши не могут гармонировать с делами?»⁷⁹.

Далее С. Лунга писал: «Вы говорите, что протivлением злу зло увеличивается; поэтому не нужно сопротивляться. Если же допустить, что счастье всего человечества можно построить на смерти одного человека, то можно ли в таком случае лишить его жизни?»⁸⁰.

В отличие от предыдущего примера, когда аллегорическое письмо Я. Соколова осталось без ответа, на конверте данного письма сохранилась помета Льва Николаевича с указанием

⁷⁸ Государственный музей Л. Н. Толстого, инв. № 50699.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же.

своему секретарю Н. Н. Гусеву послать С. И. Лунге в Кишинев Сандерленда* и ответить.

За исключением Якова Соколова (первое письмо датировано 9 августа 1905 г., последнее — 21 ноября 1906 г., всего в архиве сохранилось четыре письма), все остальные написали в Ясную Поляну по одному или по два письма, поэтому их можно назвать случайными корреспондентами Толстого, между ними и писателем не могли установиться какие-либо прочные душевные связи.

В том же Рукописном отделе Государственного музея Л. Н. Толстого хранятся тридцать три письма и почтовые карточки, которые в многолетней переписке Л. Н. Толстого с общественностью дооктябрьской Бессарабии занимают, пожалуй, особое место. Речь идет о письмах солдата-молдаванина И. М. Куртыша за 1907—1910 гг.

Мощный общественный подъем в России начала двадцатого столетия нашел свое выражение в активной, осознанной борьбе народных масс против царизма, против всех устоев прогнившего феодально-крепостнического строя. Своеобразной и широко распространенной формой борьбы крестьянских масс в этот период и особенно в годы первой русской революции были разного рода «отказы»: отказ от платежа податей, отказ служить в государственных учреждениях, отказ нести воинскую повинность в царской армии и т. д. Все эти отказы от повинностей в годы общественного подъема имели революционное значение. В этом плане самым убедительным и авторитетным документом служит «Проект резолюции о поддержке крестьянского движения», внесенный В. И. Лениным 20 февраля 1905 г. на III съезде РСДРП. Согласно этому проекту всем партийным организациям поручалось: «Рекомендовать крестьянам отказ от исполнения воинской повинности, полный отказ от платежа податей и непризнание властей, в целях дезорганизации самодержавия и поддержки революционного натиска на него»⁸¹.

Как известно, Л. Н. Толстой еще задолго до 1905 г. тоже выступил со своей программой «неповиновения» народных масс русскому самодержавию, представлявшей реальную опасность для царизма. Объективно его программа служила интересам революции. Это хорошо понимали те, против кого она была направлена.

Л. Н. Толстой с живым интересом воспринимал поступающие к нему известия о том, что крестьяне отказываются нести воинскую повинность и за это их приговаривают к тюремному

* Речь идет о книге американского пастора Т. Сэндерленда под названием «Библия, её происхождение, развитие и отличительные свойства», перевод которой с английского увидел свет в издательстве «Посредник» в 1908 г. и был положительно оценен В. Воровским в «Одесском обозрении».

⁸¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 157.

заклучению. «И страдаю, и радуюсь,— писал Л. Н. Толстой в мае 1908 г. одному из «отказавшихся» Антону Иконникову,— при известии о том, что со всех сторон все чаще просыпается в людях то сознание, которым вы живете и которое заставляет Вас делать то, что Вы делаете»⁸².

Радость и страдание... Это противоречивое психологическое состояние Толстого нашло свое отражение в его переписке со многими «отказавшимися». Радость оттого, что на живой практике, по мнению великого правдоискателя, проверялась и подтверждалась «правильность» и жизненность его теории «непротивления злу насилием» (хотя уже сами эти массовые отказы были явным противлением общественному злу тогдашней жизни). Страдание от того, что писателя постоянно мучило сознание «вины» перед жертвами учения (хотя не все отказы нести службу в царской армии совершались под воздействием этого учения). Этим объясняются искреннее стремление и желание, постоянная готовность Толстого облегчить участь «отказавшихся», в чем мы полностью убеждаемся, знакомясь с обширной и многолетней перепиской Льва Николаевича с этими людьми. Одним из «отказавшихся» был Иван Маркович Куртыш, крестьянин Бендерского уезда Бессарабской губернии (по административному делению тогдашнего времени).

Солдатскую службу И. Куртыш начал в Кишиневе в 1904 г. Здесь же, как можно читать в одном из комментариев к его биографии (77, 221), он отказался от несения воинской повинности, причем это приписывается целиком влиянию Антона Иконникова, отказавшегося служить в армии действительно под влиянием толстовского учения.

Впервые о Куртыше Л. Н. Толстой узнал в начале октября 1906 г. от И. Ф. Наживина, своего знакомого и единомышленника. Излагая письмо, полученное от Иконникова, Наживин писал Толстому: «В Новогеоргиевской крепости, где сидит Иконников, был один солдат-артиллерист, молдаванин Иван Куртыш, призыва 1904 г., т. е. прослуживший уже 2 года. За какое-то неповиновение военному начальнику он был судим военным судом на 1½ г. в дисциплинарный батальон, но так как в дисциплинарных батальонах теперь все набито битком, то в ожидании вакансии Куртыша посадили в крепостную тюрьму, где сидит Иконников» (подчеркнуто мною.— С. П.)⁸³.

8 октября того же года Л. Н. Толстой отвечает Наживину: «Спасибо вам, милый Иван Федорович, за письмо и за трогательные сведения о Куртыше. Не могу жалеть его. Могу только радоваться и бояться... Я послал выписку из вашего письма солдатам, которые обращались ко мне с вопросом: как им

⁸² Письма Л. Н. Толстого, 1848—1910 гг. Собранные и редактированные П. А. Сергеенко.— М., 1910, с. 312.

⁸³ Государственный музей Л. Н. Толстого, индекс 1 $\frac{A-7}{П. 97\ 3}$

быть, когда их пошлют усмирять» (подчеркнуто мною. — С. П.)⁸⁴.

Благодаря знакомству Куртыша с товарищем по несчастью Антоном Иконниковым, его поступок, т. е. отказ служить в армии, стал фактом общественной жизни. Так, в начале ноября 1906 г. М. Л. Оболенская, дочь писателя, в письме к И. Наживину спрашивает по поручению отца, куда можно послать деньги для передачи Ивану Куртышу и Антону Иконникову (76, 296). А в середине того же месяца письмо к Н. П. Сутковому Л. Н. Толстой заканчивал следующими словами: «Знаете ли вы Куртыша — солдата, который, поняв закон* от Иконникова, отказался служить. Его отдали в дисциплинарный батальон. Когда его пугали теми муками, которыми его будут мучать, он говорил только: я за них буду молиться. Вот наши учителя» (подчеркнуто мною. — С. П.) (76, 236).

По просьбе Толстого И. Наживин держал его в курсе всех событий, связанных с Куртышем, внимательно следил за его судьбой. Так, 11 ноября Наживин, ссылаясь на того же Иконникова, сообщал Толстому, что Куртыша из госпиталя уже выписали и отправили в дисциплинарный батальон, в какой именно — еще неизвестно. Перед отправлением, писал далее Наживин, Куртыша видел Иконников. По его словам, Куртыш по-прежнему бодр и светел. «Сказал, что в строй ни в каком случае не станет более. Значит, впереди для него страдания, истязания»⁸⁵.

В середине ноября 1906 г. И. Ф. Наживин сообщал из Финляндии адрес, по которому ему можно было прислать деньги для передачи И. Куртышу и А. Иконникову, т. е. он знал местонахождение последних. Наконец, в письме Наживина к Толстому от 31 декабря 1906 г. сказано более чем лаконично: «Об Иване Куртыше пока ни слуху, ни духу»⁸⁶.

После этого своеобразного пролога, предшествовавшего началу переписки И. Куртыша с Л. Н. Толстым и подготовившего необходимые условия для этой переписки, Куртыш исчезает из поля зрения на целый год. Во всяком случае в переписке Льва Николаевича с Наживинным будущий бессарабский корреспондент писателя опять возникает только в сентябре 1907 г.

⁸⁴ Письма Л. Н. Толстого, 1848—1910 гг., с. 308.

* Какой именно закон имеет Толстой в виду, легко понять из его «Обращения к заключенным за отказ от воинской повинности», написанного в начале 1909 г. «Простой и ясный вопрос,— писал Толстой,— ведь в том, какой из двух законов признаешь ты для себя обязательным, ты, каждый человек нашего времени: закон ли бога, т. е. своей совести, или закон человеческий, т. е. закон государства? Веришь ли ты своду законов или евангелию? Какие повеления считаешь для себя более обязательными: повеление ли бога или воинского устава?» (79, 65).

⁸⁵ Государственный музей Л. Н. Толстого, индекс I $\frac{A-7}{П. 97/3}$.

⁸⁶ Там же.

Отвечая на письмо Наживина от 9 сентября, Толстой писал, что с 12 сентября 1907 г. он будет высылать Иконникову и Куртышу ежемесячно по 5 руб. и что он попросит свою дочь (вероятно, Марию Львовну) если он умрет до их освобождения из тюрьмы, чтобы она продолжала это делать до их освобождения (77, 197).

Первое письмо Куртыша к Толстому датируется 4 октября 1907 г. И поскольку к этому моменту Куртыш получил от кого-то пять рублей, то в своем первом письме к Толстому он спрашивал «его сиятельство», кем присланы эти деньги. (Заметим в скобках, что это единственный раз, когда Куртыш называет Толстого «сиятельством».)

Вместе с «прологом», о котором уже говорилось выше, переписка Толстого и Куртыша продолжалась четыре с лишним года. За это время Куртыш побывал в пяти тюрьмах: Новогеоргиевской, затем последовало Варшавское исправительное отделение (здесь Куртыш отбывал наказание в 1907, 1908, 1909 и 1910 гг. до июня месяца, т. е. почти весь срок заключения); из Варшавы Куртыша в середине 1910 г. перевели в Седлец, оттуда он попал в Орел, а последние месяцы отсидел в Брянской губернской тюрьме. В Варшаве Куртышем была написана большая часть писем в Ясную Поляну — 25 из 33. Некоторые из них снимают в какой-то мере категоричность утверждения, будто Куртыш совершил свой поступок из чисто религиозных побуждений под влиянием Антона Иконникова; да и само знакомство Куртыша с Иконниковым, как видно из письма Наживина от 2 октября 1906 г., произошло после того, как Куртыш допустил «какое-то неповиновение военному начальнику».

Заинтересовавшись личностью Куртыша как одного из «отказавшихся»*, Толстой, как и во многих других аналогичных случаях, не входит в подробности о причинах его отказа служить, а просто принимает факт в целом как еще одно доказательство правильности и жизнеспособности принципа всеобщей любви и непротivления злу насилieм, которого неукоснительно придерживался сам Толстой и который страстно и неустанно проповедывал. В Куртыше, как и во всех остальных «отказавшихся», Толстой видел главным образом своего единомышленника, брата по духу. Его не интересует ни возраст, ни национальность, ни социальное положение, ни образование своего молодавского корреспондента. Достаточно того, что Куртыш — «отказавшийся». А раз это так, то неудивительно, что во всех письмах Толстого к Куртышу обязательно находим устойчивые,

* 14 ноября 1906 г. Толстой писал Наживину: «Мне пришло в голову написать о страдающих от отказов военной службы» (см. т. 76, с. 234). Свое намерение, как известно, Толстой осуществил в начале 1909 г., написав «Обращение к заключенным за отказ от воинской повинности» (79, 64—66).

слегка варьируемые штампы нравственно-религиозной проповеди вроде: «Помогай вам бог, тот, который живет в вас, переносить с кротостью и одинаковой ко всем любовью ваше положение», «Помогай вам тот бог, который живет в вас, нести посланное вам испытание» и т. д. Но Л. Н. Толстой был не только проповедником абстрактного нравственно-религиозного учения о путях установления на земле всеобщей любви и справедливости. Толстой всегда и прежде всего был великим гуманистом.

Вот почему общие для всех писем «отказавшимся» холодные штампы о боге, о терпении, о всепрощении, о любви к гонителям и т. д. сочетаются с теплыми, трогательными словами. В них виден Л. Н. Толстой доброжелательный, заботливый, внимательный, обеспокоенный судьбой своего корреспондента и всегда готовый поддержать страдающего за общую идею, т. е. за отказ от несения воинской повинности. Все это нашло свое отражение в первом же письме Толстого к Куртышу от 10 октября 1907 г.

«Милый и дорогой брат Куртыш.

Получил ваше письмо и просил ответить на него моего молодого друга Ник. Ник. Гусева, но хочется и самому сказать вам несколько слов благодарности за ваше доброе дело и страдание за него. Помогай вам тот бог, который живет в вас, нести посланное вам испытание. Если могу я и мои и ваши друзья чем-либо служить вам, напишите, пожалуйста. Для нас будет большая радость сделать все, что мы можем для того, чтобы исполнить ваше желание.

Любящий вас брат Лев Толстой.
10 окт. 1907» (77, 221).

Или вот отрывок из другого письма Толстого к Куртышу в Варшаву: «Благодарю тебя, дорогой друг и брат, за письмо. Не я один, но многие вместе со мною радуются, когда получают от тебя весточку. Многие помнят и любят тебя и потому радуются, когда узнают, что ты жив не только телом, но и душой и не унываешь, а благодаришь бога...» (80, 227).

Переписка Толстого и Куртыша продолжалась. Толстой внимательно читал все письма Куртыша и ни одна его просьба не оставалась неисполненной. «Послать деньги и книги», «Послать провизию», «Разберите, что нужно Куртышу», «Послать все, о чем просит» — так обычно реагировал Лев Николаевич на его просьбы.

Неудивительно, что почти каждое ответное письмо из Варшавы начиналось, как правило, с глубокой благодарности Куртыша семье Толстого или ему лично за книги, за деньги, за посылки и т. д. Книг Куртыш просил часто и много, но также часто жаловался на то, что тюремная администрация не дает присланных книг заключенным. И Толстой, отправляя в Варшаву очередную посылку с книгами, «очень просил начальство

пропустить их» (80, 227). Из Варшавы особенно просили книги небольшого формата. Узникам Варшавского исправительного отделения удалось наладить контакт с одним из местных жителей, работавшим вольнонаемным вместе с заключенными и согласившимся получать на свой адрес почтовые отправления Толстого и передавать их соответствующим адресатам в тюрьме, в том числе и Куртышу. Такие книги было легче передать.

Письма Куртыша к Толстому содержат, как правило, много цитат из библии, много религиозных размышлений и т. д. А по мере ухудшения здоровья и истощения физических сил (в тюрьме он заболел ревматизмом ног, туберкулезом, потерял зубы и зрение) число религиозных сентенций увеличивается. В то же время — и это очень важно подчеркнуть — он, крестьянин, еле умевший читать и писать, занимается самообразованием. Будучи уже не в состоянии выходить на работу, Куртыш все-таки просит Толстого выслать ему в тюрьму географию, геометрию и другие книги. Более того, извиняясь перед Толстым за «неаккуратность», т. е. за ошибки («потому что я не русский, а молдаванин, и говорить аккуратно не могу по-русски», — писал Куртыш в июне 1909 г.), он в некоторых своих письмах, отправленных «через волю», то есть мимо тюремной цензуры, решительно выступает против сильных мира сего, делая это от имени бедных и заступаясь за них. Так, удивляясь, почему его письма не доходят до адресата, Куртыш в письме от 17 декабря 1908 г. критикует тюремную администрацию. Что за народ, что за начальство, чего им еще нужно, возмущается Куртыш. Греем, кормим, одеваем их, а они прыгнули на шею бедных и страшат их «ихними богами — деревянными, железными, серебрянными и золотыми», гоняя людей прямо в яму. В другом письме (от 25 сентября 1909 г.) Куртыш еще резче выражается об имущих: «Как они друг с другом воюют, убивают, стреляют, вешают... сосут из бедных людей последние капли крови. Кормим, одеваем, как малых детей, и нет им покою, как они боятся, чтобы не проповедывали правду, но им трудно бороться с правдою... Откроется помалу правда. Надо проповедывать истину и правду. Нет мне никакой пользы жить только для небесных птиц... С раннего утра до вечера, пишет далее Куртыш, гоняется человек, рубашка его вся мокрая... Как мы имеем власть над скотиной, так и они над нами. Хлеб, который мы сами работаем, отбирают у нас и дают нам на вес. А они без веса жрут и ничего не работают, сидят как свиньи и нюхают, где бы лучше найти чего и жрать»⁸⁷. О богачах-кровопийцах, об истощенных и замученных ими «бедствующих» людях можно прочитать во многих письмах Куртыша в период его нахождения в Варшавской тюрьме.

⁸⁷ Государственный музей Л. Н. Толстого, инв. № 49813.

Этот возмущенный голос из заточения внимательно слушал в Ясной Поляне великий русский писатель, который не мог не видеть, что его молдавский корреспондент отходит от теории непротивления злу насилем, теории всеобщей любви и примирения.

К середине 1910 г. Куртыш в результате болезней и истязаний в тюрьме полностью потерял трудоспособность и стал инвалидом. Практической пользы от него тюремная администрация уже не получала. Это, по-видимому, и послужило причиной перевода Куртыша в июне того же года из Варшавской в Седлецкую губернскую тюрьму. Куртыш жил в постоянном ожидании приближавшегося освобождения. Поэтому в нескольких последних письмах он жаловался на то, что к выходу из тюрьмы у него нет гражданской одежды и не на что ее купить, а Толстой, как всегда, спрашивал, сколько ему надо денег, и распоряжался их высылать.

Брянск — это конечный пункт трагической «одиссеи» молдавского корреспондента Л. Н. Толстого. Из брянской тюрьмы отправлено последнее сохранившееся письмо И. Куртыша от 12 октября 1910 г. к своему великому яснополянскому «другу и брату». Менее чем через месяц Л. Н. Толстого не стало, а где-то через год пришел конец и «хождениям по мукам» И. М. Куртыша.

Теплота и сердечность писем, забота писателя согревали душу простого молдавского крестьянина в солдатской шинели в тяжелые годы его многолетнего тюремного заключения. Ошибочность выбранных путей к истине отнюдь не исключала искренности самих отношений между этими двумя столь разными по своему историческому значению людьми, а только усугубляли трагичность конечного исхода их поисков.

Личность и творчество Л. Н. Толстого сыграли громадную активизирующую роль в общественной и литературной жизни Бессарабии первого десятилетия нашего века, главным событием которого, бесспорно, явилась революция 1905—1907 гг.

Основные факты, показывающие влияние писателя на общественно-литературную борьбу в крае, свидетельствуют, что, вопреки отрицательному отношению Л. Н. Толстого к революции, его имя и творчество в обстановке революционного подъема объективно способствовали пробуждению местной общественности, объединению сил демократического движения и т. д. В этом плане особенно показательна реакция бессарабской прогрессивной интеллигенции в такие моменты биографии великого писателя, как отлучение от церкви, юбилей 1908 г., уход из Ясной Поляны и смерть.

Все сказанное подводит к выводу, что Л. Н. Толстой был не только зеркалом русской революции (что характеризует прежде всего его литературно-художественное творчество), но

как публицист и общественный деятель он объективно выступал и как своеобразный стимулятор общественного движения.

В этом одна из особенностей рассматриваемого периода и влияния Толстого на его главные события. В этом одна из характерных особенностей темы «Толстой и предоктябрьская Бессарабия».

Глава 3

Творчество М. Горького и литературная жизнь Бессарабии

Место и роль М. Горького в общественно-политической борьбе и литературном процессе предоктябрьского периода предопределялись тем, что к началу нашего века он был, по словам В. И. Ленина, «европейски знаменитым писателем»¹, тесно связавшим свою деятельность и творчество «с рабочим движением России и всего мира»². М. Горький находился в самом эпицентре острой, непримиримой борьбы мира старого, умиравшего и мира нового, зарождавшегося, борьбы идеологии буржуазной, реакционной и идеологии передовой, социалистической. В этом органическом «срастании» общественной деятельности и художественного творчества М. Горького с борьбой рабочего класса России за осуществление социалистических идеалов заключался прежде всего секрет той громадной популярности великого пролетарского писателя не только у многомиллионного русского читателя, но и прогрессивной интеллигенции национальных окраин России. Этим же объясняется и борьба вокруг личности и творчества основоположника социалистического реализма, постоянно сопутствовавшая росту его популярности. Особенно обострилась эта борьба в период революции 1905—1907 гг., что нашло яркое отражение в том числе и в Молдавии.

«Вот уже около 10 лет,— писал критик-большевик В. Воровский о Горьком в 1902 г.,— как в русской художественной литературе появилась новая личность и заняла в ней прочное положение»³. Стремительный и уверенный рост популярности молодого писателя в то время, когда еще жили и творили Толстой, Чехов, Короленко, подтверждает то, что Горький действительно представлял собой звезду первой величины на лите-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 369.

² Там же, т. 19, с. 153.

³ Воровский В. В. О М. Горьком.— В кн.: Литературно-критические статьи. М., 1956, с. 49.

ратурном небосклоне России. Популярность Горького росла от произведения к произведению. Однако пока его сочинения печатались разрозненно, зачастую в малораспространенных изданиях, читателю было трудно составить себе целостное представление о новом таланте, определить его своеобразие, место писателя в русской литературе и т. д.

Переломным моментом явилось издание в 1898 г. рассказов и очерков молодого писателя в 2-х томах. После выхода этого двухтомника вокруг Горького и его творчества разгорелись оживленные горячие споры, в которых участвовали как приверженцы, поклонники популярного прозаика, так и его противники. Первые стремились объективно и беспристрастно определить характерные черты художественной манеры Горького, его место в русской литературе. Вторые пытались умалить и даже отрицать его яркое дарование, объясняя популярность Горького легендой о его происхождении чуть ли не из той самой босяцкой среды, которую он так мастерски описывал.

Разобраться в спорах, которые велись в русской критике, было нелегко, тем более что, как и произведения Горького, материалы о его творчестве публиковались в газетах и журналах различных направлений. В такой ситуации, разумеется, большую роль могло бы сыграть издание наиболее значительных статей отдельной книгой. И такой сборник не заставил себя долго ждать. «Критические статьи о произведениях Максима Горького» увидели свет в 1901 г. Сборник был задуман и издан в нашем крае, в г. Бендерах, в типографии А. Г. Александрова. Инициатором издания выступил житель Кишинева, «бывший студент одного из русских университетов», как сам он называл себя, С. Гринберг. О намерении издать такую книгу Гринберг сообщил Л. Н. Толстому в сентябре 1900 г. Кишиневский корреспондент писал в Ясную Поляну, что, выпуская сборник, он стремится способствовать пониманию личности и творчества Горького, который освещает положение обездоленных масс. «Вот почему,— писал С. Гринберг Л. Н. Толстому,— я позволю себе обратиться к Вам с просьбой высказать Ваш взгляд на деятельность Горького и предоставить в мое распоряжение для названной книги статью. Цель издания — усиление средств библиотеки, которая будет посещаемая теми же массами,— придает мне смелость для этого обращения к Вам»⁴.

При определении значения названного сборника необходимо иметь в виду следующие три момента: 1. В него вошли критические статьи о Горьком, увидевшие свет в 1898—1899 гг. и написанные на основании лишь тех горьковских произведений, которые вышли до 1899 г. Между тем двухтомник 1898 г. и трехтомник 1899 г. включали только четвертую часть написанного Горьким к этому времени. Следовательно, критики не

⁴ Государственный музей Л. Н. Толстого, инв. № 46614.

могли судить о творчестве Горького во всей его полноте. 2. Сборник был составлен из статей, напечатанных в подцензурных периодических изданиях, среди которых были и реакционные («Русская мысль», «Русские ведомости», «Сын Отечества» и др.). 3. Авторы статей этого сборника представляли многочисленные направления буржуазной критики. Несмотря на различие в оценках, в целом они не сумели верно охарактеризовать сущность творческих исканий молодого Горького, так как оказались не в состоянии понять, что уже в раннем творчестве писателя отражалось предчувствие назревавшей революции. Это было по плечу только марксистской критике, которая в оценке горьковского творчества исходила из тесной связи писателя с революционной действительностью России, воспринимая молодого Горького как Буревестника грядущей революции. Слабость и недостатки буржуазной критики все же не могут умалить значения самого сборника как примечательного явления литературной борьбы вокруг личности и творчества Горького.

Автор вступительной статьи к сборнику, скрывшийся под инициалами «С. М.», указывал, что сборник состоит из разнородных отзывов критиков различных направлений. Среди них были народники Н. Михайловский, А. Скабичевский, Н. Геккер, декадент Н. Минский, тяготевший к «легальному марксизму» В. Поссе, либералы А. Богданович и Е. Оболенский и др. Выражая несогласие с попыткой реакционных литераторов (М. Меньшикова, П. Краснова и др.) объяснить популярность Горького необычностью его биографии и справедливо считая такое объяснение тенденциозным, «С. М.» в подтверждение своих слов привел, в частности, и такой довод. Краткая автобиография Горького, из которой можно было узнать о необычном жизненном пути писателя, была напечатана в «Семье» в 1899 г. (№ 35). Статьи же о Горьком уже печатались в «Русском богатстве», «Русской мысли», «Мире божьем», «Новом времени», «Московских ведомостях», «Сыне Отечества» и других периодических изданиях задолго до случайного появления указанной автобиографии в печати. К тому же круг читателей «Семьи» был весьма ограничен. И вместо того, чтобы заниматься построением умозрительных схем, автор вступительной статьи предлагал познакомиться с критическими произведениями о Горьком, включенными в бессарабский сборник и свидетельствующими о растущей популярности писателя и воздействии его таланта на читающую публику⁵.

К моменту составления сборника литературной общественности были известны далеко не все реалистические произведения писателя. Это ограничивало возможности сопоставления

⁵ Критические статьи о произведениях Максима Горького. Издание С. Гринберга.— Бендеры, 1901, с. 191. В дальнейшем ссылки на этот сборник даются в тексте.

раннего Горького с его предшественниками и современниками. Тем не менее уже то, что было опубликовано, позволяло определить общие моменты преемственности молодого писателя с русскими писателями-классиками. На основе рассказа «Мальва», например, Н. К. Михайловский сравнивал мастерство Горького в создании женских образов с мастерством Достоевского. Иногда Горького сравнивали с Ф. М. Решетниковым, Н. П. Помяловским, Г. И. Успенским, В. В. Вересаевым, А. П. Чеховым. При этом акцентировалось, как правило, «тоскливое отношение» названных писателей к окружающей жизни.

Однако те же произведения раннего Горького свидетельствовали о самостоятельности, новизне и свежести его таланта. То, что Горького отличает «свежий, незаурядный, своеобразный талант», что по оригинальности таланта, яркого и сильного, он «едва ли не самое видное явление» в русской литературе, признавали почти все авторы рассматриваемого сборника. Секрет необычайно быстрого завоевания Горьким общественного мнения, влияния горьковских произведений на читателей Л. Оболенский, например, видел в «страстном искании». Этим исканием проникнуто даже изображение Горьким картин природы. Оболенский называл эти картины «мучительными», так как они проникнуты «мучительной любовью к природе, мучительной вследствие своей неудовлетворенности, вечного искания, вопросов, возбуждаемых в душе поэта» (с. 248).

Некоторые критики советовали Горькому ограничиться изображением одних лишь «отбросов общества», т. е. босяков и «бывших людей». Другие же, наоборот, всячески приветствовали попытки Горького расширить тематику своих произведений.

Общей чертой многих статей, включенных в сборник, изданный в Бендерах, является то, что их авторы принимали активный гуманизм Горького за индивидуализм и даже считали его «певцом» индивидуализма. В этом особенно упорствовал Н. Михайловский, который ставил Лойко Зобара, Радду, Сокола, Данко и других романтических героев Горького на одну доску с Ларрой, действительно являющимся воплощением крайнего индивидуализма.

В противоположность Н. Михайловскому, И. Игнатову и другим, видевшим в босяках Горького людей, жаждущих свободы ради самой свободы, многие критики, статьи которых были также опубликованы в этом издании, характеризовали горьковских героев как людей трагических. Жизнь не давала ответа на терзавшие их вопросы, а выносить эту жизнь они не могли. И озлобленные уходят эти люди из общества сытых и довольных. Но в том-то и дело, что озлобление и недовольство горьковских героев «подлой жизнью» направлены, по словам В. Поссе, «не внутрь, а наружу, не на самих себя, а на окружающую обстановку, на условия жизни и на людей иного

общественного положения» (с. 10). И как бы ни были мрачны и трагичны по своим сюжетам рассказы Горького, большинство его героев бодро настроены. Этим, прежде всего, и отличаются босяки и «бывшие люди» Горького от аналогичных персонажей в произведениях его предшественников.

Таким образом, за исключением откровенно реакционной критики Краснова, Меньшикова и других, а также случаев тенденциозной трактовки его идей и образов, критические материалы сборника, вышедшего в Бендерах в 1901 г., показывали молодого писателя как выдающееся явление в русской и мировой литературе конца XIX — начала XX в. Книга свидетельствует об острой и сложной борьбе мнений вокруг творчества Горького, когда будущий пролетарский писатель находился на пути к великим художественным открытиям. Пребывая в полной уверенности, что Горький «что-то должен сказать новое, большое» (с. 195), что от него нужно «ожидать многого» (с. 235), критики пытались заглянуть в будущее и предвидеть, что же даст Горький в сорок лет, в пятьдесят лет и т. д. Но даже то, что было написано Горьким к моменту появления бессарабского сборника, давало критикам основание заявить, что «из глубин народных пришел даровитый писатель и сразу покориł себе всю читающую Россию. Куда бы вдаль вы ни поехали... вы непременно встретите восторженных поклонников этого нового таланта, реже — хулителей его. О Горьком говорят, о нем ведут горячие споры...» (с. 181).

Говорили и спорили о Горьком в начале нашего столетия не только в России. Вся культурная Европа читала произведения нового русского гения и размышляла над ними. Произведения русского писателя на рубеже двух веков переводили на европейские языки. Это обусловило повышенный интерес к нему европейской критической мысли. О Горьком писали такие авторитеты, как Брандес, Вогюэ, Порицкий, Диллон и многие другие.

Борьба мнений вокруг Горького на Западе находила живой отклик и в русской печати. Так, в 1900—1902 гг. «Новости дня», «Литературный вестник», «Русский вестник», «Одесские новости» и другие периодические издания время от времени печатали обзорные статьи об оценке Горького немецкой, французской, английской критикой. Это, вероятно, и натолкнуло того же С. Гринберга на мысль об издании наиболее интересных статей западноевропейских критиков Горького отдельными книгами в серии «Горький за границей». Первые два выпуска серии были отпечатаны в конце 1902 г. опять же в одной из бендерских типографий и посвящены десятилетию литературной деятельности Горького. Эпиграфом к ним послужили слова из рассказа «Макар Чудра»: «Коли жить, так царями над всей землей».

В первой книге был напечатан раздел о Горьком из работы немецкого литературоведа И. Е. Порицкого «Гейне, Достоевский и Горький». Вторая — представляла собой перевод работы Мельхиора де Вогюэ «Максим Горький, его личность и произведения». В приложении к ней Гринберг сообщил, что к печати готовится третий выпуск серии — перевод книги англичанина Диллона «Максим Горький, его жизнь и деятельность». Это издание, к сожалению, не было выпущено. По-видимому, С. Гринберг натолкнулся на цензурные препятствия.

Русский перевод книги Диллона все же вышел в 1904 г. в Петербурге под названием «Жизнь и сочинения М. Горького в оценке западноевропейской критики». Как считает И. Груздев, имя Диллона нельзя было указать по цензурным условиям⁶. По-нашему мнению, дело было совсем не в имени английского критика. В феврале того же 1904 г. Московский цензурный комитет, принимая в соображение «вредное направление» сочинений Горького, запретил упомянутую выше книгу, объясняя это тем, что она «может получить широкое распространение и служить подновленной рекламой для сочинений Горького»⁷.

Таким образом, цензуру пугало имя не англичанина Диллона, а самого Горького. Опасность его влияния царские власти ощущали все яснее по мере приближения первой русской революции, провозвестником которой и явился великий писатель.

Перед западноевропейскими критиками стояли, в основном, те же вопросы, которые пытались решить и русские: что собой представляет Максим Горький, каково его место в русской и мировой литературе, чем объясняется беспрецедентный успех его произведений в странах Западной Европы?

Немецкий критик Порицкий, например, давал высокую оценку как раз тем произведениям раннего Горького, которые в русской либеральной и особенно реакционной критике получили отрицательную характеристику или, в лучшем случае, были обойдены молчанием («Старуха Изергиль», «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике» и др.). По мнению И. Порицкого, эти произведения «написаны прозой высшего порядка»... Эта проза, писал немецкий автор, часто дорастет до силы гимнов, как в «Песне о Буревестнике» или «Песне о Соколе», которые представляют собою пламенный призыв к свободе»⁸.

Интересно, что статья Порицкого в бендерском издании напечатана без окончания. В нем содержалась характеристика

⁶ Груздев И. Современный Запад о Горьком.— Л., 1930, с. 214.

⁷ Революционный путь Горького: По материалам Департамента полиции.— М.— Л., 1933, с. 83.

⁸ Порицкий И. Е. Максим Горький: Критический этюд. Издание С. Гринберга.— Бендеры, 1902, с. 29. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

смелой птицы-бойца, противопоставленной презренному пресмыкающемуся Ужу. Есть основания предположить вмешательство цензуры.

Французский критик Мельхиор де Вогюэ, книга которого также издана в Бендерах, разделял мнение И. Порицкого о том, что в творчестве раннего Горького реализм сочетается с романтизмом. Но его объяснение истоков горьковского реализма и романтизма в корне ошибочно. Источник «жестокости реализма» Горького французский критик видел в «жестокости воспитания», которое получил будущий писатель. Романтический же элемент у раннего Горького, по мнению Вогюэ, связан с книгами и обязан своим происхождением страстному книголюби повару Смурому, который сумел внушить страсть к чтению юному Пешкову.

Основными «рычагами», с помощью которых Горький втягивал своих заснувших современников «в ураган жизни», пробуждая в них «пламенное желание образовывать новые, лучшие, более достойные человеческого существования формы», являются, как считал И. Порицкий, «гнев, ненависть, мужество, стыд, отвращение и, наконец, злое отчаяние» (с. 11). Но когда Порицкий стремится доказать, что именно Горький сумел привести эти рычаги в движение и, «подобно молодому вихрю», разбудил своих современников от сна, он явно впадает в тот же примитивизм, что и ряд русских и зарубежных критиков того и позднего времени при обосновании того или иного тезиса о художественном творчестве или мировоззрении Горького. Порицкий, как и многие другие авторы, приписывает парадоксы и афоризмы горьковских героев самому автору, тем самым игнорируя наличие во многих произведениях Горького образа рассказчика, который выражает истинные взгляды автора, отличные от взглядов всех других персонажей.

Две брошюры из серии «Горький за границей», отпечатанные в Бендерах в 1902 г., хотя и давали определенное представление об острой борьбе мнений вокруг раннего Горького за пределами его родины, были все же каплей в море по сравнению с количеством статей о его творчестве и личности, выходивших в первые годы нашего столетия в Западной Европе и особенно в Германии.

Гораздо больше возможностей для понимания того, что нравилось и что не нравилось в Горьком за границей, как его там понимали и интерпретировали на заре нынешнего века, представлял петербургский сборник «Иностранная критика о Горьком» (1904). В него были включены работы наиболее авторитетных представителей английской, немецкой, французской, шведской, датской, итальянской, испанской критической мысли.

Это, однако, несколько не снижает ценности книг, изданных в Бессарабии. Их с полным правом можно назвать инициатив-

ными, так как именно после их появления аналогичные издания стали выходить и в других городах России.

Издание трех книг критических материалов о личности и творчестве Горького в г. Бендерах в начале нашего столетия явилось заметным событием, связанным с идейной борьбой вокруг Горького в предоктябрьской Бессарабии и свидетельствующим о широкой популярности великого пролетарского писателя среди передовой литературной общественности края. Эти книги облегчали процесс проникновения творчества Буревестника революции в массы бессарабских читателей.

Популярность раннего Горького подтверждают и те многочисленные подражания, стилизации, образные аналогии, которые стали появляться в большом количестве после выхода горьковских «Очерков и рассказов». В этом отношении раннему Горькому повезло больше чем кому-либо из русских писателей. Горький, как известно, высоко ценил аллегорическую форму художественного изображения действительности. Вот почему среди произведений раннего Горького можно найти и много аллегорий («Песни» о Соколе и Буревестнике, легенды о Данко и Ларре в «Старухе Изергиль» и др.).

В условиях революционного пробуждения народных масс России и ее национальных районов, особенно накануне и в период революции 1905—1907 гг. в контексте устойчивой горьковской символики стали звучать иносказательно самые обыкновенные слова русской лексики. Появление в произведениях местных литераторов края таких образов, как море, волны, буря, гроза, гром и других в их аллегорическом понимании в обстановке всеобщего увлечения «Песней о Буревестнике» и беспрецедентного ее распространения наталкивает на мысль, что источником вдохновения для подражателей служило именно это произведение. Символический образ моря как чего-то мощного, свободного, не знающего ни минуты покоя, полюбился читателям и получил распространение благодаря гениальности Горького. Пожалуй, трудно назвать хоть одно его произведение, в котором море предстало бы перед нами спокойным, тихим, безмятежным, без ревущих волн. Образ моря почти всегда ассоциируется у Горького с идеей величия, мощи, грозной, все разрушающей стихии. Именно образы стихий и явлений природы, которым сопутствуют усилия, движение, борьба и импонировали молдавским последователям горьковской революционно-романтической символики. Примером использования образов моря, волн и т. д. может служить набросок «Гамма моря»⁹. В нем можно найти яркий образец столь характерной для Горького антропоморфизации стихии и образов природы: «С шумом и ревом катятся волны»; «И зарыдало седое море, пылая жаждой зла и мести»; «Седые волны кати-

⁹ Бессарабские губернские ведомости, 1902, 19 сентября.

лись грозно, вселяя ужас»; «Полны веселья седые волны»; «В восторге пляшут, лобзают скалы»; «Ликует море»; «Слезы неба лились на моря грудь». Вспомним знаменитые горьковские «седое море», «грудь моря» и особенно «море смеялось».

Уподобление морской шири громадной, мощной груди, как и поэтические образы **седое море, седые волны, пляшут волны, море уснуло** и другие перешли от Горького к его подражателям, в том числе и бессарабским. У них эти образы трактуются в основном автономно, как орнаментация, не являясь органической частью данного произведения как поэтического целого. Это заметно снижает силу воздействия таких образов на читателя.

В печати дооктябрьской Молдавии находим множество литературных аллегорий с использованием образов, а также сюжета «Песни о Соколе». Характерные названия: «Орлы», «Бой Орлов», «Орел» и др. Встречаются и такие аллегории, в которых нет ни Сокола, ни Орла, однако легко угадать источник вдохновения. В этом смысле интересно стихотворение в прозе «Песня детства». Приведем его полностью в качестве примера удачного и даже талантливового подражания горьковской «Песне о Соколе».

«Давно то было.

Когда — не знаю, но эту песню я слышал в детстве и, в юном сердце следы оставив, она поныне во мне раздается как эхо грусти, как призрак счастья...

В одном ущелье, в конце обрыва, лежал веками поросший мхом, покрытый слизью и весь в морщинах громадный камень.

Плитой широкой он выдвигался и в виде грота он над землею чернел сурово, как мрачный вигязь на страже битвы, готовый сразу скатиться в пропасть, давая попутно что есть живого, в своем стремлении достигнуть бездны.

Под этим камнем, как бы случайно, в том самом месте, где он плитой глядел на пропасть, росли семейю цветы лесные...

Росли смиренно, питаясь влагой, что шла порою от слизи камня... Ее как милость кидал им камень, но те считали, что в этом счастье, и не роптали, боясь гранита...

Так жили долго цветы лесные...

В другом же месте обрыва также цветы пестрели, но не лесные, а полевые, и не под камнем сырым и мрачным, а под лучами живого солнца, и им дарила улыбку с неба, как мать родная, лазурь эфира...

Когда же солнце скрывалось в море, они смотрели, как мгла густела, как целовалась заря с зарею и как под утро туман дарил всю землю живой росой, чтоб эти слезы опять с улыбкой сбирало солнце, поднявшись с моря...

А их соседи, цветы лесные, не знали солнца...

Оно всходило над мрачным камнем, но плотность камня лучам мешала проникнуть глубже к цветам несчастным...

Лучи скользили по грязной слизи и убегали сейчас же с грустью.

А камень мрачно глядел на солнце, врага в нем чуя, следя ревниво, чтобы лучами оно не смело проникнуть глубже, чтоб не видали цветы лесные ни блеска света, ни ласки неба...

Что значит солнце, коль сверху камень?!

Цветы хирели, томясь во мраке, но, страха ради, роптать не смея, шептались грустно о лучшей доле...

Так дни летели, летело время...

Но вот однажды залетный ветер пришел в ущелье с простора моря, и под обрывом, кружась игриво, запел он тихо такую песню:

«Забитым жизнью пою я песню!..

Забитым жизнью и вечным мраком, с душой трусливой и жалкой волей...

О вы, что вечно глядите в землю, поднять не смея на небо очи!..

Оно просторно, в нем много света, не вам, несчастным, увидеть солнце, раз вы, как черви, к земле пригнулись...

В земле нет света, она — могила, в ней мрак и сырость, в ней только слезы, и коль над вами нависли камни, еще не значит, что все пропало...

За камнем вечно синее небо, просите света, просите счастья! Быть может, солнце растопит камень, коль сядет ниже, огнем пылая...

Забитым жизнью пою я песню!..»

Умчался ветер...

Цветы шумели... Они просили, чтоб камень сразу открыл им солнце, но тот угрюмо внимал их просьбе и все мрачнее смотрел на небо.

И вот они пошли стеною на битву с камнем...

Но тот расправил свои морщины и, по обрыву скользя гранитом, понесся к бездне, всех увлекая...

Цветы погибли, но нет и камня.

На этом месте взойдут другие, в наследство им досталось небо...

Погибли грезы, но их не жалко... Есть в жизни мысли, они — бессмертны...

Их не придавишь ни страхом смерти, ни даже камнем...

Что значит камень, коль мысль — бессмертна?!

Такую песню я слышал в детстве...»¹⁰.

Эта аллегория отличается от других прежде всего тем, что в ней нет нарочитости, нет обнаженной трактовки поэтической

¹⁰ Бессарабская жизнь, 1907, 25 мая.

идеи. В то же время необходимо заметить, что в отличие от «Песни о Соколе», которую «Песня детства» явно напоминает не только отдельными «ссылками», «перекличками», цитациями, но и общей поэтической концепцией, «мелодическим рисунком», аллегория здесь более «разветвленная» и усложненная. Это, конечно, несколько затрудняет восприятие стихотворения. Однако главная идея, состоящая в глубокой вере автора в торжество грядущей революции, понятна. Эта вера еще более роднит «Песню детства» неизвестного автора со знаменитой «Песней о Соколе» Горького.

В ряде аллегорий об Орлах, опубликованных в бессарабской дооктябрьской печати, эти птицы показаны в смертельной схватке с конкретными врагами. Горьковский сюжет, таким образом, не рассказывается, а показывается, сценически «разыгрывается». Так, в аллегории «Бой Орлов» С. Кринчева враждебную Орлам силу олицетворяет Буря: «Буря собиралась с новыми силами. Из темных черных ущелий и долин звала она буйные, свирепые ветры; из глубоких недр моря высасывала она сок для черных мутных облаков; у солнца выпрашивала она молнию — страшную силу грома...»¹¹.

Сами же Орлы охвачены подлинным «безумством храбрых», а афоризмы Орленка, ведущего остальных Орлят на смертный бой с Бурей, напоминают «Песню о Соколе» Горького: «Падем или отомстим! Победа наша! Слава только храбрым дается! Слава только смелым, только сильным духом! Слава всем, кто презирает смерть!»

«Слава смелым, победа сильным! — подхватили сильные, гордые птицы, и от их крика задрожали мрачные, темные скалы...

Злее бушевал ветер, невыносимее выла буря...

Новые борцы сменяли погибших...

На немые холодные скалы упал старый Орел и разбился...

— Победа! победа! — гудел в небе возглас сильнее бури, быстрее молнии...» Орлята, хотя и с большими потерями в своих рядах, одерживают полную победу над Бурей: «Бежала Буря...» А вольные лесные птицы спешили загнать ее в темную, необъятную темноту ночи, где «родилась она, бессердечная и жестокая». Этот оптимизм, боевой задор принципиально отличают «Бой Орлов» от многих аллегорий, которые писались в период мрачной столыпинской реакции, а также от появившейся позже, в 1917 г. аллегории В. Унковского «Орел»¹².

В произведении Унковского кроме раненого Орла, умирающего в мрачной пещере, «Песню о Соколе» напоминают и отдельные горьковские поэтические детали, образы (бескрайнее небо, бурное море и др.). Орлу противопоставлены коварные

¹¹ Новая газета, 1914, 10 июня.

¹² Бессарабская жизнь, 1917, 7 ноября.

туманы, закрывающие от него «великое солнце». Аллегию «Орел» роднит с «Песней о Соколе», неистребимое стремление к небу, неутомимая жажда солнца, света, простора, но в «Орле», в отличие от «Песни о Соколе», нет жажды битвы. В то время как Сокол Горького видит счастье и смысл жизни в борьбе и умирает, как и жил, бойцом, Унковский отдает смертельно раненного Орла на растерзание омерзительным гиенам. Автор аллегории «Орел» имел, безусловно, полное право оплакивать гибель бойцов революции. Это была правда, но правда узкая, правда отдельного факта. Оптимизм недавно победившей пролетарской революции здесь совершенно отсутствует. Создается впечатление, что эта аллегория написана не в ноябре 1917 г., а много раньше.

Предпринимались также попытки использовать образы и мотивы «Старухи Изергиль», в частности мотив о горящем сердце Данко. В качестве примера можно привести аллегорию «Лесной пожар» Н. Григорьева¹³. Любопытно само имя героя: Зданко. Лесной пожар произошел от горящего сердца Зданко. Но это сердце, в отличие от легендарного сердца Данко, горело не великой любовью к своим братьям, а к цыганке Азе — героине многочисленных «модных» в то время произведений. Зданко — эгоист, его убивает толпа. «Лесной пожар» Григорьева можно рассматривать как пародию на популярнейшее из горьковских произведений. Интересно, что «драма» Зданко разыгралась в дремучей тайге Саянских гор, где «еще ни разу нога бурята не ступала». В тех же Саянах, в районе озера Байкал, было записано интересное предание о происхождении великого сибирского озера под названием «Сердце странника», которое напоминает легенду о горящем сердце Данко¹⁴.

Попытки местных литераторов использовать горьковские аллегории свидетельствуют о широкой популярности в дооктябрьской Бессарабии романтических произведений Горького. В то же время они служат косвенным доказательством близкого знакомства бессарабцев с творчеством писателя.

До выхода очерков и рассказов Горького отдельным изданием, т. е. до 1898 г., трудно говорить о широком знакомстве бессарабской общественности с горьковскими произведениями. Как уже говорилось, они печатались в разных периодических изданиях и в отдаленных от Молдавии городах. Публикаций каких-либо произведений Горького в бессарабских газетах до начала нашего столетия не обнаружено. Они появляются только накануне и в период революции 1905—1907 гг.

Появление же горьковских произведений на страницах бессарабской печати этого периода не всегда свидетельствовало

¹³ См.: Друг, 1914, 25 мая (7 июня).

¹⁴ Элиасов Л. Е. Русский фольклор восточной Сибири: В 2-х ч. Ч. II. Народные предания.— Улан-Удэ, 1960.

о прогрессивности того или иного печатного органа. Не всегда оно было обусловлено и стремлением пропагандировать революционные идеи творчества пролетарского писателя. Чаще всего буржуазные бессарабские газеты печатали произведения Горького вопреки своей политической ориентации, отдавая дань огромной популярности писателя, считаясь с интересом широких читательских кругов.

Одно из наиболее ранних знакомств бессарабского читателя с именем Горького на страницах местной печати состоялось в ноябре 1900 г. Под заглавием «Этическая неприятность» за подписью некоего «В. В.» «Бессарабские губернские ведомости» напечатали подробности о так называемом «инциденте», происшедшем с Горьким в фойе Московского Художественного театра 28 октября*. Автор пасквиля неверно передал обстоятельства посещения Горьким вместе с Чеховым театра, искажил обращение Горького к чересчур любопытной «публике» и т. д.

Все измышления реакционных газет, на которые ссылался и «В. В.», Горький, как известно, разоблачил в письме в «Русский листок». Ровно через одиннадцать дней «Бессарабские губернские ведомости» за подписью того же «В. В.» вынуждены были перепечатать из «Русского листка» подлинный текст обращения Горького к публике¹⁵. Фактически это можно считать самоопровержением пасквилянта «В. В.».

В этом бесспорно неприятном инциденте интересны два момента: 1. Благодаря этому казусу читатели названной кишиневской газеты узнали о том, что Горький пишет или намеревается писать какую-то пьесу (как оказалось впоследствии — «Мещане»). 2. С «инцидентом» в Художественном театре, как считают некоторые исследователи, тесно связано рождение памфлета Горького «О писателе, который зазнался» — первого горьковского произведения, к которому обратилась предоктябрьская бессарабская пресса. Факт изложения памфлета «О писателе, который зазнался» в «Бессарабских губернских ведомостях»¹⁶ важен хотя бы по той причине, что он был запрещен цензурой и полный текст его при жизни писателя в легальной печати увидел свет только один раз — в газете «Русский Туркестан» в 1901 г.

Пересказывая памфлет, кишиневская газета выделила те обстоятельства, которые побудили Горького «обратиться с известной речью к публике и с которыми нельзя не согласиться»¹⁷. Читателям становилось ясно, что герой памфлета бичует

* «Инцидентом» принято считать довольно резкое обращение Горького к группе зрителей во время спектакля чеховской «Чайки», вызванное чрезмерным любопытством к Горькому его «почитателей».

¹⁵ В. В. Еще о г. Горьком. — Бессарабские губернские ведомости, 1900, 25 ноября (8 декабря).

¹⁶ Бессарабские губернские ведомости, 1901, 12(25) апреля.

¹⁷ Там же.

публику, «которую он ненавидит, к которой чувствует отвращение». Эта публика принадлежала к слоям буржуазного общества, погрязшим «в тине самодовольства и шкурного вопроса», не способным ни на что, кроме заботы о сохранении, спасении своей шкуры. Герой памфлета, по словам бессарабской газеты, «не радуется вниманию подобной публики... ищущей лишь сильных ощущений для себя, хватающейся за последние новинки модного писателя в надежде оживить свою остывающую кровь».

В 1901 г. «Бессарабские губернские ведомости» впервые познакомили читателей с содержанием пьесы «Мещане» («Сцены в доме Бессеменовых») и повести «Трое» (главы, опубликованные в журнале «Жизнь» в конце 1900 — начале 1901 г., до его запрещения). Повесть «Трое» была названа в газете «выдающимся явлением русской беллетристики последнего времени». Неизвестный рецензент особенно подчеркивал умение Горького «из грубого, малоинтересного» материала создавать «широкую картину жизни, богатую психологическими чертами». Критик правильно определил стремление автора помочь людям из народа «найти в окружающей жизни какую-нибудь твердую опору, которой можно было бы держаться и не болеть душой от неопределенности своего положения среди окружающего»¹⁸.

Значительный интерес представляет история появления в бессарабской печати знаменитой горьковской «Легенды о Марко». Это произведение в измененной редакции и с известной заключительной строфой («А вы на земле проживете, как черви слепые живут» и т. д.) было напечатано в «Бессарабских губернских ведомостях» со следующим примечанием редакции: «Это стихотворение, написанное несколько лет тому назад М. Горьким и представляющее собою художественное воспроизведение содержания народной валашской легенды, напечатано в «Харьковском листке». В настоящее время «Валашская легенда» перелагается на музыку»¹⁹.

Публикация «Валашской легенды» в «Харьковском листке», на который ссылается кишиневская газета, сопровождалась аналогичным примечанием редакции, но в нем была еще одна интересная деталь, которая пропущена в «Бессарабских губернских ведомостях». Публикация «Валашской легенды» в «Харьковском листке», отмечалось там, «любезно разрешена автором»²⁰, т. е. Горьким. Такое примечание позволяет думать, что в харьковской газете была осуществлена первая в России публикация «Валашской легенды» в новой редакции. За харьковской следует кишиневская — 19 марта (1 апреля) и лишь

¹⁸ Бессарабские губернские ведомости, 1901, 18 апреля (1 мая).

¹⁹ Там же, 1902, 19 марта (1 апреля).

²⁰ Харьковский листок, 1902, 7(20) марта.

затем идет публикация в «Русском Туркестане» — 23 марта (5 апреля), долгое время считавшаяся первой²¹.

Подзаголовок «Валашская (молдавская) сказка, легенда» Горький, как известно, дал нескольким своим произведениям, в том числе и большому романтическому произведению в стихах и прозе «О маленькой фее и молодом чабане» (1892), стихотворный отрывок из которого, переработанный и дополненный заключительной строфой в 1902 г., стал известен как «Легенда о Марко». В отличие от других произведений, у которых в окончательной редакции подзаголовок был снят, «Легенда о Марко» и в новой редакции называлась валашской. Таким образом, спустя десять лет после написания первоначального варианта, Горький еще раз подтвердил молдавское происхождение этого замечательного произведения.

После публикации «Валашской легенды» наступает затишье вплоть до 1904 г., когда к творчеству Горького обращается даже крайне правая пресса. Подтверждением может служить изложение в черносотенной газете «Бессарабец» замечательной поэмы «Человек». Эта поэма была напечатана в сборнике товарищества «Знание» за 1903 год. Против нее, как известно, ополчилась вся черносотенная русская печать, всячески стараясь отвлечь внимание читателя от поэмы, в которой явно звучал призыв к революции.

Кишиневская газета приводит полностью первые два абзаца поэмы «Человек», затем следует монтаж основных мыслей поэмы о борьбе Человека с предрассудками, устаревшими привычками, заблуждениями, опутавшими его жизнь подобно липкой паутине и мешающими ему идти «все — вперед! и — выше!» В газете были напечатаны и ставшие знаменитыми слова: «Смысл жизни — вижу в творчестве, а творчество самодовлеет и безгранично!..

Настанет день — в груди моей сольются в одно великое и творческое пламя мир чувства моего с моей бессмертной мыслью и этим пламенем я выжгу из души все темное, жестокое и злое, и буду я подобен тем богам, что Мысль моя творила и творит! — Все — в Человеке — все — для Человека!»²²

Весьма интересные факты о Горьком связаны с либеральной газетой «Бессарабская жизнь», выходившей в Кишиневе с 1(14) ноября 1904 г. На ее страницах в конце 1905 г. были опубликованы три горьковских произведения: два публицистических («Заметки о мещанстве» и «По поводу») и одно художественное (рассказ «Патруль»).

«Заметками о мещанстве», — пишет А. Овчаренко, — Горький вернул в период первой русской революции понятию «ме-

²¹ См.: Константинова М. С. Печать Туркестана о драматургии М. Горького, 1901—1917. — В кн.: Горьковские чтения, 1961—1963. М., 1964, с. 147.

²² Бессарабец, 1904, 29 августа (11 сентября).

щанство» смысл, приданный ему революционными демократами, углубил его и приложил в полном объеме к определенным явлениям русской жизни... Новаторство Горького заключалось в особом повороте темы, в наполнении понятия «мещанство» четким социальным содержанием, в широте социального обобщения, достигнутого при раскрытии сущности мещанства»²³.

Мещанство как «строй души современного представителя командующих классов», по определению Горького, отнюдь не было национальной чертой русского общества того времени. Оно определялось прежде всего классово и социально, поэтому было присуще и украинскому представителю командующих классов, и грузинскому, и молдавскому и т. д. Борьба Горького против мещанства означала в условиях России XX столетия борьбу против либерализма как одного из опаснейших врагов революции и прогресса. Поэтому трудно переоценить появление в печати, в том числе и в бессарабской, в период первой русской революции «антимещанских» художественных произведений Горького и его антимещанской публицистики, особенно «Заметок о мещанстве».

Цикл из четырех статей на эту тему, как известно, печатался в первой легальной большевистской газете «Новая жизнь». Когда печатались последние две части «Заметок» (в № 12 и 18 за 13 и 20 ноября 1905 г.), «Новая жизнь» издавалась под руководством В. И. Ленина. Впоследствии он отзывался об этом произведении Горького самым лестным образом, советовал писателю продолжить, ввести в обычай жанр, начатый «Заметками о мещанстве».

Особое значение имеет публикация части «Заметок» в газете «Бессарабская жизнь» 8 ноября 1905 г. Публикация сопровождалась примечанием о том, что произведение Горького перепечатывается из газеты «Новая жизнь». Отсюда газета «Бессарабская жизнь» 16 декабря 1905 г. перепечатала и «Письмо Горького»²⁴.

«По поводу» было написано Горьким в форме ответного письма на жалобы представителей буржуазной интеллигенции о том, что некогда спокойный, мирный народ превратился в дни революции в «кроважадного зверя». Горький писал: «Наступили дни возмездия, господа, — дни расплаты за ваше преступное невнимание к жизни народа... Теперь, когда наше бездарное правительство довело страну до анархии, все ее темные силы почувствовали призрачность той власти, которая давила их века, и вот они поднялись, встали и мстят всем за все, что вытерпели в долгую ночь бесправия»²⁵. Статья закан-

²³ Овчаренко А. Публицистика М. Горького. — М., 1961, с. 212.

²⁴ Так было названо публицистическое произведение писателя, впервые напечатанное в «Новой жизни» 27 ноября 1905 г. и вошедшее в его собрание сочинений под заглавием «По поводу».

²⁵ Письмо Максима Горького. — Бессарабская жизнь, 1905, 16 декабря.

чивалась замечательными словами о том, что есть в стране другая, светлая сила, озаренная великой мыслью, охваченная яркой мечтой о царстве справедливости, свободы, красоты.

Одной из наиболее серьезных проблем революции 1905 г. была проблема армии и народа, постоянно занимавшая в те дни и Горького. «Позорная роль палачей свободы,— писал В. И. Ленин в июле 1905 г.,— роль прислужников полиции не могла не открывать постепенно глаза и самой царской армии. Армия стала колебаться. Сначала отдельные случаи неповиновения, вспышки запасных, протесты офицеров, агитация среди солдат, отказ отдельных рот или полков стрелять в своих братьев-рабочих. Затем — *переход части армии на сторону восстания*»²⁶. Многие мысли, изложенные в письмах М. Горького, перекликаются с приведенными выше словами В. И. Ленина. Особенно волновало писателя то обстоятельство, что хотя армия в дни революции и колебалась, но еще не была готова перейти на сторону восставшего народа. Восхищаясь, например, мужеством рабочих дружин в стычках с войсками, Горький писал: «Победит, разумеется, начальство, но — ненадолго... И недешево это будет стоить ему». Великий писатель охвачен тревогой: «Что-то скажут солдаты? Вот вопрос!»²⁷.

Постоянные раздумья над этим вопросом явились как бы стимулом к созданию повести «Солдаты», оставшейся, к сожалению, незаконченной. Были написаны два фрагмента: «Патруль» (1906) и «Из повести» (1908).

Газета «Бессарабская жизнь» 1 ноября 1906 г. напечатала «Патруль» (под названием «Солдаты») со следующим примечанием редакции: «Это последнее произведение М. Горького напечатано в органе, малоизвестном широкому кругу читателей, и, если не ошибаемся, в общедоступной печати появляется впервые».

Редакция кишиневской газеты была права. Горьковское произведение действительно впервые публиковалось в России. Под «малоизвестным широкому кругу читателей» органом подразумевался политический и экономический журнал русских эмигрантов «Красное знамя», который издавался в Париже.

На страницах этого журнала, кроме «Патруля», увидело свет множество публицистических произведений Горького: «Не давайте денег русскому правительству!», «Письмо Анатолию Франсу», «Воззвание к французским рабочим», «К итальянцам», «Дело Николая Шмидта», «Открытое письмо господину А. Олару» и др. Все они прямо связаны с известным политическим памфлетом Горького «Прекрасная Франция», борьба вокруг которого нашла отклик и в бессарабской печати.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 336.

²⁷ Горький М. К. П. Пятницкому.— Собр. соч.: В 30-ти т.— М., 1954, т. 28, с. 401.

Горький придавал большое значение этому памфлету в борьбе против «иудина займа» французских банкиров, использованного царским правительством для подавления революции 1905—1907 гг. «„Прекрасная Франция” как вещь, имеющая характер злободневный,— писал Горький в мае 1906 г.,— должна быть... издана отдельной брошюрой немедленно...»²⁸.

Реакция буржуазной прессы на появление памфлета полностью подтвердила его политическую остроту и злободневность. Автора, как известно, обвинили в оскорблении Франции и ее народа, в клевете на великую французскую культуру. Ответом Горького на эти измышления реакции было уже упомянутое «Открытое письмо господину А. Олару».

В защиту Горького выступила и кишиневская левая газета «Эхо Бессарабии». В номере от 1 января 1907 г. была напечатана статья известного тогда литературного критика, члена группы «Объединенного протеста» В. Г. Вешнева, выступавшего под псевдонимом В. Стрелков.

Поводом для написания статьи послужило выступление либеральной «Речи» по поводу тринадцатого Сборника товарищества «Знание» (1906). Отнюдь не случайно именно этот сборник «Речь» подвергла нападкам. В нем был опубликован цикл замечательных политических памфлетов Горького под общим названием «Мои интервью», в том числе «Прекрасная Франция». Именно это произведение Горького, проникнутое гневом и болью, автор статьи из «Речи», скрывшийся под инициалами «А. В.», пытался представить как «рабское буйство» писателя.

В. Г. Вешнев вел резкую полемику с «А. В.», сокрушавшимся по поводу того, что М. Горький якобы оставил «художественную область» и превратился в «грубого» публициста. «Удивительно,— писал он в ответ на это, — что когда Горький поет «воле-волюшке», как таковой, то господам, подобным А. В., это не кажется «публицистикой поучительной и грубой», но когда Горький... бичует цинизм современного капитализма, эксплуатирующего святые принципы свободы, топчущего и терзающего их, то тогда Горький, по мнению г. А. В., проявляет «смесь дикарства с наставительностью...» Нет, «льстивые критики» и «шальное поклонение толпы» не стерли, не сцарапали с него «всю непосредственность», а наоборот, он остался тем же «буйным певцом», каким был прежде, и даже не тем же, а еще более талантливым, ибо в его «Прекрасной Франции» есть страницы, по силе и ослепительному блеску художественного таланта делающиеся равными некоторым страницам В. Гюго»²⁹. Особого внимания заслуживает разоблачение В. Г. Вешневым измышлений реакционной критики о «конце»

²⁸ Горький М. И. П. Ладыжникову. — Собр. соч.: В 30-ти т.— М., 1954, т. 28, с. 420.

²⁹ Эхо Бессарабии, 1907, 1 января.

Горького как художника, «конце», якобы обусловленном тем, что писатель связал свое творчество с революцией и потерял «впечатлительность», «красочность романтического воображения». В. Г. Вешнев решительно выступил против грубых инсинуаций. «Не Горький, — писал он, — проявляет «разгульное и слепое варварство», бичуя страну, в которой уже существуют «истинно-свободные граждане», и которая тем не менее закрывает глаза на кровь и слезы русского народа, а г. А. В. проявляет «разгульное и слепое варварство» по отношению к тем, кто знает истинную цену политической свободы в рамках капиталистического строя...»³⁰.

В статье В. Г. Вешнева явно слышны отзвуки непримиримой борьбы русской марксистской критики против представителей различных буржуазных течений, объединившихся в «антигорьковский» фронт.

Было бы неверно считать, что борьба марксистской критики за Горького носила исключительно социально-политический характер. Марксистская критика никогда не разделяла писателя на Горького-человека и гражданина и Горького-художника. Впрочем, ясность в этот вопрос внес еще в 1901 г. В. И. Ленин, который писал, что оружие «европейски знаменитого писателя»³¹ было в его «свободном слове». Понимало это и царское правительство, для которого Горький был опасен прежде всего как писатель-революционер. Защищая Горького как личность, Вешнев отстаивал Горького-писателя. Статья Вешнева является лишь одним из свидетельств того, что представители прогрессивной литературной общественности Бессарабии, испытывая воздействие марксистской мысли, оказывали поддержку марксистской критике в борьбе за Горького.

В период первой русской революции бессарабская печать нередко обращалась также и к художественно-аллегорическим произведениям Горького, в которых разоблачалось мещанство с его «торгашеской, маклерской сущностью «третьей силы», метавшейся в дни революции между самодержавием и пролетариатом»³². К таким произведениям относится сатирическая аллегория «О Сером», увидевшая свет еще в 1905 г.

В середине 1906 г. аллегория о «маленькой двоедушной гадине» Сером, как называл Горький мещанство, была опубликована бессарабской газетой «Приднестровский край». К этому времени расстановка классовых сил в революции стала ясной и определенной. Опубликованное произведение еще раз подтвердило справедливость высказанной пролетарским писателем мысли о предательской роли мещанства и либеральной

³⁰ Эхо Бессарабии, 1907, 1 января.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 369.

³² Овчаренко А. Публицистика М. Горького.— М., 1961, с. 208.

буржуазии в революции, еще раз выставило на суд истории те темные силы, которые тормозили ход и развитие революции.

В годы столыпинской реакции бессарабская печать почти не уделяла внимания актуальным вопросам литературной жизни края, занимаясь больше историей литературы. Мало писалось и о Горьком, мало публиковалось его произведений. В 1907—1910 гг. на страницах местных газет прежде всего рассказывалось об ошибках Горького, связанных с «богостроительством» и «богоискательством», а также о временном расхождении Горького с большевиками. Значительное внимание уделялось творчеству Горького в эмиграции. Так, сравнительно широко были представлены в бессарабской печати «Исповедь», «Разрушение личности», «Городок Окуров», «Мать», «Лето» и др.

«Исповедь», например, получила отрицательную оценку. В 1908 г. «Бессарабская жизнь» назвала эту повесть «тульским самоваром»³³. Автор рецензии отмечал, что «Исповедь» ничего нового не внесла ни в творчество самого Горького, ни в русскую литературу вообще. Спустя два года другая кишиневская газета охарактеризовала автора «Исповеди» как «богостроителя» и «богоискателя»³⁴. О «Разрушении личности» говорилось, что это очень «характерное заглавие». «Знаменитый писатель», отмечала одна из здешних газет, утверждает, что «современный индивидуализм находится в состоянии агонии, а, в частности, русский индивидуализм привел к понижению социально-этических запросов личности и к общему упадку боевых сил интеллигенции»³⁵.

Повесть «Городок Окуров», хотя и названная бессарабским рецензентом одним из наиболее значительных произведений Горького, тем не менее осталась им непонятой. Образы Якова Тиунова и Симы Девушкина показались автору рецензии тенденциозными, страдающими от «холода надуманности, не растопленного в огне пафоса»³⁶. Он не понял сущности социально-художественного обличения окурловщины, не увидел, как Горький развенчивает, снижает, комикует, пародирует «этот заповедник мещанства», в котором события революционного 1905 г. «лишены эпичности, размаха, грозности, поэзии и силы»³⁷.

К роману «Мать» бессарабская печать первый раз обращается в связи с так называемым «исключением» Горького из социал-демократии (1909). «Бессарабская жизнь» утверждала тогда, что в «Матери» Горький был «явно тенденциозен», пытаясь «изложить социал-демократические догматы», что, дес-

³³ Тульский самовар («Исповедь» М. Горького).— Бессарабская жизнь, 1908, 18 августа.

³⁴ Кишиневец, 1910, 3 января.

³⁵ Бессарабская жизнь, 1910, 1 января.

³⁶ Там же, 10 января.

³⁷ Емельянов Б. Окуровский цикл повестей Горького.— В кн.: Горький М. Собр. с.: В 18-ти т. М., 1961, с. 6, с. 523.

кать, «слабый социал-демократ хотел заслонить собою огромного художника»³⁸. А спустя менее чем два месяца та же газета оценивает роман Горького совершенно по-иному. Тот же неизвестный рецензент называет «Мать» «лирическим гимном женщине-матери и русской революции». Горький, по утверждению автора, выступает «поэтом всенародного подвига объединения разбитых и разъединенных душ во имя новой жизни». Ниловна тепло названа «незабвенной русской матерью» и т. д. В той же статье писалось и о повести «Лето», которая справедливо рассматривалась как произведение, теснейшим образом примыкающее к роману «Мать»³⁹.

Автор ограничился общей оценкой романа «Мать», не сказав ни слова о пролетарской сущности Пелагеи Ниловны, о революционной борьбе горьковских героев. Одной из причин этого была, конечно, цензура. Не случайно анализ произведений «Лето» и «Мать» был объединен в одной статье.

В 1911 и в 1912 гг. в бессарабской печати увидели свет два произведения Горького из цикла «Сказки об Италии»: «Праздник» (XXI сказка)⁴⁰ и «Мать изменника» (XI сказка)⁴¹. Первое публиковалось со следующим примечанием редакции газеты: «Заимствуем новую полную глубокую поэзию чувства „Сказку“ Горького из последней книжки журнала „Путь“»⁴². Эти две «сказки» завершают список произведений Горького, опубликованных в дооктябрьской печати Бессарабии.

После 1912 г. в местной печати можно обнаружить лишь отдельные информации о писателе, вроде: «Максим Горький о студенчестве», «Максим Горький о самоубийстве», «Отповедь Максима Горького», «Максим Горький о себе», «У Максима Горького» и др. В этих заметках нередко можно было найти важные для того времени сведения о борьбе Горького против представителей упаднической литературы, против идей социальной пассивности, которые несла литература «распада» и т. д.

Вновь произведения Горького появляются на страницах бессарабской печати после победы социалистической революции в Петрограде.

Вышеприведенные факты говорят о том, что двухтомник очерков и рассказов Горького, вышедший в 1898 г., вызвал большой интерес бессарабской литературной общественности к личности и творчеству писателя. Этот интерес возрастал по мере приближения первой русской революции и достиг наиболее высокой степени в период ее развития, когда местная периодическая печать, особенно газета «Бессарабская жизнь», заметно «полевела».

³⁸ Бессарабская жизнь, 1909, 21 ноября.

³⁹ Там же, 1910, 2 февраля.

⁴⁰ Праздник: Очерк М. Горького.— Там же, 1911, 24 апреля.

⁴¹ Сказка Максима Горького.— Бессарабия, 1912, 1 января.

⁴² Бессарабская жизнь, 1911, 24 апреля.

В своем большинстве произведения Горького, с которыми бессарабская печать знакомила читателей, поднимали острые социальные вопросы, органически связанные с первостепенными задачами исторического развития страны. Вот почему популяризация произведений Горького, вопреки всевозможным тенденциям буржуазной печати, стремившейся исказить идейную сущность его творчества, явилась важным фактором, способствовавшим формированию передового общественного мнения в Бессарабии. Горький представал перед бессарабским читателем как писатель, неразрывно связанный с революционным движением рабочего класса.

Имя Горького как драматурга появилось на театральных афишах задолго до того, как он стал автором первой своей пьесы «Мещане». Потребность зрителя увидеть «живыми» на сцене полюбившихся ему горьковских героев привела к тому, что многие прозаические произведения Горького («Челкаш», «На плотях», «Мальва», «Коновалов», «Бывшие люди» и др.) стали переделываться для сцены еще в конце прошлого века.

Пока речь шла о прозаических произведениях с ограниченным числом персонажей и относительно небольших по объему («Мальва», «Челкаш», «Коновалов» и др.), Горький относился довольно терпеливо к этим попыткам. Сложнее обстояло дело, когда ему приходилось сталкиваться с инсценировками таких произведений, как «Фома Гордеев» или «Трое». Переработать, например, двести с лишним страниц «Фомы Гордеева» для сцены было не просто. Не удивительно, что инсценировки «Фомы Гордеева» далеко не всегда были удачными.

Между тем число этих инсценировок росло, и часто они принадлежали людям мало одаренным, случайным. Только в 1901 г. в цензурный комитет в Петербурге было представлено на рассмотрение и утверждение свыше тридцати инсценировок «Фомы Гордеева». Такое обилие переделок не могло не вызвать соответствующей реакции автора повести.

И действительно, Горький выступил на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» с протестом против переделки своих прозаических произведений для сцены. Из опубликованного письма явствует, что лично он только один раз разрешил кому-то — забыл кому именно, — переделать в драму рассказ о Фоме Гордееве⁴³. Заявление Горького вызвало целый поток писем авторов инсценировок его повести с категорическим утверждением, что именно ему и только ему было дано такое разрешение. С подобным же заявлением выступил и кишиневский литератор Б. Веккер. Его письмо в «Санкт-Петербургские ведомости» дает веские основания думать, что именно ему Горький письменно разрешил переделать в драму повесть «Фома Гордеев». «Считаю своим долгом заявить,— писал

⁴³ Горький М. В редакцию газеты «С.-Петербургские ведомости». — Собр. соч.; В 30-ти т. — М., 1954, т. 28, с. 191.

Веккер в своем письме, — что приспособление повести для сцены Горьким разрешено мне и, как видно из его письма, помещенного в «Санкт-Петербургских ведомостях», — только мне одному. В настоящее время приспособленная мною для постановки на сцене пьеса, **вместе с письмом Горького, изъявившего на это свое согласие, находится в драматической цензуре** (подчеркнуто мною. — С. П.)⁴⁴.

Уже сам факт публикации такого заявления в столице, где находился и цензурный комитет, исключает, казалось бы, всякую возможность мистификации. Наличие указанного Веккером письма Горького нетрудно было проверить. И такое письмо действительно было — это подтверждается архивными документами. Так, например, в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде хранится следующий любопытный документ:

«В Главное Управление по делам печати.
Бориса Давидовича Веккера,
жительствающего в г. Кишиневе
по Гостиной улице в д. № 41.

Прошение

Препровождая вместе с сим в Главное Управление по делам печати комедию, переделанную мною из повести Максима Горького «**Фома Гордеев**», и руководствуясь 85 статьей устава о цензуре и печати, покорнейше прошу разрешить таковую к постановке на сцене, для чего прилагаю две марки 60 коп. достоинства.

При этом считают нелишним сообщить, что повесть г. Горького я переделал с его разрешения, **как это подтверждается прилагаемым письмом** (подчеркнуто мною. — С. П.) 1901 года мая 18 дня»⁴⁵.

Письмо Горького кишиневскому литератору, к сожалению, не обнаружено, и все же приведенные архивные документы подтверждают, что оно было. Следовательно, единственная в России инсценировка повести «**Фома Гордеев**», разрешенная самим Горьким, родилась в Кишиневе, в Бессарабии⁴⁶.

Рукопись инсценировки «**Фомы Гордеева**», сделанной в Кишиневе на самом рубеже двух столетий, представляет собой общую тетрадь из 121 листа. В качестве эпиграфа приведены слова Лессинга: «Люди не находят ни в какой трагедии действия, если только нет влюбленного, падающего к ногам. Им никогда не приходило на ум, что и всякая внутренняя борьба страстей, всякое последствие различных мыслей, из которых одна упраздняет другую, есть уже действие — может быть

⁴⁴ Санкт-Петербургские ведомости, 1901, 5(18) декабря.

⁴⁵ ЦГИАЛ, ф. 776, 1901, оп. 25, д. 613, л. 405.

⁴⁶ В настоящее время рукопись ее находится в Ленинградской театральной библиотеке им. А. В. Луначарского под № 23098.

потому, что они мыслят и чувствуют слишком механически для того, чтобы сознавать при этом какую-нибудь деятельность...»

Такой эпиграф можно истолковать, в частности, и как выражение того, как понимал специфику конфликта в «Фоме Гордееве» автор инсценировки. Именно возрастающая и все обостряющаяся внутренняя борьба крайне противоречивых страстей и мыслей, непрерывная смена одних мучительных вопросов, на которые ищет и не находит ответы Фома, другими вопросами и составляет одну из характерных черт внутреннего драматизма в горьковской повести. Трагическая развязка может быть художественно убедительной и правдоподобной, если характер главного героя «впитает» в себя квинтэссенцию его взаимоотношений с остальными действующими лицами повести. Исключение же того или иного из них из общей сюжетной цепи приводит к разрушению логики развития характера.

Между тем в переделке горьковской повести Веккером представлено меньше половины ее персонажей. Особенно бросается в глаза отсутствие Анания Щурова. А ведь именно этот образ наряду с Маякиным зловеще символизирует ту «помойную яму», в которую превратили жизнь капиталистические хищники. В инсценировке Б. Веккера явно приглушена тема рабочего класса, носившая в себе первые ростки социалистического реализма. Кроме того, отсутствуют монологи мятежного журналиста Ежова об исторической миссии пролетариата, а другие заметно пострадали от бдительного красного карандаша цензора. Так были вычеркнуты слова: «Россия по-прежнему страдает своей хронической болезнью — избытком мерзавцев...». Цензор устранил и следующую фразу: «Кричи во всю силу: свободы! свободы!»

На вопрос Фомы, что он получил от жизни, Ежов отвечает: «Только веру в то, что все в сей жизни ни к черту не годится, все должно быть изломано, разрушено... есть такая молитва — ее читают над умирающими. И это общество, проклятое проклятием внутреннего бессилия перед тем, как издохнуть ему, примет мою книгу, как мускус». Рукой цензора перечеркнут страстный, полный жгучей боли монолог журналиста об измене русской интеллигенции интересам народа. Выбросил цензор из текста и этот фрагмент: «Разразится буря, и она сметет вас с земли, как дождь и ветер пыль с дерева! На языке людском есть только одно слово, содержание коего всем ясно и дорого, и когда это слово произносят, оно звучит так: свобода!». Слово «свобода» было вычеркнуто цензором абсолютно везде. Сняты слова Любы Маякиной: «...все люди равны... и все имеют одинаковое право на жизнь... на блага жизни... свобода нужна всем... так же, как воздух... и во всем равенство!». Сокращены также разоблачительные монологи Гордеева.

В других инсценировках «Фомы Гордеева» памятная встреча Ежова и Фомы с рабочими выделялась в самостоятельную картину и вызвала у демократического зрителя сочувственную реакцию. Характерен в этом отношении спектакль, поставленный в Иркутске в 1903 г. К. А. Марджановым по инсценировке В. Евдокимова. «Сцена Гордеева с фельетонистом Ежовым, — пишет Г. Крыжицкий, основываясь на материалах газет того времени, — вызвала бурные овации зрительного зала, обращенную к наборщикам речь Ежова публика покрыла оглушительными аплодисментами и требованием повторения...»⁴⁷.

В инсценировке же Б. Веккера сцены встречи Ежова и Фомы Гордеева с типографскими рабочими вообще нет. Что касается образа самого журналиста, речи которого играют заметную роль в процессе нарастания бунтарских настроений Фомы Гордеева, то его, в переделке Веккера, несмотря на вмешательство цензуры, можно считать довольно удачным.

Инсценировка Веккера была допущена цензурой к постановке только через восемь месяцев после представления в цензурный комитет. За это время появились инсценировки других авторов, одна из которых — А. П. Бурд-Восходова (Москва) — под названием «Фома Гордеев и Маякин» была поставлена и в Кишиневе труппой В. Форкатти. Спектакль успеха не имел. Местная пресса объяснила его неудачу прежде всего низким качеством самой «переделки» Бурд-Восходова, а также не очень высоким мастерством актерского исполнения. «Если образы, рисуемые Максимом Горьким в его повести этого наименования («Фома Гордеев». — С. П.), — писал неизвестный театральный рецензент, — воспроизведены талантливо и в высшей степени правдиво, то изображение этих образов на сцене утратило, благодаря купюрам драматического закройщика, весь почти интерес повести...»⁴⁸

Многие важные места, которые в рукописи Веккера цензор безжалостно вычеркнул, в инсценировке Бурд-Восходова остались почему-то нетронутыми. Но в отличие от Веккера автор московской переделки горьковской повести сам, без «помощи» цензуры, обошел те места, в которых особенно остро звучал обличительный пафос писателя.

Первая встреча бессарабского зрителя с Горьким на кишиневской сцене, таким образом, не может считаться одной из удачных, хотя автор повести был абсолютно неповинен в этом.

7 октября 1901 г. «Бессарабские губернские ведомости»

⁴⁷ Крыжицкий Г. К. А. Марджанов и русский театр.— М., 1958, с. 21.

⁴⁸ Бессарабские губернские ведомости, 1901, 18 декабря.

знакомят читателей края с первой пьесой Горького «Мещане» («Сцены в доме Бессеменовых»).

Пьеса «Мещане», по утверждению газеты, построена «на противоположности двух настроений»: молодых Бессеменовых, с одной стороны, и рабочего Нила, студента Шишкина и вдовы Елены, с другой. В образе Нила газета подчеркивала физическую силу и душевную бодрость, живость ума и любовь к труду. Приведенные в газете отрывки из пьесы Горького полностью подтверждали эту характеристику Нила. Приводились и такие высказывания Нила, которые в сценических постановках пьесы были сняты цензурой. Вот одна из таких купюр: «В одном не вижу ничего приятного — в том, что мною и другими честными людьми командуют свиньи, дураки, воры...». Газета цитировала известное изречение горьковского героя: «Нет такого расписания движения, которое бы не изменялось!». Тем самым газета противоречила сама себе, пытаясь доказать, что Нил и Бессеменов-старший принадлежат к одному лагерю — лагерю «старых мещан».

После такой информации бессарабские почитатели Горького мечтали, конечно, как можно скорее увидеть пьесу на сценах кишиневских театров. Тем большей была их досада, когда в 1902 г. они узнали из той же газеты, что «Мещане» Горького «не разрешены для постановки на провинциальных сценах»⁴⁹, что запрещены также постановки на национальных языках. Ко всему этому нужно добавить, что реакционная печать развернула злобную кампанию против пьесы Горького, пытаясь дискредитировать ее в глазах читателей и зрителей, объявляя пьесу и особенно образ Нила несценичными и противопоставляя Нилу героев горьковского «дна». К сожалению, не осталась в стороне от этой кампании и буржуазная пресса Бессарабии. В трех номерах «Бессарабских губернских ведомостей» за 1902 г. была опубликована обширная статья Б. Будилина. «Критические заметки (о «Мещанах» М. Горького)»⁵⁰. Горький назван в ней «крупной величиной, знаменующей эпоху в социальной жизни своего народа и истории развития его литературы», «светлым лучом в темном царстве», осветившим «весь пройденный за последнее время сумрачный литературный путь»⁵¹. Однако комплименты в адрес Горького не помешали Будилину повторить вымыслы буржуазной критики о деградации Горького как художника. Вынужденный признать, что «единственно положительной во всех отношениях личностью» в пьесе является Нил, рецензент тем не менее обрушил на него ряд необоснованных обвинений. Так и не

⁴⁹ Бессарабские губернские ведомости, 1902, 21 мая (3 июня).

⁵⁰ Там же, 1902, 12, 13, 16 июня.

⁵¹ Там же, 12 июня.

осознав истоков оптимизма и жизненной силы горьковского героя, критик недоумевал по поводу твердой уверенности Нила в том, что «наша возьмет», категорически отрицая его право быть хозяином в доме, занятом Бессеменовым, т. е. быть хозяином своей страны: Критика не устраивала решимость Нила изменить «расписание движения», что означало призыв к революционному переустройству тогдашней действительности. Подобные выпады буржуазной критики против Горького были вызваны, безусловно, усилением социалистических тенденций в творчестве писателя, появлением в его произведениях рабочего-революционера. Попытки буржуазной прессы уменьшить революционизирующее воздействие пьесы на читателей и зрителей Бессарабии не принесли желаемых результатов. Это особенно ясно проявилось в годы революции 1905—1907 гг., когда кишиневский зритель получил наконец возможность увидеть «Мещан» на своей сцене. В эти годы в бессарабской прессе появляются замечания другого характера и нередко ее оценки горьковской пьесы приобретают восторженный характер. Бессарабские рецензенты пишут о неизменном успехе спектаклей, подчеркивают, что «горьковская публика», «молодая», «экспансивная», «горячо увлекается пьесой»⁵².

В кишиневских театрах были поставлены также пьесы «На дне», «Дети солнца», «Варвары», но в печати они, к сожалению, освещались очень скудно.

Гораздо более интересные факты связаны со сценической историей в Бессарабии другой пьесы Горького — «Дачники». 19 ноября 1904 г. в Петербурге была опубликована статья Ольгина о премьере пьесы в театре Комиссаржевской, состоявшейся 10 ноября 1904 г. «Эту дату Горький должен навсегда запомнить, — писал корреспондент «Бессарабской жизни». — Впервые за всю свою деятельность в качестве драматурга Горький услышал свист и шиканье»⁵³. Шиканье и свист буржуазной публики доказали, что она не может простить той беспощадно острой критики, которой подверглась в горьковской пьесе интеллигенция, оторвавшаяся от народа. Острая реакция этой «публики» подтверждала тот факт, что удар Горького попал в цель. Об этом, кстати, писал в своей корреспонденции Ольгин, писал также и сам Горький.

После статьи о петербургской премьере «Дачников» Ольгина началась оживленная дискуссия о пьесе в бессарабской печати. Основным был вопрос, кого разоблачает Горький в качестве «дачников»: всю русскую интеллигенцию или только какую-то ее часть?

Известно, что Горький бичевал отнюдь не всю интеллиген-

⁵² Бессарабская жизнь, 1906, 23 января.

⁵³ Там же, 1904, 19 ноября.

цию. Он имел в виду именно интеллигенцию буржуазную. Между тем в истолковании Ольгина получалось, что писатель игнорировал процесс классовой дифференциации, рассматривая интеллигенцию как одно целое. Но общий тон корреспонденции Ольгина был весьма благожелательным. Это, по-видимому, и привело в неистовство бессарабских мещан. Они нападали на Ольгина и на Горького, от нападков переходили к проблеме интеллигенции вообще и др. Некий Андрей В., например, горделиво становясь в позу самозванного защитника, обвинил Горького в оскорблении всей русской интеллигенции. Были также и попытки объяснить свист и шиканье на петербургской премьере «Дачников» недостатками самой пьесы, находя ее «несценичной, незахватывающей, составленной калейдоскопично из утомительно большого числа отдельных сценок и картинок»⁵⁴.

Однако не все участники кишиневской дискуссии приписывали Горькому намерение осудить и тем более оскорбить всю русскую интеллигенцию. В этом отношении особенно показательна статья «Об интеллигенции», опубликованная за подписью «Zego».

Автор статьи рассматривал интеллигенцию как историческую категорию, говорил о необходимости различать интеллигенцию буржуазную и интеллигенцию пролетарскую. Спрашивая, кто был объектом суровой критики Горького в пьесе, он отвечал: «Полагаю, что отнюдь не интеллигентные пролетарии. И уверен, что шикали пьесе не интеллигентные пролетарии, а та самая «интеллигенция» буржуазии, которая получила плевков в физиономию со сцены». «Zego» писал, что буржуазная интеллигенция отнюдь не разделяла тяготы жизни народа, как об этом разглагольствовал Андрей В., не она играла прогрессивную роль в годы голода и эпидемий. Такая роль была сыграна врачами, фельдшерицами, курсистками и бедняками-студентами. «Их могилы стоят словно памятники, поставленные русским народом сильной и отзывчивой чуткой пролетарской интеллигенции»⁵⁵.

Продолжавшаяся почти месяц дискуссия вокруг пьесы «Дачники» привлекла внимание бессарабских читателей к творчеству пролетарского писателя. В то же время она явилась как бы своеобразной подготовкой к премьере горьковской пьесы в Кишиневе, состоявшейся в театре «Пушкинская аудитория» 11 января 1905 г., т. е. спустя два дня после Кровавого воскресенья в Петербурге. В связи с этим кишиневская премьера горьковской пьесы превратилась в подлинную политическую манифестацию, организованную местными социал-демо-

⁵⁴ Бессарабская жизнь, 1904, 11 декабря.

⁵⁵ Там же, 23 ноября.

кратами. Во время спектакля раздавались возгласы: «Долой самодержавие!», «Да здравствует революция!», «Да здравствует свобода!», разбрасывались прокламации⁵⁶.

В связи с событиями в Кишиневе Бессарабское жандармское управление начало секретное дело, расследование которого продолжалось с 12 января по 5 июня 1905 г. Организаторов антиправительственной манифестации в Кишиневе жандармы так и не сумели найти. Известно, однако, что при домашнем обыске у подозреваемых были обнаружены и конфискованы прокламации «К рабочим и работникам города Одессы», «Товарищи», «Все за одного и один за всех», а также брошюра «Социальная революция». Интересно отметить, что листовка «Товарищи», например, была также связана с горьковской пьесой «Мещане», поставленной на сцене одного из южных городов России. Вот ее содержание:

«Товарищи! Все мы с радостью смотрели пьесу Горького «Мещане». В ней мы слышали со сцены то, что привыкли читать в прокламациях и слышать на демонстрациях в других городах. На демонстрацию выходят все «порядочные люди, которым нельзя жить в России, где хорошо только подлецам и пьяницам».

Объединившись под красным революционным знаменем, все, кто хочет честно выполнить обязанности гражданина, выражают свою ненависть «мещанам» и правительству. Чем больше таких демонстраций, тем скорей переменится «старое расписание».

Товарищи! Нам стыдно, что в нашем городе до сих пор не было ни одной демонстрации. Разве мы «мещане», что предпочитаем гнить на одном месте, когда наши товарищи в других городах умирают в борьбе за политическую свободу.

Долой «старое расписание»! Долой отживший политический строй! Нам тесно в нем! Мы выросли из него!

Долой самодержавие!

Да здравствует политическая свобода и социал-демократия!

Группа сознательных рабочих Российской социал-демократической партии...»⁵⁷.

После премьеры в печати появилось несколько статей о пьесе. Так, в «Бессарабской жизни» от 13 января были опубликованы одновременно две статьи. Одна из них констатировала огромный успех премьеры и ставила «Дачников» рядом с «оригинальнейшей из пьес М. Горького «На дне», другая же,

⁵⁶ Центральный государственный архив МССР, ф. 197, оп. 1, д. 41, л. 88.

⁵⁷ Цит. по ст.: Паина Э. Использование пьесы М. Горького «Мещане» в агитационных целях.— Русская литература, 1959, № 2, с. 225.

наоборот, называла пьесу нехудожественной, холодной, рационалистической⁵⁸. Однако эта отрицательная оценка после бурной премьеры теряла, разумеется, свой смысл и силу. «Дачники» успели к этому времени зарекомендовать себя.

Постановки горьковских пьес в Бессарабии в годы революции 1905—1907 гг. явились фактом большого политического и культурного значения, подлинным событием в общественно-литературной жизни края, тесно связанным с революционным движением. И хотя после поражения революции пьесы Горького не ставились на бессарабской сцене, представители местной прогрессивной интеллигенции сохранили к его драматургии глубокий интерес.

Как свидетельствуют вышеприведенные факты, личность и творчество М. Горького вызывали живой интерес бессарабской общественности особенно накануне и в годы первой русской революции. Следует подчеркнуть, что творчество Горького, проникнутое дыханием приближавшейся социальной бури, революции, которую он призывал и воспевал, не могло не вызывать острого столкновения классово-враждебных взглядов. Размежевание участников борьбы вокруг Горького стало особенно заметным после того, как они убедились в открытом и окончательном переходе знаменитого писателя на позиции революционного пролетариата, на платформу большевизма.

Многочисленные попытки местных литераторов «перенести» на молдавскую почву образы Горького, особенно таких его замечательных революционно-романтических произведений, как «Песня о Соколе» и «Песня о Буревестнике», стремление дискредитировать «Мещан», впечатляющая полемика с диаметрально противоположных классовых позиций вокруг пьесы «Дачники» в газете «Бессарабская жизнь», в еще большей мере антиправительственная манифестация на кишиневской премьере названной горьковской пьесы, наконец, откровенно враждебное отношение бессарабской буржуазной печати к роману «Мать» или стремление умолчать его значение как великого открытия пролетарского художника и т. д. убедительно подтверждают, что по отношению к Горькому не было равнодушных, как не бывает равнодушных по отношению к революции: есть друзья и есть враги.

Все это вместе взятое наглядно показывает, что литературно-художественные и публицистические произведения великого русского писателя, его драматургия являлись в предоктябрьской Бессарабии, и особенно в первое десятилетие нашего века, неотъемлемой частью общественной и литературной жизни края, исключительно важным и мощным фактором политического и революционного просвещения.

⁵⁸ См.: Бессарабская жизнь, 1905, 13 января.

Молдавский поэт А. Матеевич и русская литература

Исторически сложившиеся условия национально-культурного развития Бессарабии конца XIX — начала XX в. выдвинули Алексея Матеевича (1888—1917)¹ на одно из первых мест как в молдавской литературе этого периода, так и в истории молдавско-русских литературных связей.

С одной стороны, он был тесно связан с молдавской классической литературой и устным народным творчеством. С другой стороны, любил и глубоко знал русскую литературу. В Матеевиче сочетались два культурно-литературных начала: национальное, т. е. родная литература, и инонациональное, т. е. русская литература. В годы учебы в Кишиневской духовной семинарии (1902—1910), в библиотеке которой наряду с произведениями молдавских писателей-классиков К. Негруци, В. Александри, И. Крянгэ, М. Эминеску и других имелись произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. М. Горького, а также сочинения великих русских революционных демократов В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, он испытал влияние их идей.

Отношение Матеевича к русской культуре вообще и русской литературе в частности в значительной мере определялось его общественно-политическими взглядами. Они характеризовались и такой положительной чертой, как правильное понимание общности исторических судеб и интересов населявших Россию народов и народа русского. Отсутствие у Матеевича узконациональных взглядов на сложные вопросы национального и социального характера русской жизни в период революции 1905—1907 гг. подтверждается, в частности, и тем, что, говоря о необходимости предоставления тогдашней Бессарабии национальной автономии, Матеевич не выступал за отделение своего родного края от России, а видел эту автономию в пределах России². Жизнь, как известно, полностью подтвердила прогрессивность позиции молдавского писателя в этом сложном общественно-политическом вопросе.

Если не считать дебютом Матеевича его выступление с публицистической статьей в газете «Басарабия» в сентябре 1906 г.,

¹ Основные даты жизни и творчества поэта см.: Алексей Матеевич: Индиче библиографик алкэтулт де В. Чокану.—Кишинэу, 1969; наиболее полный научно-критический анализ творческого наследия писателя см. в предисловии к изданию: Матеевич А. Скриерь алесе. Едичие ынгрижитэ ши префацатэ де И. Вартичан ши Ф. Левит.—Кишинэу, 1977.

² См.: Че не требе ноуэ? (Чего мы хотим?) — Басарабия, 1906, № 53.

то можно сказать, что его творческий путь как писателя начинается с переводов русской литературы. Несколько забегаая вперед, заметим, что переводами русской литературы этот путь и завершается.

Он начал с переводов рассказов Чехова «Канитель», «Недоброе дело» и «Пронсшествие», увидевших свет в упомянутой газете в октябре 1906 г. В июне 1917 г. опубликован его последний перевод (13 августа того же года он скончался). Это был перевод известного пушкинского сонета «Поэту» (Поэт, не дорожи любовью народной...).

Недолгим, но сложным и противоречивым был творческий путь наиболее талантливого молдавского писателя предоктябрьской Бессарабии. Необходимо подчеркнуть, что не все одиннадцать с небольшим лет творчества были одинаково плодотворными. За 1908 и 1909 гг., например, не сохранилось ни переводов, ни оригинальных произведений. Сравнительно мало написано и переведено в 1911 г. (соответственно 3 и 7) и очень мало в 1913 г. (соответственно 2 и 1) и 1914 г. (1 и 2). Таким образом, из активной творческой деятельности Матеевича практически выпадает по крайней мере четыре года. Оставшиеся 7 с небольшим лет можно разделить на три основных периода литературной деятельности Матеевича — как оригинальной, так и переводческой.

Первый период связан с непродолжительным существованием первой бессарабской газеты на молдавском языке «Басарабия» (24 мая 1906 — 11 марта 1907 гг.). Это время наивысшего идейно-творческого вдохновения молдавского поэта, вызванного общественно-политическим подъемом в стране в годы первой русской революции.

Основанная в разгар революционных событий в крае, газета «Басарабия» с самого начала своего существования активно выступала за осуществление задач буржуазно-демократической революции и, в основном, объективно отражала борьбу бессарабского крестьянства за землю и за демократические преобразования. Однако уже к концу 1906 г. крестьяне-подписчики стали жаловаться в редакцию, что газета до них не доходит. 11 марта 1907 г. вышел ее последний номер.

Основная причина закрытия газеты, как об этом свидетельствуют не опубликованные еще архивные документы бывшего Петербургского комитета по делам печати, состояла в том, что она, «широко пользуясь правами свободы печати, постоянно допускает статьи, за которые она подлежит судебной ответственности» (курсив мой.— С. П.)³. Важно подчеркнуть то место в цитируемом документе, где говорится, что газета «Басарабия» усиленно распространяется в сельских мест-

³ Центральный государственный исторический архив СССР (г. Ленинград) (ЦГИАЛ СССР), ф. 776, оп. 23, 1906, д. 47, л. 1 об.

ностях⁴. Это скрывало в себе «серьезную опасность... в смысле революционизирования сельского населения (курсив мой.— С. П.)»⁵.

Поводом к закрытию газеты, которое не заставило себя ждать, могли служить не только статьи, за которые она подлежала судебной ответственности, но и многие художественные произведения (особенно стихотворные) молдавских и румынских писателей XIX в., в которых открыто звучал протест против социальной несправедливости вообще и порабощения безземельного крестьянства в частности (см., например, «Мы хотим земли» Г. Кошбука, «Поход в Сибирь» В. Александри, «Восставшие крестьяне» М. Пони, «Год ожиданий» Г. Александреску и др.)⁶. Не менее веским поводом к закрытию газеты могли послужить также стихи А. Матеевича «Еу кынт» («Я пою»), «Кынтекул зорилор» («Песнь зари»), «Цэраний» («Крестьяне») и другие, в которых молодой поэт с позиций крестьянского демократизма воспевал восставших на борьбу за справедливость, за землю, за волю. Он не только воспевал, но и призывал крестьян к восстанию.

Обращение Матеевича в 1906 г. к творчеству А. П. Чехова не случайно. Популярность писателя среди прогрессивной общественности страны была велика. Это могло послужить своеобразным стимулом для переводчика, а сами переводы — скромной данью памяти А. П. Чехова.

Исследователи творческого наследия Матеевича справедливо подчеркивают, что при выборе произведений переводчик руководствовался определенными критериями, которые могли и не быть связаны с идейно-художественной значимостью этих произведений. Переведенные Матеевичем чеховские рассказы «Канитель», «Происшествие», «Недоброе дело», особенно последние два, характеризуются, как известно, захватывающим сюжетом, интересным для простого читателя, для которого прежде всего и предназначались эти переводы. Во-вторых, названные рассказы могли заинтересовать крестьянского читателя своей тематикой и персонажами. В-третьих, переведенные произведения должны были быть доступны неуклюжему читателю. Наконец, переведенные произведения должны были быть очень содержательными и в то же время небольшими по объему, так как печатались в газете относительно небольшого формата.

Именно чеховские рассказы, и прежде всего отобранные Матеевичем для перевода, отвечали как раз всем этим требованиям.

⁴ ЦГИАЛ СССР, ф. 776, оп. 23, 1906, д. 47, л. 1.

⁵ Там же, л. 2.

⁶ Художественные произведения в стихах и прозе, увидевшие свет на страницах газеты «Басарабия», опубликованы в сборнике «Дрепате, вое ши пэмынт». Составители Х. Корбу и С. Чиботару. Кишинев, 1957.

Следует полагать, что с той же ориентацией на крестьянского читателя связано первое и единственное прозаическое произведение Матеевича — рассказ «Тоамна» («Осень»), опубликованный в том же 1906 г. Исследователи связывают его с «наброском» украинского писателя М. Коцюбинского «Пекуптьор»⁷.

Данных о прямых контактах А. Матеевича в период его учебы в Кишиневской духовной семинарии с украинской литературой вообще и с творчеством М. Коцюбинского в частности нет, но это отнюдь не исключает такой возможности. Однако в данном случае скорее всего нужно говорить о явлении **типологического** характера, вызванного своеобразием и, пожалуй, неповторимостью молдавского национального обычая.

Испытав себя, свои возможности в области публицистики, прозы и художественного перевода (тоже в прозе), Матеевич-семинарист неожиданно переходит к оригинальному стихосложению и в течение короткого времени убеждает читателей газеты «Басарабия», что проза и публицистика были для него лишь своеобразной пробой пера, а его истинным призванием является поэзия. Неожиданный на первый взгляд переход Матеевича в область поэзии, т. е. к одному из наиболее «оперативных» литературных жанров с точки зрения быстроты идейно-эмоциональной реакции на злободневные события, в действительности оборачивается закономерным, самым ходом событий, продиктованным поворотом в творческой эволюции чуткого и внимательного к течению общественно-политической жизни художника. Этот переход обусловлен его стремлением **самоопределился** в общественно-литературной жизни своего времени, занять наиболее активную позицию в жизни и в литературе и т. д. Именно так следует рассматривать упомянутые несколько ранее стихи Матеевича, увидевшие свет в газете «Басарабия».

Глубокое сочувствие Матеевича простому народу и прежде всего обездоленному молдавскому крестьянству, гнев по отношению к его угнетателям, готовность разделить с народом тяготы жизни естественно сближали творчество молдавского поэта с некрасовской «музой мести и печали». И хотя прямых свидетельств о знакомстве Матеевича с творчеством великого русского народного поэта у нас нет, такое знакомство вполне вероятно. Творчество Н. А. Некрасова оказало большое влияние на деятельность молдавских поэтов, сгруппировавшихся вокруг газеты «Басарабия», активным сотрудником которой был и сам Матеевич. Можно также с уверенностью говорить и о знакомстве будущего молдавского поэта с творчеством Некрасова в семинарской библиотеке.

После поражения революции Матеевич постепенно подда-

⁷ Подробно об этом см. статью «М. Коцюбинский в Молдавии» в настоящей книге.

ется безверию и унынию (см. стихотворения «Ын зоря анилор» («На закате лет»), «Атунч, кынд соареле апуне...» «Когда заходит солнце») и др.

Два последующих года (1908 и 1909), период наиболее жестокой столыпинской реакции, можно с полным правом назвать годами творческого молчания. За это время, как уже отмечалось несколько ранее, не сохранилось ни переводов, ни оригинальных стихов.

Конечно, есть все основания предположить, что в эти годы в творческой эволюции Матеевича продолжали происходить тот сложный процесс «переоценки ценностей», та идейно-психологическая перестройка, которые наметились еще во второй половине 1907 г. и впоследствии привели к значительным качественным изменениям в его творчестве. Однако наряду с субъективными причинами творческое молчание Матеевича в указанные годы могло быть обусловлено и факторами объективного характера.

В 1910 г. начинается следующий период идейно-творческой эволюции молдавского поэта как в отношении оригинальных сочинений, так и переводов инонациональных произведений.

В 1910 г. в числе 20 выпускников 18 духовных семинарий страны 31 августа 1910 г. Матеевич был зачислен без экзаменов на первый курс Киевской духовной академии с содержанием на синодальные средства⁸. Сокурсниками Матеевича по академии оказались еще два выпускника той же Кишиневской семинарии: В. Поляков и Ф. Зубков⁹.

Таким образом, период с осени 1910 г. до июня 1914 г. можно называть **киевским периодом** в жизни и творчестве молдавского поэта.

В работах о Матеевиче его четырехлетнее пребывание в упомянутой академии принято считать периодом душевного кризиса и мистицизма. При этом из его оригинальных сочинений выделяют, как правило, христианские заповеди, религиозные стихи, статьи по фольклористике, истории церкви и т. д., а внушительное число переводов русских поэтов называются скопом.

Конечно, из 29 прожитых им лет 15, т. е. более половины, составляют учебу в духовных заведениях: пять лет в духовном училище, шесть лет в духовной семинарии, четыре года в духовной академии. Таким образом, внешние обстоятельства обусловили появление религиозных стихов. Поэтому исследователи поэтического наследия Матеевича (оригинального и переводного) видят в нем религиозного поэта.

Постоянное влияние религиозной среды, специфического окружения и атмосферы неминуемо должно было сыграть свою

⁸ Извлечение из журналов Совета Киевской духовной академии за 1910/11 учебный год. Киев, 1912, с. 15.

⁹ Там же, с. 54.

не последнюю роль в «моделировании» личности и творчества молдавского поэта. Это обстоятельство, по всей вероятности, должно было сказаться с особой силой в выборе тематики — как в оригинальном творчестве, так и переводческой деятельности.

В этом смысле необходимо признать, что киевский период творчества Матеевича действительно характеризуют коренные изменения в идейно-художественных исканиях, резкое переключение от злободневных социальных вопросов к религиозно-философской тематике. Если взять, например, оригинальное творчество Матеевича за 1910—1914 гг., то выясняется, что преобладающую часть составляют религиозные стихи, при этом на первом месте стихи, посвященные Иисусу Христу: «Христос а инвнят» («Христос воскрес», 1910), «Ынтрая Домнулуй Иисус Христос ын Иерусалим» («Вхождение Иисуса Христа в Иерусалим», 1912), «Христос дупэ чина чя де тайнэ» («Христос после тайной вечери», 1912), «Ынэлцаря ла черурь а Домнулуй Иисус Христос» («Восхождение к небесам Иисуса Христа», 1912), «Христос» (1913), «Христос ын бисерика Иерусалимулуй» («Христос в церкви Иерусалима», 1913) и др. Остальная часть оригинальных стихотворений киевского периода, за малым исключением, также связана в той или иной степени с религиозной тематикой. Это ли не убедительное доказательство религиозности и мистицизма Матеевича в период его учебы в духовной академии!

Так, впрочем, и принято считать, причем без какой-либо попытки привлечь к анализу другие, в том числе внелитературные, факторы, которые могли обусловить такую тематику.

При освещении этого вопроса уместно начать с того, что религиозные стихи Матеевича 1910—1914 гг., т. е. периода, считающегося кризисным в творческой биографии молдавского поэта (правда, хронологически этот период несколько шире), лишены внутреннего огня, пафоса, совсем не касаются душевных струн читателя, не волнуют. Иными словами, они написаны не вследствие поэтического вдохновения, а по необходимости. Даже буржуазные исследователи творческого наследия Матеевича были вынуждены признать, что его религиозные стихи значительно слабее стихов «светских», т. е. нерелигиозных¹⁰.

В связи с этим возникает вопрос, не являются ли религиозные стихи Матеевича переложением тех проповедей и сочинений, которые студенты писали в обязательном порядке в течение академического года согласно ежегодному расписанию и на предложенные преподавателями темы?¹¹

Освоение Матеевичем главным образом религиозной тема-

¹⁰ См.: *Viața Basarabiei*, 1934, № 12, p. 47.

¹¹ См.: Правила для студентов Киевской духовной академии. — Киев, 1911, с. 7. В дальнейшем — Правила...

тики можно частично объяснить и специфической атмосферой, в которой находились студенты высшего духовного заведения. Так, «Правилами для студентов Киевской духовной академии» воспрещалось «приобретение и чтение студентами, а также распространение среди товарищей книг, брошюр и газет запрещенных, превратно и ложно толкующих вопросы религиозные, социальные и политические, вообще книг **сомнительного содержания, несогласного с задачами духовного образования** (подчеркнуто мною.— С. П.)»¹².

Вполне логично допустить, что если воспрещалось приобретение и чтение литературы, не отвечающей требованиям духовного образования, то тем более исключалась возможность сочинять и печатать нерелигиозные произведения. К тому же вспомним, что вплоть до 1913 г. в Бессарабии единственным печатным органом на молдавском языке, где Матеевич мог бы публиковать свои собственные произведения и переводы, был упомянутый уже церковный журнал «Луминэторул». В программной статье редакции журнала подчеркивалось, что в журнале могут быть напечатаны произведения «морально-церковного содержания».

Таким образом, объективные факторы заставляли А. Матеевича усиленно работать в области религиозного стихосложения. Нельзя также забывать и общей атмосферы в стране после подавления первой русской революции. Выдающийся критик-марксист В. Воровский назвал период «безвременья» «ночью после битвы». А ночь после битвы, как известно, принадлежит мародерам¹³, к которым относилась и определенная категория буржуазной интеллигенции, в том числе и творческой. Меткую характеристику литературной жизни периода реакции находим у А. Измайлова, одного из довольно известных в это время русских критиков. Основными чертами русской литературной жизни после разгрома революции критик считал «возрождение мифа», «смерть быта», «оргиазм», «мистический анархизм», «соборный индивидуализм»¹⁴. «Вторую отдушиной, куда устремились новые искания,— писал А. Измайлов, — явилась старина... Все течение, создававшееся на этом фоне, можно было точно обозначить термином **нео-архаизма**. От него повеяло не ароматом новизны и свободы, но запахом гробов и тления»¹⁵. Третьей струей критик считал «струю натурализма», «соприкоснувшегося с самыми необузданными крайностями эротики»¹⁶. «После холодно-рассудочных восьмидесятих годов вдруг стали искать Бога, обновления веры, греющих

¹² Правила..., с. 10.

¹³ Воровский В. В ночь после битвы.— В кн.: Литературно-критические статьи.— М., 1956, с. 158.

¹⁴ Измайлов А. А. Помрачение божков и новые кумиры. Книга о новых веяниях в литературе.— М., 1910, с. 14.

¹⁵ Там же, с. 71.

¹⁶ Там же, с. 99.

лучей мистики»¹⁷. Обращает на себя внимание еще одна тревожная для тех лет мысль критика: «Русская карамазовщина и свидригайловщина сплелись в мерзком и склизком рукопожатии и вступают в какую-то новую и еще горшую фазу, где слышится безвкусие и вырождение Смердякова»¹⁸.

Стены духовной академии не являлись, конечно, надежной защитой для Матеевича от влияния на него общественно-политической атмосферы периода реакции. Напротив, это влияние значительно усиливалось внутриакадемическими отрицательными факторами, о которых уже говорилось. Ко всему этому нужно добавить, что студентам академии категорически запрещалось «принимать какое-либо участие в политических партиях или посторонних студенческих организациях (тем более нелегальных), в разного рода незаконных сообществах, например землячествах, а равно и устройство таких организаций в Академии»¹⁹. Студентов, таким образом, старались полностью изолировать от внешнего мира. А ведь строгое соблюдение всех этих правил и ограничений было обязательным для Матеевича, целиком зависевшего от синодальных властей как человек, состоявший на казенном содержании.

Но даже в этих условиях будущий священник А. Матеевич оставался поэтом, поэтом он останется и после окончания духовной академии и будет им до конца жизни. Вместе с тем именно внешние, крайне неблагоприятные обстоятельства прежде всего и обусловили религиозную тематику произведений талантливого молдавского поэта.

Конечно, обращение к религиозной поэзии вообще и к образу Христа в частности само по себе еще ни о чем не говорит. Истории мировой литературы известны случаи, когда творчество выдающихся поэтов частично или целиком построено именно на религиозной тематике. Взять хотя бы английского поэта Мильтона, а в русской литературе XIX в. Кюхельбекера и других поэтов, для которых библейская тематика, библейский стиль были характерной чертой. Обращение поэтов к библейской тематике часто являлось своеобразным выражением поисков ими необычных, емких, эмоционально насыщенных образов, способных максимально передать их собственные мысли и переживания. Творчество В. Кюхельбекера последекабрьского периода является в этом смысле наиболее убедительным. Замысел поэмы «Давид», названной автором «эпическим стихотворением, взятым из «Священного писания», тесно связан с общественно-политическими взглядами поэта после разгрома декабристов, с его размышлениями «о сущности царской власти»²⁰. Именно в произведении с библейским

¹⁷ Там же, с. 232.

¹⁸ Там же, с. 108.

¹⁹ Правила..., с. 18.

²⁰ Кюхельбекер В. К. Избранные произведения: В 2-х т.— М.—Л., 1967, т. 1, с. 46.

сюжетом, в лирических отступлениях поэмы поэт-декабрист «сумел сказать о себе самое сокровенное»²¹, о чем свидетельствует его письмо к Пушкину от 20 октября 1830 г. Или другой пример. Потрясающее чувство одиночества поэта, заключенного в крепости после разгрома декабристов, нашло свое выражение в одном из сильнейших и трагичнейших произведений Кюхельбекера²², каким, бесспорно, является незаконченная поэма в отрывках «Агасфер» («Вечный Жид»).

Об образе Иисуса Христа известный советский литературовед Н. И. Пруцков писал: «В народнических литературно-общественных кругах, оказавшихся под воздействием идей Лаврова, — отмечает ученый, — довольно широко бытовала аналогия между революционным движением и движением религиозным, между революционером и Христом. Две противоположности — подвижничество на почве служения революции и подвижничество на почве служения богу, мученичество революционера и мученичество Христа, как бы сходились, сливались в одно целое... В. Фигнер в детстве и юности испытала обаяние образа Христа, который во имя идеи мужественно вынес все оскорбления, страдания и принял мученическую смерть. Таким должен быть и революционер»²³. Уместно высказывание английского писателя Оскара Уайльда: «Ни у Эсхила, ни у Данте, этих суровых мастеров нежности, ни у Шекспира, наиболее в своей чистоте человеческого из всех великих художников, ни в кельтских мифах и легендах, где сквозь туман слез светится все очарование мира и жизнь человеческая ценится, как жизнь цветка, — нигде нет того, чтобы простота страдания равнялась возвышенности трагического действия, растворялась в нем и могла бы уподобиться последнему акту Страстей Христовых или хотя бы приблизиться к нему»²⁴.

Можно привести много доводов в пользу того, что в литературе и искусстве запрещенных тем, мотивов, образов (в том числе и религиозных) нет, что важна идейно-художественная «концепция» используемой темы или мотива, важно новое «наполнение» старого образа. Однако это говорится отнюдь не с целью оправдать обращение к религиозной тематике молдавского поэта А. Матеевича. Его религиозные стихи, как уже говорилось, не являются результатом идейно-эмоционального одухотворения поэта, выражением его сокровенных мыслей о тех или иных вопросах своего времени и т. д. И если бы киевский период его творчества сводился бы только к оригинальным стихам, то в этом случае мы действительно имели все

²¹ Там же.

²² Там же, с. 27.

²³ Пруцков Н. И. Русская литература XIX века и революционная Россия. — М.—Л., 1971, с. 127—128.

²⁴ Цит. по ст.: Долгов Н. О религиозных сюжетах. — Театр и искусство, 1905, № 36, с. 575.

основания говорить о глубоком кризисе поэта и даже о его впадении в мистицизм.

Да, Матеевич в эти годы обращался не к современной ему действительности, а к прошлому, к раннему христианству, к библейской мифологии и т. д. Это, конечно, был уход поэта от окружавшей его действительности. Не закаленный политически и далекий от понимания сущности и целей революционной борьбы пролетариата, от понимания научного социализма, Матеевич, испугавшись разгула реакции, уходит в прошлое. В том же свете необходимо рассматривать и его увлечение философией, о чем свидетельствуют его блестящие успехи по истории философии²⁵, а также отзывы наставников Матеевича по Киевской духовной академии²⁶.

Все сказанное до сих пор объясняет, конечно, увлечение А. Матеевича религиозной тематикой, но в еще большей мере перечисленные факторы субъективного и объективного характера проливают свет на переводческую деятельность молдавского поэта в годы его учебы в духовной академии. Без учета и анализа этой деятельности, являющейся неотъемлемой составной частью творческой биографии поэта, нельзя серьезно говорить о том, переживал ли Матеевич в эти годы идейно-творческий кризис или нет. Это потому, что переводы из русской поэзии, осуществленные Матеевичем в 1910—1914 гг., преобладают в количественном отношении над его оригинальными стихами. Кроме того, переведенные произведения обладают идейно-художественной значимостью и занимают определенное место как в творчестве русских поэтов, так и в истории русской поэзии вообще.

Когда мы говорим о Матеевиче как о переводчике русской поэзии XIX в., то должны подразумевать прежде всего переводы киевского периода, составляющие абсолютное большинство его переводов из русской поэзии, а именно: 29 из 32. Преобладающая их часть была переведена в 1911 (7 произведений) и в 1912 (18 произведений).

Таким образом, Матеевич-студент духовной академии не только писал стихи, но и работал над многочисленными переводами из русской поэзии разных периодов XIX в. Значение его переводческой деятельности помимо других критериев обусловлено и тем, какое место и значение имеют в истории русской литературы переведенные Матеевичем произведения.

Исключим из анализа те произведения русской поэзии, переведенные Матеевичем, которые не были прогрессивными для своего времени и свидетельствовали о его глубоких заблуждениях. Это, главным образом, стихи Вяч. Иванова, С. Соловьева, Селезнева, О. Чуминой, П. Клюшникова, А. Майкова и др. Сюда же нужно отнести также стихотворение В. Брю-

²⁵ ЦГИА УССР, ф. 711, оп. 3, 1914 г., д. 3674.

²⁶ Там же, 1911 г., д. 3456, л. 16.

сова чисто религиозно-мистического содержания «Воскресение», переведенное Матеевичем в 1912 г. За рамки художественных ценностей выходит и стихотворение А. К. Толстого, переведенное Матеевичем под названием «Мынтуиторул» (Искупитель»). Очень сложными по идейно-образному содержанию являются стихотворения того же А. Толстого «Грешница», «Моление о чаше» (в молдавском переводе «Ругэчуня пентру пахар») и др.

Из творчества малоизвестного русского поэта середины XIX в. П. Ключникова Матеевич перевел стихотворение «Жизнь»²⁷, с которым автор дебютировал в 1840 г. под псевдонимом «фита́» с двумя черточками²⁸. В современных изданиях русской поэзии это стихотворение, насколько нам известно, не фигурирует, поэтому приведем его полностью:

«Дар мгновенный, дар прекрасный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Ум молчит, а сердцу ясно:
Жизнь для жизни мне дана».
«Все прекрасно в Божьем мире;
Сотворивый мир в нем скрыт.
Но Он в храме, но Он в мире,
Но Он в разуме открыт.
Познавать Его в творенье,
Видеть духом, сердцем чтить —
Вот в чем в жизни назначенье,
Вот что значит в Боге жить!»

Религиозный характер этого стихотворения бесспорен, но бесспорно также и то, что мысль о боге, о его вездесущности тесно переплетается с мыслью о скоротечности жизни как прекрасного дара. Мысль о боге, как составной части окружающей жизни, живет в стихотворении рядом с светлым чувством радости жизни и т. д. Это впечатление достигается общим настроением стихотворения — игривым, светлым, жизнеутверждающим.

Можно предположить, что это стихотворение было взято Матеевичем из журнала «Отечественные записки», так как в других изданиях (в том числе и в известной «христоматии» Н. Гербеля) к моменту его перевода Матеевичем (1912) это стихотворение, насколько нам известно, опубликовано не было. Значит, молдавский поэт был знаком с знаменитым русским журналом. А этот журнал представлял как раз одно из тех изданий, содержание которых согласно «Правилам для студентов Киевской духовной академии» было «сомнительным», о чем свидетельствовало и закрытие журнала в 1884 г., т. е. в период общественной реакции в России, вызванной убийством Александра III (1881).

Одним из первых произведений русской поэзии XIX в., переведенных Матеевичем в киевский период творчества, было

²⁷ Перевод Матеевича см.: Луминэторул, анул V, (1912), карта V.

²⁸ Отечественные записки, 1840, т. 12 № 10, отд. III.

замечательное лирическое стихотворение М. Ю. Лермонтова 1839 г. «Молитва» («В минуту жизни трудную...»). Это первый перевод Матеевича из русской поэзии и в то же время единственный, осуществленный им в 1910 г. Вместе с тем это как раз один из тех примеров, которые убедительно говорят о том, насколько обманчивыми бывают иногда названия иных произведений, переведенных Матеевичем. Попав главным образом из-за названия в разряд религиозных или мистических, они в действительности ничего общего с этой категорией не имеют.

«В минуту жизни трудную,
Теснится ль в сердце грусть —
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.
С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...»²⁹

Никакой здесь молитвенности, религиозности или мистицизма, как видим, нет, а есть изумительное по своей лирической проникновенности и одухотворенности изображение душевного состояния лирического героя, вызванного не каким-то сверхъестественным существом, а вполне земным явлением, т. е. грустью поэта «в минуту жизни трудную».

Такое стихотворение вполне можно назвать псевдорелигиозным. Весьма вероятно, что именно на эффект таких названий сугубо «светских», нерелигиозных произведений и рассчитывал А. Матеевич, когда выбирал для переводов стихотворения, которые должны были увидеть свет на страницах церковного журнала. К этой же категории относятся стихотворения Ф. Тютчева «Пошли, господь, свою отраду...» (1850) и «Молитва» А. Кольцова с подзаглавием «Дума», оба переведенные в 1911 г. под названиями. «Тримите-й, доамне, букурие...»³⁰ и «Ру-гэчуне»³¹.

В стихотворении Ф. Тютчева речь идет не о боге, а о «бедном нищем», бредущем «по жаркой мостовой» и имеющем право только «через ограду» смотреть на «недоступную прохладу роскошных, светлых луговин»³² с фонтаном и другими атрибутами праздной жизни имущих классов. Несмотря на обращение лирического героя к богу, которое в общем контексте стихотворения скорее звучит чисто традиционно, как ме-

²⁹ Лермонтов М. Ю. Собр. соч., в 3-х т. Т. 1. Стихотворения. — Л., 1950, с. 247.

³⁰ Луминэторул, anul (1911), карта XII.

³¹ Там же. карта XI.

³² Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. — Л., 1957, с. 166.

тафора, произведение явно проникнуто социальным мотивом сочувствия поэта обездоленному нищему; в нем виден прежде всего Тютчев-гуманист.

Такое же обращение лирического героя к богу видим и в стихотворении А. Кольцова «Молитва» (Дума) (1836), которое печатается с примечанием о том, что стихи были написаны в степи графини Орловой³³. Поводом для написания стихотворения послужила бескрайняя русская степь с ее таинственным величием и бессмертием. Это, в свою очередь, порождает у лирического героя, сознающего скоротечность жизни, внутренний протест против смерти. Более того, в стихотворении «прослушивается» спор лирического героя с богом, что в значительной степени приглушает его общий религиозный «настрой» и придает ему философское звучание.

Вот первая половина стихотворения:

«Спаситель, спаситель!
Чиста моя вера,
Как пламя молитвы!
Но, боже, и вере
Могла темна!»
«Что слух мой заменит?
Потухшие очи?
Глубокое чувство
Остывшего сердца?»³⁴

Здесь, как и в других «думах» Кольцова, «сила жизненности» поэта приходит в столкновение с религиозной мистикой... Недаром Белинский так ценил в поэзии Кольцова «высокую мысль борьбы с жизнью и победы над ней!»³⁵. Эта высокая мысль присуща стихотворению того же автора «Последняя борьба» (1838), переведенному Матеевичем в 1911 г.³⁶, однако она выражена с гораздо меньшей силой вдохновения. Здесь уже слабее чувствуется протест и сильнее готовность лирического героя покориться судьбе.

Два других произведения, переведенные А. Матеевичем, отличаются от остальных своей творческой историей. Речь идет о стихотворении «Подражание псалму XIV» («Кому, о господи! доступны...») известного русского поэта пушкинского периода Н. Языкова и элегии «Надежда» не менее известного поэта, предшественника пушкинского романтизма К. Батюшкова. Молдавские переводы этих произведений появились в печати соответственно под названиями «Дин псалмул ал 14-ля»³⁷ и «Нэдежде»³⁸.

³³ Кольцов А. В. Полное собрание стихотворений.— Л., 1958, с. 122.

³⁴ Там же, с. 121.

³⁵ Там же, с. 31—32.

³⁶ См.: Лупта чя де пе урмэ (Дупэ Ал. Колцов).— Луминэторул, анул IV (1911), карта XI, п. 38—39.

³⁷ Луминэторул, анул V (1912), карта I.

³⁸ Там же, анул IV, карта XII, 1911.

«Подражание» (1830) Языкова было написано в последне-кабровский период, когда в его стихах появляются библейские мотивы и образы³⁹. Его протест против несправедливо устроенной жизни все более приобретает абстрактный, морально-этический характер⁴⁰.

К не менее сложному периоду относится и элегия К. Батюшкова «Надежда», написанная во второй период литературной деятельности поэта, т. е. после Отечественной войны 1812 г., участником которой был и сам Батюшков. В это время поэт переживает глубокий идейно-творческий кризис. Если до войны Батюшков был прежде всего поэтом радости, его отличали, по его же словам, «пылкость» и «беспечность», то во второй период, начинающийся сразу после 1812 г., общие проблемы жизни кажутся ему все более запутанными и неразрешенными, в истории он не видит никакого смысла, а сущность ее представляется ему страшной⁴¹.

К 1815 г. глубокий душевный кризис Батюшкова усиливается, поэта привлекают реакционные философские идеи, он старается в религиозном духе разрешить внутренние конфликты⁴². Именно к этому году и относится его стихотворение «Надежда».

Религиозными произведениями в прямом смысле этого слова являются ода Г. Р. Державина «Бог» (1784) и поэма С. Я. Надсона «Иуда» (1879). Первое произведение было переведено Матеевичем в 1911 г.⁴³, второе — в 1912 г.⁴⁴

Исследователи выделяют оду «Бог», получившую подлинно мировую известность⁴⁵. Написанное с поэтическим воодушевлением, стихотворение проникнуто «не столько духом церковной ортодоксии, сколько тем же пантеистическим, «космическим» чувством, которым продиктованы замечательные «Размышления о божием величестве» Ломоносова...»⁴⁶. В произведении о боге ярко выделяется мысль о величии человека: «Я царь — я раб — я червь — я бог». Когда образ лирического героя, т. е. человека, возводится автором оды до высоты бога и в конечном итоге уравнивается с ним, все высшие свойства и качества бога неизбежно распространяются и на человека — смертного, ничтожно малого, но всемогущего благодаря своему разуму. И уж совсем не гармонирует с догмами христианской религии удивительно смелый для конца XVIII в. комментарий Державина к одному из стихов оды («Без лиц, в трех лицах

³⁹ См.: Языков Н. М. Полное собрание стихотворений.— М.—Л., 1964, с. 30.

⁴⁰ Там же, с. 32.

⁴¹ Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений.— М., Л., 1964, с. 36.

⁴² Там же, с. 37.

⁴³ См.: Луминэторул, анул IV (1911), карта XI.

⁴⁴ Там же, анул V (1912), карта III.

⁴⁵ См.: Державин Г. Р. Стихотворения.— Л., 1957, с. 55.

⁴⁶ Там же, с. 56.

божества»): «Автор,— поясняет Державин,— кроме богословского православной нашей веры понятия, разумел тут три лица метафизические (философские.— С. П.), то есть: бесконечное пространство, непрерывную жизнь в движении вещества и нескончаемое течение времени...»⁴⁷. «Это „разъяснение” Державина, как и ряд других стихов оды (например, «Так солнцы от тебя родятся»),— пишет исследователь, — явно противоречит церковным представлениям, согласно которым пространство, время и «жизнь в движении вещества» имели «начало» и будут иметь «конец»; земля уже была центром мироздания, и солнце создано богом только одно. Не удивительно, что ода Державина вызвала протесты со стороны ревнителей православия...»⁴⁸.

Таковы основные моменты, связанные с философским содержанием и значением державинской оды «Бог».

От написания оды (1784) до ее перевода Матеевичем (1910) минуло столетие с четвертью. За это время русский литературный язык ушел далеко в своем развитии, поэтический «слог» Державина стал к началу нашего века более чем малодоступным, особенно для перевода. С этой точки зрения решение молодого молдавского поэта (когда осуществлялся перевод, ему было 22 года), с довольно скромным переводческим опытом в области поэзии (до этого он перевел только «Молитву» Лермонтова) остановиться именно на таком сложнейшем во всех отношениях произведении, каким, безусловно, является державинский «Бог», можно назвать смелым. И остается только догадываться, с какими неимоверными трудностями столкнулся переводчик во время работы над одой «Бог», образная система которой вся соткана из церковнославянских изобразительных средств. По-видимому, при переводе на молдавский язык такого сложного стихотворного произведения ему помогла многолетняя учеба в духовных заведениях, помогло знание специфической религиозной терминологии. И нужно прямо сказать, что для того времени рассматриваемый перевод был осуществлен на высоком уровне и это делает Матеевичу честь. Конечно, при сопоставительном анализе в молдавском варианте державинской оды неизбежно выявляются и многие отрицательные моменты, связанные не только с лексико-стилистическими особенностями русского оригинала, но также и с предельной образно-смысловой сжатостью, «спрессованностью» значительной части стихов, особенно так называемых ключевых, опорных, из которых в общем итоге складывается основная идея произведения. Таковыми, бесспорно, являются упомянутый уже стих-афоризм «Без лиц, в трех лицах божества», переведенный Матеевичем, как нам кажет-

⁴⁷ Там же, с. 381 (Примечания).

⁴⁸ Там же.

ся, с гораздо меньшей афористичностью и может быть даже нейтрально: «Треиме а Думнезеирий»⁴⁹. Другой пример:

«Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!»⁵⁰

В молдавском переводе особенно не повезло первому из этих стихов:

«Ку трупун колб мэ тэвэлеск,
Ку минтя — фулжерь кырмуск,
Стэпын ши роб сынт, край ши верме...»⁵¹

Буквальный перевод первого стиха — «Я телом валяюсь в пыли». Полностью исчезла философская мысль о всемогуществе человеческой мысли вопреки тленности его тела.

Работа Матеевича над одой «Бог» предшествовала его переводу двух выдающихся произведений русской поэзии XIX в. под одним названием: «Пророк» А. С. Пушкина⁵² и «Пророк» М. Ю. Лермонтова⁵³, которые к религиозной поэзии в полном смысле этого слова отнести нельзя.

По своей сложности и философской насыщенности пушкинский «Пророк» не уступает оде Державина. Поэтому можно говорить, что работа Матеевича над державинской одой явилась серьезным подготовительным этапом, во многом предопределившим успех перевода гениального произведения Пушкина, неисчерпаемое идейное содержание, аллегорическая «шифровка» которого и поныне еще полностью не раскрыты учеными.

Наиболее проницательные читатели пушкинского «Пророка» не могли не видеть в этом произведении постоянно проводимую великим русским поэтом и волновавшую его мысль о боевой, социально активной поэзии. Таким образом, речь идет о важных проблемах, прямо связанных с общественным предназначением литературы и искусства, о месте художника в обществе, о гражданственности литературы и т. д.

В лермонтовском «Пророке» справедливо видят продолжение Лермонтовым лучших пушкинских традиций. Однако в отличие от своего великого предшественника, показавшего своего Пророка готовившимся к подвигу, Лермонтов заставляет Пророка бежать в пустыню, над ним смеются встречные, в него бросают «каменьями». Трагическая судьба Пророка Лермонтова символизирует крах высоких надежд на социальное призвание поэта и на значение поэзии в несправедливо устроенном обществе, какое было в России времен Пушкина

⁴⁹ Луминэторул, анул IV (1911), карта XI, п. 13.

⁵⁰ Державин Г. Р. Указ. соч., с. 16.

⁵¹ Луминэторул, анул IV (1911), карта XI, п. 16.

⁵² См.: Луминэторул, анул IV (1911), карта XII.

⁵³ Там же, карта XI.

и Лермонтова и какое было в России и во времена Матеевича. В этом смысле великие вопросы, волновавшие Пушкина и Лермонтова, естественно волновали и молдавского переводчика их произведений.

Молдавский перевод поэмы русского поэта последней трети XIX в. С. Я. Надсона «Иуда» увидел свет в 1912 г.⁵⁴ Отвратительное преступление, каким является предательство, в трактовке Надсона приобретает глубокое социально-философское звучание. Вечный суд над собой, постоянный страх за содеянное находят свое выражение в не отступающем ни на минуту видении, от которого Иуда-предатель может найти спасение только в смерти. Автор поэмы заставляет Иуду повеситься на суку дрожащей осины в лесу. Это приобретает в произведении значение высшего нравственного возмездия за совершенное тяжкое преступление. Такая тема была актуальна во времена Надсона и его переводчика Матеевича, она актуальна сегодня и останется таковой всегда, покуда будет существовать предательство.

Помимо религиозных или условно религиозных произведений русской литературы, в годы учебы в Киевской духовной академии Матеевич перевел и несколько стихотворений, которые нельзя причислить ни к одной из упомянутых категорий. Это «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...», 1828) А. Пушкина, «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837) М. Лермонтова, «Вечер» (1850) И. Никитина, «К детям» (1839) А. Хомякова, на молдавском языке соответственно звучащие «Адучере аминте»⁵⁵, «Кынд трече выптишорул...»⁵⁶, «Сара де варэ»⁵⁷, «Кэтре копий»⁵⁸.

Названные произведения можно объединить в цикл не только потому, что они в один год переведены на молдавский язык. Два стихотворения опубликованы одновременно в одном номере журнала, два — в другом номере. Этот внешний фактор, подтверждающий, что стихи переведены Матеевичем почти одновременно, свидетельствует о единстве настроения переводчика. Кроме того, эти произведения объединяет общий настрой, внутренняя эмоционально-психологическая «перекличка». Такое совпадение в отборе стихотворений для перевода не случайно. Оно свидетельствует о том, что переводчик выражает свои собственные сокровенные мысли через произведения переводимых авторов.

Все названные стихотворения характеризуются и объединяются в единое целое элегичностью общего настроения:

⁵⁴ См.: Луминэторул, анул V (1912), карта III.

⁵⁵ Там же, карта I.

⁵⁶ Там же, анул V (1912), карта V.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, анул V (1912), карта I.

«Когда для смертного умолкнет шумный день...»
(А. Пушкин. Воспоминание).
«Когда волнуется желтеющая нива...»
(М. Лермонтов)
«Когда потухший день сменяет вечер сонный...»
(И. Никитин. Вечер).
«Бывало, в глубокий полуночный час...»
(А. Хомяков. К детям).

Хотя по количеству эти произведения занимают незначительное место в переводческой деятельности Матеевича, они приобретают исключительную важность по своему значению, показывая идейно-художественные искания молдавского поэта. В мире такой поэзии ему было легче дышать и жить.

Одно произведение русской классической литературы, переведенное Матеевичем в эти же годы, занимает в его творческой биографии особое место. Однако до сих пор его, как, впрочем, и другие переводы, исследователи наследия Матеевича относили к разряду религиозной поэзии. Поэтому оно не изучалось и не издавалось в советский период (за исключением известного фрагмента «Благословляю вас, леса»). Речь идет о поэме А. К. Толстого «Иоанн Дамаскин» (1859). Молдавский перевод этого произведения был осуществлен в 1914 г. и увидел свет в конце 1914 и в начале 1915 г.⁵⁹

Насколько можно судить по сохранившимся номерам «Луминэторула», это последняя публикация молдавского переводчика в названном журнале.

Одним из внешних побудительных мотивов к переводу поэмы Толстого могло быть знакомство Матеевича с кандидатской диссертацией выпускника Киевской духовной академии 1913 г. Георгия Булгакова «Богословие св. Иоанна Дамаскина»⁶⁰. Стимулом мог также служить и знаменитый «Тропарь» из поэмы А. К. Толстого, широко распространенный в это время благодаря музыке русского композитора С. И. Танеева, и т. д.

Как А. К. Толстого, так и молдавского переводчика его поэмы должна была привлечь в этом сюжете личность Иоанна Дамаскина (родился около 673—676—677 г.), одного из самых выдающихся богословов и отцов церкви Востока своего времени, талантливейшего поэта-гимнолога. Его превосходные, истинно поэтические произведения в форме «служб», «канонов», «осьмигласников» и т. д. были широко распространены во все времена и у всех народов. За необычайный поэтический дар Иоанн Дамаскин был прозван «Златоструйным»⁶¹.

⁵⁹ См.: Луминэторул, 1914, катя XI; 1915, катя I, II.

⁶⁰ См.: Извлечение из журналов Совета Имп. Киевской духовной академии за 1912/13 учебный год.— Киев, 1913, с. 403.

⁶¹ См.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона, т. X.— Спб., 1893, с. 62.

А. К. Толстой строго придерживался исторически достоверных фактов о жизни и деятельности главного героя произведения. «Отпустив на волю всех своих рабов, Иоанн удалился в монастырь Саввы Освященного. Здесь никто из иноков не хотел быть духовным наставником знаменитого ученого богослова, а когда, наконец, нашелся желающий, запретил ему писать что-либо. Иоанн долго повиновался, но когда один из иноков умер и его просили сложить по этому случаю надгробный гимн, то Иоанн не утерпел и написал те высокопоэтические песнопения, которые и доньше поются в православной церкви при погребении умерших. Старец-наставник простил Дамаскина лишь тогда, когда он исполнил наложенную им эпитимию: очистить все нечистые места обители. После того Иоанн свободно предался авторству»⁶².

Примерно так, в основном, развивается и сюжет в поэме А. К. Толстого. Однако движущая сила предельно драматизированного действия, идейно-эмоциональные истоки произведения не в старине, а прямо связаны с личностью русского поэта, с его творческой биографией.

Наиболее привлекательная черта в личности Дамаскина — это, бесспорно, его готовность сносить самые унижительные оскорбления ради сокровенной цели: чтобы ему давали возможность свободно заниматься единственно любимым делом — творчеством. Ради этого он отказывается от всех своих богатств, от власти и почестей. Именно эта страсть Дамаскина, готовность идти до конца ради достижения поставленной цели и явились причиной написания поэмы.

Исследователи справедливо утверждают, что поэма А. К. Толстого целиком посвящена проблеме творческой свободы художника и подчеркивают автобиографический характер этого произведения. А. К. Толстой тяготился служебной карьерой и мечтал целиком посвятить себя творческому труду, т. е. поэзии⁶³. Все это нашло отражение в поэме, чего не могли не заметить цензурные власти. Уже отпечатанный номер журнала «Русская беседа» с поэмой «Иоанн Дамаскин» был задержан с требованием изъять из него поэму А. Толстого. Только вмешательство министра народного просвещения Ковалевского, назвавшего поэму «прекрасным стихотворением», спасло положение⁶⁴.

Проблема свободного творческого труда, должно быть, волновала Матеевича не меньше, чем русского писателя. И только полным созвучием дум, прямой перекличкой настроений можно объяснить обращение молдавского поэта к рассматриваемому произведению. В данном случае больше, чем во многих других, следует говорить об идейно-психологических

⁶² Там же, с. 61.

⁶³ См.: Толстой А. К. Полное собрание стихотворений.— М., 1937, с. 13.

⁶⁴ Там же, с. 770.

«встречных течениях» у Матеевича, определивших его обращение к поэме о Дамаскине. В публицистическом и поэтическом наследии молдавского поэта киевского периода нет каких-либо данных, которые говорили бы о неприятии Матеевичем современного ему общественно-политического и государственного устройства, но нет также и данных о приятии им этого строя, о душевной предрасположенности поэта к нему. В таком случае без натяжек можно сказать, что с помощью героя Толстого поэт Матеевич выражал свои мысли и чаяния, в атмосфере ограничений и запретов лишенный делать это в прямой форме, т. е. в своем оригинальном творчестве.

Разгулу эротомании, порнографии, идейному мародерству и т. д., столь распространенным в русской литературе середины 1910-х гг., противопоставляется образ Дамаскина с его страстной любовью к искусству и непоколебимой верой в его общественное призвание. Прямым обвинением, инвективой в адрес предавших в годы реакции высокие идеалы искусства звучит, например, следующий страстный монолог лирического героя поэмы:

«Презренье, други, на певца,
Что дар священный унижает,
Что пред кумирами склоняет
Красу лаврового венца!
Что гласу истины и чести
Внушение выгод предпочел,
Что угождению и лести
Бесстыдно продал свой глагол!»⁶⁵

Таким образом, А. Толстой, а вместе с ним и его молдавский переводчик, не стремятся бежать от своего времени с его жгучими вопросами в глубь веков, а ставят ему в упрек это самое прошлое. С этой мыслью прямо перекликается поэма Надсона «Христианка» (1878), в которой рассказывается о том, как молодой римский патриций Альбин, испытанный воин и убежденный «враг христиан», под властью прекрасного, возвышенного чувства любви к молодой, гонимой христианке, преодолевает предрассудки «своей» веры и вражду к христианам, предпочитая смерть, но вместе с любимой. Речь, таким образом, опять идет о способности «верить и любить», о готовности жертвовать собой ради выстраданной правды⁶⁶. В патриции Альбине русский поэт увидел высокий пример нравственной стойкости, которая помогла ему отречься от старых убеждений без колебаний и сомнений⁶⁷. «В себе и людях, себе подобных, Надсон ни тогда (в конце 80-х годов прошлого века.— С. П.), ни позже не видел такой силы, и в этом был один из главных источников его трагизма»⁶⁸.

⁶⁵ Там же, с. 456.

⁶⁶ См.: *Надсон С. Я.* Полное собрание стихотворений.— М.—Л., 1962, с. 23.

⁶⁷ Там же, с. 24.

⁶⁸ Там же.

В середине июня 1914 г. выпускник Киевской духовной академии А. Матеевич успешно защищает диссертацию «Религиозно-философское мировоззрение Фехнера» и получает ученую степень кандидата богословия. Таким образом, усиленной работой над диссертацией (абсолютно все сочинения Фехнера и почти все работы о нем переводились Матеевичем с немецкого), а не кризисом объясняется то, что за 1913 и 1914 годы сохранилось очень мало как оригинальных, так и переводных произведений.

А. Гиляров, книгу которого «Введение в философию» использовал в диссертации А. Матеевич, называет философию Фехнера «светлой и радостной»⁶⁹. «Она светла, потому что по ее принципу все проникнуто светом сознания. Она радостна, потому что видит в стремлении к радости высший принцип мироздания; она отдает должное всей роскоши чувственного мира и всем умственным наслаждениям; высшей радостью она признает полноту жизни и в общем и целом отрицает смерть»⁷⁰.

В отзывах на диссертацию Матеевича подчеркивались грандиозность проделанного им труда, трудолюбие автора и его любовь к философии⁷¹, богатейший материал, собранный по теме, талантливость автора, наличие в его работе многих «ценных справок и остроумных соображений» и т. д.⁷²

30 июня 1914 г. советом Киевской духовной академии А. Матеевичу был выдан диплом кандидата наук за № 1129 с причислением его к 1-му разряду и с правом получения степени магистра без новых устных испытаний⁷³.

Как свидетельствуют архивные документы, по успехам и поведению А. Матеевич занял 6-е место из 48 выпускников⁷⁴. Из 24 оценок, внесенных в диплом, было всего шесть «4», все остальные — «5», в том числе: по систематической философии, логике, истории философии, педагогике, истории русской литературы, церковнославянскому, русскому, латинскому, французскому, английскому языкам и т. д.⁷⁵

Однако в кандидатском дипломе было отмечено: поскольку Матеевич в течение четырех учебных лет состоял на синодальном содержании (на него за это время академия потратила 840 руб.), после выпуска он был обязан прослужить шесть лет в духовном ведомстве, а в случае ухода из этого ведомства он должен был возместить потраченные на него деньги за время учебы как в академии, так и в Кишиневской духовной семинарии⁷⁶.

⁶⁹ Гиляров А. Введение в философию.— Киев, 1907, с. 43.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Извлечение из журналов Киевской духовной академии за 1913—1914 учебный год.— Киев, 1915, с. 473.

⁷² Там же, с. 478.

⁷³ ЦГИА УССР, ф. 711, оп. 3, д. 3733, 1914 г., л. 17 об.

⁷⁴ Там же, ф. 711, оп. 3, д. 3732, 1914 г., л. 45.

⁷⁵ Там же, д. 3733, 1914 г., л. 17.

⁷⁶ Там же, л. 17 об.

Так завершилось четырехлетнее пребывание Матеевича в столице Украины и его учеба в духовной академии. С конца 1914 г. свои оригинальные произведения и переводы из русской литературы он будет подписывать «Священник Ал. Матеевич».

Приведенные нами факты внелитературного характера непосредственно к Матеевичу-поэту и переводчику, к его творческим связям с русской литературой не относятся, но они помогают понять Матеевича-человека, показывают его незаурядные способности и т. д. Так, отзывы преподавателей академии о любви молдавского поэта к философии могут в какой-то степени объяснить его увлечение религиозной поэзией и прежде всего русской, в которой, бесспорно, очень много философских вопросов, интересовавших и волновавших Матеевича в эти годы. Эти внелитературные факты, наконец, свидетельствуют о том, какие значительные возможности скрывались в Матеевиче-переводчике и т. д.

В середине 1914 г. закончилась учеба молдавского поэта в Киевской духовной академии, но на этом, конечно, не мог сразу прерваться киевский период в его творческой биографии. К этому периоду, особенно в плане идейно-тематическом, можно отнести поэму Надсона «Христианка», о которой уже говорилось и молдавский перевод которой увидел свет спустя полтора года после окончания Матеевичем духовной академии. Вместе с тем, этим переводом и завершается киевский период. После окончания учебы религиозная тематика полностью исчезает как в оригинальном творчестве Матеевича, так и в его переводах. Более того, над оригинальными произведениями автор не работает вплоть до середины 1917 г., т. е. три с половиной года.

Из этого творческого оцепенения Матеевича выводят события Февральской буржуазно-демократической революции. С 1915 г. Матеевич находится на Карпатском фронте в качестве военного священника. После февральских событий он чувствует настоящее духовное возрождение, его охватывает жажда деятельности. Об этом он пишет своей жене в конце апреля 1917 г.: «...как никогда прежде, чувствую прилив жизни, творческих сил. Что-то пробудило мой дремавший было разум, что-то подбуждает меня к сочинительству. Не помню случая, чтобы строки так легко лились из-под моего пера»⁷⁷.

В этот период он действительно работает плодотворно. В июне 1917 г. Матеевич пишет замечательное стихотворение «Лимба ноастрэ» («Наш язык»), с которым выступает в Кишиневе на открытии курсов молдавских учителей. В июле одно за другим он написал девять стихотворений, в том числе: «Вэд прэбуширя» («Вижу крах»), «Кынте де лягэн» («Колыбель-

⁷⁷ Цит. по кн.: Матеевич А. Скрнерь алесе. Единице ынгрижитэ ши префатэ де И. Вартичан ши Ф. Левит.— Кишинэу, 1966, с. 31.

ная песня»), «Басарабенилор» («Бессарабцам»), «Фрунза нукулуй» («Лист ореха»), «Унора» («Некоторым»), «Петре векь» («Древние камни») и др.

Там же, на фронте, в последние дни июня 1917 г. Матеевич перевел с русского языка: «Зына» («Фея») М. Горького, «Зэдарник, артисте...» («Тщетно, художник....») А. Толстого и пушкинский сонет «Поэту» («Поэт, не дорожи любовью народной...»). Этими тремя замечательными произведениями русской поэзии завершается третий период переводческой деятельности Матеевича, следовательно, и все его творчество в этой области. Нельзя не обратить внимание на тот факт, что третий период творческой биографии молдавского поэта практически сводится, как можно было заметить, к двум месяцам: июню - июлю 1917 г. Наиболее примечательной чертой этого непродолжительного (практически — самого короткого), но творчески насыщенного периода необходимо считать полное отсутствие религиозной тематики. Произведений на подобную тематику не было, как известно, и в первый период творчества Матеевича, до его поступления в Киевскую духовную академию. Таким образом, освоение Матеевичем религиозной тематики в годы его учебы в духовной академии нельзя объяснять врожденной религиозностью и склонностью к мистицизму, как это утверждали буржуазные исследователи наследия Матеевича, видя в его религиозных стихах — оригинальных и переводных — наиболее весомый вклад поэта в молдавскую поэзию.

Сложность эпохи обусловила сложность и противоречивость творчества поэта. Не все его художественное наследие равноценно. Многие его переводы второстепенных русских поэтов, отражающие ошибочные идейно-тематические взгляды поэта, сегодня не представляют какой-либо художественной ценности, как не представляют таковой и многие оригинальные произведения, написанные в период 1910—1914 гг.

Однако не ошибки и заблуждения определяют место и значение Матеевича в истории молдавской литературы предоктябрьского семнадцатилетия, его место и значение в истории молдавско-русских литературных связей начала XX в., не этим объясняется интерес современного молдавского читателя к его творческому наследию.

Нашим достоянием, составной частью социалистической культуры молдавского народа стали те оригинальные и переводные произведения, которые были порождены прогрессивными тенденциями развития жизни, отвечали на злободневные вопросы своего времени, помогали народу в его борьбе с угнетателями.

Переводы А. Матеевичем произведений русских писателей свидетельствуют о том, что он был не только талантливым поэтом, но и талантливым переводчиком.

Творчество русских писателей предоктябрьской Бессарабии (1901 — 1917) гг.

Русская литература предоктябрьской Бессарабии явилась продолжением и развитием в новых исторических, общественно-политических и культурных условиях местной русской литературы, возникшей еще в прошлом столетии после присоединения края к России.

Семнадцать предоктябрьских лет — это небольшой, но насыщенный крупными событиями отрезок времени; он включает и канун первой русской революции, и саму революцию 1905—1907 гг., и годы столыпинской реакции (1908—1911), за которыми последовал новый революционный подъем, и новое наступление реакции по всему фронту, вызванное началом первой мировой войны, и, наконец, Февральскую революцию 1917 г.

Все это, естественно, обусловило неоднородность и неравноценность русской литературы Бессарабии на разных этапах ее развития. Это, собственно, и имеется в виду, когда речь идет о специфичности условий, в которых развивалась русская литература предоктябрьской Бессарабии.

Изучение творчества местных русских литераторов, до сих пор не привлекавшего внимания исследователей, важно не только для воссоздания истории молдавско-русских литературных связей, но и для восполнения общей картины литературного процесса в крае. До сих пор исследовали, как правило, исключительно молдавские материалы (местная периодическая печать на молдавском языке, творчество собственно молдавских писателей и др.).

В Бессарабии после 1908 г. отсутствовала демократическая печать на молдавском языке, на страницах которой могли бы публиковать свои произведения молдавские писатели, поэтому актуально изучение местной русской литературы. К тому же, в определенные периоды предоктябрьского семнадцатилетия литература Бессарабии представлена преимущественно и даже исключительно творчеством местных русских писателей. Местная русская литература (и прежде всего поэзия) не только преобладала на всех этапах в количественном отношении, но и являлась более активным фактором развития литературного процесса в крае. Именно на примере местной русской литературы можно судить об основных идейно-тематических и художественных исканиях.

С первых лет нашего века в Кишиневе и в других городах края выходили отдельными книгами произведения местных русских литераторов¹. На русском языке писали представители разных национальностей, проживавшие тогда в Бессарабии, в том числе и молдаване. Развивались все литературные жанры, но далеко не в одинаковой степени и не на одинаковом идейно-художественном уровне.

Следует заметить, что авторами многих книг, изданных в Бессарабии, являлись жители разных городов тогдашней России. В Бендерах, например, под псевдонимом «Граф Бенгальский» опубликованы юмористические рассказы известного в свое время русского юмориста и сатирика Н. Шебуева². Русскому артисту А. Гончаренко (псевдоним — А. Чаргонин) принадлежит превосходная комедия «У дверей рая (Капризы любви)», вышедшая отдельной книгой в Кишиневе в 1908 г. Не местным, по всей вероятности, является И. Стаканов³ и др. Из наиболее одаренных бессарабских стихотворцев можно назвать поэта и драматурга, переводчика и корреспондента Л. Н. Толстого И. Левита, а также двух поэтесс — Н. Махо и В. Шестак. Сохранилось по одному сборнику их стихов⁴. Большая часть произведений этих авторов была посвящена главным образом различным проблемам духовной жизни лирического героя, поискам смысла жизни и т. д. С точки зрения идейной и художественной мы находим много интересного также на страницах местной периодической печати на русском языке и в отдельных коллективных сборниках и журналах. Можно утверждать, что большая часть произведений русских литераторов предоктябрьской Бессарабии опубликована в газетах, журналах и в отдельных случаях — коллективных сборниках.

Было бы, однако, более чем наивно искать стихи острого социального и политического звучания в официозных «Бессарабских губернских ведомостях» или в черносотенных газетах П. Крушевана, но это не значит, что подобные произведения вовсе не издавались. В «Бессарабских губернских ведомостях»,

¹ См.: *Левит И.* Стихотворения.— Кишинев, 1901; *Левит И.* Одна истина: Повесть.— Кишинев, 1901; *Тодоров И.* Гоц: Молдавское сказание.— Кишинев, 1904; *Мартыновский П.* Стихи.— Кишинев, 1908; *Бакалейник П.* Умирающие львы: Стихи и проза.— Кишинев, 1908; *Пешехонов Ф.* Полюнь: Стихотворения.— Кишинев, 1913; *Шестак В.* Во мраке ночи: Стихи.— Кишинев, 1913; *Н. Махо.* Грезы и чувства: Сб. стихотворений.— Кишинев, 1914, и др. В Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде сохранилось несколько десятков бессарабских литературных изданий.

² См.: Юмористические рассказы из бендерской жизни. Вып. I.— Бендеры, 1912.

³ См.: *Стаканов И. П.* Песни одиночества: Стихотворения. Вып. I.— Кишинев, 1913.

⁴ См.: *Махо Н.* Грезы и чувства: Сб. стихотворений. Вып. 1—2.— Кишинев, 1913.

например, в начале века под псевдонимом «Маркиз Поза» печатали произведения неизвестного поэта-сатирика, но, к сожалению, непродолжительно. Не менее интересны анонимный автор, печатавшийся в той же газете и именовавший себя «Новым поэтом», а также некий Н. М.-ский и т. д. Характерными чертами творчества таких авторов являются мотивы борьбы добра и зла, общечеловеческое понимание счастья и горя, однако конкретные поэтические детали, как правило, отсутствуют.

В период подготовки первой русской революции усиливается творческая активность широких народных масс, развивается массовая литература и прежде всего сатирическая. Это можно проследить и на страницах «Бессарабских губернских ведомостей». Хотя в предоктябрьской Бессарабии не издавалось никаких сатирических журналов (в отличие, например, от центра России), местные литераторы часто обращались к сатире. Об этом свидетельствует большое количество «вольных подражаний» и пародий. Творчество А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова и других великих русских писателей прошлого столетия оказало, как показывают факты, сильное влияние на местных сатириков. При этом, «вольные подражания» и пародии оказались наиболее распространенными и эффективными формами освоения творчества названных писателей. Особенно часто местные авторы, которые, как правило, печатались под разными псевдонимами или вообще без всякой подписи, обращались к Н. В. Гоголю и Н. А. Некрасову.

Произведения Н. А. Некрасова, родившиеся еще в эпоху роста общественного самосознания в России 60—70-х гг. XIX в., содействовали общественно-политическому подъему и в Бессарабии. Местные литераторы не только заимствовали некрасовские поэтические образы, они стремились подражать некрасовской «музе мести и печали», часто использовали некрасовские революционные призывы. Это можно проследить на страницах кишиневского прогрессивного журнала «Народный учитель», родившегося в самый разгар революционных событий.

Даже по такому официозному изданию, как «Бессарабские губернские ведомости», можно судить, насколько активно использовали бессарабские литераторы сатирические образы Н. В. Гоголя. На страницах этой газеты печатались сатирические этюды, сценки и т. д. под разными названиями, заимствованными у Гоголя «Записки сумасшедшего» с подзаголовком «Вольное подражание Н. В. Гоголю» печаталось в газете за подписью Л. Печорин⁶. Тень-Банко (псевдоним А. Г. Ровенского) опубликовал в нескольких номерах газеты острые сатирические сценки из жизни бессарабского «общества» под названием «Ревизор» и с еще более красноречивым под-

⁵ Бессарабские губернские ведомости, 1901, 11(24) июля.

⁶ Там же, 1901, 1(14) августа.

заголовком «Нечто гоголевское в одном «некрасивом» действии и в двух „неприглядных” картинах»⁷. В нескольких номерах другой газеты можно было прочитать острую сатиру некоего Ринальдо «За мертвой душой» с подзаголовком «Невероятные похождения Чичикова по Бессарабии»⁸, а затем — «Чичиков в Кишиневе»⁹. Интересно примечание к этой пародии: «Продолжение... будет следовать до бесконечности». Писались также пародии на гоголевскую «Шинель» и т. д.¹⁰

Все это подтверждает великую жизнеспособность гоголевских и некрасовских образов. «Сохраняя запас смыслового содержания, закрепленного за ними традицией, они обретают здесь дополнительную сатирическую нагрузку, выполняют новую функцию, отвечающую условиям нового времени»¹¹.

Новый этап в развитии русской поэзии Бессарабии рассматриваемого периода вообще и стихотворной сатиры в частности связан с появлением в конце 1904 г. газеты «Бессарабская жизнь», первым редактором которой с момента основания до осени 1909 г. был один из наиболее интересных журналистов этого времени Ф. Е. Захаров. Как об этом свидетельствуют архивные документы, за печатание в типографии газеты «Бессарабская жизнь» брошюр о «Кровавом воскресении» («9 января» и др.) в 1905 г. Ф. Захаров был заключен в Петропавловскую крепость. На страницах своей газеты он постоянно вел острую полемику с реакционным бессарабским издателем и публицистом П. Крушеваном. Однако деятельность Ф. Захарова, к сожалению, еще не изучена историками молдавской журналистики дооктябрьского периода.

«Бессарабская жизнь», руководимая Ф. Е. Захаровым, была в течение пяти лет наиболее интересным периодическим подцензурным изданием в крае. В годы первой русской революции эта газета служила своего рода трибуной общественно-литературной борьбы. В ней сотрудничали такие интересные литературные критики, как С. Ноев, А. Ярмолинский (А. Ярский), К. Суховых и др.

С «Бессарабской жизнью» связаны наиболее интересные страницы истории местной русской поэзии. Наиболее широко представлена на страницах этой газеты в «захаровский» период стихотворная сатира, которая развивалась относительно интенсивно и равномерно на протяжении всего предоктябрьского семнадцатилетия.

С «искровского» периода истории русской поэтической сатиры до первой русской революции разоблачительная поэзия

⁷ Бессарабские губернские ведомости, 1901, 5(18) августа.

⁸ Друг, 1909, 21 октября (3 ноября).

⁹ Там же, 1909, 5(18) ноября.

¹⁰ Кишиневский листок, 1914, 27 июня (10 июля).

¹¹ Русская литература в историко-функциональном освещении. — М., 1979, с. 27.

еще не знала такого массового развития и расцвета. «Небывалая популярность сатирических изданий в столицах и в провинции,— отмечает А. А. Нинов,— вызвала к жизни, помимо расцвета политической карикатуры, шумный поток массовой обличительной литературы, прозы и поэзии, необыкновенно пестрой по своему составу, неравноценной по художественному весу и общественному значению. Всенародный успех этой литературы, хлынувшей на площади и улицы, был знамением времени»¹². Пусть не прямо и не в полном объеме, приведенные слова отражают положение дел и на национальных окраинах тогдашней России.

Сатирические стихи и прозаические пародии печатались не только в газете «Бессарабская жизнь», но и в кишиневском педагогическом журнале «Народный учитель», вызванном к жизни революционной волной в марте 1906 г. К сатирическим произведениям, опубликованным в газете «Бессарабская жизнь», можно отнести: «Нельзя молчать» Я. Окснера¹³, «Прохожие и собаки» Не-Крылова¹⁴, «Хамелеон» Мурлыки¹⁵, «Пристав на небе» неизвестного автора¹⁶, «Сказку» того же Я. Окснера¹⁷, «Хамов сын» Хаджи-Булата¹⁸, «Дума» Микаэлы¹⁹, «Притча» З. Ленского²⁰. Наиболее интересными публикациями в журнале «Народный учитель», бесспорно, являются стихотворение местного автора Н. Влайкова «Доброжелателям России»²¹ и перепечатанное из нелегального сборника «Вперед» стихотворение анонимного автора «Два стапа»²².

Если взять, к примеру, произведения «Прохожие и собаки» и «Хамелеон», то можно убедиться, что они представляют две основные традиционные линии развития русской сатирической поэзии. Первая — это так называемая личная сатира или сатира «на лица» (мишенью для острой сатиры является целая «галерея» реакционных политических деятелей — Шарапов, Мещерский, Грингмут, Суворин, Крушеван). Вторая относится к сатирам «на общий порок», вернее — на господствующие политические нравы. Во втором стихотворении дана развернутая характеристика политического хамелеона этого времени: он и либерал, и консерватор.

Метко схвачены приметы времени и неизвестным автором

¹² Нинов А. А. Русская сатирическая поэзия 1905—1907 годов. Введение к кн.: Стихотворная сатира первой русской революции. 1905—1907 — Л., 1969, с. 22.

¹³ Бессарабская жизнь, 1906, 7(20) сентября.

¹⁴ Там же, 1906, 20 января (12 февраля).

¹⁵ Там же, 1906, 14(27) сентября.

¹⁶ Там же, 1906, 28 января (10 февраля).

¹⁷ Там же, 1906, 28 мая (10 июня).

¹⁸ Там же, 1907, 11 (24) января.

¹⁹ Там же, 1907, 27 ноября (10 декабря).

²⁰ Там же, 1908, 5(18) марта.

²¹ Народный учитель, 1906, № 6.

²² Там же, 1906, № 7—8.

сатиры «Пристав на небе», написанной в форме стихотворной драматической сценки с двумя действующими лицами: «злодейски» умерщвленным Приставом и Райским привратником.

Умерщвленный за свои земные злодеяния Пристав рвется в рай. Пристав, отвечая на вопрос Привратника, чем же он заслужил блаженство рая, сам себя разоблачает. Из его длинного монолога, составляющего основную часть стихотворения, читатель узнает о «заслугах» Пристава: два раза в год говел, «накрыл» две подпольные типографии, учинил множество обысков на квартирах «подозреваемых», «усмирил» два десятка крестьянских «бунтов» и т. д. Как видим, «послужной список» точно и конкретно характеризует типичного представителя полицейски-самодержавного государственного аппарата.

Почти во всех сатирах «на лица» фигурировал бессарабский реакционный политический деятель, издатель и журналист П. Крушеван (см., например, «Ехидна», «Подкузьмили» и т. д.), который был постоянным сатирическим объектом и в центральной русской печати, в том числе и в нелегальных большевистских изданиях.

Социально-политическую сатиру в широко распространенной в то время форме «сказки» представляет собой стихотворение Я. Окснера, опубликованное в «Бессарабской жизни» в 1906 г. Взбунтовавшемуся «серенькому народу» некоторого «преогромного», «славного» государства вдруг захотелось свободы, и чтобы «втереть» ему очки и заставить его присмиреть, было решено даровать ему «пять свобод». На следующее утро появился и указ.

«Время шло. Но что ж случилось?
Ничего не изменилось...
Снова режут и секут,
Как и прежде, всех дерут...
А тот серенький народ
Ждет поныне пять свобод»²³.

В «Сказке» Окснера подразумевается политическая действительность России 1906 г. Бессарабский поэт разоблачал в своем произведении лживый царский манифест от 17 октября 1905 г.

Открытый социальный протест слышится в стихотворении того же автора под красноречивым названием «Нельзя молчать» (1906). Его идейно-политический смысл заключается в следующем двустишье:

«Молчать должны рабы, удел их — унижение,
Но гордый дух борцов прекрасен и могуч»²⁴.

Антитеза рабы-борцы раскрывает основную идею стихотворения, обозначенную в его заглавии. Этому же способствует и антитеза в заключительных строчках стихотворения:

²³ Бессарабская жизнь, 1906, 28 мая (10 июня).

²⁴ Там же, 7(20) сентября.

«И чем мрачнее тьма, тем
ближе возрождение,
И тем скорей блеснет победный
яркий луч!...»²⁵

Такие мажорные аккорды придают всему стихотворению большую мобилизующую силу и идейно-эмоциональный «заряд».

Трудно решить, чему отдать предпочтение: «личной» сатире или сатире на «общие пороки». Каждая форма может быть более или менее эффективной в зависимости от идейно-эмоциональной наполненности, от ее художественного уровня. В то же время сатира на общие пороки уже по своей структуре может шире охватывать типичные явления действительности.

Образцами именно такой сатиры на весь социально-классовый строй буржуазно-капиталистического общества, на всю его общественную структуру являются упомянутые уже стихотворения «Два стана» неизвестного автора и «Доброжелателям России» Н. Влайкова. Сказанное особенно относится к первому стихотворению, которое, как отмечалось, не является произведением местной русской литературы, но в свое время, бесспорно, содействовало общественно-политической и литературной борьбе в Бессарабии. До перепечатки стихотворения кишиневским журналом «Народный учитель» со ссылкой на сборник «Вперед» это произведение публиковалось в «Новом сборнике революционных песен и стихотворений» (Париж, 1898), в большевистском сборнике «Песни борьбы» (Женева, 1902) и т. д.

Уже само название стихотворения свидетельствует о его четкой классовой направленности, о его идейной концепции. О том же говорит и первая строка стихотворения: «В мире два стана, нещадно враждующих». Здесь афористически выражена основная идея произведения. Далее с помощью конкретных деталей образно раскрывается основная идея, дается характеристика каждого стана (т. е. лагеря) в отдельности и в противопоставлении друг другу. Определение и характеристика станов-лагерей дается неизвестным автором стихотворения с четких классовых позиций.

В одном стане — сонмы сытых, беспечных, довольных собой паразитов, безжалостно терзающих народ, сосущих народную кровь, втоптывающих в грязь все святое, свободное и т. д. Для максимального идейно-эмоционального эффекта при характеристике первого лагеря, лагеря эксплуататоров и мучителей народа, подбираются хлесткие, жгучие слова и выражения, нагнетание которых призвано вызвать у читателя ненависть к классовым врагам.

В другом стане — миллионы униженных, тяжко стонущих

²⁵ Там же.

под гнетом. Своей кровью они питают «хищные стаи жестоких мучителей, алчных вельмож, наглых холопов».

Вывод поэта категоричен: рабство позорное не вечно, покорное молчание скоро кончится, настанет время и задрожат палачи.

«Близок уж час, уж борьба разгорается.
Мрак беспросветный не так уж гнетет:
Это свободы заря занимается,
Это народ восстает...»²⁶

Стихотворение «Два стана» занимает совершенно особое место в литературной жизни Бессарабии периода первой русской революции. Показывая мир «расколотым» на два враждебных социально-классовых лагеря, оно способствовало увеличению рядов революционных борцов. В значительной степени сказанное относится и к стихотворению «Доброжелателям России».

Название и эпиграф («О чем шумите вы, народные витии!») едут прямо к Пушкину — к его известному стихотворению «Клеветникам России». Замена «клеветников» «доброжелателями» подтверждает полемический, вернее, пародийный характер этой замены.

«Доброжелателям России» — это пародия особого рода, когда автор использует стихотворения другого поэта с его характерными, броскими, запоминающимися образами не для их осмеяния, шаржирования, «перелицовывая» их на юмористический или сатирический лад, а для «самовыражения». Так в нашем случае пародист использует канву и отдельные узоры пародируемого стихотворения, а также авторитет его автора.

В стихотворении «Клеветникам России» русский поэт выступает против французской буржуазной прессы и членов французского парламента, поднявших ожесточенную антирусскую кампанию в связи с польским восстанием 1831—1832 гг., в котором А. С. Пушкин «видел угрозу целостности и безопасности русского государства»²⁷.

Основное, принципиальное отличие стихотворения-пародии «Доброжелателям России» от первоисточника в его «переозвучивании», переключении с национально-патриотического «настроя» на классово-разоблачительный. Это, пожалуй, и составляло цель бессарабского поэта, обратившегося к пушкинскому стихотворению.

В соответствии с поставленной целью выбираются и средства, способы освоения классического образца. Это, во-первых, удаление и замена некоторых названий и понятий. Так, были удалены «волнения Литвы» (польское восстание), Прага

²⁶ Народный учитель, 1906, № 6.

²⁷ Пушкин А. С. Клеветникам России.— Соч.: В 3-х т.— М., 1958, т. 1, с. 505.

(укрепленное предместье Варшавы XIX в.) и др. Пермь, Таврида, Колхида, политически «нейтральные» для читателя революционного 1906 г., заменены бессарабским поэтом понятиями и названиями более близкими и понятными тогдашнему читателю. В стихотворении Н. Влайкова мы находим и Финляндию «свободную», и потерянный Порт-Артур. Все это относилось не столько к вопросам внешнеполитическим или национальным, сколько к внутренним, социально-политическим и характеризовало прогнивший самодержавный строй.

Во-вторых, слова, полустихья и целые пушкинские стихи национально-патриотического звучания заменяются другими, социально-классового содержания. Это основной способ пародирования в данном случае. Делается это примерно так (приводим соответствующие места из обоих стихотворений):

А. С. ПУШКИН. КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

«О чем шумите вы, народные витии!

Зачем анафемой грозите вы России?

Что возмутило вас? волнения Литвы?

Оставьте: это спор славян между собою,

Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,

Вопрос, которого не разрешите вы»²⁸.

Н. ВЛАЙКОВ. ДОБРОЖЕЛАТЕЛЯМ РОССИИ

«О чем шумите вы, столпы бюрократии?

Зачем казаками грозите вы России?

Что беспокоит вас? Волненья по местам?

Оставьте,— это вопль народа повсеместный,

Ужасный сердца вопль, давно уж всем известный

Вопрос, которого не разрешить уж вам»²⁹.

Далее обнаруживаем более значительные изменения. В этом легче всего убедиться на примере второй строфы.

Два славянских народа (русские и поляки) заменены представителями одного «племени», которые разделены не по национальному принципу, а по причине классовой непримиримости сторон. Это уже два лагеря, противостоящие друг другу, с различными классовыми интересами и стремлениями. Поэт задает вопрос: «Кто устоит в неравном споре?», «Народ, который «встряхнул уж головою» («Пошли другие времена...», т. е. наступила революция), или «паразиты»?³⁰.

В разбираемом произведении, написанном страстно, вдохновенно, немало прямых намеков на скорое поражение класса капиталистов и помещиков, но полной уверенности в «сиюминутной» победе народа у бессарабского поэта не было, хотя его стихотворение и заканчивается строкой «Но близок всем желанный час». Основной пафос стихотворения Н. Влайкова — в категорическом и безусловном отрицании несправедливого старого мира³¹.

²⁸ Там же, с. 313.

²⁹ Народный учитель, 1906, № 7—8.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

Таким образом, Н. Влайков написал стихотворение-памфлет. Подражание А. С. Пушкину значительно увеличивало силу идейно-эмоционального воздействия стихотворения. Пародирование стихотворений А. С. Пушкина, подражание ему являлось почти что «модой» описываемого времени (в Бессарабии — включительно). Однако в этом случае в результате пародирования родилось полноценное художественное произведение, отличающееся высоким художественным мастерством.

Основная задача журнала «Народный учитель» и основной массы его читателей была изложена в первом номере (15 марта 1906 г.): рассеивание мрака, нависшего над головой народа, культурное и революционное пробуждение народных масс.

В полном соответствии с этой программной установкой нужно рассматривать и тот факт, что в том же номере журнал перепечатывает из центральной русской газеты «Русь» несколько материалов, связанных с судебным процессом над лейтенантом Шмидтом. В частности, приводится отрывок стихотворения неизвестного автора «Шмидт», в котором лейтенант предлагает судьям расстрелять его вместо восставших матросов:

«Этих матросов не троньте, судья!
Мир не простит вам их жизни невинные.
Казни вам нужно? Казните меня.
Верую в слово и правду народную...
Верую — время придет.
Лягу спокойно в могилу холодную
С твердою верой в Россию свободную,
С верой в народ!»³²

Обращение к творчеству Н. А. Некрасова, использование отдельных стихов и целых произведений из подпольных изданий в целях революционного просвещения и пробуждения народных масс было характерным для журнала «Народный учитель». Редакционная статья «К моменту», например, начиналась эпиграфом из стихотворения Некрасова:

«На бой, на труд
За угнетенного,
За обойденного!»³³

На страницах журнала часто появлялся образ «набата», синоним «колокола», призывающего к борьбе за свободу. Та же статья «К моменту», призывая на борьбу против бессарабских черносотенцев, использовала именно этот образ-символ:

«Гудит набат, гудит... Воспрянь душой, товарищ!
На жизненном пути трусливым места нет.
Кто хочет жить — проснись! Спеши в хаос пожарищ:
Там с треском рушатся твердыни прежних лет.

³² Народный учитель, 1906, № 1.

³³ Там же, № 6.

Гудит набат, гудит! В нём прошлому отмщение
И к новому призыв. Кто слышит, отзовись...»³⁴

Набат, призывающий к революционной борьбе, встречаем и в статье «Они голодают! (К судьбе ссыльных учителей)»³⁵. «Гудит набат,— читаем в статье,— растут его величаво-грозные звуки, разливаясь все шире и шире, призывая народ (следуют несколько измененные стихи из широко известной и популярной в то время песни революционного поэта Л. Радина («Смело, товарищи, в ногу...» — С. П.):

«Свергнуть могучей рукою
Гнет роковой навсегда
И водрузить над землею
Красное знамя труда»³⁶.

В журнале почти нет статей, которые не содержали бы стихов русских поэтов (без указания их имен) или собственного сочинения авторов статей (как правило, тоже не подписанные). Эти стихи явно революционного характера во много крат усиливали идейно-эмоциональное воздействие теоретических положений статей на читателей. Взять, к примеру, статью под названием «Мои встречи»³⁷. В ней автор использует далеко не безобидные (с точки зрения царской цензуры) стихи:

«И падали одни — вставали вслед другие;
Как в сказочном бою, борцы росли, росли...
И в жертву родине несли мечты святые
И жизнь свою несли...»³⁷

В той же статье находим и стихи революционного характера:

«Длиться не вечно будет глухая
Черная ночь,
Мы из проклятой, черной могилы
Вырвемся прочь!..»³⁸

Достигнув наибольшего накала в разгар первой русской революции, местная русская сатирическая поэзия продолжает развиваться относительно интенсивно и после поражения революции. Следует, однако, заметить, что пафос разоблачения, инвектива, характерные для сатиры местных авторов в годы революции, в период реакции, уступают место пафосу отрицания, язвительному осмеянию общественно-политических и социальных пороков, сопровождаются мотивами социального пессимизма. И если в предыдущий период преобладали такие, например, жанры сатирической поэзии, как пародия, баллада,

³⁴ Народный учитель, 1906, № 6.

³⁵ Там же, № 7—8.

³⁶ Там же.

³⁷ Народный учитель, 1907, № 7.

³⁸ Там же.

памфлет, басня, песня и другие, то в послереволюционные годы основными формами стихотворной сатиры становятся «Памяти», «С Новым годом!», «Исповеди», «Сны», «Сказки» и т. д.

Новый год интерпретируется ими как своего рода «остановка» во времени для подведения каких-то итогов, «прощания с прошлым» и «собрания сил» для следующего «броска» вперед. Это довольно распространенный художественный прием, используемый многими поэтами предоктябрьской Бессарабии. Они как бы останавливают на миг течение времени и произносят свой монолог, проводя при этом строгую «демаркационную линию» между «сегодня» и «завтра».

Возьмем в качестве одного из примеров такой «новогодней» сатиры «К Новому году» Микаэлы.

«Все дни — боязнь,
Тюрьма и кнут,
Военный суд,
Палач и казнь.
 Руины грез
 И звон оков,
 Огонь и кровь
 И море слез.
Жестокий гнет
И произвол» и т. д.³⁹

Эти приметы точно характеризуют атмосферу общественно-политической жизни России и ее национальных окраин в период столыпинской реакции. Тюрьмы, военные суды, смертные казни, звон оков, жестокий гнет и произвол вызвали к жизни в 1908 г. всемирно-известную статью Л. Н. Толстого «Не могу молчать», опубликованную в середине 1908 г. и в газете «Бессарабская жизнь». Идеино-творческое воздействие знаменитой статьи на бессарабского поэта, сотрудничавшего в этой газете, не исключено.

Вместе со старым годом, который назван в стихотворении «годиной суровой, слезами богатой, от крови багровой», отгоняется прочь, в бездну забвения и проклинается «память позорная о рабском смирении с неволей покорною».

Если в первых двух частях преобладают проклятия в адрес ушедшего года, то в остальных двух частях начинает вырисовываться довольно четкий и конкретный общественный идеал лирического героя:

«Мы — кузнецы судьбы, мы жизнь куем, как сталь.
И воля — молот наш, сознательная воля,
Неустрашимая, упорная... и с ней,
И только, только с ней сорвем тиски цепей
И лучшую себе скуем мы долю»⁴⁰.

³⁹ Бессарабская жизнь, 1909, I (14) января.

⁴⁰ Там же.

Вспомним теперь широко известное в свое время стихотворение пролетарского поэта Ф. Шкулева «Мы кузнецы...» (1906):

«Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы к счастью ключи!
Вздыхайся выше, тяжкий молот,
В стальную грудь сильнее стучи!...»⁴¹

Дело не только в некоторых образных переключках. Более существенным представляется другое. Родившись под бесспорным идейно-тематическим влиянием русской революционно-пролетарской поэзии, рассматриваемое стихотворение бессарабского поэта также является примером революционной лирики. Это подтверждает четвертая, заключительная часть произведения:

«Не ждите ж подачки от Нового года,
А сами душой обновитесь;
Желанием ярким зажгитесь —
Желаньем свободы.
Душою и сердцем не будьте рабами.
Не падайте духом в ненастье...
Пусть воля в вас крепнет — и счастье
Возьмите вы сами!»⁴²

Как видим, автор стихотворения осуждает несправедливый общественный строй, утверждает идеал свободы и страстно призывает к его осуществлению.

«Новогодние» сатиры писали также М. Койфман, Дон-Базилио (В. Л. Лашков), С. Мижув и другие бессарабские поэты.

Смешанный тип сатиры, т. е. сочетание сатиры на общественные пороки с сатирой «на лица», представляет собой стихотворение того же Микаэлы «Памяти Н. В. Гоголя», написанное по поводу 100-летия со дня рождения великого русского писателя (1909).

Это сатирическое стихотворение бессарабского поэта было напечатано в «Бессарабской жизни» 20 марта (2 апреля) 1909 г., а через несколько дней той же газетой перепечатано из центральной русской прессы стихотворение неизвестного автора «Тень» с подзаголовком «Памяти Гоголя»⁴³.

Художественный прием «воскрешения» тени давно умершего не является открытием автора названного стихотворения, но в данном случае он выполняет своеобразные идейно-художественные функции: тень великого русского сатирика использована с сатирически-разоблачительной целью.

Из незримого прошлого шествует великая Тень. Она везде видит муки немого страдания, тяжкий труд и терпение, ре-

⁴¹ Русская литература XX века. Дореволюционный период. Хрестоматия. Сост. Н. А. Трифонова. — М., 1966, с. 99.

⁴² Бессарабская жизнь, 1909, 1 (14) января.

⁴³ Там же, 25 марта (7 апреля).

шетки и т. д. Все то же, что было и при жизни бессмертного писателя:

«Везде городничий, везде,—
Ликует его приказанье
В земле, в облаках, на воде
И в каждом народном дыханье...»⁴⁴

Нет, гоголевские персонажи не остались прежними. Они сделались настолько всеильными, что прежние герои Гоголя кажутся совсем бледными по сравнению с ними, а его «резец утонченный» оказывается слишком слабым для их описания.

Автор стихотворения делает поистине трагический вывод о том, что русская жизнь к 100-летию со дня рождения автора «Мертвых душ» и «Ревизора» не что иное, как «новая комедия», с героями которой Сквозник-Дмухановский даже сравниться не может.

В этом стихотворении, как видим, нет конкретных примет и деталей русской жизни первого десятилетия нашего века. Общая картина складывается из сатирических средств, заключенных в гоголевских персонажах. Восприятие сатирического материала рассчитано на такого читателя, который очень хорошо знал чичиковых, сквозник-дмухановских и других отрицательных героев Гоголя.

Автор стихотворения «Памяти Н. В. Гоголя» так же воскрешает, вызывает из прошлого гоголевские персонажи, но они предстают перед читателем перевоплощенными в социальные типы, характерные для начала XX в.

Вначале автор дает общую оценку великому русскому писателю-сатирику:

«Скорбя о пошлости отчизны,
Сквозь слезы смех его звучал...
Заставив оглянуться многих
Вокруг себя и на себя»⁴⁵.

Затем поэт обращается к бессарабской действительности периода столыпинской реакции. При этом многие детали и «реалии» стихотворения абсолютно конкретны. Например, «значок союзника в петлице» — это прямой намек на черносотенный «Союз русского народа», представленный немалым числом погромщиков и в Бессарабии, «пальто гороховое» обычно носили вездесущие сыщики и т. д. Точный адрес имели, в частности, и такие стихи:

«А Павел Чичиков — тот самый,
Что вел торговлю мертвецами,
Переменил фамилию вдруг
И издает газету «Друг»⁴⁶.

⁴⁴ Бессарабская жизнь, 1909, 25 марта (7 апреля).

⁴⁵ Там же, 20 марта (2 апреля).

⁴⁶ Там же.

Тогдашнему читателю газеты «Бессарабская жизнь», где печаталось стихотворение Микаэлы, не приходилось долго ломать голову над этим сатирическим «ребусом». В Павле Чичикове все без особого труда узнавали главаря местных черносотенцев Павла (Павелакия) Крушевана, который действительно издавал газету «Друг». С помощью других гоголевских персонажей бессарабский поэт выводит на чистую воду, притом с убедительными «опознавательными знаками», крупных воротил тогдашней Бессарабии.

Русская поэзия Бессарабии первых десяти лет нашего века — это не только сатира. Существовала также любовная и философская лирика, лирика социального протеста, пейзажная лирика и т. д. Одно из таких стихотворений — «Гроза» Я. Окснера⁴⁷.

По своему характеру это поэтическая аллегория. В ней нашло яркое художественное воплощение предчувствие грядущей социальной бури (грозы). Явления природы умело использованы поэтом для выражения основной идеи, большего эмоционального воздействия на читателя. Прямое обращение лирического героя к читателю («Посмотри на небо...») как бы делает нас участниками поэтического действия. В стихотворении, в целом, преобладают трагические ноты, но общий «настрой» произведения не является угнетающим. В нем есть сознание неизбежности гибели многих борцов революции, но нет «космического пессимизма», нет фатализма.

Показательно также стихотворение того же автора под названием «Реквием»⁴⁸. Это — отпевание старого года — года «рабства, цепей и страдания», оставившего после себя глухие рыдания, лязг оков, кровь, сырые могилы борцов и т. д.

Нетрудно заметить в этом стихотворении приглушенные революционные мотивы:

«Где-то растут и рождаются силы...
Скоро двенадцать часов...»⁴⁹

Один из наиболее талантливых местных поэтов — сотрудник «Бессарабской жизни», подписывавший свои произведения псевдонимом Микаэла.

На страницах упомянутой газеты стихи Микаэлы стали появляться в конце 1907 г. Столыпинская реакция, конечно, не могла не оказать влияния на поэтическое творчество бессарабского поэта.

Микаэла печатался исключительно в газете «Бессарабская жизнь» (отдельной книгой его стихи изданы не были, а если такое издание когда-то и существовало, то до сих пор не обнаружено), поэтому его творчество во многом характеризует

⁴⁷ Там же, 1905, 6 (19) декабря.

⁴⁸ Там же, 1907, 1 (14) января.

⁴⁹ Там же.

идеологическую, политическую, эстетическую ориентацию газеты.

Его стихотворения свидетельствуют о поэтической одаренности автора. Микаэла писал в разных жанрах: здесь и социальная сатира («К Новому году», «Памяти Н. В. Гоголя»), и романтическая поэзия («Орел», «Бездна»), интимная лирика («Моей сирени», «Из песен любви») и революционная поэзия («Встань!»).

Стихотворение «Дума» опубликовано в 1907 г.⁵⁰ Трудно, пожалуй, найти в творчестве русских поэтов Бессарабии другое стихотворение, в котором так точно была бы запечатлена атмосфера общественно-политической жизни в стране (в том числе и в Бессарабии) периода реакции.

Хотя мотив «черной думы» в начале и в конце стихотворения, бесспорно, влияет на общий «настрой» произведения, оно не воспринимается как абсолютно пессимистическое, а сам мотив «черной думы» играет в общей поэтической концепции вспомогательную, подчиненную роль.

Идейно-психологические истоки «черной думы» — гибель Весны, под которой недвусмысленно подразумевается потопленная в крови революция. Доказательства находим в стихотворении в большом количестве. Достаточно привести следующие, например, две строфы, чтобы убедиться, что содержанием символа «Весна» является именно Революция:

«После долгой непогоды,
После стужи, вьюг и тьмы,
Вдруг раздался клич свободы
В царстве сумрачной зимы.
Сняты цепи ледяные,
Саван сбросила земля,
Льются песни хоровые,
В яркой зелени — поля.
С мощным возгласом «Свобода!»
С криком радостным «Весна!»
Вмиг проснулась вся природа
От летаргического сна!»⁵¹.

Кроме того, автор использует такие поэтические образы, как борьба и шум Весны, кровавая заря, красное утро Весны и др.

Стихотворение «Песнь реки»⁵² с подзаголовком «Из зимних мотивов» (1908) — это аллегория. Основной художественный прием — монолог-исповедь реки, закованной мощным льдом.

Символ реки, освобожденной из тяжких оков крепкого льда, символ Весны, как антипод ведьмы-зимы, говорили немало бессарабскому читателю в период столыпинской реакции. Весна воспринималась как грядущая социальная свобода, как революционное обновление жизни:

⁵⁰ Бессарабская жизнь, 1907, 27 ноября (10 декабря).

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, 1908, 24 января (6 февраля).

«Верю, верю, что скоро желанной весной
Над землею повеет несчастной —
И не будешь ты больше властна надо мной.
Как над песнью моею безвластна!»⁵³

Образ раскованной, освобожденной от льда реки находим и в другом стихотворении Микаэлы — «Мираж» (1909). В отличие от других стихотворений, где время воспринимается как бы застывшим, выступая как адекватное отражение оцепеневшего состояния внутреннего мира лирического героя, здесь время ощущается в движении, быстротекущим.

Просыпается к жизни не только река. Сбросил с себя мертвый сон и протянул ветви к солнцу дремучий лес. Ночь прогнав, горит в пурпурном огне восток. В ясном небе вьется птичий хоровод и т. д.

«Торжествуют жизни силы.
Жизнь прекрасна, жизнь манит.
Даже по плите могилы
Луч приветливый скользит...»⁵⁴

Настоящий апофеоз жизни. Но все это, оказывается, просто мираж («сладких грез волшебный рой»).

Снова завывала выюга, утомленный взор лирического героя скользит по стенам темницы. Но несмотря на эти трагические мотивы и это произведение бессарабского поэта не самое пессимистическое.

В его творчестве есть и произведения, когда лирический герой не видит выхода из создавшегося положения. Примером может служить стихотворение «Не надо слез и тяжких воспоминаний...»:

«Не надо слез и тяжких воспоминаний.
Уйдите, угрызенья, прочь! —
И пусть царит немая ночь
В душе моей, на кладбище мечтаний.
С холодным царственным челом
Сойдет она — и мантию забвенья
Набросит на мои тяжелые сомненья.
В спокойствии божественном своем...
Скорей укрой меня своєю тьмою —
И стану льда я холодной
И камня мертвого немей!»⁵⁵

Это очень редкий в русской литературе Бессарабии периода реакции пример, когда герой находится в абсолютном идейно-психологическом тупике, не видя смысла жизни, он полностью ее отрицает.

Безнадежностью проникнуты также стихотворения «Призраки»⁵⁶, «Из песен любви»⁵⁷ и др.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, 1908, 1 (14) января.

⁵⁵ Там же, 1909, 18 (31) января.

⁵⁶ Там же, 15 (28) марта.

⁵⁷ Там же, 3 (16) мая.

Как и «Не надо слез и тяжких воспоминаний...», стихотворение «Из песен любви» — одно из самых пессимистических как в творчестве Микаэлы, так, пожалуй, и во всей русской поэзии Бессарабии периода реакции. Мотивы тьмы, страха, смерти, отчаяния преобладали не только в местной литературе, но и в русской литературе вообще.

Пессимистические стихи бессарабского поэта заслуживают внимания как своеобразное зеркало идейно-психологического состояния той части местной интеллигенции, которая в сложных условиях реакции растерялась и отчаялась.

Однако творчество Микаэлы не ограничивается подобными стихами. У него есть произведения и иного рода. Например, в стихотворении «Орел» создан аллегорический образ орла. Истоки этого поэтического замысла ведут к знаменитому пушкинскому «Узнику». Но у Микаэлы орел не за решеткой «в темнице сырой», а прикован тяжелой стальной цепью к утесу над морем. Гордый и непокорный, презирающий тишину долин, орел без устали бьется могучим крылом, рвясь в безбрежный и вольный небесный простор, земля кажется ему душной тюрьмой.

В контрасте с прикованным молодым орлом показана в стихотворении прекрасная, вольная природа: улыбающаяся сквозь дрему алмазная ночь, безбрежное море в сладкой истоме, искрящиеся на ризе небес мириады таинственных звезд и т. д.

«И впился орел взглядом страстным и жгучим
В алмазное небо, что в зеркале вод...
Рванулся... и, полный желаньем могучим,
С ног цепи сорвал он — и взмахом могучим
Он в небо направил свободный полет»⁵⁸.

Бессарабский поэт развивает и завершает заимствованный сюжет по-своему. Следует также заметить, что мотив неутолимой жажды неба, простора напоминает еще одно классическое произведение русской литературы — революционно-романтическую «Песню о Соколе» М. Горького.

Горьковский антимещанский мотив присутствует в балладе Микаэлы «Бездна» (1908). Романтические герои стихотворения предпочитают погибнуть в бездне, чем жить в разлуке друг с другом. Таинственный «небесный голос», призывающий остановиться перед пропастью, бессилен удержать молодых влюбленных:

«Но в пламенном любви порыве,
Не слушаясь того призыва,
Они все шли с веселой песней
И шли они все ближе, ближе,
Объятья шире раскрывая...»⁵⁹

⁵⁸ Бессарабская жизнь, 1908, 22 октября (4 ноября).

⁵⁹ Там же, 23 декабря (5 января).

Их проглотила пропасть. С той поры из бездны темными ночами доносится таинственный, тревожный гул, но невозможно уловить, «рыдает кто или смеется?»⁶⁰.

Общей романтической идеей баллада «Бездна» напоминает известную горьковскую «Легенду о Марко», в которой замороженный русалкой рыбак бросается в реку.

Речь, конечно, идет не о прямом заимствовании бессарабским поэтом известного горьковского мотива, а скорее всего об актуальности самого мотива.

Из самых светлых и теплых красок, какими только богата природа, соткано стихотворение того же поэта «Песня»⁶¹. Как-то особняком стоит стихотворение под названием «Живи один»⁶², проникнутое сарказмом и духом абсолютного неприятия окружающего мира.

Живи один. Не жди участия. Душу прячь от мира. Страдай один в тиши уединенья и т. д. На таких мотивах построено все стихотворение. Лирический герой отвергает опостылевший мир мещанства, не приемлет буржуазную действительность. Таким образом, его пессимизм не индивидуалистический, а социальный.

К тому же 1909 г. относится стихотворение Микаэлы «Встань!». В нем всего десять строчек:

«Слышишь ли мощные грома раскаты?
В ночь эту молнии режут глаза,
Друг! Пусть земля еще дремой объята,
Пусть ее давит кошмар,— веруй свято:
Будет гроза!
Грянет над пыльной и душной землею,
Все нечистоты сметая вокруг,
Грянет гроза! Оживит все земное,
Воздух пахнет свежей, чистой волною...
Встань же, мой друг!»⁶³

Символика стихотворения «Встань!» ближе всего к Некрасовской аллегорической образной системе (см. например, стихотворение 1868 г. «Душно! без счастья и воли...»).

В данном случае вряд ли можно говорить о простом подражании бессарабского автора великому русскому народному поэту. Скорее всего речь идет о сознательном художественном приеме, о так называемой поэтической цитации, когда широко известный и популярный текст используется для идейно-эмоционального усиления произведения. Микаэла как бы заручается поддержкой Некрасова.

Сотрудником газеты «Бессарабская жизнь» был и Яков Окснер. В плане идейно-тематических исканий он как бы дополняет Микаэлу. Окснер — поэт периода революционного

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, 1909, 1 (14) марта.

⁶² Там же, 1909, 25 января (7 февраля).

⁶³ Там же, 13 (26) августа.

подъема (он начал печататься в «Бессарабской жизни» еще в 1905 г.), в то время как Микаэла — выразитель общественных настроений периода реакции.

В первый период своего поэтического творчества (1905—1907) Окснер успешно работал в жанре сатиры и гражданской лирики (см. стихотворения «Гроза», «Нельзя молчать», «Сказка», «Реквием»), а в годы реакции в его творчестве преобладает интимная и пейзажная лирика.

Прежде всего следует назвать два превосходных сонета «На реке» и «Цветы» (1909), а также стихотворения «Чебан» (из цикла «В Бессарабии», 1909), «Метель» (из цикла «Песни о зиме», 1909) и др. При этом необходимо подчеркнуть, что пейзажная лирика Окснера посвящена родной Бессарабии.

Стихотворение «К вам, Бессарабии поля...» представляет собой образец патриотической лирики местного русского поэта:

«К вам, Бессарабии поля,
Где хлеб на солнце колосится,
Туда стремится мысль моя...
Печальной юности картины,
Унылой осени цветы...
Хоть и мрачны воспоминанья,
И все ж приятно помечтать,
О страсти прежней вспоминать
И пробуждать в душе желанья...
Как бы в тумане предо мной
Деревня бедная, глухая,
Где жил я летом и зимой...
Исчезла тень. Слепая ночь
Глядит в раскрытое окно.
Пробило полночь уж давно,
Сильней больное сердце бьется...
Перо скользит по листам
И мысль тревожная несется
К далеким, милым берегам...»⁶⁴

Где было написано стихотворение, автором не указано, но явно не в Бессарабии. Эмоциональным стимулом для его написания послужила тоска по родине.

Вдохновенным гимном природе родного края является сонет «На реке» (1909). В то же время это превосходный образец философско-пейзажной лирики. Я. Окснер воспринимает природу как единственный всемогущий исцелитель человеческой души. Лирический герой стихотворения замирает в немом восторге от необъятной шири и красоты окружающей природы.

«Мне верить хочется, надеяться, любить...
И с умилением колени преклонить
Пред светлым алтарем ликующей природы...»⁶⁵

К интимной лирике относится сонет того же автора «Цветы» (1909), напечатанный в газете «Бессарабская жизнь» с посвя-

⁶⁴ Бессарабская жизнь, 1905, 20 июня (3 июля).

⁶⁵ Там же, 1909, 10 (23) апреля.

шением Д. Тальникову, впоследствии известному советскому театроведу.

Трудно утверждать, связано ли это с уходом из «Бессарабской жизни» Ф. Захарова или просто с усилением реакции, но с середины 1909 г. интересных литературных произведений на страницах газеты (имеются в виду местные русские писатели) не встречается.

В ноябре 1910 г. в связи с кончиной Л. Н. Толстого бессарабская печать посвятила этому трагическому событию много разных материалов. Кишиневская газета «Бессарабец» напечатала стихи неизвестного автора под заглавиями: «Мотивы дня», «Прошли Толстовские дни» и «Письма за границу».

Нейтральное название стихов, а также отсутствие фамилии автора под ними можно объяснить условиями тогдашней царской цензуры, которая внимательно следила за тем, чтобы в печати было высказано как можно меньше добрых слов о Л. Н. Толстом.

По форме и по содержанию «Мотивы дня» представляют собой стихотворный репортаж о похоронах великого писателя.

Бессарабский поэт создает картину всеобщей скорби.

«И жизнь нахмурилась уныло,
И все затихло, все застыло,
И наступила тишина,
Как в царстве сумрачного сна...
И мир, волнением объятый,
Затих пред горечью утраты,
Перед великой красотой
Того, кто кончил подвиг свой»⁶⁶.

Размышлениям о личности и творчестве величайшего писателя мира посвящена вторая половина стихотворения «Прошли Толстовские дни». По форме оно напоминает газетную хронику. В первых же его строках нашла свое выражение интересная мысль о том, что сама смерть великого яснополянца пробудила общественную совесть, вызвала заметное оживление прогрессивной мысли. Оттолкнувшись от конкретного события (смерти Толстого), автор стихов рисует общую картину общественно-политического «безмолвия» периода столыпинской реакции:

«И жизнь плетется полусонно,
Однообразно, однотонно...
Все будет снова тускло, бледно.
Опять начнет жужжать победно
Житейских дрызг веретено.
Заглянет хмурый день в окно,
И станет вновь темно, темно...»⁶⁷

В последнем стихотворении в газете «Бессарабец», написанном в форме письма автора к вымышленной «Chère madame»

⁶⁶ Бессарабец, 1910, 16 (29) ноября.

⁶⁷ Там же, 1910, 19 ноября (2 декабря).

из Парижа, самой интересной является, бесспорно, третья, последняя часть. Здесь прямо выражена идея о бессмертии Л. Н. Толстого, что отнюдь не импонировало царским властям, враждебно, настроенным к писателю, боявшимся его и после его смерти.

«Прошло полмесяца с тех пор,
Как он смежил орлиный взор,
Но ряд чарующих преданий
Уже сложил о нем народ;
Легенда чудная растет,
И длинный ряд воспоминаний,
Мешаясь с вымыслом живым,
Сердца таинственно пленяет
И память сердца окружает
Миражем славы золотым.
В народе есть уже преданье,
Что похоронен был другой,
Что жив доньше Лев Толстой,
Что удалится он в изгнание,
Чтобы спасти весь мир людской»⁶⁸.

Местные русские поэты печатались и в других бессарабских газетах, выходивших в 1900-е гг. в разных городах Бессарабии: «Белецкий вестник» или «Белецкая мысль» (Бельцы), «Бессарабское обозрение» (Сороки) и т. д. Но наиболее интересные произведения русской литературы Бессарабии первого десятилетия нашего века связаны, как было показано, с кишиневской газетой «Бессарабская жизнь» в ее «захаровский период» и общественно-педагогическим журналом «Народный учитель».

В начале нового революционного подъема, приостановленного, как известно, первой мировой войной, в Бессарабии наиболее оживленно развивается печать. В 1911 г., например, стали издаваться первые в крае литературно-художественные журналы. Г. Тодоровым основан «Журнал начинающих», носивший подзаголовок «Первый и единственный в России журнал, печатающий произведения молодых начинающих авторов». В ноябре 1912 г. в Кишиневе начинает выходить журнал «Наше поколение». Новым явлением по сравнению с предыдущим десятилетием были и коллективные литературно-художественные сборники, выходившие периодически: сборник молодых авторов «Молодые порывы», начавший издаваться в Кишиневе в 1911 г.; литературно-художественный сборник молодых писателей «Лири Бессарабии», второй выпуск которого был посвящен 100-летию присоединения Бессарабии к России (1912); «Что нам несет грядущий год?» — новогодний товарищеский сборник молодых поэтов (1912). Необходимо также назвать стихотворные сборники отдельных бессарабских авторов (В. Шестак, Н. Махо, Ф. Пешехонова, И. Спыну и др.). Выходили также и газеты.

⁶⁸ Бессарабец, 1910, 21 ноября (4 декабря).

Нельзя, однако, сказать, что идейно-художественный уровень творчества местных русских литераторов был достаточно высок. Перечисленные издания существовали недолго. Например, «Ли́ра Бессарабии» вышла всего в двух выпусках. Невелик был также их тираж и объем. Первая книга «Молодых порывов», в частности, вышла тиражом в 300 экз. и насчитывала всего 22 страницы, «Что нам несет грядущий год?» — 600 экз. и 18 страниц и т. д. Несколько более продолжительной оказалась жизнь двухнедельных литературно-художественных журналов «Наше поколение» и «Журнала начинающих».

К наиболее одаренным авторам, объединившимся вокруг упомянутых журналов и сборников, относятся Д. Милев*, И. Спыну**, Г. Тодоров, Н. Тодорова, В. Шестак, Скут-Кушнир и др.

Такие образы-символы, как Орел, Кинжал, Девятый вал, Узник, Потухшие Зори и другие не были редкостью в поэтике отдельных бессарабских литераторов указанного периода. Эти традиционные образы сохранили, в основном, свои «атрибуты» и в творчестве бессарабских поэтов. Кинжал, например, трактуется как единственный и верный друг поэта среди окружающей его «лицемерной дряни» (Ю. Южный. «Кинжал»)⁶⁹. В традиционном духе романтической поэзии написан и образ Орленка. Гордый Орленок направил свой стремительный полет в «царственный простор», где «нетленные снега» так «девственно чисты» (Калиф на час. «Орленок»)⁷⁰. Врагом Орленка выступает завистливый человек, посылающий ему вслед смертоносную стрелу. Основной мотив стихотворений — жажда простора, неба, света. Это в какой-то мере — горьковский мотив.

В этот период появлялись и стихотворения социально-философского характера о смысле жизни, о самопожертвовании; в отдельных случаях отрицался всякий смысл жизни, если «в ярком огне не уметь ее жечь» (К. Г. «Чем темней станет жизнь...»)⁷¹.

В отдельную категорию следует выделить стихотворения, которые отчасти тоже проникнуты безнадежностью и пессимизмом, но в которых налицо искреннее сочувствие к угнетенным и страдающим, а этому состраданию подчас сопутствует

* Милев Д. П. (1888—1944) — известный молдавский советский писатель, один из зачинателей молдавской советской литературы. Сотрудничал в журнале «Наше поколение» и «Журнале начинающих».

** Спыну И. С. — бессарабский литератор. Родился в Кишиневе в 1881 г. За хранение запрещенной литературы с целью ее распространения был привлечен к суду по статье 132 Уголовного Уложения (тюремное заключение сроком до трех лет) — ЦГА МССР, ф. 297, оп. 1, д. 76, л. 15. Издатель, поэт, публицист. Выпущенный им в 1913 г. стихотворный сборник «К свету» не обнаружен.

⁶⁹ Журнал начинающих, 1911, № 3.

⁷⁰ Аккерманское обозрение, 1912, 15 (28 января).

⁷¹ Там же, 28 января (10 февраля).

социальный протест. Иногда создается впечатление, что именно страдания обездоленных и являются основным источником пессимизма в подобных стихотворениях. К таким можно отнести стихотворения «Нищий» Ясод, «Пахарь» Е. Бен-Дов, «Народные мотивы» Скут-Кушнира, «К другу» Е. Б-ль, «Чуть заря занялась», «Нищета» Ф. Пешехонова и много других. Это стихотворения с выходом лирического героя в реальный социальный мир; своей идейной направленностью многие из них тяготеют к сатире.

Сатирой, например, является стихотворение Г. Тодорова «Памяти М. Ю. Лермонтова»⁷². Великий русский поэт назван здесь «отверженным пророком», «бесстрашное перо» которого клеймил «пустую знать», бездушье, ложь. Гонимому «гостю в своей стране», говорится в стихотворении, Лермонтову стали кадить только после смерти, когда голос перестал обличать «толпу невежд под именем вельмож», отравивших лучшие дни поэта.

Интересно стихотворение «Звуки дня» за подписью Кобзарь. В нем уловлены не все «звуки дня», а только отдельные. В результате перед тогдашним бессарабским читателем предстала неприглядная, подчас жуткая картина пустой, затхлой мещанской жизни.

Можно привести и такие примеры, когда в качестве сатиры использовалась религиозная пасхальная песня «Христос воскрес». Г. Тодоров, автор одной из таких «песен», посвящал ее «имушним и сильным лжехристианам, в довольстве и роскоши забывающим о ближних, нуждой и заботами угнетенных». Пение «лжехристиан» названо поэтом лицемерием, ложью «перед собой и небесами», богатые названы «ворами людского счастья».

«Века промчались,
Без измененья
Царит дикарство, расчет холодный.
Звучат проклятья, и дух свободный
В оковах чахнет порабошенья»⁷³.

Тот же Г. Тодоров в стихотворении «Наше поколение» (1912)⁷⁴, излагая программу «молодого поколения», писал: «Созидать мы будем, а не разрушать». Однако его собственные стихи в гораздо большей мере способствовали именно разрушению «уставшего, как старый грешник, от мук и слез, от смрада крови» капиталистического мира, в котором «корысть сменила идеал», а пошлость «княжит над любовью» («Дорогу», 1911)⁷⁵. В «песнях вольных» каждый стих «должен кипеть, язвить и обличать». Подобными стихотворениями поэт фактически сам

⁷² Журнал начинающих, 1911, № 3.

⁷³ Наше поколение, 1912, № 1.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Журнал начинающих, 1911, № 1.

разрушал свою «позитивную» программу «созидания». Вместе с тем, сам факт, что на фоне безысходности, усталости, уныния и надломленности раздавались и голоса обличительные, являлся верным признаком прогрессивных тенденций в жизни, ибо сама сатира всегда служила «симптомом» оздоровления общества, признаком грядущего обновления.

Молодости свойствен оптимизм, источником которого служит сознание того простого факта, что ей принадлежит будущее. Молодость радуется всякому проявлению жизни в ее естественном течении, восхищается бурей и необузданной морской стихией, воспеваает любовь и природу, мечтает о грядущем ясном, без грозowych туч, справедливом и радостном. Разве не говорит сам за себя тот факт, что тогдашние бессарабские поэты воспевали Весну (стихотворений с таким названием появлялось в то время множество), Свет, Звезды, Жизнь, изображали раскованного, полетевшего «ввысь, на свободу» Орла. Примечательными в этом смысле представляются сами названия многих стихотворений русских поэтов Бессарабии начала второго десятилетия нашего века: «Песня», «Дорогу!», «Молодое поколение», «К свету», «Звезда», «В мае», «Заря», «Жить!», «В цветущей юности...» и др. Не менее примечательными являются и сами названия журналов и сборников, в которых печаталась поэтическая молодежь Бессарабии: «Журнал начинающих», «Наше поколение», «Юная мысль», «Лира Бессарабии», «Что нам несет грядущий год?», «Молодые порывы».

Многие из перечисленных выше стихотворений являются поэтическим гимном Жизни; в них обилие теплых красок, солнца, цветов. Этот гимн поют ручьи, ломая лед, поет вся пробуждающаяся природа. Более чем красноречиво нагнетание в иных стихотворениях повелительных, требовательных интонаций: «Дорогу силам молодым!», «Пусть песни смелые певцов!», «Не говорите мне, что умер идеал», «Двинься в путь и прямо к цели!», «Света! Больше света!», «К свету!», «Жить!» и т. д. Лирический герой таких произведений предчувствует еще не ясные, но светлые, большие перемены, стихи энергичны, напряжены. Все находится в движении, все всколыхнулось, рушатся скалы, «волны вдаль стремятся — к новой жизни, к лучшей доле: не хотят былой неволи» (И. Спыну. «Молодое поколение»)⁷⁶. Задушевностью, искренностью, верой в бессмертие «свободной мысли» проникнуто стихотворение — исповедь того же поэта И. Спыну «Я умру, но не умрет...»⁷⁷. Эта мысль пройдет весь шар земной, пламенем зажигая сердца людей и «мятежно» зовя их к новой жизни. Бодрым, жизнеутверждающим настроением проникнуто и стихотворение того же автора «К свету»⁷⁸.

⁷⁶ Журнал начинающих, 1911, № 3.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Молодые порывы, 1911, № 1.

В нем лирический герой переживает радостное пробуждение, возрождение после перенесенной душевной депрессии. В стихотворении ясно выражен мотив неприятия автором современной ему действительности. Этот же романтический мотив нашел свое отражение и в другом стихотворении Ивана Спыну — «Певец и толпа»⁷⁹.

Нельзя сказать, что молдавская тематика полностью отсутствует в творчестве русских литераторов края. Необходимо подчеркнуть, что отдельные попытки создавать произведения на молдавскую тематику предпринимались в поэзии. Здесь можно назвать, например, «бессарабскую легенду» К. Н. Калачева «Груе-Грозован» (1903) и «молдавское сказание» И. Тодорова «Гоц» (1904), написанные на мотивы молдавского народного творчества. К местной тематике довольно часто обращался в своих стихах поэт Я. Оксер.

В начале второго десятилетия нашего века в этом направлении начинает складываться своеобразная тематическая платформа. На этом поприще особенно отличился журнал «Наше поколение» и его сотрудник Г. Тодоров⁸⁰.

В своем наброске «Родная Бессарабия» автор обращал внимание современников на историческое прошлое края, на богатство устного народного творчества и призывал литературную общественность не дать погибнуть «живому памятнику прошлого» — народным сказкам, легендам, сказаниям — преданиям о народных мстителях-гайдуках и т. д. «В России есть страна, — с горечью отмечалось в юбилейном сборнике «Лирическая Бессарабия», посвященном 100-летию присоединения края к России, — очень богатая тем, что никому неизвестна... Где же психология наших молдаван, где своеобразная природа Бессарабии, где рассказы, романы, в которых описывается все это, где гимн в виде стихотворений?.. Нет ничего...»⁸¹.

Представляет интерес объявление, напечатанное во втором выпуске той же «Лирической Бессарабии»: «В скором времени будут выходить в Бессарабии... два журнала, «Лирическая Бессарабия» и «Фэклия Цэрий»: первый на русском языке, второй — на молдавском. Цель этих журналов всесторонне осветить жизнь бессарабцев... Рассказы, стихотворения, статьи будут помещаться только те, в которых ясно, художественно будет отражена природа и жизнь бессарабцев. Прошу присылать рукописи с произведениями только из местной жизни: кто желает на молдавском, кто желает на русском языке»⁸².

Призыв Г. Тодорова нашел практическую реализацию на страницах журнала «Наше поколение»: в нескольких его номерах за 1912 г., например, был напечатан переведенный с

⁷⁹ Журнал начинающих, 1911, № 3.

⁸⁰ Наше поколение, 1912, № 3.

⁸¹ Лирическая Бессарабия, вып. I, 1912, с. 87.

⁸² Там же, вып. II, 1912, с. 85—86.

молдавского языка «рассказ из времен турецких набегов на Бессарабию» Н. Тодоровой под названием «Тоска по родине». В этом же журнале начинал свой творческий путь рассказами на русском языке будущий молдавский советский писатель Д. Милев. Его произведения на острые сюжеты из тогдашней бессарабской действительности печатались также в «Журнале начинающих» (см. рассказы «Помогите!», «На барже», «Общая камера» и др.). Милев одним из первых попытался отразить в своем творчестве тему подпольного революционного движения в Бессарабии. К местной тематике обращались также Г. Вольф, К. Курча-Бессарабский и т. д.

К этому же периоду относится и попытка создать роман на материале бессарабской действительности. С подзаголовком «Большой роман из жизни бессарабского общества», затем просто «Большой сенсационный роман» в течение второй половины 1910 — начале 1911 г. на страницах кишиневской газеты «Бессарабец» печатался роман неизвестного автора «Перевал». С конца марта 1911 г. в той же газете начинается публикация нового «большого сенсационного романа из местной жизни» «Карьера» с подзаголовком «Карьера бессарабца в Одессе». В начале июля того же года газета «Бессарабец» начала публикацию второй части романа «Месть предателям», но в середине августа сама прекратила свое существование. Конечно, как и в отношении других произведений местных русских писателей предоктябрьской Бессарабии, названные выше сочинения можно назвать «молдавскими» только условно, т. е. по одним лишь названиям.

С началом в 1914 г. империалистической войны пульс литературной жизни в Бессарабии резко падает, затем постепенно затухает вовсе. Последний сохранившийся стихотворный сборник местного русского автора (Нина Махо. «Грезы и чувства») вышел в свет в 1914 г.

«Когда история расскажет пролетариату всего мира о том, что пережито и сделано вами за восемь лет реакции,— писал М. Горький в предисловии к «Первому сборнику пролетарских писателей» (1914),— рабочий мир будет изумлен вашей жизнедеятельностью, бодростью вашего духа, вашим героизмом.

...Только мертвые не поймут общекультурного значения работы, совершенной вами за эти восемь лет»⁸³.

Такого сборника в предоктябрьской Бессарабии не появилось. Не было также и пролетарских писателей в полном смысле этого слова.

Вместе с тем, революция 1905—1907 гг., названная В. И. Лениным «генеральной репетицией» Великой Октябрьской социалистической революции, вызвала невиданный подъем общественного и политического самосознания народных масс,

⁸³ Горький М. О литературе. — М., 1953, с. 164.

с ней связаны и наиболее интересные явления в литературной жизни предоктябрьской Бессарабии. Именно революция 1905—1907 гг. вызвала в жизни талантливого молдавского поэта А. Матеевича. С революцией связаны и лучшие достижения русских писателей Бессарабии этого периода. Первая народная революция в России успела многое в тогдашней общественной и политической жизни упразднить навсегда и многое утвердить, мобилизовать к активному «творчеству жизни».

«Новая интеллигенция» — так называлась статья, открывавшая один из номеров кишиневского «Журнала начинающих» за 1911 г. и подписанная московским поэтом С. Ганьшиным, впоследствии печатавшимся в газете «Правда» и в других большевистских изданиях.

«Несмотря на то, что общественно-политическая жизнь нашей родины замерла,— писал С. Ганшин,— несмотря на то, что все благие порывы в зародыше давятся, все-таки жизнь с каждым днем становится понятней, цельней. Когда-то... передовая, интеллигенция уходит на покой... а на ее место выходят новые, молодые силы, силы народной интеллигенции. Та интеллигенция, которая из себя представляет «живой труп», нехотя сторонится, чтобы дать дорогу грядущему авангарду,— не созерцателей, а строителей новой, лучшей жизни.

И это вообще понятно, ведь новые силы выходят не из барских хором, а те же разночинцы, вроде Добролюбова, Глеба Успенского и др., ведь новая интеллигенция кость от кости и кровь от крови народа, это те, которые сами видели и на своих плечах несут тяжелый жизненный крест.

...В столицах растут издания, газеты, журналы, руководимые исключительно самими тружениками, значит жизнь не замерла, а она пересаживается на новую почву...»⁸⁴.

С московским поэтом перекликается местный поэт И. Мамалыга, писавший под псевдонимом «Семен Мижуев». Высоко оценивая в газетном обзоре «Наши журналы» стихотворение русского поэта П. Орешина «Набат» («Это уже настоящая, большая поэзия»), С. Мижуев писал: «Да, читатель... Идет в литературу крестьянин и рабочий, несет ей своей крепкий, большой талант, воспитанный горем, могучей природой, властью земли, и шаг за шагом отвоевывает себе в прекрасном искусстве право на жизнь и на признание»⁸⁵.

М. Горький, С. Ганшин и С. Мижуев, когда они говорили о новом типе писателя — писателя, приходящего в литературу из глубин рабочих и крестьянских масс, имели в виду в общероссийском литературном процессе то новое явление, которое было рождено революцией. Однако с соответствующими поправками на местные специфические особенности эти новые

⁸⁴ Журнал начинающих, 1911, № 6, с. 1.

⁸⁵ Мижуев С. Наши журналы. «Заветы», апрель 1914 г.— «Южный край», 1914, 15 мая.

явления должны были отразиться в той или иной степени, в той или иной форме в литературной жизни тогдашних национальных окраин России, в том числе и в Бессарабии.

Как показывают историко-литературные факты, новые веяния, о которых говорилось выше, нашли свое отражение именно в творчестве тех литераторов Бессарабии, которые писали на русском языке. Факт сам по себе вполне понятен: местные русские писатели постоянно находились в прямом, непосредственном переводами контакте с общерусским литературным процессом, выступая в тогдашней Бессарабии проводниками прогрессивных традиций русской литературы. Преобладая количественно и имея значительно большие возможности для творческой работы, местные русские писатели в большей степени схватывали в своем творчестве черты революционной и после-революционной действительности в крае. Созданная их общими творческими усилиями картина той сложной эпохи в большей степени соответствует историческому, общественно-политическому, социальному содержанию того времени.

В таком понимании русская литература Бессарабии пред-октябрьского семнадцатилетия выступает не только как один из аспектов молдавско-русских литературных взаимосвязей, но и как составная часть литературного движения в крае, активный фактор бессарабского литературного процесса.

Глава 6

Русская литература в газете «Басарабия» (1906 — 1907)

Создание в годы первой русской революции периодической печати на молдавском языке явилось важным завоеванием молдавского народа. Различные газеты по-разному освещали ход и задачи революции; разным был и срок их существования. Газета «Вяца Басарабией» («Бессарабская жизнь»), например, выходила чуть более месяца, было выпущено всего шесть номеров. Менее месяца просуществовала другая газета на молдавском языке — «Басарабия реыннонтэ» («Возрожденная Бессарабия»), которая издавалась за пределами края, в г. Яссах. Уже после поражения революции, в начале столыпинской реакции, стала выходить газета «Молдованул» («Молдаванин», январь 1907 г. — октябрь 1908 г.), объявившая себя «национально-независимой» и стоявшая на монархистской платформе.

Одной из сравнительно долго существовавших газет была «национально-демократическая» газета «Басарабия» («Бес-

сарабия»), выходявшая с 24 мая 1906 г. по 4 марта 1907 г. Основанная в разгар революционных событий в крае, «Бессарабия» сразу же активно включилась в борьбу за осуществление целей и задач буржуазно-демократической революции. Направление газеты объективно совпадало с главными тенденциями революции и с этой точки зрения она в основном верно отражала борьбу бессарабского крестьянства «за землю, за волю, за лучшую долю».

Бессарабские газеты периода 1905—1907 гг., сознавая роль литературы в деле просвещения масс, уделяли внимание литературной жизни края, пропаганде русской литературы.

Так, в газете «Вяца Басарабией» появился перевод «Черной шали» А. С. Пушкина. На страницах газеты «Молдованул» увидели свет несколько молдавских переводов произведений И. С. Крылова, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого. С подзаголовком «Из Лермонтова» здесь было напечатано также стихотворение румынского поэта Г. Кошбука «Ругэминтя дин урмэ» («Последняя просьба»), написанное на сюжет лермонтовского «Завещания» (по его немецкому переводу).

Чаще всего произведения русских писателей печатались в газете «Басарабия». На ее страницах увидели свет первые молдавские переводы произведений Н. Некрасова, Л. Толстого, А. Чехова, В. Короленко, А. Кольцова. В переводе молдавского поэта А. Матеевича были опубликованы чеховские рассказы «Канитель», «Пронсшествие» и «Недоброе дело»; в 27, 28, 32 и 33 номерах газеты за 1906 г. был опубликован известный «народный» рассказ Л. Толстого «Корней Васильев». В переводе из пятой части рассказа был исключен следующий отрывок: «Он (Корней Васильев.— С. П.) испытывал какое-то особенное, умиленное, восторженное чувство смирения, унижения перед всеми людьми, и чувство это и радостно и больно раздирало его душу». Чувство смирения и унижения, по всей вероятности, было несозвучно газете революционного времени.

Обращение газеты «Басарабия» к Кольцову и Некрасову и особенно к «крестьянским» мотивам их творчества объясняется прежде всего тем, что эти мотивы отвечали кровным интересам обездоленного бессарабского крестьянства — основной движущей силы буржуазно-демократической революции в крае. Муза «мести и печали» великого русского поэта помогала сотрудникам газеты «Басарабия» высказываться по злободневным вопросам общественно-политической жизни. Так, например, статья о громадных средствах, поглощаемых паразитическим русским дворянством, и о непомерных размерах помещичьего землевладения называлась более чем красноречиво—«Кому на Руси жить хорошо». С большой теплотой писал о Некрасове сотрудник газеты «Басарабия» молдавский поэт Василий Оату (псевдоним Мошу Василе) в очерке «Невонле

цэранилор» («Нужды крестьян»). Ему же принадлежит первый молдавский перевод знаменитой некрасовской «Забытой деревни». Собственно, это не перевод как таковой, а переработка, адаптация. В нем появляются молдавские имена в их простонародной транскрипции (Иленуца, Ионика, Васылка луй Стратан, Игнэцэл и др.). Привнося эти и другие изменения, молдавский переводчик стремился наполнить некрасовские стихи, «молдавским содержанием», отразить бессарабскую действительность периода первой русской революции, приблизить творчество русского поэта к молдавскому читателю, сделать его родным и понятным.

В номере от 18 февраля 1907 г. газета «Басарабия» напечатала стихотворение В. Оату «Кинул цэранилор» («Муки крестьян») с примечанием «Подражание Некрасову». Это не что иное, как «молдаванизированный» отрывок из «Размышлений у парадного подъезда». Как и в случае адаптации «Забытой деревни», это некрасовское произведение послужило молдавскому поэту поводом для выражения собственных дум и размышлений о тяжелой доле молдавского трудового крестьянства. Об этом свидетельствует и тот факт, что Василий Оату ввел в перевод русского произведения отдельные молдавские географические понятия (Прут, например). О переводческом «методе» молдавского поэта, о степени приближения им некрасовского стихотворения к интересам, уровню и психологии простого молдавского читателя-крестьянина можно легко судить особенно на примере первой половины стихотворения:

«Дин Маря Албэ пэн ын Нягрэ,
Де ла Волга пэн ла Прут,
Пе ынтиндеря ынтрягэ
Еу унгер н'ам май възут
Сэ ну жямэ, сэ ну плынгэ
Цэранул ностру мунчитор.

Ку сечеря ел жеме'н мынэ,
Ку коаса мерже ла косит,
Жеме суб кожок ын стынэ,
Жеме унде л-ай гэсит и т. д.»*

Стихотворение «Муки крестьян» сопровождалось примечанием автора-переводчика о том, что песня исполняется на мотив

* От Белого до Черного моря,
От Волги и до Прута,
На всем обширном пространстве
Я нигде угла не видал,
Где бы наш труженик-крестьянин
Не плакал и не стонал.

Стонет он с серпом в руках,
Стонет с косой на косовице,
Стонет под тулупом в загоне,
Стонет, где бы он ни находился.

широко известной и популярной в то время песни «Рэтэчинд прин кэй стрэине...» («Скитаясь по чужим дорогам...»).

Молдавские переводы и переработки некрасовских произведений печатались в газете «Басарабия» рядом с письмами и зарисовками о тяжелом положении молдавских крестьян. В одном из номеров газеты (от 7 апреля 1906 г.), например, можно было прочесть следующее: «Повсюду крестьянин изнывает под гнетом и терпит нужду. Здесь он с утра до ночи трудится в поте лица и без куска хлеба на своем клочке земли, там он изнемогает в тяжком труде, чтобы уплатить подати, сам оставаясь голодным и раздетым. И сколько печали, сколько тоски слышится в песнях крестьянина, оплакивающего свою тяжелую долю». Эти слова прямо перекликаются с некрасовскими стихами:

«Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?»

Этот стон у нас песней зовется...

Несмотря на кратковременность существования газеты «Басарабия», в ней сложились своеобразные некрасовские традиции, которые чувствуются в творчестве как поэта Василия Оату, переводчика Некрасова на молдавский язык, так и других поэтов — сотрудников газеты.

В «крестьянскую специфику» переводной русской литературы, нашедшей место на страницах молдавской газеты «Басарабия», органически вписывается и известное стихотворение А. Кольцова «Песня пахаря», получившее высокую оценку В. Белинского. Воспевавшее любовь крестьянина-труженика к земле-кормилице, к урожаю, выращиваемому в поте лица, стихотворение Кольцова не могло не найти отклика у бессарабской безземельной бедноты.

В 1905 г. как по центру России, так и по ее национальным районам прокатились еврейские погромы, вдохновителями и организаторами которых были русские и «свои» местные националисты и черносотенцы. В эти мрачные дни бесновавшейся реакции В. Короленко, рискуя жизнью, выступает с речами против погромщиков, опровергает клеветнические слухи и провокационные воззвания. «В это время,— читаем в одной из статей о Короленко,— все типографии города (Полтавы, где жил писатель.— С. П.) бастовали, но наборщики взялись отпечатать несколько тысяч противопогромных воззваний Короленко. 20, 21 и 25 октября листовки появились в городе. Неделей позднее в «Полтавщине» стали появляться написанные Короленко «Письма жителю окраины». Поводом для этого выступления послужили письма читателей... Для писателя бы-

ло ясно, что именно темнота приводит к тому, что люди, подобные Тарасу (подразумевается типичный обыватель городской окраины.— С. П.), становятся союзниками хулиганов в грабежах и разбоях...»¹. В 1906 г. в книжном издательстве «Русское богатство» выходит книга В. Короленко «Письма к жителю городской окраины», которая, по всей вероятности, получила распространение и в Бессарабии. Об этом можно судить по тому, что в августе того же года «Басарабия» печатает в молдавских переводах четыре письма к жителю городской окраины.

Гневно выступая против еврейских погромов и разгромов складов и магазинов, Короленко обращал внимание читателей на тот факт, что от погромов страдают прежде всего сами «жители городских окраин», бедняки. Воздействие писем Короленко на тогдашнего молдавского читателя усиливалось тем, что в Бессарабии погромы были тогда частым явлением.

Следует отметить большой авторитет Короленко-гражданина, борца против социальной несправедливости. Популярность Короленко среди населения Бессарабии нашла выражение и в том, что он, в числе других русских писателей, являлся почетным членом общественной библиотеки молдавского города Оргеева.

Газета «Басарабия» переводила и печатала не только произведения корифеев (Пушкина, Некрасова, Толстого, Чехова, Короленко). Сообразуясь с потребностями, «социальными заказами» времени, сотрудники молдавской газеты обращались также к творчеству и менее известных русских писателей, в частности Дорошевича и Шебуева.

В свое время В. М. Дорошевич (1864—1922) был известен как «король фельетона» и создатель стиля «короткой строчки». «Дорошевич,— пишет С. В. Иванов,— никогда не был революционером и даже боялся всяких «эксцессов». Но объективно его очерки и фельетоны помогали революции, разоблачая, расшатывая все устои буржуазно-капиталистического общества. Дорошевич никогда не призывал к революции, но, разоблачая прогнивший самодержавный строй, показывая мерзости этого строя, невольно помогал революции»².

Одним из остросатирических обличительных фельетонов Дорошевича является фельетон «Дождь». Хотя он написан не на русский, а на китайский сюжет, адресат этого фельетона находился отнюдь не за Великой китайской стеной, а гораздо ближе. Об этом легко догадывались читатели, это хорошо понимали сотрудники газеты «Басарабия», помещая в 43-м номере газеты молдавский перевод названного фельетона.

¹ Родионова Е. Г. Публицистика В. Г. Короленко 1905—1907 годов.— В кн.: Революция 1905 года и русская литература. М.— Л., 1955, с. 181.

² Иванов С. В. Послесловие.— В кн.: Дорошевич В. М. Избранные рассказы и очерки.— М., 1962, с. 477.

Сын неба, говорилось в фельетоне «Дождь», император Ли-о-а ни на минуту не забывает о благополучии своих подданных. Вот и сейчас льет сильный дождь, и Ли-о-а охвачен тревогой, нет ли случайно в его царстве несчастных, которые в такую ненастную погоду не имеют шляпы. Император повелевает установить и доложить ему, есть ли в Пекине такие несчастные и сколько их. Ровно через один час на городскую площадь были согнаны 20871 бесшляпный китаец, а еще через час 20871 отрубленная бесшляпная голова висела на городской стене. Вечером «светлейшему» доложили, что в его царстве бесшляпных нет. Он был безмерно счастлив, услышав такое приятное известие.

Фельетон Дорошевича «Дождь» печатался в молдавской газете приблизительно в годовщину Кровавого воскресенья и в начале столыпинской реакции, когда на требование крестьянами земли царское правительство отвечало так называемыми «столыпинскими галстуками» — виселицами. Поэтому фельетон был крайне злободневным. Политический подтекст фельетона был понятен читателю, так как он печатался наряду с материалами и статьями антимонархического характера. Так, например, в 42-м номере газеты «Басарабия» за 1906 г. говорилось о том, что царский манифест от 17 октября не что иное, как обман народа и коварная ловушка.

Для характеристики отбора произведений русских писателей, которые переводились и печатались на страницах газеты «Басарабия», несомненный интерес представляет «Повесть о земском начальнике» Н. Г. Шебуева (1874—?), известного в период первой русской революции как издатель сатирического журнала «Пулемет» (1905). За помещенные в журнале антиправительственные рисунки Шебуев просидел год в тюрьме. Однако в годы столыпинской реакции он обратился к «чистому искусству».

Впервые «Повесть о земском начальнике» была напечатана в известном журнале «Свобода и жизнь». Повесть-памфлет привлекла внимание прогрессивной читательской общественности. В ней смело разоблачалась лживость так называемой «святости» частной собственности и прежде всего «священного» права помещиков на землю.

Восставшее крестьянство требует земли. В этих условиях нужно постараться внушить «взбунтовавшейся черни», мужикам мысль о том, что право помещика на землю — от самого бога. И земского начальника Выжлятникова внезапно осенила мысль, что именно он призван «убедить» мужика. Метод этого «убеждения», «объяснения» крестьян показан писателем остро сатирически. В столкновение приходят два «противоположных» мнения: Выжлятников твердо убежден, что мужика сначала необходимо убедить в том, что помещики наделены землей самим богом, а если крестьянин этого не поймет или не

захочет понять, тогда — бить. Кудрявцев же, сосед Выжлятникова, утверждает другое: сначала бить, а потом убеждать. «Мы только тогда полностью и окончательно решим аграрный вопрос, — говорит земский начальник Выжлятников, — когда докажем мужику, что частная собственность — святая... особенно помещичья. Нет собственности, если она не от бога...».

С целью внести свою посильную лепту в решение этого вопроса земский начальник задумывает книгу о «святости права помещиков на землю». Процесс ознакомления земского начальника с соответствующими источниками по выбранной теме изображен Шебуевым с помощью испытанного сатирического приема, широко применяемого русскими литераторами и особенно М. Горьким. Он состоит в том, что автор того или иного сатирического произведения заставляет своих героев говорить такие истины и совершать такие поступки, которые выставляют действующих лиц в самом неприглядном, отталкивающем свете, т. е. «герои» разоблачают других мошенников и в то же время саморазоблачаются. Все это, на первый взгляд, имеет место как бы без малейшего участия и вмешательства сатирика, и это кажущееся беспристрастие и объективность во много раз усиливают эффект сатирического разоблачения «свинцовых мерзостей» буржуазной действительности, повышают идейно-эмоциональное воздействие произведения на читателя.

В «Повести о земском начальнике», таким образом, заключалось приличное количество «взрывчатого вещества» против беззаконий помещиков, земских начальников и вообще против помещичье-капиталистического строя. Это обстоятельство делало злободневный и острый памфлет Шебуева эффективным агитационным средством в период буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. В этом хорошо отдавали себе отчет и сотрудники молдавской газеты «Басарабия», на страницах которой перевод «Повести» был опубликован 29 октября 1906 г. (№ 45).

Интересен социально-политический «контекст», в котором появилась «Повесть о земском начальнике» Шебуева. Так, исследователи первой русской революции в Бессарабии приводят многочисленные факты о беззакониях царских властей в отношении крестьян, которых за малейшую провинность, по побуждению и без повода, по суду и без суда по повелению земских начальников поролли розгами и избивали до смерти. Материалы о бесчинствах земских начальников находим и в газете «Басарабия». Так, например, в корреспонденции «Немецений» (Немецены — населенный пункт в Молдавии), появившейся в газете 28 мая 1906 г., говорилось об издевательствах земского начальника Малюкова над сельским писарем Цариковым, доведенным до самоубийства. Заметки о самоуправстве земских начальников, саркастические реплики и замечания о «священ-

ном» характере частной собственности на землю неоднократно встречались во многих номерах «Басарабии». Это безусловно усиливало социальный резонанс публикуемых художественных произведений и особенно таких, как «Повесть о земском начальнике» Шебуева.

Периодическая печать Бессарабии на молдавском языке, рожденная в годы революции 1905—1907 гг. и благодаря этой революции, несмотря на кратковременность ее существования и сложность обстановки, в которой приходилось работать, продолжила благородную традицию молдавской классической литературы по переводу художественных произведений русских писателей. Это особенно относится к наиболее демократической из первых молдавских газет — газете «Басарабия».

Условия существования газеты не позволили ее сотрудникам широко развернуть популяризацию в Бессарабии русской литературы путем ее перевода на молдавский язык. Тем не менее, при всей скудности публикаций можно легко увидеть четкую *целенаправленность в отборе* газетой художественных и публицистических произведений русских литераторов. Эта целенаправленность нашла свое выражение прежде всего в преобладании произведений крестьянской тематики. И «Песня пахаря» Кольцова, и «Корней Васильев» Толстого, и «Забытая деревня» и «Размышления у парадного подъезда» Некрасова, и «Канитель», «Происшествие», «Недоброе дело» Чехова подтверждают сказанное. Крестьянская тематика художественных переводов была обусловлена своеобразием первой русской революции, одной из основных сил которой было боровшееся за землю крестьянство. Не в меньшей степени отвечала интересам буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. публицистика Короленко, фельетоны и памфлеты Дорошевича, Шебуева и т. д.

Произведения русской литературы, которые переводились и публиковались в молдавской периодической печати в годы первой русской революции, способствовали политическому и социальному просвещению читателей, сплочению демократических сил, привлечению их на сторону революции.

Глава 7

П. А. Сырку и славяно-молдавские связи

Человек широкой культуры, историк, литературовед и фольклорист, Полихроний Сырку (1855—1905) был в числе тех, кто с самого начала творческого пути понял значение взаимосвязей и взаимодействия молдавской культуры с культурами славянских народов. Заслуги П. Сырку на поприще славистики

исключительны, однако его жизнь и деятельность исследованы мало.

Полихроний Агапьевич Сырку родился 30 июля 1855 г. в с. Страшенах (недалеко от г. Кишинева) в бедной крестьянской семье. О бедности можно судить по прошению, поданному студентом П. Сырку ректору Петербургского университета в январе 1875 г.: «Будучи ограничен в материальных средствах, во уверение чего прилагаю при сем свидетельство о бедности, и вследствие этого не имея возможности внести узаконенную плату за право слушания лекций во втором полугодии, всепокорнейше прошу Ваше Превосходительство освободить меня от сказанной платы.

Студент П. Сирков. 23 января 1875 г.»¹

К прошению был приложен документ, подписанный сельским старостой Сырку и заверенный нотариусом Платоном, подтверждавший тяжелое материальное положение семьи Сырку, состоявшей из семи человек.

Полихроний закончил начальную школу в родном селе, затем учился в приходской школе при Каприянском монастыре в Бессарабии. С этим монастырем связано почти все его детство. Оставшись с малых лет без матери, он жил некоторое время с жестокой мачехой, которая, как вспоминала Мария Сырку, двоюродная сестра ученого, не раз выгоняла Полихрония из дома, нередко и по той причине, что с рождения он страдал физическим дефектом (хромал на одну ногу)². Полихроний Сырку нашел приют у монахов Каприянского монастыря. Благодаря материальной помощи одного из смотрителей монастыря, он сумел продолжить образование в Кишиневской духовной семинарии. В его характеристике отмечалось, что учащийся Сирков имел примерное поведение и обнаружил выдающиеся способности к учебе. Аттестат, полученный им по окончании духовной семинарии в 1874 г., подтверждает эти слова³.

Жажду знаний и прилежание П. Сырку отмечал и один из его бывших соучеников по Кишиневской духовной семинарии Василий Казаку: «П. Сырку... отличался любознательностью, интересовался преимущественно филологическими и историческими науками и одарен быстрою сообразительностью. Во все время училищного и семинарского курса, он в свободное от классных занятий время, посещал городскую публичную библиотеку, где пополнял свои познания чтением книг и журналов»⁴.

¹ Прошение студента Полихрония Сиркова.— Ленинградский государственный исторический архив (ЛГИА), ф. 14, оп. 3, № 18268, л. 7.

² См.: Друг, 1905, 6 (19) июля. Воспоминания Марии Сырку, женщины неграмотной и в то же время уже преклонного возраста, записал и опубликовал в газете Г. Марусин.

³ См.: Дело студента П. А. Сирко.— ЛГИА, ф. 14, оп. 3, № 18268, л. 2.

⁴ Друг, 1905, 6 (19) июля.

Осенью 1874 г. Сырку записывается в Новороссийский университет (ныне Одесский университет им. И. И. Мечникова). Однако юноша мечтает о высших учебных заведениях крупных центров России. Некоторое время он занимается в Одессе, затем подает заявление о переводе в Петербургский университет на историко-филологический факультет. Документ, датированный 5 октября 1874 г. и подписанный инспектором Петербургского университета, свидетельствует, что просьба Полихрония Сырку была удовлетворена⁵.

В Петербурге Сырку с увлечением занимается науками. Он обращает на себя внимание преподавателей, оценивших его тягу к знаниям и ориентировавших талантливого студента на научную деятельность.

В студенческие годы (впрочем, как и во все последующие) П. Сырку испытывает большие лишения, о чем нередко говорится в его переписке, а также в целом ряде отчетов и других документов. И все-таки, благодаря своим способностям и упорному труду, в 1878 г. он заканчивает университет с золотой медалью, которая была ему присуждена за работу «История христианства в Болгарии до князя Бориса и крещения болгарского народа»⁶.

Тот факт, что одна из первых научных работ П. Сырку была посвящена истории и культуре болгарского народа, объясняется и тем обстоятельством, что он хорошо знал болгарский язык, которым овладел еще в детстве в Каприянском монастыре, находившемся в то время под управлением болгар. Поэтому болгарская культура и литература древнейших времен станут предметом исследования во многих трудах П. Сырку, написанных в последующие годы.

После окончания историко-филологического факультета П. Сырку был оставлен при Петербургском университете для подготовки к преподаванию на кафедре славистики. В том же году его направили в научную командировку в Константинополь, Афон, Болгарию, Македонию и Румынию. Результаты этой командировки были изложены им в различных отчетах, представленных филологическому обществу при историко-филологическом факультете Петербургского университета, Археологическому обществу и этнографическому отделению Петербургского географического общества.

В 1879 г. во время командировки в Румынию Сырку близко подружился с молдавским писателем и ученым Б. П. Хашдеу, который помог ему ознакомиться со славянскими рукописями,

⁵ См.: Дело студента П. А. Сырку.— ЛГИА, ф. 14, оп. 3, № 18268, л. 5.

⁶ См.: Лавров П. А. Научная деятельность П. А. Сырку.— Журнал Министерства народного просвещения, 1906, февр., с. 62 (В дальнейшем — ЖМНП); Библиографический словарь профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета с 1868—1894 гг.— Спб., 1896, с. 264; см. также автобиографию П. Сырку — Ленинградское отделение архива Академии наук (ЛОААН), ф. 1, оп. 2, § 75, № 8, 1883 г.

хранившимися в государственных архивах этой страны. В фондах Архива Академии наук в Ленинграде есть в частности письмо П. Сырку к академику Ф. И. Успенскому, датированное 19 марта 1879 г.⁷ В нем в качестве обратного адреса П. Сырку указал адрес Б. П. Хашдеу. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что приехавший из России ученый был желанным гостем в доме Хашдеу.

По материалам своих научных командировок П. Сырку публикует серию статей и исследований, в которых освещаются различные вопросы древней культуры посещенных им стран⁸. С особым интересом он изучал древние документы и рукописи. В эти же годы П. Сырку положил начало личной коллекции древних рукописей, в основном на болгарском и сербском языках. К концу жизни ученого в коллекции насчитывалось уже примерно 84 рукописи, 19 из которых — пергаменные⁹, представляли исключительный интерес с точки зрения палеографии. Содержание коллекции раскрывает проблематику научных разысканий П. Сырку¹⁰.

Чтобы облегчить себе доступ к многочисленным рукописям, которые хранились в архивах Петербургской академии наук, в 1883 г. П. Сырку просит предоставить ему должность помощника библиотекаря академии¹¹.

Защитив 6 ноября 1883 г. диссертацию на тему «Византийская повесть об убиении императора Никифора Фоки в старинном болгарском пересказе»¹², П. Сырку получил звание приват-доцента Петербургского университета. Первым оппонентом на защите выступил академик А. Н. Веселовский, который несколько позже опубликовал развернутую характеристику работы Сырку в «Журнале Министерства народного просвещения»¹³.

В начале 1884 г. П. Сырку было поручено чтение курса по румынскому языку и литературе студентам историко-филологического факультета. Это фактически означало возобновление работы кафедры романистики Петербургского университета¹⁴.

⁷ См.: ЛОААН, ф. 116, оп. 6, № 359.

⁸ Список работ см. в кн.: Матковский А. Полнхронне Сырку: Скице библиографиче.— Кишинэу, 1967.

⁹ См.: *Ильинский Г. А.* Пергаменные рукописи П. А. Сырку.— Рус. филол. вест., 1908, т. 59, с. 350—362.

¹⁰ Коллекция П. Сырку хранится ныне в рукописном отделе библиотеки Академии наук (г. Ленинград).

¹¹ См.: ЛОААН, ф. 1, д. 2, № 8, § 75.

¹² См.: ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 8355, л. 18.

¹³ *Веселовский А. Н.* Византийская повесть об убиении императора Никифора Фоки в старинном болгарском пересказе.— ЖМНП, 1884, янв., ч. 231, с. 76—90.

¹⁴ Кафедра романистики Петербургского университета была открыта в 1839 г. Созданию кафедры способствовал Якоб Гинкулов, молдаванин по происхождению.— См.: Об учреждении при С.-Петербургском университете кафедры валахо-молдавского языка.— ЖМНП, 1839, ч. 23, № 7, с. 15.

12 января 1884 г. П. Сырку открыл курс вступительной лекцией «Значение румыноведения для славянской науки»¹⁵.

Включившись в работу по изучению славяно-молдавско-валашских рукописей. П. Сырку был среди первых ученых России, интересовавшихся древней историей и литературой молдавского народа, снабжавших русскую научную общественность достоверной и очень необходимой информацией о культурном прошлом Молдавии. Он опубликовал научные работы, в которых рассматривал те или иные вопросы молдавской филологии, истории, литературы и фольклора.

Занимаясь культурой и литературой средневековой Молдавии, П. Сырку исследовал также и взаимные связи славян, молдаван и валахов, в частности роль славянской письменности в Молдавии. В статьях «Остатки славянской литературы в Молдавии» (1882), «К истории славянской письменности у румынов» (1884), «Из истории сношений русских с румынами» (1896) П. Сырку рассмотрел разные аспекты вопроса о влиянии славянской культуры на культуру Молдавии и Валахии.

П. Сырку подчеркивал, что в XV—XVI вв. молдавская литература на славянском языке достигла высокого развития благодаря и тому обстоятельству, что в Дунайских княжествах нашли прибежище многие деятели культуры Балканских стран, поработанных турками. Молдавия нуждалась в образованных, ученых людях, умевших составлять религиозные книги и тем самым способствовавших укреплению позиций православной церкви¹⁶.

Славянские рукописи, созданные на территории Молдавии и Валахии представителями славянской культуры, особенно сербской и болгарской, хранились на протяжении веков в монастырских архивах и библиотеках. П. Сырку считал, что изучением этих рукописей должны заняться как филологи-романисты, так и слависты. В конце XIX в. ученые России стали изучать и публиковать памятники славянской культуры и литературы, созданные на территории Молдавии и Валахии.

П. Сырку неоднократно подчеркивал необходимость изучения молдавско-русских языковых отношений. В статьях и исследованиях по вопросам филологии он выдвигал идею параллельного изучения романских и славянских языков. Ученый считал, что не только специалисты, но и широкий круг читателей должен знать о духовном богатстве этих народов. Настоящий славист, по мнению П. Сырку, не может оставить без внимания древнюю молдавскую литературу, ибо ее памятники написаны на том же языке, что и памятники ранней русской литературы. Кроме того, у них много общих черт.

¹⁵ Вступительная лекция П. Сырку была опубликована в ЖМНП, 1884, авг., ч. 234, с. 234—247.

¹⁶ См.: Сырку П. Остатки славянской литературы в Молдавии.— ЖМНП, 1882, апр., ч. 220, с. 300—305.

П. Сырку стремился освещать те исторические события, следствием которых явилось укрепление молдавско-русских отношений. Активный сотрудник «Исторического вестника», «Русского филологического вестника», «Журнала Министерства народного просвещения», «Известий С.-Петербургского славянского благотворительного общества», «Византийского временника», П. Сырку печатался также и в других специальных изданиях и особенно в журнале И. В. Ягича «Archiv für Slavische Philologie».

В 1887 г. Петербургский университет направил П. Сырку в новую научную командировку в Константинополь, Афон, Македонию и Сербию. По пути ученый остановился и в Болгарии, где изучал архивные документы и рукописи, относящиеся к болгарской средневековой культуре. В результате он написал интересную работу о Евфимии Терновском, болгарском книжнике XIV в.¹⁷ Ее высоко оценили слависты России. За эту работу комиссия, в состав которой входили академики А. Н. Веселовский, А. А. Шахматов и А. Н. Пыпин, в 1899 г. присудила П. Сырку Большую академическую премию им. Ломоносова¹⁸, а 16 мая того же года ему присвоили ученую степень доктора славянской филологии. Официальными оппонентами были профессора В. И. Ламанский и А. И. Соболевский¹⁹.

Хотя темой работы является болгарская средневековая культура и литература, в ней можно найти немало ценных материалов о некоторых молдавских монастырях, о княжении Басараба, а также сведения о летописи Михаила Моха, опубликованной Б. П. Хашдеу. Не лишенная отдельных недостатков, монография П. Сырку остается одной из наиболее важных работ, посвященных этому представителю болгарской культуры XIV в.²⁰ В работе приводится и ряд данных о славянской культуре в феодальной Молдавии.

Славист М. С. Дринов, имея в виду пространные выписки из редких и недоступных многим исследователям изданий, подчеркивал скрупулезность, с которой собирал П. Сырку новый, исключительно ценный для славистов того времени материал²¹.

В последующие годы Сырку совершает многочисленные на-

¹⁷ Сырку П. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. Ч. I. Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского.— Спб., 1898; Ч. 2. Литургические труды патриарха Евфимия Терновского.— Спб., 1890.

¹⁸ См.: Сб. отд-ния рус. яз. и словесности императ. АН, 1901, т. 67, Гл. 7. Присуждение Ломоносовской премии в 1899 году, с. 1—8.

¹⁹ См.: Протоколы заседаний историко-филологического факультета за 1899 г.— ЛГИА, ф. 14, оп. 3, д. 16069, л. 29.

²⁰ Несколько лет спустя украинский славист Е. Калужняцкий продолжил разыскание П. Сырку, опубликовав тексты работ патриарха Евфимия.— См.: *Kalužniacki E. Werke des Patriarchen Von Bulgarien Euthymius. Vien, 1901.*

²¹ См. доклад проф. М. Дринова в Сб. отд-ния рус. яз. и словесности императ. АН, 1901, т. 67, с. 9—48.

учные поездки в балканские страны. В 1893 и 1894 гг. во время летних каникул он работает в библиотеках и архивах Галиции, Буковины, Словении, Далмации, Трансильвании, Сербии, Боснии и Герцеговины.

Первый город, в котором остановился П. Сырку во время этого путешествия, был Краков. Здесь он изучает рукописи, исполненные кириллицей, затем едет в Черновцы, где изучает коллекцию евангелий XII—XVI вв. и ряд других древних литературных памятников. В Сучаве он переписывает несколько рукописей и грамот молдавских господарей, одна из которых принадлежит Александру Илиашу и датирована 1633 г., а две — господарю Василе Лупу и относятся к 1636 и 1639 гг.

Из Галиции П. Сырку направляется в Боснию и Далмацию, оттуда — в Трансильванию, останавливается в Сибиу и Брашове, где изучает несколько румынских рукописей на славянском языке. Затем проезжает через Бухарест, работает в государственных архивах, директором которых был в то время Б. П. Хашдеу, устанавливает связи с местными учеными, с которыми впоследствии будет вести постоянную переписку. В рукописном отделе Румынской Академии наук, по свидетельству Дамиана П. Богдана, хранится несколько писем П. Сырку, адресованных румынским ученым и писателям. По ним можно судить о том, что он интересовался всем новым в научном мире Молдавии и Мунтении. Сырку просил присылать ему новейшие работы Б. П. Хашдеу, запрашивал сведения по волновавшим его проблемам, интересовался, имеются ли среди рукописей Румынской Академии наук «Поучения Нягое Басараба» и т. д.²²

Во время поездок в зарубежные страны П. Сырку собрал богатый материал, что позволило ему расширить проблематику своих научных исследований и написать ряд новых работ. В результате разысканий в библиотеках и архивах Праги, например, он публикует статью о коллекции рукописей П. Шафарика²³. Как и в прежние годы, его интересует, в первую очередь, история южных славян и народов Балканского полуострова. Им было написано несколько статей о культуре и литературе балканских народов. Интересовали ученого также отдельные аспекты жизни и деятельности Григория Цамблака и Николая Милеску Спафария. Материалы, найденные при изучении жизненного пути Григория Цамблака, одного из наиболее видных представителей молдо-славянских отношений конца XIV и начале XV вв., были отражены в обширной рецензии, которую ученый опубликовал в связи с появлением

²² *Damian P. Bogdan. Basarabeanu P. Sircu și contribuția lui la cultura românească veche.*— „Arhiva românească“, 1942, t. VIII, p. 143—151.

²³ *Сырку П.* Рукописные проложные отрывки в собрании Шафарика.— Изв. отд-ния рус. яз. и словесности императ. АН, 1896, т. I, кн. I, с. 81—92; т. I, кн. 2, с. 258—265.

исследования М. Мельхиседека о Григории Цамблаке²⁴. Анализируя работу Мельхиседека, Сырку приводит столь интересные новые данные и документы, что А. И. Яцимирский, упоминая о рецензии П. Сырку, заявил, что она значительно выше по своему уровню, чем само исследование Мельхиседека²⁵.

Несмотря на важную роль, которую сыграл Григорий Цамблак в истории молдавской и русской культуры, отмечал П. Сырку, его жизнь и деятельность изучены далеко не достаточно. Исследователи не уделяли должного внимания русским источникам, в которых имеется большое количество сведений об этом видном деятеле. Причину такого положения П. Сырку видел в отсутствии специалистов в области славянского языка, необходимость хорошего знания которого, по мнению Сырку, диктуется тем, что преобладающая часть документов этого периода написаны на древнеславянском языке²⁶. Сведения о книжной деятельности Григория Цамблака находим и в других работах П. Сырку, особенно по болгаристике.

Что касается другого выдающегося представителя молдавской и русской культуры конца XVII — начала XVIII в. — Николая Милеску Спафария, то о его жизни и литературной деятельности П. Сырку рассказал в двух статьях, опубликованных в 1885²⁷ и 1888 гг.²⁸

Статья 1885 г. была написана по поводу появления работы французского автора Эмиля Пико о Николае Спафарии²⁹. Это, собственно, рецензия на сообщение Пико, сделанное им на VI конгрессе ориенталистов, состоявшемся в Лейдене в сентябре 1883 г. Как и в других рецензиях, П. Сырку не ограничивается простым изложением и оценкой сообщения автора, а приводит новые, неизвестные факты, высказывает оригинальные мысли.

Сырку подчеркивает эрудицию Николая Спафария, отмечает вклад молдавского ученого в политическую и научную жизнь тех стран, в которых он бывал. В то же время Сырку упрекает Спафария за его непоседливость, из-за которой тот не раз подвергал свою жизнь опасности и испытывал лишения³⁰. Разумеется, Сырку хорошо понимал, что в этом был повинен не только Николай Спафарий, но и социальные условия, в кото-

²⁴ Сырку П. Новый взгляд на жизнь и деятельность Григория Цамблака. — ЖМНП, 1884, ч. 236, с. 106—153. — Рец. на ст.: *Melchisedec M. Mitropolitul Grigorie Țamblac*. — *Revista pentru istorie, arheologie și filologie*, 1884, an. II, vol. 1, p. 1—64.

²⁵ См.: Яцимирский А. И. Григорий Цамблак: Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. — Спб., 1904, с. 9.

²⁶ См.: Сырку П. Новый взгляд на жизнь и деятельность Григория Цамблака. — ЖМНП, 1884, ч. 236, с. 107.

²⁷ Сырку П. Николай Спафарий. — ЖМНП, 1885, апр., ч. 238, с. 335—346.

²⁸ Сырку П. Николай Спафарий до приезда в Россию. — Зап., Восточ. отд. императ. рус. археол. о-ва, 1888, т. 3, с. 183—196.

²⁹ *Picot Emil. Notice biographique et bibliographique sur Nicolas Spatar Miliescu, ambassadeur du tsar Alexis Mihailovici en Chine*, Paris, 1883.

³⁰ Сырку П. Николай Спафарий до приезда в Россию. — Зап., Восточ. отд. императ. рус. археол. о-ва, 1888, т. 3, с. 185.

рых он жил и работал. «Личности, подобные Спафарию Николаю, — писал Сырку, — не всегда, однако, должны быть ответственны за свое скитальчество; их создают время и среда, в которых они живут и вращаются; они, по своему воспитанию, образованию и нравственным понятиям становятся выше или ниже той среды, из которой вышли, и в силу того, не всегда в ней они терпимы и возможны, являются здесь лишними, а следовательно, и ненужными. Такие скитальцы или авантюристы были довольно обычным явлением в середине века в тех государствах или у тех народов, политическое и экономическое благосостояние которых было слишком шатко. Одной из таких стран в продолжении целых веков была Молдавия, родина спафария Николай Милеску, известного в России под именем Николая Спафария»³¹.

Занимавшийся в основном вопросами историографии и древней литературы, П. Сырку заслуживает внимания и как собиратель и популяризатор молдавского фольклора. Первая статья о молдавском народном творчестве была им написана и опубликована еще в годы учебы в Кишиневской духовной семинарии. Она представляет собой исследование молдавских новогодних обрядов³². Молдавский ритуальный фольклор рассматривается автором с точки зрения его связей с русским, украинским и болгарским фольклором. Сырку обращает внимание читателя на то, что многие народные обычаи и традиции молдаван схожи с украинскими и отчасти с русскими, и объясняет это явление не только простым взаимовлиянием устного творчества разных народов, но и более или менее сходными условиями исторического и социального развития этих народов. Отсюда и типологическая общность народных баллад и близость многих образов сказочного жанра. Подтверждением интереса П. Сырку к молдавскому фольклору могут служить и наброски статей, оставшихся в рукописи, в которых говорится о Груе, Марку Витязу и других героях молдавских гайдуцких баллад³³.

П. Сырку внимательно следил за всем, что публиковалось по вопросам народной поэзии в придунайских странах, рецензировал научные статьи и исследования, тем самым популяризируя их среди читателей России.

В предисловии к работе П. Сырку о народных обычаях Бессарабии, вышедшей после его смерти, А. И. Яцимирский отметил, что автор статьи был одним из лучших знатоков языка, истории, древней литературы и фольклора края³⁴. Хотя

³¹ Сырку П. Николай Спафарий. — ЖМНП, 1885, апр., д. 238, с. 336.

³² Сырку П. Святочные обычаи и песни у бессарабских молдаван на Рождество и Новый Год. — Кишинев. снрх. ведомости, 1874, № 5, с. 207—221.

³³ См.: ЛОААН, ф. 3, оп. 1, д. 257, л. 22—23.

³⁴ Работа П. Сырку увидела свет в 1913 г. в журнале «Живая старина», вып. 1—2, с. 147—180 и вып. 3—4, с. 363—370.

П. Сырку не был теоретиком фольклора и не оставил после себя таких работ по устному народному творчеству, его бесспорная заслуга состоит в том, что он одним из первых стал активно популяризировать молдавский фольклор в России, призывал к этому и других исследователей, доказывая своим современникам, что изучение духовных богатств молдавского народа открывает путь к новым выводам в историко-сравнительном изучении фольклора разных народов.

На протяжении многих лет П. Сырку был действительным членом многочисленных научных обществ; исторического, археологического, этнографического и лингвистического не только России, но и Болгарии и Германии. О заслугах молодого ученого и об активном его участии в работе названных обществ говорил профессор А. И. Соболевский в одном из отчетов департаменту народного образования о работе кафедры славистики Петербургского университета³⁵.

Осенью 1896 г. П. Сырку изучает славянские рукописи в библиотеках Познани и Берлина, а из одного из его отчетов департаменту народного образования узнаем, что не далее как весной следующего года ему предоставляется новая творческая командировка — сначала в Оксфорд, затем в Лондон³⁶. В Оксфорде наряду со многими другими рукописями Сырку изучает славяно-греческое евангелие 1429 г., созданное в Немецком монастыре Гавриилом Урикулом по поручению господарши Марины, супруги господаря Александра Доброго³⁷. В Лондоне он знакомится с историком и фольклористом М. Гастером, который предоставляет ему две неизвестные рукописи «Поучений Нягое Басараба»³⁸.

Вернувшись из Англии, Сырку работает в библиотеке чешского музея в Праге, а позднее предпринимает археологические исследования в Болгарии, у древней крепости Чепин³⁹.

Продолжительные и частые поездки за границу, напряженный труд, материальные лишения постепенно подрывали здо-

³⁵ См.: Центральный государственный исторический архив СССР, г. Ленинград (ЦГИАЛ), ф. 733, оп. 226, д. 74, л. 8.

³⁶ См.: ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 150, д. 1185, л. 197—198.

³⁷ См.: Сырку П. Заметки о славянских и русских рукописях в Оксфорде в Bodleian Library.— Изв. отд-ния рус. яз. и словесности императ. АН, 1902, т. VII, кн. 4, с. 325—345; 1907, т. XII, кн. 4, с. 87—140.

³⁸ См.: Сырку П. К вопросу о подлиннике поучений валашского господаря Иоанна Нягое к своему сыну Феодосию.— Там же, 1900, т. V, кн. 4, с. 1284. Несколько лет спустя после смерти П. Сырку А. И. Яцимирский, опубликовавший ряд трудов своего предшественника, привел в порядок часть его материалов, касающихся славянских и русских рукописей Британского музея в Лондоне и опубликовал их.— См.: Славянские и русские рукописи Британского музея в Лондоне: Посмертный труд П. Сырку, изданный под наблюдением и с предисловием А. И. Яцимирского.— Сб. отд-ния рус. яз. и словесности императ. АН, 1908, т. 84, № 4, с. 1—86.

³⁹ См.: Сырку П. Старинная Чепинская крепость у с. Доркова и два византийские рельефа из Чепина /в Болгарии/.— Византийский временник, 1898, т. V, вып. 4, с. 603—617.

ровые П. Сырку. Это заставляло его несколько раз обращаться в Министерство народного просвещения за материальной помощью для поправки здоровья.

В начале 1900 г. Петербургский университет объявил конкурс на замещение должности профессора кафедры славянской филологии. В нем приняли участие три претендента: Р. Ф. Брандт, П. А. Лавров и П. А. Сырку. С разницей в два голоса в конкурсе победил П. А. Лавров⁴⁰.

П. Сырку остался без постоянной работы, оказавшись под угрозой материальных лишений. В этой ситуации его бывшие коллеги А. Н. Веселовский, В. И. Ламанский и другие выступили с ходатайством перед Министерством народного просвещения об открытии в университете кафедры романских языков, которая была закрыта по неизвестным причинам⁴¹. Ходатайство было принято и во главе кафедры стал П. Сырку. С 1 января 1901 г. он возобновил чтение курса по румынскому языку⁴².

Наряду с преподавательской работой Сырку продолжает изучение истории культуры и литературы южных славян под углом отношений со средневековой культурой и литературой других балканских народов. По просьбе студентов историко-филологического факультета П. Сырку обращается к декану факультета с просьбой разрешить чтение курса по истории болгарской литературы⁴³.

При Петербургском университете постепенно создается и утверждается школа славистов. Из блестящей плеяды представителей славянской филологии назовем А. И. Соболевского, П. А. Лаврова, В. И. Ламанского, В. Н. Перетца, А. А. Шахматова и др.⁴⁴ Рядом с ними трудились и наши земляки-слависты П. А. Сырку и А. И. Яцимирский, внесшие значительный вклад в развитие русской славистики.

Первые итоги научных достижений славистов были подведены только в 1903 г. (10—15 апреля), когда в Петербурге состоялся первый предварительный съезд филологов-славистов, в работе которого принял активное участие и П. Сырку⁴⁵.

В последние годы жизни здоровье ученого значительно ухудшилось. Усугубились материальные трудности, которые преследовали его на протяжении всей жизни. В одном из писем П. Сырку к А. И. Соболевскому говорится об исключительно трудном положении, в котором автор письма находился вот уже несколько лет: «Положение мое теперь до невозмож-

⁴⁰ См.: ЛГИА, ф. 14, оп. 2, д. 1384, связка 503, л. 50.

⁴¹ См.: ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 226, д. 74, л. 23—24.

⁴² См.: ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 8355, л. 226.

⁴³ См.: Там же, оп. 27, д. 626, л. 69.

⁴⁴ См.: Славяноведение в дореволюционной России: Библиогр. словарь.— М., 1979.

⁴⁵ См.: Материалы по организации предварительного съезда русских филологов, апрель, 1903 г.— ЛОААН, ф. 134, оп. 1, д. 423, л. 47.

ности тяжелое и продолжить или переносить его нет никакой возможности. Откровенно говорю Вам, что не редки дни, в которые я могу оставаться без обеда... Эти обстоятельства отнимают у меня массу времени и сил, вследствие чего нет возможности у меня работать правильно и сколько могу... это меня весьма утомляет и вредно действует на здоровье и настроение»⁴⁶.

В конце 1903 г. Сырку с серьезно расшатанной нервной системой был положен в больницу. Его семья, довольно многочисленная, терпит большие материальные лишения, так как университетские власти не удосужились ни выплатить больному зарплату, ни назначить какую-нибудь пенсию. Один из его преданных коллег, А. М. Жданов, обращается в Министерство финансов с просьбой назначить П. Сырку пенсию по болезни. В заявлении читаем: «Положение этого человека и его семейства поистине ужасно»⁴⁷. Благодаря этому ходатайству, а также в результате многочисленных униженных хождений по инстанциям жены больного ученого Агнии Ивановны, была добыта пенсия размером 1000 рублей в год⁴⁸.

В 1904 г., почувствовав себя несколько лучше, Сырку совершает новую поездку по родным местам Бессарабии. Но вскоре после этого, вернувшись в Петербург, ученый снова попадает в больницу нервных болезней доктора А. Бари, в которой и скончался 23 июня 1905 г. Его похоронили на Смоленском кладбище в Петербурге. В некрологе, подписанном Е. Ф. Карским и опубликованном в третьем номере журнала «Русский филологический вестник» за тот же год, о П. Сырку говорилось с похвалой, а его вклад в развитие филологической науки признавался значительным.

Действительно, несмотря на то, что жизнь П. Сырку оказалась относительно непродолжительной, неустроенной и беспокойной, он оставил после себя богатое научное наследие, ценное фактологическим содержанием, источниковедческим разнообразием, обширной информацией по истории, культуре и литературе южных славян. Немалая часть этих материалов прямо или косвенно связана с молдавской культурой. Такие, к примеру, работы, как «Святочные обычаи и песни у бессарабских молдаван на Рождество и Новый год» (1874), «Путешествие румынских ученых по славянским землям» (1880), «Значение румыноведения для славянской науки» (1884), «Николай Спафарий до приезда в Россию» (1889), «Остатки славянской литературы в Молдавии» (1882), «Новый взгляд на жизнь и деятельность Григория Цамблака» (1884), «Николай Спафарий» (1885), «Из истории сношений русских с румынами» (1896) и другие, убедительно показывают интерес П. Сырку к

⁴⁶ ЛОААН, ф. 176, оп. 2, № 442, л. 16—17.

⁴⁷ ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 8355, л. 302.

⁴⁸ Там же, л. 304.

молдавскому фольклору и древней молдавской литературе, к проблеме взаимоотношений между романскими и славянскими языками.

П. Сырку, по словам русского филолога В. И. Ламанского, был настоящей ходячей энциклопедией, богатым источником информации для многих университетских преподавателей в тех случаях, когда им была необходима консультация по географии, истории, этнографии и литературе балканских народов.

Признание заслуг П. Сырку было выражено и в печати Бессарабии. Неизвестно, кому принадлежат эти слова, но они были написаны тепло и с уважением к памяти умершего. Вот лишь несколько строк из тогдашних кишиневских газет: «На днях Бессарабия потеряла одного из своих талантливых сынов — П. А. Сырку, экстраординарного профессора С.-Петербургского университета. Не многие бессарабцы знали или слышали что-нибудь о своем земляке, известном ученом, научные труды которого создали ему имя не только в России, но и в ученом мире Европы. Скромный, поглощенный своими работами, он избегал всего, что создает шум вокруг имени, и поэтому, обращаясь к нам за теми или иными справками по интересовавшим его вопросам, или сообщая какие-нибудь сведения, он скрывал свою фамилию»⁴⁹. Далее газета сообщала, что центральная русская пресса высоко оценила научную деятельность П. Сырку, со смертью которого русская наука понесла тяжелую утрату. Анонимный автор некролога обращался с призывом к тем, кто лично знал П. Сырку или что-либо о нем, сообщить об этом в редакцию газеты. «Это будет лучшим венком бессарабцев на могилу талантливого земляка, — читаем в том же некрологе, — хотя было бы еще лучше, если бы мы поставили на его могиле в Петербурге хоть скромный памятник...»⁵⁰.

Этот призыв не остался без откликов. Сразу же после обращения в нескольких номерах кишиневской газеты появились заметки о жизни Полихрония Сырку. Те, кто великодушно делился своими воспоминаниями о беспокойной жизни своего известного земляка, выражали в то же время желание соорудить на могиле неутомимого ученого памятник как символ уважения и любви молдаван к своему земляку⁵¹.

Мы затронули лишь некоторые аспекты научной деятельности П. Сырку, одного из немногих филологов конца XIX — начала XX в., понявших значение сравнительного изучения славянских и романских языков.

⁴⁹ Полихроний Агапиевич Сырку: Некролог. — Друг, 1905, 1(14) июля.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ См.: Друг, 1905, июль, № 68, 71.

Бывая в Ленинграде, автор несколько раз пытался разыскать место вечного покоя П. Сырку, но безуспешно. Таким образом, пока неизвестно, осуществилось или нет благородное намерение земляков ученого поставить на его могиле надгробный памятник.

Превосходный знаток славянских языков, П. Сырку скрупулезно изучил документы и рукописи, касающиеся истории Балканских стран. Именно он постоянно настаивал на необходимости создания в Петербургском университете кафедры романских языков. Популяризируя достижения молдавской культуры и литературы, П. Сырку стремился вызвать у русских ученых интерес к изучению духовных богатств молдавского народа. Что касается филологической науки, то в этой области П. Сырку занял одно из достойных мест среди представителей русской славистики дореволюционного периода.

Глава 8

Молдавско-славянские культурные и литературные связи в наследии А. И. Яцимирского

Александр Иванович Яцимирский (1873—1925)¹ был активным популяризатором молдавской культуры и литературы в России конца XIX — начала XX в. Интересовавшийся теми же научными проблемами, что и П. Сырку, он осуществил многие из оставшихся нереализованными замыслов своего соотечественника.

А. И. Яцимирский учился на историко-филологическом факультете Московского университета, студенты которого слушали лекции известных русских филологов А. И. Соболевского, Р. Ф. Брандта, Ф. Е. Корша, Ф. Ф. Фортунатова и др. Атмосфера научной жизни рано пробудила в Яцимирском интерес к исследовательскому труду. Еще студентом он становится увлеченным коллекционером древних славянских документов и рукописей, активно участвует в работе университетских научных кружков, выступает с докладами и сообщениями, свидетельствующими о его незаурядном таланте исследователя.

Первое выступление А. И. Яцимирского в печати относится ко времени его учебы в Кишиневской гимназии. В кишиневской газете «Бессарабский вестник», издававшейся в 80—90-е гг.

¹ Яцимирский А. И. родился 30 августа 1873 г. в с. Байрамча Аккерманского уезда (ныне с. Николаевка-Малороссийская Одесской области УССР). Детство ученого прошло в с. Ганчешты (ныне г. Котовск, МССР), куда был переведен по службе его отец. В 1882—1893 гг. Яцимирский учился во Второй Кишиневской гимназии; одним из его учителей был украинский писатель И. С. Нечуй-Левницкий.— См.: Дело студента А. Яцимирского.— Центральный государственный архив, г. Москва (ЦГАМ), ф. 418, оп. 307, д. 972, л. 42—43.

прошлого века, он опубликовал цикл статей под общим заглавием «Древности по берегам Днестра». Первая статья появилась 17 декабря 1892 г.

Статьи цикла представляют собой своего рода путевые заметки о путешествии по обоим берегам Днестра с целью посещения древних монастырей, церквей и других архитектурных памятников, а также мест, связанных с какими-либо историческими событиями. Путешествовал Яцимирский один или в сопровождении своего близкого друга П. Кондрацкого, искусного фотографа. Именно Кондрацкий, как об этом расскажет позже сам Яцимирский², обучил будущего слависта фотографированию, что в дальнейшем помогло будущему ученому воспроизводить древние документы и рукописи для их последующего палеографического изучения³. Впоследствии Яцимирский не раз возвратится к записям, сделанным во время этих путешествий. И хотя это были в основном простые впечатления любознательного, но еще неопытного юноши, тем не менее в них содержалась и ценная информация о древних крепостях на Днестре, о монастырях и пещерах, вырубленных в камне, об археологических открытиях и т. д. Основным импульсом своих путешествий сам Яцимирский считал интерес к археологии и этнографии⁴. В понятие этнография он включал и фольклор, поэтому при каждом удобном случае записывал услышанные легенды, суеверия, обычаи, песни и сказки. Они оживляли путевые записи и поныне представляют немалый интерес для молдавских фольклористов и исследователей молдавско-русских литературных и фольклорных связей.

Ранние статьи Яцимирского, хотя и неравноценные как по стилю, так и по содержанию, положили начало той обширной научной и литературной деятельности, которой он посвятит всю свою жизнь.

В студенческие годы А. И. Яцимирский подготовил к изданию большую двухтомную работу, в которой подробно описывалось богатое собрание рукописей и древностей историка П. И. Щукина⁵. В этот же период (с 1893 по 1899 г.) им было написано свыше 30 статей и рецензий, увидевших свет в «Русском архиве», «Известиях отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук», «Записках Московского университета по историко-филологическому факультету», «Древностях славянской комиссии Московского археоло-

² Яцимирский А. И. С камерой по Днестру: Из дорожного дневника.— Фотогр. обозрение, 1901, № 12, с. 457.

³ См.: Яцимирский А. И. Фотография в применении к славяно-русской палеографии.— Фотогр. обозрение, 1901, № 4, с. 123—128; № 5, с. 166—172.

⁴ Яцимирский А. И. С камерой по Днестру: Из дорожного дневника.— Фотогр. обозрение, 1901, № 12, с. 462.

⁵ Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина (Составил А. И. Яцимирский.— Вып. I. М., 1896; вып. II. М., 1897).

гического общества», «Этнографическом обозрении» и других известных русских изданиях⁶.

Во время летних каникул молодой исследователь собирал грамоты, записи, купчие крепости и другие рукописные памятники древней молдавской культуры и литературы. Это было вызвано не только его интересом к разысканию и исследованию неизвестных еще древних документов, но и стремлением пополнить семейную коллекцию рукописей, которую Яцимирский будет собирать на протяжении всей своей жизни⁷.

Успешно завершив учебу в университете (ему был вручен диплом первой степени⁸), А. И. Яцимирский активно включился в научную жизнь, установил связи с известными русскими и зарубежными учеными-филологами, о чем свидетельствует обширная переписка ученого, хранящаяся в архивных фондах Москвы, Ленинграда, Киева и остающаяся за незначительным исключением и по сей день неисследованной⁹.

В 1899 г. Академия наук направила А. И. Яцимирского в научную командировку в страны Балканского полуострова для разыскания и изучения славянских документов и рукописей, хранящихся в этих странах. Яцимирский собрал богатый материал, на основе которого написал ряд статей, опубликованных в русских центральных изданиях. Работа «Из славянских рукописей», увидевшая свет в «Записках Московского университета по историко-филологическому факультету», привлекла внимание специалистов¹⁰ и получила у них высокую оценку. Так, например, профессор Новороссийского университета А. Кочубинский писал Яцимирскому: «С глубокою признательностью я получил Вашу интересную книгу «Из славянских рукописей» и с полным интересом я ее прочел. В наших работах явно чувствовался пробел: слабое внимание к славянским

⁶ См.: Матковски А. А. И. Яцимирский: Биобиблиогр. справочник.—Кишинев, 1979.

⁷ Более подробно об этой коллекции см.: Матковски А. Презенте молдовенешти ын публикации русе дин ании 1880—1905.—Кишиневу, 1976, п. 40, а также вышеупомянутый биобиблиографический справочник «А. И. Яцимирский», с. 9.

⁸ См.: ЦГАМ, ф. 418, оп. 307, д. 972, л. 2.

⁹ Переписка Яцимирского с учеными славянских стран лишь частично использована в работе: Витт В. В. О связях А. И. Яцимирского с культурными деятелями славянских стран.—В кн.: Из истории связей славянских литератур.—М., 1959, с. 150—158. Между тем глубокое изучение переписки ученого могло бы дать исключительно интересные материалы в области молдавско-русских культурных и литературных связей.

¹⁰ На работу Яцимирского появились рецензии в русской и зарубежной печати. См.: Ист. вестник, 1899, т. 72, сентябрь, с. 1013. К. Radcenko. Einige Bemerkungen Zur neugefundenen Abschrift des Lebens des heil. Barbar in bulgarischer Uebersetzung. А. I. Iascimirschiy. Из славянских рукописей. Тексты и заметки.—М., 1898.—Archiv für Slavische Philologie, 1900, t. 22, s. 575—594.

рукописям Молдавии и Валахии. Вашими трудами Вы заполняете его...»¹¹.

В эти же годы А. Яцимирский решает написать обширную монографию о жизни и деятельности известного болгарского книжника Гр. Цамблака, замысел которой был ему подсказан буковинским историком Е. И. Калужняцким. Так, в письме от 15 февраля 1899 г. Калужняцкий писал, что был бы очень рад, если бы он (А. Яцимирский.— А. М.) продолжил начатое им исследование жизни и деятельности Цамблака. «Было, правда, время, что я думал собрать и издать все сочинения Гр. Цамблака по тому же плану, что и сочинения Евфимия (Терновского), но я отступил от этого намерения. Тем более рад был бы теперь, если бы, положим, Вы захотели быть преемником моей мысли. Пребывая в Москве, Вы могли бы исполнить этот труд, как говорится, припевая, между тем как для меня он был сопряжен с большими препятствиями и заботами. Извольте подумать об этом и при случайности сообщить мне свое мнение...»¹².

А. И. Яцимирский принял предложение Е. И. Калужняцкого и немедленно приступил к работе. На протяжении нескольких лет он изучал литературу об эпохе, в которую жил и творил болгарский писатель кропотливо работал над документами. В результате в 1904 г. вышла в свет одна из наиболее значительных монографий о Гр. Цамблаке. Спустя два года, пересмотренная и дополненная новыми документами, монография была представлена в качестве диссертации на звание магистра славянской филологии.

Ученый совет Казанского университета на своем заседании от 20 апреля 1906 г. дал высокую оценку труду А. И. Яцимирского¹³ и по предложению официального оппонента профессора А. И. Александрова автору монографии о Гр. Цамблаке тогда же была присуждена ученая степень доктора славянской филологии¹⁴. Работа же, по предложению профессора П. А. Лаврова и других видных русских ученых, была выдвинута на соискание премии им. Ломоносова¹⁵.

Несколько позже вокруг монографии развернулись оживленные споры, в ходе которых высказывались различные мнения. В центральной русской печати были опубликованы мно-

¹¹ Из письма А. Кочубинского к А. Яцимирскому от 5 февраля 1899 г.— Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ) ф. 584, оп. 1, д. 121.

¹² Из письма Е. Калужняцкого.— ЦГАЛИ, ф. 584, оп. 1, д. 100.

¹³ См.: Формулярный список А. Яцимирского.— ЦГИАЛ, ф. 740, оп. 19, д. 44, л. 43.

¹⁴ См.: Александров А. И. О трудах А. И. Яцимирского по славянской филологии: Отд. оттиск из «Учен. зап. императ. Казан. ун-та».— Казань, 1906.

¹⁵ См.: Лавров П. А. Яцимирский А. И. Григорий Цамблак, очерк его жизни и деятельности.— Сб. отд-ния рус. яз. и словесности императ. АН, 196, т. 80, с. 40.

гочисленные рецензии¹⁶, в том числе и написанные известными учеными-филологами П. А. Лавровым, В. Н. Перетцем, К. Ф. Радченко, А. И. Александровым, Е. Ф. Карским и др.

Монография А. Яцимирского, в которой на 500 страницах детально освещается жизнь и деятельность Гр. Цамблака, и в наши дни не утратила своего значения¹⁷. Современные историки Молдавии по достоинству оценили основательность и глубину, с которыми исследована творческая биография одного из наиболее интересных деятелей молдавской культуры начала XV в., разнообразие и богатство архивных материалов, впервые введенных Яцимирским в научный оборот¹⁸. Обширен фактический материал монографии. Это объясняется тем, что исследователь владел как русским, так и молдавским языками и мог использовать рукописи, документы, написанные на обоих языках, а также научные работы о Гр. Цамблаке, вышедшие к тому времени в балканских странах. Между тем этой возможности были лишены другие романисты и слависты тех лет.

В 1903 г. А. И. Яцимирский переехал на постоянное жительство в Петербург и целиком посвятил себя научной деятельности. Он активно сотрудничал в журналах «Русская мысль», «Исторический вестник», «Славянские известия», «Вестник иностранной литературы», «Русская старина», «Русский филологический вестник», а также в газетах, предлагая вниманию читателя интересные публикации научного характера, многочисленные заметки, рецензии на исторические, литературные, критические и фольклористические издания, которые появлялись в эти годы. Ученый постоянно информировал широкую русскую общественность о научных новостях в Дунайских странах. К столь активной публицистической деятельности Яцимирского побуждали не только постоянная жажда знаний и стремление распространять эти знания в широких массах, но и материальные условия. Труд публициста, популяризаторскую работу он считал столь же необходимой, как и собственно исследовательский труд. Это подтверждает А. Д. Силин. Яцимирский, отмечал он, «никогда не относился с презрением к работе популяризатора и не исключал из общего списка своих работ статьи журнального характера». Далее А. Д. Силин при-

¹⁶ См.: *Матковски А. А. И. Яцимирский: Бнобнблногр. справочник.*— с. 11, 25.

¹⁷ Специалисты, занимающиеся изучением периода, в который жил и творил Гр. Цамблак, и особенно исследованием деятельности этого писателя, вошедшего в историю болгарской, русской и молдавской культуры, считают работу Яцимирского краеугольным камнем в разработке данных вопросов. См.: *Голенищев-Кутузов И. Славянские литературы: Статьи и исследования.*— М., 1973, с. 29—34; *Русев П. и Давидов А. Григорий Цамблак в Румыния и в старата румынска литература.*— София, 1966; Похвально слово за Евтимий от Григорий Цамблак.— София, 1972.

¹⁸ См.: *Гросул Я. С., Мохов Н. А. Исторнография Молдавии.*— В кн.: *Очерки истории исторической науки в СССР*, т. 3.— М., 1963, с. 658.

водит слова самого А. И. Яцимирского, который в 1905 г. писал: «Я горжусь, что человек, написавший до 300 печатных листов вполне научных исследований и материалов в издании Академии наук, университетов, ученых обществ и т. д. — был принужден материальными условиями писать в газетах, дешевых изданиях, журналах, изданиях для народа, вроде сытинских и т. д.»¹⁹

Подобно своим предшественникам и соотечественникам А. Хыждеу, Я. Гинкулову, П. Сырку и другим, А. Яцимирский считал своим долгом популяризировать молдавскую культуру и литературу среди русских читателей. Он внимательно следил за всем, что выходило в Молдавии в области изучения славянских текстов, и публиковал в русской печати информации о новых исследованиях и рецензии на них. Благодаря этому русские слависты имели возможность познакомиться с новейшими научными достижениями ученых в исследовании древнеславянской культуры и литературы²⁰. Изучая древнюю литературу южных славян, он неоднократно подчеркивал влияние славянской культуры на средневековую молдавскую культуру. Славянской эпохе в истории молдавской культуры и литературы А. И. Яцимирский посвятил ряд исследований²¹, в которых использован богатый документальный материал, мало изученный или вообще до этого неизвестный.

¹⁹ *Силин А. Д.* Профессор Александр Иванович Яцимирский. — Зап. Сев. — Кавказ. Краевого о-ва археологии, истории и этнографии. — Ростов н/Д, 1928, кн. I, т. 3, вып. 3—4, с. 60.

²⁰ См. информацию о труде Б. П. Хашдеу. *Etymologicum Magnum Romaniae*. т. III, — Этногр. обозрение, 1896, № 2—3, с. 228—239, а также: Яцимирский А. Новый труд по старой славянской библиографии / *Bibliografia românească veche, 1508—1830 de Ioan Bianu și Nerva Hodoș, Fascicola I. Buc., 1898/*. — Изв. отд-ния рус. яз. и словесности императ. АН, 1898, т. 3, кн. 4, с. 1051—1071; Яцимирский А. Изв. отд-ния рус. яз. и словесности императ. АН, 1906, т. 2, кн. 4, с. 416—430.

²¹ См.: Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV—XVII вв.: Введение к изучению славянской литературы у румын; Тырновские тексты молдавского происхождения и заметки к ним. — Спб., 1906; Румыно-славянские очерки, ч. I. Язык и этнография. 1903, ч. II: Румынская история и культура, 1905; Славянские и русские рукописи румынских библиотек. — Спб., 1905; Значение румынской филологии для славистики и романских изучений. — Журнал М-ва нар. просвещения. (В дальнейшем — ЖМНП), 1908, сент., т. 17, № 9 с. 121—142; Шестнадцать рукописей молдавского письма XV—XVII вв. — Изв. отд-ния рус. яз. и словесности императ. АН, 1908, т. 3, кн. 2, с. 194—201; Славяно-молдавская летопись монаха Азария. — Там же, кн. 4, с. 23—80; Славянские заимствования в румынском языке как данные для вопроса о родине румынского племени. — В кн.: Сборник статей, посвященных почтеннейшему академику и заслуженному профессору В. И. Ламанскому по случаю 50-летия его ученой деятельности. — Спб., 1908; Язык славянских грамот молдавского происхождения. — Спб., 1904; Романский митрополит Макарий и новооткрытая его славяно-молдавская летопись 1541—1551 гг. — ЖМНП, 1909, май, ч. 21, с. 133—167; Славянские рукописи Нямецкого монастыря в Молдавии. — В кн.: Древности: Тр. славян. комиссии императ. Москв. археол. о-ва (Под ред. П. А. Лаврова. — М., 1898, т. 2, с. 1—109).

Наиболее значительным из этих исследований является труд «Славянские и русские рукописи румынских библиотек» (1905), с интересом и одобрением встреченный русскими славистами²² и сделавший доступными для исследователей свыше 300 рукописей, большая часть которых была подвергнута тщательному анализу с точки зрения содержания и стиля. Появлению этой книги предшествовали десятки статей, в которых рассказывалось о многих славянских рукописях. Одни из них были открыты и впервые описаны самим А. И. Яцимирским, о существовании других славистам было известно ранее, но в самых общих чертах — по информативным каталогам или библиографическим указателям, которыми располагали архивы и библиотеки того времени. В значительной степени неизвестным был и материал рассматриваемой работы. В ней, на основе характеристики внешнего вида рукописи (формата, письма и т. д.), А. И. Яцимирский определял время появления данной рукописи, обнаруживая при этом широкую эрудицию в области истории, литературы, палеографии и археологии. Ученый не ограничивался простым описанием рукописей, а давал научную характеристику культуры того периода, к которому относится появление изучаемых документов.

Вот почему в этой работе А. И. Яцимирского (как, впрочем, и в других) целые страницы посвящены истории, культуре и литературе народов Молдавии и Валахии, а также обзору политических и экономических отношений Дунайских княжеств с соседними народами.

Появление столь полного описания славянских и русских рукописей, ставшего благодаря своей обширности и научной достоверности одним из лучших пособий в палеографических исследованиях, было событием не только для славистов, но и для историков древней культуры вообще.

О работе А. И. Яцимирского лестно отзывался, например, русский филолог Х. Лопарев²³, выступивший с предложением присудить Яцимирскому за рассматриваемый труд большую Ломоносовскую премию.

Другой известный русский ученый, академик В. Н. Перетц в своей рецензии отмечал, что «было время, когда «описания рукописей» появлялись в печати очень редко... Но последние годы минувшего столетия ознаменовались таким расцветом в области источниковедения славянской и русской литературы, что за немного лет можно насчитать значительное количество почтенных трудов, посвященных каталогизации старых памятников письма и языка... В ряду этих трудов, без сомнения, займет видное место капитальный труд молодого слависта,

²² Рецензии на эту кн. см.: Матковски А. А. И. Яцимирский: Биобиблиогр. справочник, с. 28.

²³ См.: Лопарев Х. Разбор книги А. И. Яцимирского «Славянские и русские рукописи румынских библиотек». — Спб., 1905. — Сб. отд-ния рус. яз. и словесности императ. АН, 1907, т. 82, № 3, с. 38—53.

стяжавшего себе уже давно имя знатока юго-славянской и славяно-румынской литературы»²⁴. В заключение автор писал: «...можем приветствовать появление нового труда г. Яцимирского, обнаруживающего у автора его громадную начитанность, разнообразную эрудицию в области истории, литературы и археологии и трудолюбие, не знающее утомления. Для г. Яцимирского рукопись — не только памятник литературы и языка, но и показатель разных сторон культурной жизни народа. Ряд культурно-исторических и палеографических наблюдений автор книги собрал в «Введении»; оно в настоящее время является лучшим сводом всего, что мы знаем о молдавских рукописях, и прекрасным пособием в этой области палеографии»²⁵.

Именно благодаря труду молодого слависта впервые появляется в России относительно полное описание славянских рукописей, хранившихся в Агапиевском, Нямецком монастырях, в библиотеке Национального Музея Бухареста и т. д.

Составленный А. И. Яцимирским каталог славянских рукописей не потерял своего значения и для современной науки. За годы, прошедшие с момента появления каталога, многие славянские рукописи внешне значительно изменились, исчезли отдельные их листы, а это обстоятельство, естественно, делает незаменимым каталог А. И. Яцимирского, потому что в нем соответствующие древние документы были зафиксированы в их, так сказать, первоизданном виде²⁶.

Вклад А. И. Яцимирского в развитие русской славистики неоднократно отмечали его современники. Тепло отзывался о А. И. Яцимирском, например, декан филологического факультета Казанского университета А. И. Александров²⁷. Исследования ученого слависта не потеряли своего значения до сих пор. Историки и филологи наших дней высоко оценивают работы Яцимирского в области изучения древних литературных памятников, написанных на славянском языке²⁸.

Вопросам романо-славянских языковых отношений А. И. Яцимирский уделял меньше внимания, но полностью игнорировать их он, как и его предшественник П. Сырку, не мог. А. И. Яцимирский говорил о необходимости сотрудничества романистов и славистов, о том, что исследователи, изучаю-

²⁴ См. рецензию В. Н. Перетца на работу Яцимирского «Славянские и русские рукописи...» — ЖМНП, 1906, февр., ч. I, с. 332.

²⁵ Там же, с. 344.

²⁶ К услугам каталога Яцимирского обратился, например, румынский историк П. Панантеску, первый том каталога славянских рукописей которого появился в 1959 г.

²⁷ См.: Александров А. И. Указ. соч.

²⁸ См.: Бернштейн С. Б. Разыскания в области болгарской исторической диалектологии, т. I. Язык валахских грамот XIV—XV вв. — М.—Л., 1948, с. 43; Fodor E. Cercetările lingviștilor ruși și sovietici despre relațiile lingvistice slavo-române. — Romanoslavica, VI, Buc., 1962, p. 221—233; Руссов Е. М. Кротография молдовеняскэ дин вякуриле XV—XVIII. — Кишинэу, 1977 и др.

щие славянский период в истории древней литературы Балканских стран, должны знать древнеславянский язык. Он считал, что без глубокого знания славистики невозможно изучать древнюю молдавскую литературу. Развитие романистики, таким образом, ставилось в прямую зависимость от глубокого знания славянского языка, что было главной проблемой для молдавских филологов прошлого века.

Научные интересы А. И. Яцимирского не ограничивались молдавской культурой и литературой древнего периода. Он также изучал устное народное творчество, современную ему молдавскую литературу. Еще в студенческие годы А. И. Яцимирский опубликовал большую статью о «разбойниках», т. е. о гайдуках Бессарабии²⁹. В этой статье были использованы многочисленные народные песни и легенды о подвигах народных мстителей Бужора, Кодряну, Тобултока, услышанные им у молдавских крестьян. Следует, однако, отметить, что неопытность и политическая незрелость молодого исследователя не позволили ему дать правильную социально-классовую оценку гайдуцкого движения в Молдавии. Неосвященными остались причины возникновения и ход этого движения. Для современных исследователей народного творчества работа молодого А. И. Яцимирского ценна прежде всего богатым фактическим материалом, собранным семь-восемь десятилетий тому назад.

Благодаря А. И. Яцимирскому русский читатель начала XX в. смог познакомиться с наиболее интересными молдавскими сказками, которые ученый не только тщательно подобрал из различных фольклорных сборников, записал в молдавских селах, но и перевел на русский язык, обнаружив при этом незаурядное художественное мастерство и писательский талант³⁰.

В качестве переводчика А. И. Яцимирский будет выступать и в последующие годы. Специалистам известны его переложения из сербской литературы (Я. Веселинович, Р. Доманович, С. Матавуль, Л. Лазаревич, П. Маркович-Адамов)³¹, из польской (С. Жеромский), а также переводы произведений отдельных румынских писателей (А. Влахуцэ, Н. Гане, И. Славич)³².

В Петербурге А. И. Яцимирский преподавал русский язык сначала в одной из городских гимназий, затем в реальном училище³³. В то же время он был действительным членом Лингвистической секции при Академии наук. На заседании секции

²⁹ Яцимирский А. И. Разбойники Бессарабии в рассказах о них.—Этногр. обозрение, 1896, № 1, с. 54—90.

³⁰ Сказочные сокровища забытого уголка.—М., 1902; 2-е изд.—М., 1908.

³¹ См.: Белаяева Ю. Д. Литературы народов Югославии в России, последняя четверть XIX — начало XX в.—М., 1979, с. 261—262.

³² См.: Матковски А. Яцимирский А. И.: Библиогр. справочник.—Кн. шнев, 1979, с. 92—93.

³³ См.: Формулярный список преподавателя А. Яцимирского.—ЦГАЛ. ф. 740, оп. 12, д. 44, л. 42—43.

5 ноября 1903 г. А. И. Яцимирский выступил с докладом о славянских элементах в языках романского происхождения, обратив внимание слушателей прежде всего на важность знания этих языков славистами. На примере древних рукописей и печатных книг XIV—XVII вв., а также богатого фольклорного материала, собранного им самим, Яцимирский показал обилие славянских элементов в румынском языке³⁴.

Протоколы заседаний Лингвистической секции свидетельствуют, что А. И. Яцимирский часто информировал русских филологов о новейших научных достижениях в области романистики, доказывал важность сравнительного изучения славянских и романских языков³⁵. На заседании той же секции 27 октября 1904 г. А. И. Яцимирский подверг детальному анализу язык славянских документов молдавского происхождения. По мнению докладчика, язык этих документов представляет собой конгломерат особенностей, характерных для русского, белорусского, польского, болгарского, украинского языков.

Несмотря на то, что А. И. Яцимирскому не всегда возмещались командировочные расходы, он продолжает за свой счет изучать библиотечные и архивные фонды Болгарии, Сербии, Австро-Венгрии, Германии и Румынии, собирая все, что относилось к средневековой славянской культуре.

В «Известиях отделения русского языка и словесности императорской Академии наук» А. Яцимирский открыл рубрику «Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературам». Под этой рубрикой он опубликовал десятки статей по самым разным вопросам древней болгарской, сербской, польской и молдавской культуры и литературы, а также апокрифические, фольклорные, религиозные, исторические и литературные тексты с его комментариями — всего около ста названий.

К бесспорным заслугам Яцимирского относится возобновление им работы кафедры романистики историко-филологического факультета Петербургского университета, на которой в течение нескольких лет работал, как известно, и П. Сырку.

Осенью 1906 г. А. И. Яцимирский начал читать на этой кафедре «Курс румынского языка в сравнении со славянскими и романскими языками»³⁶. Эрудиция молодого ученого, страсть и увлеченность, с которыми он читал лекции, привлекали не только студентов историко-филологического факультета.

³⁴ См.: Протоколы заседаний Лингвистической секции.— Ленинградское отделение архива Академии наук СССР (ЛЮААН СССР), ф. IV, оп. 24, д. 5, л. 67—69.

³⁵ Там же, л. 49—71.

³⁶ См.: О допущении к чтению лекций Яцимирского в Санкт-Петербургском университете по истории новой польской литературы и румынского языка.— ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 10017, 1906 г.

Его приходили слушать и такие известные филологи, как академик Ф. Корш, бывший преподаватель Яцимирского в Московском университете и др.³⁷

В то же время А. И. Яцимирский редактирует и завершает отдельные работы П. А. Сырку, оставшиеся в рукописях. «Академия наук,— писал он профессору Киевского университета Т. Д. Флоринскому,— поручила мне допечатать и снабдить предисловиями работы П. Сырку...»³⁸ А. И. Яцимирский действительно был наиболее подходящей кандидатурой для выполнения этой ответственной задачи. Близкому к научным занятиям и интересам покойного ученого, знакомому с источниками, которыми тот пользовался, Яцимирскому удалось благополучно завершить редактирование трудов П. Сырку. Из письма Яцимирского к Агнии Ивановне, жене П. Сырку, от 5 ноября 1908г. можно узнать, что его работа не сводилась к простому редактированию. Он часто продолжал и развивал мысли ученого³⁹. Благодаря стараниям Яцимирского увидели свет несколько статей Сырку, оставшиеся в рукописи.

При всем своем авторитете в научном мире, автор многочисленных статей и исследований, в том числе и капитальных, А. И. Яцимирский не удостоился благосклонного отношения к себе со стороны Министерства народного просвещения. Более того, руководители этого ведомства относились к нему просто враждебно, мстя ученому за сочувственное отношение к революционным событиям 1905—1907 гг. Положение Яцимирского особенно осложнилось после 1908 г., когда вышла в свет его монография «Новейшая польская литература от восстания 1863 года до наших дней», написанная с прогрессивных позиций. С тех же позиций была написана и юбилейная статья о русском крестьянском поэте А. Кольцове. А. Яцимирскому, доктору славянской филологии, было запрещено преподавать в высших учебных заведениях из опасения, что он может заразить студентов идеями социализма⁴⁰. Реакционная газета «Новое время» начала на своих страницах настоящую травлю Яцимирского. В ней писалось, что он сочувствует идее отмены частной собственности и превращает свои лекции в революционные манифестации, тем самым разжигая страсти среди молодежи⁴¹. В адрес Яцимирского стали приходить оскорбительные письма от родителей отдельных учащихся реального училища. Его обвиняли в том, что он сеет в умах детей чуждые

³⁷ См.: Силин А. Д. Указ. соч., с. 55.

³⁸ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки АН Украинской ССР, ф. 3, № 21688.

³⁹ См.: ЛОААН СССР, ф. 134, оп. 1, д. 476, л. 169.

⁴⁰ См.: Переписка А. Яцимирского с В. Н. Перетцем.— ЦГАЛИ, ф. 1277, оп. 1, д. 97, л. 30.

⁴¹ Там же.

школьной программе идеи и требовали отстранить от преподавания «этого опасного элемента»⁴².

А. Яцимирскому грозила опасность остаться без средств к существованию. «Директор реального училища,— писал он В. Н. Перетцу 25 мая 1910 г., — перевел меня в младшие классы... считая «опасным» для старших. О литературных кругах и не говорю...»⁴³.

Царская цензура дошла до того, что конфисковала «Историю украинской литературы» Ивана Франко, выписанную А. И. Яцимирским из Львова⁴⁴. А. И. Яцимирский написал статью «Иван Франко — певец труда и борьбы». Она была опубликована в «Вестнике знания» в 1905 г. Статья подтвердила, что Яцимирский верен идеям социального прогресса.

Несмотря на трудности этих лет Яцимирский продолжает активную деятельность на благо науки⁴⁵. Он опубликовал ряд исследовательских работ, в числе которых были и касающиеся истории, культуры и литературы молдавского народа⁴⁶. В академических изданиях были напечатаны статьи по отдельным вопросам славянской филологии (славянские заимствования в молдавском языке и др.).

В этот же период Яцимирский написал статью о пребывании Пушкина в Бессарабии⁴⁷ и строго документированную биографическую статью о Николае Милеску для «Дневника путешествия...» этого крупного деятеля науки XVII в., горячего поборника укрепления молдавско-русских отношений. «Дневник путешествия...» готовился к публикации в Казани под редакцией Н. Ф. Катанова и А. И. Александрова⁴⁸.

А. И. Яцимирский, как об этом свидетельствуют архивные материалы, его переписка с русскими и зарубежными филологами, пользовался большим авторитетом в тогдашнем научном мире. Его имя было широко известно среди ученых и

⁴² См.: Письмо родителей учеников С.-Петербургского 3-го реального училища.— ЦГАЛИ, ф. 584, оп. 1, д. 279.

⁴³ ЦГАЛИ, ф. 1277, оп. 1, д. 97, л. 29.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ См.: Письмо А. Яцимирского к В. И. Ламанскому.— ЛОАН СССР, ф. 35, оп. 1, № 1638.

⁴⁶ См.: Шестнадцать рукописей молдавского письма XV—XVII вв. Погодинского древнехранилища.— Изв. отд-ния рус. яз. и словесности императ. АН, т. 3, кн. 2, 1908 с. 194—201; Славяно-молдавская летопись монаха Азария.— Там же, т. 13, кн. 4, с. 23—80; Язык славянских грамот молдавского происхождения.— Спб., 1910.

⁴⁷ Пушкин в Бессарабии, 20 сентября 1820—2 июля 1823.— В кн.: Библиотека великих писателей. Под ред. С. А. Венгерова.— Спб., 1908, с. 158—178. Это не единственная статья Яцимирского о Пушкине. Ему принадлежит также ряд исследований, статей и рецензий, в которых нашли освещение многие аспекты жизни и творчества великого русского поэта.— См. упоминавшийся библиографический справочник «А. И. Яцимирский».

⁴⁸ Николай Милеску-Спафарий: Оттиск из книги Н. Г. Спафария «Описание первой части вселенной, именуемой Азией...» — Казань, 1910.

писателей Болгарии, Венгрии, Чехии, Польши, Германии, Румынии.

Русские филологи считали, что А. И. Яцимирский достойно продолжает исследования тех научных проблем, которые поднимал в своих трудах П. Сырку. В. И. Ламанский, известный русский ученый и редактор журнала «Живая старина», писал в одном из своих писем к Яцимирскому: «...Пока что у нас (в России.— А. М.) один Сырку соединяет в себе знание румынского со славянскими языками...» и выражал надежду, что Яцимирский и есть как раз тот человек, который сумеет добиться новых успехов в исследовании проблем романо-славистики⁴⁹.

И действительно, благодаря упорному труду этого неутомимого деятеля в России первого десятилетия нашего века увидело свет множество материалов, посвященных древней молдавской культуре и литературе, литературному процессу в Молдавии и т. д. В то же время Яцимирский всячески поддерживал молодых исследователей проблем романо-славянской филологии, молдавско-русских культурных связей. Он был эрудированным консультантом по самым различным вопросам романистики, по древней славяно-молдавской литературе и современной литературе⁵⁰.

В 1910—1913 гг. А. Яцимирский вновь едет в Балканские страны для работы в библиотеках. В Сербии и Болгарии ему оказываются всяческие почести, местные академии наук созывают в его честь торжественные заседания, газеты печатают фотографии ученого и обширные статьи о его научной деятельности⁵¹.

Однако несмотря на большие заслуги перед русской славистикой, вплоть до 1913 г. Яцимирский не мог получить работу ни на одной из кафедр славистики. Он пытался выдвинуть свою кандидатуру то в Казанский, то в Киевский, то в Одесский университеты, но каждый раз возникали какие-либо препятствия. Наконец, летом 1913 г. А. Яцимирский был избран профессором кафедры славянской филологии Варшавского университета⁵². Осенью 1915 г. Варшавский университет перевели в Ростов-на-Дону. Здесь и прошли последние десять лет педагогической и научной деятельности А. И. Яцимирского.

На новом месте А. И. Яцимирский активно включился в общественную работу. Он был одним из организаторов краеведческого музея, членом Общества истории и древностей.

⁴⁹ ЦГАЛИ, ф. 584, оп. 1, д. 131.

⁵⁰ См.: Письма Чебану С., Самуряну Г., Келтуялэ В., Драгомира С. и др. к А. Яцимирскому, хранящиеся в ЦГАЛИ.

⁵¹ См.: *Силин А. Д.* Указ. соч., с. 57.

⁵² Государственный архив Ростовской области (ГАРО), ф. 46, оп. 3, д. 884, л. 65.

Несколько позже он выступил с предложением открыть археологический институт.

В этот период под эгидой Академии наук издается его капитальная работа «Апокрифы и легенды» — плод многолетнего упорного труда ученого.

В начале мая 1918 г. в Ростове-на-Дону был открыт Археологический институт, в организации которого первостепенную роль сыграл А. Яцимирский, проработавший в нем несколько лет — сначала преподавателем и ученым секретарем, а с октября 1920 г. — ректором⁵³.

В 1918—1920 гг. Яцимирский читал студентам-археологам следующие курсы: славяно-русскую палеографию, происхождение письменности, эволюцию первобытных верований, историческую этнографию юга России, историю славян, античную этнографию и археологию Донского края, методологию и критику текстов и др.

В первые же дни работы института Яцимирский прочитал будущим археологам лекцию о значении истории и археологии для социально-культурного строительства⁵⁴ и призвал слушателей серьезно изучать этот предмет.

Под руководством и при непосредственном участии А. Яцимирского для студентов Археологического института были составлены и изданы специальные программы. Они содержали серию вопросов, отвечая на которые студенты получали общее представление об историческом и культурном развитии различных областей Южной России, начиная с самых древних времен.

Действительный или же почетный член многих обществ истории, археологии и древностей в России и за рубежом, Яцимирский постоянно выступал на страницах изданий этих обществ с материалами информационного и научного характера по вопросам истории, древней культуры и литературы и т. д.⁵⁵

В 1920 г. А. И. Яцимирский становится по совместительству деканом в Новочеркасском педагогическом институте. Читая студентам историю славян, он также преподавал на рабфаке Ростовского университета, являлся председателем местного Общества истории и древностей. Параллельно продолжал научную деятельность. Помимо труда об апокрифах и легендах⁵⁶ и многочисленных статей в серии «Мелкие тексты и заметки по старинной южнославянской и русской литерату-

⁵³ ГАРО, ф. 49, оп. 1, д. 21, л. 42.

⁵⁴ Там же, д. 19 от 13 (26) мая 1918 г.

⁴⁵ Подробно об этом см.: Матковски А. Презенце молдовенешть ын публикации русе дин аний 1880—1905.— Кишинэу, 1976, п. 56—57; Яцимирский А. И.: Библиогр. справочник. Кишинев, 1979, с. 20—21.

⁵⁶ Апокрифы и легенды: К истории апокрифов, легенд и ложных мотивов в южнославянской и русской письменности.— Пг., 1915.— Вып. I. Апокрифы ветхозаветные.

рам», Яцимирский опубликовал в 1921 г. первый выпуск обзора славянских и русских рукописей, обнаруженных им во время работы в библиотеках Берлина, Дрездена, Лейпцига, Мюнхена, Праги и Люблина.

В последние годы жизни интерес Яцимирского к вопросам романистики значительно ослабел, основное внимание он уделял проблемам славянской филологии, истории и археологии. Тем не менее, один момент заслуживает особого внимания. В 1920/21 учебном году на историко-филологическом факультете Ростовского университета открылась кафедра романо-германских языков, на которой Яцимирский читал курс румынского языка⁵⁷. Таким образом, Яцимирский снова получил возможность применить на практике разносторонние и глубокие знания в области истории и древней культуры и литературы Молдавии и Валахии. На том же факультете Яцимирский читал курсы по истории Византии, истории новой польской литературы, общественного строя славянских народов, методологии изучения текстов литературных памятников, истории славянских литератур и др.

В начале 1922 г. Археологический институт в Ростове-на-Дону ликвидировали⁵⁸, но его создатели и руководители, в числе которых был и Яцимирский, настаивали на том, чтобы ликвидируемый институт превратить в самостоятельное отделение в составе вновь созданного педагогического факультета Ростовского университета. В то же время по инициативе бывших преподавателей Археологического института в Ростове-на-Дону создали Общество археологии и истории искусства. Среди наиболее активных членов общества был А. Яцимирский: из 14 докладов по вопросам истории, археологии, искусства и литературы, прочитанных в октябре — ноябре 1922 г. на заседаниях общества, шесть были представлены Яцимирским⁵⁹.

А. И. Яцимирский привлекал слушателей не только новизной излагаемого материала, но и мастерством его изложения. Многие из курсов, которые он читал на историко-филологическом, затем на педагогическом факультете Ростовского университета, приходили слушать и студенты других факультетов.

О личных качествах Яцимирского с теплотой рассказывал искусствовед А. Д. Силин, долгое время работавший с Яцимирским. «Для нас, имевших счастье лично знать А. И. Яцимирского, — писал Силин, — он останется навсегда таким, каким мы его встречали — одетым в старое и рваное платье,

⁵⁷ ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 65, л. 39, 43.

⁵⁸ Дело по ликвидации Донского археологического института. — Там же, ф. 49, оп. 1, д. 42, лл. 2, 5, 8.

⁵⁹ См.: Донское общество археологии и истории искусств. — Борьба классов, 1924, № 1—2, с. 384—386.

курящим махорку в своем кабинете, где полки книг доходят до самого потолка, а рядом ящик с черными сухарями и постель, разостланная прямо на полу. Припоминаются и другие стороны этой замечательной личности: его интерес к простым, незаметным людям, его умение говорить и обращаться с такими людьми, его способность не гнушаться никакой, самой черной работы. Помним, например, как он — заведующий музеем, сам красит в музее дверь, или, при переезде археологического института в другое помещение, на улице, без шапки, таскает на руках груды тяжелых книг и складывает их на подводы»⁶⁰.

Благодаря стараниям А. Яцимирского, Ростовский музей искусств и древностей, созданный также по его инициативе, становится ведущим центром краеведения юго-восточной России. Музей располагал не только библиотекой с редкими изданиями, но и отделом рукописей и других старинных документов, собранных у местного населения.

В последние годы жизни Яцимирский по-прежнему сочетал многостороннюю культурную, педагогическую и организаторскую деятельность с научной и творческой работой. Он собрал колоссальный по объему материал по русскому народному эпосу, изучал генезис русских былин с целью написать капитальный труд, но безвременная кончина (он умер 12 февраля 1925 г.) помешала осуществлению этого замысла. Сохранились отдельные разрозненные заметки и черновые материалы⁶¹, а также тезисы, опубликованные после смерти ученого⁶². В его письменном столе остались десятки работ по языкознанию, истории, фольклору, литературе, многие из которых могут быть опубликованы сегодня и будут интересны для специалистов. Обширна переписка А. Яцимирского с видными учеными России и зарубежных стран. Содержание многих писем представляет собой своеобразное резюме статей, исследований и даже монографий, которые должны были выйти в свет или только планировались на будущее. Переписка Яцимирского более полно раскрывает его общественно-политические взгляды, отношение к тем или иным событиям, позволяет представить конкретную среду, в которой жил и творил этот неутомимый исследователь.

После смерти А. И. Яцимирского в русской и зарубежной печати писалось о том, что наука потеряла талантливого и эрудированного филолога, историка, библиографа, археолога, этнографа, историка литературы и искусства, сумевшего проявить себя в области педагогики, журналистики, бывшего

⁶⁰ Силин А. Д. Указ. соч., с. 60.

⁶¹ См.: ЛОААН СССР, ф. 79.

⁶² Яцимирский А. И. Тезисы о былинах. — Изв. Сев.-Кавказ. гос. ун-та. — Ростов н/Д, 1930, т. I, /XXX/, с. 209.

также искусным переводчиком и писателем⁶³. Значительная часть его научного наследия поныне служит развитию филологической науки, истории литературы, фольклористики и других научных дисциплин.

Сегодня нельзя вести разговор о древней молдавской литературе, о славянских рукописях, созданных на территории Молдавии, о научной деятельности Гр. Цамблака без учета того вклада, который внес в изучение этих вопросов А. И. Яцимирский.

Вместе с тем, необходимо заметить, что в трактовке отдельных явлений Яцимирский явно ошибался. Он, например, зачастую излагал факты, рассказывал о событиях без учета конкретных исторических условий, в которых они происходили.

Конечно, многие научные проблемы, впервые поставленные А. И. Яцимирским, нашли свое дальнейшее освещение в трудах современных ученых, ряд его работ устарел, но он останется в истории науки как один из наиболее талантливых и увлеченных исследователей и пропагандистов древней молдавской культуры и литературы в России, содействовавший укреплению дружбы молдавского и русского народов, их культур и литератур.

⁶³ Дурнов Н. Профессор Александр Иванович Яцимирский (некролог).— „Slavia“ (časopis pro slovanskou filologii), Ročník, IV, sesit 2, 1925, p. 395—396; Ilinski I. N. Al. Iacimirskiy (Necrolog).— „Revue des études slaves“, t. V. Paris, 1925, p. 316—318; Козловский И. Профессор А. И. Яцимирский (некролог).— «Известия Донского государственного университета», 1925, т. VI, с. 3—5; Силин А. Д. Указ. соч.

Часть II

Глава 9

Молдавско-украинские литературные связи в начале XX в.

Богатые и многообразные молдавско-украинские литературные связи своими корнями уходят в глубь истории. Древний период, а затем XVIII и XIX в. отличаются взаимными влияниями, двусторонним обогащением темами, сюжетами и образами, взаимными переводами и локализациями. В начале XX в. традиционные молдавско-украинские литературные связи достигают новых рубежей.

Особое место в данный период занимали взаимные переводы. Главное внимание переводчики уделяли классикам обеих литератур, преимущественно авторам остросоциальных произведений. Так, например, в 1901 г. на страницах журнала «Эпоха» увидела свет баллада Т. Г. Шевченко «Порченая» в вольном переводе Георгия Мадана. В 1916 г. классик молдавской литературы З. Арборе-Ралли переводит бессмертный шевченковский «Заповіт» («Завещание»)¹. В отличие от уже известного молдавскому читателю прозаического пересказа, осуществленного в 1894 г. К. Доброджану-Герей, в переводе З. Арборе-Ралли сохранена поэтическая форма оригинала, верно переданы его основные идейно-художественные особенности. В 1908 г. Е. и В. Лункашу переводят на молдавский язык рассказы «Пе коптьор» М. Коцюбинского и «Дети» В. Стефаника².

Украинский поэт и один из лучших переводчиков того времени В. Шурат в 1903 г. на страницах львовского журнала «Руслан» впервые на украинском языке опубликовал подборку стихотворений В. Александри, в которую были включены такие произведения, как «Звезды», «Пенеш Курканул» и «Подруга князя Нягое»³. Хотя эти переводы создавались в начале века и в сущности были одними из первых, их художественные достоинства не потеряли своего значения и в наши дни.

¹ См.: *Arbore Z. Ucraina și România*. — Buc., 1916, p. 35.

² См.: *Junimea literară*, 1908, № 9.

³ См.: *Руслан* (Львів), 1903, № 193.

В то же время В. Шурат перевел на украинский язык ряд произведений Михаила Эминеску. В сборник «Поэзия XIX века» он включил переводы таких стихотворений великого молдавского поэта, как «Одиночество», «О, мама!», «Что ты, лес, качаешься?» и «Послание второе»⁴. Это были первые, но очень удачные переводы. И не случайно критики тех лет дали им весьма высокую оценку*.

В 1912 г. в 33, 35 и 36 номерах львовского журнала «Неділя» были опубликованы переводы рассказов классика молдавской литературы Иона Крянгэ — «Отец Духу», «Мош Ион Роатэ и Объединение» и «Мош Ион Роатэ и Водэ Куза». Екатерина Мандичевская — переводчица этих произведений, прекрасно владела молдавским и украинским языками и сумела передать не только остро социальное содержание рассказов Крянгэ, но и афористичность стиля молдавского писателя. Это было характерно и для перевода «Воспоминаний детства» И. Крянгэ, осуществленного Е. Мандичевской в 1914 г., но увидевшего свет только частично на страницах одной из черновицких газет⁵.

Взаимной популяризации молдавской и украинской классики в начале XX в. активно содействовала литературная критика. Так, на страницах бессарабской прессы с момента появления первой газеты — с 1854 г. — почти регулярно велась рубрика о литературной и культурной жизни края. Под этой рубрикой наряду с материалами о местных писателях печатались статьи о русской и мировой литературе, в том числе и о творчестве украинских классиков.

Больше всего места отводилось освещению жизненного и творческого пути Т. Г. Шевченко. Много публикаций появилось по случаю пятидесятилетия со дня его смерти и столетия со дня рождения. В связи с запретом празднования столетнего юбилея поэта был напечатан ряд статей, заметок, писем, осуждавших кощунственное решение царского правительства⁶.

Бессарабские авторы не обошли вниманием и таких украинских литераторов, как Г. С. Сковорода, И. П. Котляревский, Г. Ф. Квитка-Основьяненко, М. М. Коцюбинский и др. Так, в 1914 г. болгарская «Новая газета» в номере от 1 мая опубликовала статью анонимного автора, посвященную украинскому писателю-философу Григорию Саввичу Сковороде (1722—1794). Поводом для ее выхода в свет послужил «возбужден-

⁴ См.: *Шурат В.* Поезія XIX віку, ч. I.— Львів, 1903.

* Об этих переводах и много лет спустя положительно отзовется Д. Коплин в статье «Эминеску на языках народов мира», см.: *Copilu D. Eminescu pe glob.*— *Luceafărul*, 1964, 23 mai.

⁵ См.: *Крянге І.* Спомини з дитячих літ (Переклала Катерина Мандичевська).— *Нова Буковина (Чернівці)*, 1914, № 42—45, 49.

⁶ Подробно об этом см.: *Попович К. Ф.* Т. Г. Шевченко в дореволюционной Бессарабии.— В кн.: *Молдавско-русско-украинские литературные связи во второй половине XIX века.* Кишинев, 1979, с. 220—251.

ный вопрос об открытии всероссийской подписки для сооружения памятника (на родине Сквороды.— К. П.) в городе Чернухах». Эта инициатива, как явствует из статьи, вызвала «горячие прения», тем более, что «многие высказывались против, ссылаясь на неизвестность этого мыслителя».

Болградский автор взял на себя благородную миссию познакомить бессарабских читателей с жизнью и деятельностью Г. С. Сквороды, ибо, по его искреннему убеждению, «большая часть... не только не читала его произведения, но даже и не слышала о нем». В статье приводились наиболее интересные факты, связанные с жизнью, философскими и литературными занятиями Г. С. Сквороды. Автор довольно подробно рассказал о личности, чертах характера украинского мыслителя, незаурядный ум и способности которого, по его словам, производили огромное впечатление на современников.

В бессарабской прессе рассказывалось и о личности и творчестве выдающегося украинского писателя—Ивана Петровича Котляревского (1769—1838). По случаю 100-летия его «Энеиды», а через несколько лет в связи с открытием ему памятника в Полтаве газета «Бессарабец» опубликовала две обстоятельные статьи, в которых шла речь об основных этапах жизненного пути писателя и его литературном наследии.

Хотя первая статья, появившаяся 26 ноября 1897 г., посвящалась лишь одному произведению, ее анонимный автор считал необходимым охарактеризовать в целом творчество И. П. Котляревского и подчеркнуть, что «Котляревский, как малорусский писатель... далеко не исчерпывается тем, что он явился начинателем периода новой малорусской литературы — народной и первый своими произведениями пошел навстречу пробуждению в образованных малороссах заснувшей было любви ко всему родному и малорусскому языку».

Спустя пять лет, в газете от 2 сентября 1903 г. была опубликована вторая статья. Как бы развивая и конкретизируя эту мысль, также оставшийся неизвестным автор статьи, посвященной открытию памятника И. П. Котляревскому в Полтаве, привел текст адреса Киевского городского управления. Адрес, привезенный гласными думы И. В. Лучицким и И. Н. Дьяковым, был зачитан на этом торжестве. В адресе, написанном на русском и украинском языках, отмечалось, что Котляревский «появился со своими произведениями в тяжелое для Украины время: когда ее общественная жизнь была в упадке, национальная литература угасала и повсюду совершался острый процесс денационализации интеллигенции...

Котляревский первый в конце XVIII и начале XIX в. заговорил в художественном стиле народным украинским языком, первый отозвался к народу и за народ и своим истинно демократическим словом обратил внимание украинской интеллигенции на долю родины».

В обеих статьях уделялось много внимания истории создания «Энеиды» и комментировались источники и материалы, легшие в ее основу. Используя накопленные в литературоведении данные, бессарабские авторы рассказали о тесной связи Котляревского с народом, о значимости для него устного поэтического творчества.

Статьи бессарабских авторов представляли собой интерес с различных точек зрения. Во-первых, они знакомили читателя с жизнью (этому отводилось немало места) и творчеством писателя, во-вторых, обращали внимание на его связи с Бессарабией, и, в-третьих, вводили в оборот малоизвестный материал, свидетельствующий о социальной и национальной значимости рассматривавшихся произведений.

Бессарабские газеты довольно часто публиковали различные материалы, способствовавшие популяризации в крае другого украинского классика, также сыгравшего немалую роль в становлении прозы и драматургии новой украинской литературы — Григория Федоровича Квитки-Основьяненко (1778—1843). Квитка-Основьяненко при всем своем консерватизме в ряде наиболее выдающихся произведений отразил много важных сторон современной ему крепостнической действительности, нарисовал яркие картины жизни представителей различных слоев украинского общества, в том числе и широких крестьянских масс. Он создал многочисленные правдивые образы, укрепив тем самым реалистические основы современной украинской литературы. Именно эти аспекты его литературного творчества привлекали прогрессивную бессарабскую общественность. Среди опубликованных статей, рецензий, информации можно особо выделить воспоминания К. Лейко, помещенные 8 августа 1903 г. в «Южном крае», и статью анонимного автора, напечатанную в кишиневской газете «Бессарабец» от 12 августа того же года. Оба материала, приуроченные к 60-летию со дня смерти писателя, содержали любопытные факты, характеризовавшие Квитку-Основьяненко не только как литератора, но и как глубоко гуманную и прогрессивную для своего времени личность.

«Я,— писал анонимный бессарабский автор,— очень интересовался личностью Григория Федоровича и, живя на Основе — родине писателя,— довольно долгое время собирал между старым, отжившим свой век поколением сведения о его житье-бытье».

Судя по всему, автор статьи прекрасно знал украинскую литературу и питал особое пристрастие к Квитке-Основьяненко. Он стремился подчеркнуть благородство, человеколюбие и другие качества писателя, показать, что Квитка-Основьяненко разделял многие передовые взгляды, хотя, по нашему мнению, в некоторых случаях автор статьи явно преувеличивает прогрессивный характер его мировоззрения.

Передовыми тенденциями, отражавшимися в творчестве Квитка-Основьяненко, объясняется популярность писателя в Бессарабии.

В свою очередь, украинская пресса также во многом способствовала популяризации молдавской культуры и литературы. Так, в 1902 г. в издававшемся во Львове журнале «Літературно-науковий вісник» была опубликована обстоятельная статья о молдавской классической литературе. Ее автор Георг Адам довольно подробно рассказал о жизненном и творческом пути Василе Александри, который, по его мнению, занял ведущее место в молдавской литературе благодаря «своей привлекательной лирике, своим комедиям и историко-патриотическим драмам»⁷.

Несколько дополняла исследования Г. Адама вводная статья сборника «Поэзия XIX века». Ее автором был В. Шурат. Он обратил особое внимание на фольклорные мотивы в творчестве В. Александри, подчеркнул, что благодаря глубокому знанию устного народного творчества молдавский поэт сумел создать ряд значительных произведений, вошедших в такие сборники, как «Пастели», «Дойны и ландыши» и др.⁸ В. Шурат высоко оценил прекрасные поэтические произведения В. Александри из цикла «Наши воины», написанные в честь участников русско-турецкой войны 1877—1878 гг., принесшей свободу и независимость балканским народам; его драматургию и т. д.⁹

Это мнение разделял и буковинский литератор Н. Ткачук, опубликовавший в 1912 г. во львовском журнале «Неділя» статью о молдавской литературе. Обратив внимание, как и другие исследователи, на фольклорный субстрат поэтического творчества В. Александри, П. Ткачук отдал предпочтение драматургии молдавского классика, называя среди его лучших произведений этого жанра «Деспот-Воды», «Бландузийский источник» и «Овидий»¹⁰.

Первую характеристику на Украине поэтического творчества М. Эминеску встречаем в упоминавшейся уже статье Г. Адама. Говоря о молдавской литературе, как о явлении, занимающем «выдающееся место среди литератур малых народов», автор статьи подчеркнул, что подобной славы она удостоилась, прежде всего, благодаря «выдающейся поэтической индивидуальности» такого «гениального лирика», достигшего «вершин в области поэзии», как М. Эминеску. Произведения молдавского поэта, по мнению Г. Адама, не перестают волно-

⁷ Літературно-науковий вісник (Львів), 1902, т. XVII, с. 172.

⁸ См.: Шурат В. Поесія XIX віку, ч. I.— Львів, 1903, с. 63.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Неділя (Львів), 1912, № 13, с. 4.

вать человеческие сердца и потому, что в них природа и душа народа слились воедино¹¹.

Столь же лестную оценку поэтическому наследию М. Эминеску дал В. Шурат в предисловии к своим переводам стихотворений поэта¹².

Творчество М. Эминеску исследовал также в упоминавшейся статье и Н. Ткачук. Охарактеризовав творчество поэта, основную тематику его богатого литературного наследия, Н. Ткачук писал, что Эминеску является «крупнейшим поэтом-лириком не только молдавской, но и мировой литературы»¹³.

В одном из номеров журнала «Неділя» были опубликованы переводы трех рассказов И. Крянгэ, помещена и небольшая справочная статья о писателе. Ее автор — буковинец В. Симович.

Об И. Крянгэ шла речь и в статье Н. Ткачука. По его мнению, среди писателей, которые достойно представляют «народное направление», наиболее выдающимся, по праву, является И. Крянгэ¹⁴.

Связи между молдавским и украинским народами укрепляли также поэты и писатели, которые в своих произведениях воспевали дружбу, общую борьбу, чаяния и надежды обоих народов.

И в этот период наиболее интенсивным было обращение к молдавской тематике, в частности к освещению взаимоотношений между молдавским и украинским населением, буковинских писателей. Продолжая традиции Т. Шевченко, Ю. Федьковича, С. Воробкевича, они своим творчеством стремились содействовать укреплению взаимопонимания и дружбы между братскими народами, населявшими этот край¹⁵.

Как и их предшественники, они обращались к историческому прошлому. И здесь надо отметить произведения Осипа Маковея (1867—1925), его сборник «Пустынник из Путны и другие рассказы» о делах времен основания Молдавского княжества и историческую повесть «Ярошенко» (1905) о событиях Хотинской войны (1621 г., в которой запорожские казаки нанесли сокрушительное поражение султанскому войску). Как уже упоминалось исследователями, О. Маковей в своей повести широко использовал детальное описание хода боев у Хотинской крепости молдавского летописца Мирона Костина¹⁶.

¹¹ См.: Літературно-науковий вісник (Львів), 1902, т. ХVІІ, с. 172.

¹² См.: Шурат В. Поезія ХІХ віку, ч. I, с. 172.

¹³ См.: Неділя (Львів), 1912, № 3, с. 5.

¹⁴ См.: Там же.

¹⁵ См.: Исторические корни связей и дружбы украинского и молдавского народов.— Киев: Наукова думка, 1980, с. 298—299.

¹⁶ Романець О. С. Хотинська битва в український народнопоетичній творчості та літературі.— Минуле і сучасне Північної Буковини. Вип. 2. Київ: Наукова думка, 1972, с. 17.

Произведение проникнуто сочувствием молдавскому народу и драматической судьбе Молдавии, которая, находясь в вассальной зависимости от Османской порты, вынуждена была выступать в этой войне на стороне турецких полчищ. Темы молдавско-украинских отношений О. Маковей коснулся и в своих литературоведческих исследованиях о Ю. Федьковиче, С. Воробкевиче и в некоторых других работах (например, публикация песенника И. Велегорского начала XIX в., в котором наряду с украинскими были и молдавские произведения, некоторых исторических документов и др.). Хотя О. Маковей в названных и других сочинениях писал о прошлом, они играли очень важную роль в условиях буковинской жизни начала XX века, где разжигание межнациональных распрей, натравливание одного народа на другой было возведено австрийскими властями в ранг государственной политики.

Эта непривлекательная сторона тогдашней буковинской действительности нашла свое довольно широкое освещение в повести «Перебежчики» Евгении Ярошинской (1868—1904), в которой созданы сатирические образы духовенства, активно помогавшего австрийскому правительству в осуществлении ассимиляции коренного населения края. Писательница особо подчеркивала дружественные отношения между украинскими и молдавскими трудящимися, между прогрессивно настроенной интеллигенцией, в основном, учительством.

Красной нитью через произведения буковинских писателей начала XX в. проходит идея, в соответствии с которой причина народного горя заключается не в том, что население края состоит из разных этнических групп, а в существующих социальных порядках. В условиях возраставшей классовой борьбы, под влиянием проникавших сюда идей социализма, идей «Манифеста Коммунистической партии», писатели Буковины призывали под красное знамя борьбы рабочего класса (Д. Макогон. «Рабочим», 1907) всех «без различия того, кто на каком языке разговаривает» (И. Диброва. «Первомайская листовка», 1907).

Отражение социальной действительности было в центре внимания и выдающейся украинской писательницы XX века Ольги Кобылянской (1863—1942). Значительную часть своей жизни, в особенности молодые годы, она провела в молдавском окружении. Она имела друзей среди крестьян молдавского села Дымка, куда переехала ее семья из южной части Буковины в конце XIX в. Современниками засвидетельствовано, что она владела молдавским языком в такой степени, что могла легко вступать в беседы с крестьянами-молдаванами. Трагический случай братоубийства, происшедший в семье молдаванина Константина Жижняна из с. Дымка, лег в основу ее со-

циально-психологической повести «Земля» (1902), которая является одним из лучших произведений о земле и крестьянстве в мировой литературе. Во многих ее произведениях воссозданы прелестные молдавские пейзажи, с особенной любовью выписан образ молдавской женщины-труженицы, ее душевная чистота, добросердечность и доброжелательность, граничащая с самопожертвованием (новелла «За готар», 1903). Обращает на себя внимание и язык писательницы, в который вкраплены и отдельные молдавские слова и выражения, вошедшие в буковинский говор украинского языка¹⁷.

К плеяде украинских писателей, соприкасавшихся с молдавской действительностью, а затем отразивших ее в своем творчестве, следует отнести и классика украинской литературы Михаила Михайловича Коцюбинского. Революционер-демократ, творчество которого еще при жизни было широко известно далеко за пределами Украины, М. Коцюбинский на протяжении нескольких лет (1892—1895) находился в гуще молдавских крестьянских масс, что позволило ему создать ряд произведений, посвященных жизни современной ему молдавской деревни и известных как произведения «бессарабского цикла»*.

Итак, молдавско-украинские литературные связи в начале XX в. продолжают расширяться и укрепляться. Взаимные переводы молдавских и украинских классиков и популяризация их лучших произведений являются одними из основных форм духовного взаимообогащения двух братских народов.

Большую роль в сближении молдавской и украинской литературы в начале XX в. играют украинские писатели И. Франко, М. Коцюбинский**, О. Маковей, О. Кобылянская и другие, которые в своих произведениях славят дружбу и братство между двумя народами.

Наконец, значительный вклад в общее благородное дело вносят периодические издания Кишинева, Львова и Черновцов, которые знакомят своих читателей с поэзией, прозой и драматургией братских литератур.

Все это вместе взятое способствовало еще большему сближению молдавского и украинского народов.

¹⁷ См.: Романець О. С. Молдавська тематика у творчості О. Кобилянської.— Творчість Ольги Кобилянської. Чернівці, 1963, с. 54—56.

* М. Коцюбинский находился в Бессарабии в конце прошлого века. К этому же периоду относится и ряд произведений «бессарабского цикла». Учитывая, однако, тот факт, что его творчество в целом относится к стыку двух веков, что отдельные произведения «бессарабского цикла» создавались в первые годы XX века и в целом отражают настроения писателя в канун первой русской революции, редколлегия сочла целесообразным включить главу именно в третью книгу, посвященную литературным взаимосвязям в начале XX века.

** Об их связях с действительностью и духовной жизнью Молдавии пойдет речь в отдельных главах книги.

М. М. Коцюбинский в Молдавии

Одним из талантливейших украинских прозаиков конца XIX — начала XX в. является Михаил Михайлович Коцюбинский. Вырос он в семье мелкого служащего. В детские годы побывал в разных селах и провинциальных городах Винницыны и Подолья, куда переезжали его родители. Знакомство с различными слоями населения и, главным образом, с крестьянами и рабочим людом, с их жизнью, думами и чаяниями, способствовало тому, что уже в юные годы он пристрастился к устному народному творчеству и сам начал слагать песни по образцу народных.

Пристально изучая современные ему социальные процессы, М. М. Коцюбинский все более и более проявляет интерес к характерным явлениям, вызванным к жизни развитием капитализма.

Свою литературную деятельность М. Коцюбинский начал с бытовых рассказов в духе фольклорных произведений. Со временем он стал крупным художником — автором социально-психологических полотен, отображавших современное ему общество, борьбу революционно-демократического крестьянства, первые выступления пролетариата.

Будучи народным учителем, а затем членом комиссии по борьбе с филлоксерой в Бессарабии и в Крыму, он наблюдал быт, обычаи и психологию местных крестьян, записывал свои впечатления, которые впоследствии использовал в ряде произведений, составивших так называемый «бессарабский цикл». В него включают одиннадцать очерков и рассказов: «Отомстил», «Хо», «На крыльях песни», «Для общего блага», «Пе коптьор», «Посол черного царя», «Ведьма», «В путях шайтана», «По-человечески», «Куколка», «Дорогой ценой».

Принято делить эти произведения на три группы¹. Первую составляют три рассказа — «Для общего блага», «Пе коптьор» и «Ведьма», в которых показаны жизнь, быт и обычаи молдавского народа.

Во вторую группу входят рассказы «Отомстил», «На крыльях песни», «Посол черного царя», «По-человечески» и «Дорогой ценой», герои которых тоже бессарабцы, но не молдаване, а выходцы из Украины.

Три произведения — сатирическая сказка «Хо», очерк «В путях шайтана» и этюд «Куколка» — тематически не связаны

¹ См.: Колесник П. Место «молдавского цикла» в творческой эволюции Коцюбинского. — В кн.: Молдавско-руско-украинские литературные и фольклорные связи. — Кишинев, 1967, с. 178.

с «молдавским циклом», но примыкают к нему в силу своих идейно-эстетических особенностей.

Коцюбинский пробыл в Бессарабии три года (1892—1895). Однако хронологически «бессарабский цикл» выходит за эти рамки. Первый рассказ — «Отомстил» — был написан в 1893 г., а последний — «Дорогой ценой» — в 1901 г. Период создания цикла является одним из наиболее плодотворных в творческой биографии писателя. Именно в эти годы М. М. Коцюбинский переходит от пропаганды программы либерально-культурнического «Общества тарасовцев» к острой ее критике, а затем провозглашает революционно-демократические лозунги, призывает к борьбе против самодержавно-капиталистического строя. «Прибыл Коцюбинский на юг,— писал один из исследователей его творчества, М. Левченко,— еще неопытным борцом, с наивными иллюзиями об улучшении жизни народа путем «малых дел». Возвратился он из бессарабских степей с четко очерченным демократическим мировоззрением, писателем, который шел навстречу великому Горькому»².

Эволюцию взглядов писателя позволяют проследить и произведения «бессарабского цикла». Так, сказка «Хо» — одно из первых произведений цикла, была написана в период увлечения Коцюбинского культурническими планами «тарасовцев» и рассказывала о «новейших рыцарях», которые, преодолевая страх и всевозможные препятствия, всячески стремятся способствовать возрождению народа путем проведения в жизнь «малых дел».

Однако, убедившись на деле в абсолютной бесплодности идей «тарасовцев», уже в следующем произведении — рассказе «Для общего блага», написанном по следам крестьянского бунта в селе Пересечино 18—20 мая 1893 г., писатель показал полное крушение программы общества.

В рассказе речь идет о трагических событиях, происшедших в молдавском селе, куда для уничтожения филлоксеры на виноградниках прибыла государственная комиссия. Как известно, комиссии в большинстве случаев по распоряжению правительства прибегали к «радикальным мерам» борьбы с болезнью, т. е. попросту вырубали и сжигали пораженные филлоксерой виноградники, что, подчас, обрекало целые села на голодную смерть, так как виноградники для многих молдавских крестьян являлись главным источником существования. Естественно, что деятельность комиссий вызывала недовольство и активный протест крестьян. Показывая острый конфликт, который возник между крестьянами и комиссией, Коцюбинский одновременно раскрывает как в процессе работы постепенно рушатся иллюзии о пользе «малых дел», направленных на осуществление «общего блага», одного из действующих лиц

² Левченко М. Коцюбинский в Молдавии.— Октябрь (Кишинев), 1954, № 1, с. 77.

произведения, члена комиссии Тиховича, сторонника «общества тарасовцев». Тихович — выразитель взглядов самого автора — убеждается в том, что в условиях существующего строя какое-либо улучшение положения трудового народа невозможно.

Сюжет произведения развивается по двум основным линиям. С одной стороны, Тихович — представитель ищущей интеллигенции, с другой стороны, Замфир Нерон — типичный представитель молдавских крестьян конца XIX в. Коцюбинский наделяет З. Нерона наиболее характерными чертами молдавских крестьян того времени.

Когда прибывают члены филлоксерной комиссии, Замфир первым высказывает свое недовольство их предстоящими действиями. Он поносит взяточника-старосту, который заодно с пришлыми «докторами» издевается над крестьянами, он проклинает закон, который притесняет их. А когда крестьяне собрались, чтобы протестовать против действий членов комиссии, первым среди них оказался Замфир. Он первым предложил Тиховичу убраться вон вместе со своими законами. Таким образом, Коцюбинский во всех случаях выделяет Замфира Нерона. Показывая горе Замфира, писатель стремился раскрыть трагедию всего села. Обстоятельства сложились так, что именно на винограднике Замфира была обнаружена филлоксеры. Ему сообщают, что виноградник подлежит уничтожению, и Замфир, полный гнева и возмущения, казалось бы, решается на активный протест. Однако понимает, что он бессилен что-либо сделать³.

С гибелью виноградника Замфир фактически лишился источника средств к существованию. Но этим не исчерпываются его несчастья. Не выдержав потрясения, заболевает и умирает его жена.

Члены комиссии, приехавшие трудиться «для общего блага», уезжали с репутацией злоумышленников. Тихович перед самым отъездом узнал о смерти жены Замфира Нерона. Услышав эту страшную новость, он «вздрогнул, взглянул на двор, и глаза встретились с глазами слабоумного мош Димы. Обычно тихий и спокойный, как ребенок, дед на этот раз не успел. Уставив на Тиховича полные дикого гнева и ненависти глаза, мош Дима поднял кулак и потряс им вслед Тиховичу...» (1, 298).

М. Коцюбинский воссоздал яркую картину крестьянской жизни Бессарабии конца XIX в. со всеми присущими ей особенностями. Описывая события, автор глубоко сочувствует труженику-молдавину, ненавидит его противников, включая и филлоксерную комиссию.

³ Коцюбинский М. Собр. соч. В 3-х т., т. I. — М., 1951, с. 282.

В дальнейшем произведении Коцюбинского цитируются по этому изданию с указанием в скобках тома и страниц.

Цензура не допустила «Для общего блага» к опубликованию в России. «Вся повесть очень тенденциозно написана и, попав в руки простого крестьянина, может вызвать озлобление и даже прямое сопротивление при работах по обследованию и уничтожению филлоксеры»,— писал начальник жандармского управления Таврин⁴.

Произведение было напечатано в 1896 г. во львовском журнале «Заря» и удостоилось премии на конкурсе, объявленном тем же журналом. Лишь через три года оно было переведено на русский язык и помещено на страницах петербургского журнала «Жизнь».

За три года пребывания в Бессарабии Коцюбинский изучил характерные для молдаван черты быта, обычаи, верования, в какой-то мере язык. В этом отношении интерес представляет рассказ «Ведьма», написанный в 1898 г. В произведении отражено одно из многих поверий забитой и невежественной патриархальной деревни дореволюционной поры. Как в украинской и русской, в молдавской крестьянской среде бытовали различные суеверия, представления о существовании духов, ведьм, вурдалаков, которые, якобы, вредят и мешают жить доброму люду. Один из таких случаев и описал Коцюбинский в рассказе «Ведьма».

Сюжет рассказа прост. Параскица — дочь бедного крестьянина Иона Броски. Внешне невзрачная, молчаливая и скрытная, она начинает вызывать подозрения у сельчан, которые связывают все беды, происходящие в деревне, с ней. Жестокость мачехи, безразличие отца заставляют Параскицу искать уединения. И вот однажды в дом Броски врывается матуша* Прохира, которая рассказывает о том, что ее корова в последнее время стала давать меньше молока, похудела и не подпускает ее близко к себе. Обращалась она к знахаркам, кропила святой водой, обкуривала ее, но все напрасно. Знахарка подсказала, что это дело ведьмы, и Прохира насторожилась. Вечером, как только она открыла дверь хлева, оттуда выскочила белая сучка. «Я так и обомлела,— продолжала Прохира.— Ведьма, это же она — ведьма! Вскипело мое сердце. Вы же знаете, какое у меня сердце... Убью проклятую; либо убью, либо сама пропаду. Крепко держу подойник — и за ней. Она со двора — я за ней. Прыгнула через канаву, в огород Митрохи — я за ней. Дух у меня спирает, башмаки потеряла, но вот-вот догоню. Летим прямо на ваш виноград. Добежала до плетня, а она хвост под себя, присела на задние ноги да как прыгнет через плетень... а я тут сверху подойником так и двинула. Ну, теперь аминь... Глянула через плетень, а ее, мои соседущ-

⁴ Цит. по кн.: *Коцюбинська-Ефіменко З. Х. Михайло Коцюбинський: Життя і творчість.*— Київ, 1955, с. 47.

* Тетка.

ки, и след простыл, спинула. Только мой подойник висит на кусте, а около него стоит ваша Параскица...» (1, 334).

С того дня и пошел по деревне слух, будто бы Параскица Иона Броски и впрямь ведьма. Кульминация наступает, когда ребята у колодца, забросав ее комьями земли и камнями, хором обозвали ведьмой, отбирающей молоко у коров. Теперь Параскица поняла, почему отец проверял, носит ли она крестик на шее, а мачеха крестила все вещи, к которым она при-
трагивалась.

Страшные испытания следуют одно за другим. Параскица носила крест на шее. Тем не менее Прохира потребовала, чтобы Параскицу повели в воскресенье в церковь. «Когда же начнут петь «Иже херувими», надо примечать: если она ведьма, то не выдержит и залает, заскулит, как пес. Это уже такая верная примета, что не одну уж ведьму вывела на чистую воду» (1, 346).

Параскица выдержала испытание в церкви, но и это не могло удовлетворить Прохиру и ее мужа Иона. Последний потребовал проверить нет ли у Параскицы хвоста, ибо ведьмы без хвоста не бывают. Наконец, свершилось и последнее уни-
зительное испытание. В один день Параскицу закрыли в доме, раздели и сельчане воочию убедились в том, что слухи, рас-
пущенные матушей Прохирой,— сущая выдумка.

Такова в общем канва произведения. Свой рассказ Коцюбинский ведет напряженно, эмоционально. В произведении много лирических отступлений, которые придают определенную тональность психологическим моментам.

Некоторые исследователи считают рассказ незрелым, неудачным, в какой-то мере повторяющим уже ставшие штампами в украинской литературе ситуации и образы⁵. Утверждается также, что рассказ «Ведьма» изобилует натуралистиче-
скими сценками, что в нем отсутствует социальная направленность и ставится особое ударение только на вопросе мораль-
ного угнетения личности. По-видимому, в этой критике немало субъективного, ибо выдвигаемые аргументы не всегда убедительны. Очевидно, вопрос надо рассматривать шире, по край-
ней мере в масштабе всего «бессарабского цикла».

В рассказе «Пе коптьор» традиционный сюжет о несчастной любви, широко распространенный в украинском и молда-
вском фольклоре. Такой обычай, когда обманутая девушка приходила к парню «на печь», бытовал не только у молдаван, но и у бессарабских украинцев и рассматривался в целом как уни-
зительный способ достижения своей цели. Думается, что такая трактовка старого обычая не совсем верна. В данном случае скорее всего речь идет о борьбе униженной девушки за свою любовь, за свое человеческое достоинство.

⁵ См.: *Приходько Ф. А. Коцюбинський-новеліст.*— Харків, 1965, с. 56—63.

Коцюбинский с самого начала делает акцент на социальном происхождении главных героев. Ион — сын крестьянина Костаке, а Гашица — дочка Штефанаки Мыцы, хозяина ветряной мельницы. Верный своей манере письма, Коцюбинский и в данном произведении находит удобные случаи для того, чтобы кроме действий и движения душ своих героев показать среду, в которой они вращаются.

В основе произведения, бесспорно, жизненный факт, свидетелем которого мог быть сам Коцюбинский. Украинский писатель хорошо знал историю, этнографию и фольклор молдавского народа. Более того, он неплохо владел молдавским языком и там, где это было к месту, вводил отдельные слова и выражения. Обращает на себя внимание тот факт, что используются эти национальные элементы весьма умеренно. Это опять-таки говорит о таланте и поэтическом чутье Коцюбинского. Ведь, как известно, многие украинские писатели вплоть до XIX в. да и в период создания Коцюбинским своих лучших, в том числе и рассматриваемых в данной работе произведений, нередко злоупотребляли этнографизмом. В произведениях «бессарабского цикла» и, в частности в рассказе «Пекотьюр», Коцюбинскому удалось избежать излишеств этнографическо-фольклорного плана. Умеренное включение в текст отдельных молдавских выражений и реалий придает произведению не только нужный колорит, но и естественность и убедительность. «Для Коцюбинского этнография и быт не были самоцелью. Они представляли составную часть комплекса художественных приемов, при помощи которых писатель показывал условия жизни эксплуатируемых, раскрывал внутренний мир человека»⁶.

Во вторую группу «бессарабского цикла», как уже было сказано в начале, вошли произведения, главные герои которых в основном украинцы, но действие происходит в Бессарабии или тесно связано с нею: «Отомстил», «На крыльях песни», «Посол черного царя», «По-человечески» и «Дорогой ценой».

В тихую погоду, на берегу полноводного Дуная, рядом с городом Рени сидели два путника. Так начинается очерк «Отомстил». Котомки и котелки, запыленная обувь, усталые лица — все говорило о том, что здесь сошлись два странника, две трудные судьбы. Одному из них было лет двадцать пять, другому — лет сорок. Оба они бродяги и оба, потеряв опору в жизни, ищут какого-то пристанища. Тот, что моложе, рассказывает товарищу по несчастью о своей неудачной любви, о том, что пока он ходил на заработки, его невесту отдали пану. Хотел он ему отомстить, да случилось так, что тот как раз разорился. И пошел он с тех пор по миру искать утерянное счастье. «Четыре года бурлачу по Бессарабии, думаю уйти от

⁶ Лещенко М. Указ. соч., с. 75—76.

горя, оставленного на Украине, да никак не удастся... Я от злой судьбы — она за мной. Пойду тише — беда меня нагоняет! Пойду быстрее — сам беду догоню... Что с того, что я скитаюсь, тяжело работаю? Что я получаю за это? Голь перекатная, да и только!..» (1, 199). В разговоре выясняется, что пан Гаевский, который соблазнил невесту Свирида — Марию, — это его спутник. Такой поворот событий вносит коренные изменения в судьбу героев. Мысль о мести покидает Свирида и он разыскивает свою поруганную невесту и предлагает ей свою руку.

Ищет счастья на бессарабской земле и Карпо — герой рассказа Коцюбинского «По-человечески». Как и многие другие персонажи этого цикла, оказавшись после каких-то неудач в жизни в Бессарабии, Карпо становится батраком, работающим на виноградниках. В этом рассказе писатель также находит повод для того, чтобы высказать свое отношение к молдавской земле, к населяющему ее народу. Карпо вместе с другими батраками работал при филлоксерной комиссии. Они «так усердно уничтожали плоды чужого труда, будто заботились о своем собственном» (1, 370). И тут писатель высказывает свое отношение к труду батраков, к тем результатам, которые он приносит. «Вряд ли кто-нибудь из них думал, утапывая тяжелой трамбовкой срубленный и засыпанный землей виноградник, о хозяине уничтоженного сада. Что им этот молдаванин и его филлоксера? Это не их дело, они зарабатывают» (1, 370).

Рассказ написан в 1900 г., в период, когда Коцюбинский понял бесполезность помощи народу путем «малых дел». Таким образом, новые взгляды Коцюбинского, высказанные им в рассказе «Для общего блага», находят дальнейшее развитие в его последующих произведениях.

В отличие от некоторых «сугубо национальных» писателей, призывавших «не залазить в чужие огороды», т. е. не вмешиваться в действительность неукраинской жизни, Коцюбинский стремился глубже изучить жизнь и быт молдавского народа. «Как истинный человеколюбец и интернационалист, писатель показал темноту, беспросветную жизнь, дикий произвол внешней и местной буржуазии на окраинах Российской империи, тяжелое положение трудящихся масс и, особенно женщины, которая была опутана не только социальными и национальными путами, но еще и суровыми патриархально-семейными и религиозными тенетами»⁷.

В рассказе «Посол черного царя» автор вспоминает, как однажды проезжая через «руснацкое»* село, встретил старого знакомого Солонину, в прошлом чиновника, утонченного интеллигента, оказавшегося теперь деревенским лавочником. Крайне удивленный, автор любопытствовал: чем вызвано

⁷ Левченко М. Указ. соч., с. 75.

* Руснаками в Бессарабии называют крестьян украинских колоний.

такое преобразование. Оказалось, что когда-то, проезжая через это село, Солонина тоже поинтересовался, откуда взялись украинцы среди молдаван. Договорившись со старостой, он через некоторое время приехал в деревню со своим знакомым (как и он, любителем фотографии) для того, чтобы заснять наиболее интересное в этом селе. Остановившись на деревенской площади, заполненной пестрой толпой, Солонина вынул «из брички аппарат, поставил на прилаженный товарищем треножник и только что накрылся черным сукном, чтобы навести на танцующих объектив, как среди них произошло какое-то движение, поднялся какой-то шум; девчата оставили хлопцев, сбились в груды, а затем со страшным криком бросились врассыпную... Они прыгали через плетни, в каком-то диком страхе неслись через огороды по грядкам, выбегали за деревню на поля и там исчезали в высокой кукурузе...» (1, 326).

Вскоре, однако, люди остановились и стали подходить к фотографам. Первыми обступили их бабы. Пылая ненавистью к забредшим в их захолустье непрошеным гостям, они перешли в наступление.

«Разве я не говорила вам, кумоньки мои, — подскочила к ним одна баба, размахивая кулаками. — Приехали, чтоб их ударило друг о дружку, от черного царя, забрать в неволю наших девчат» (1, 326). Другие утверждали, будто бы все плохое идет от этой машины. Какой-то изможденный старик в лохмотьях принялся бранить панов, от которых пошли все беды. «И господи! чего только он не желал панам, как только не проклинал их. Если бы десятая часть его пожеланий исполнилась, — замечает Солонина, — на земле не только бы не осталось панов, но даже память о них исчезла бы навеки» (1, 328).

Проклятия старика подхватили остальные крестьяне. Когда же Солонина предложил «выбить портрет с хлопцев», толпа еще больше взбудоражилась. Всех присутствующих вдруг «осенила одна мысль: черному царю нужны в войско хорошие хлопцы...» (1, 328). Эта «догадка» послужила как бы сигналом: бабы заголосили, а хлопцы с кольями, выдернутыми из плетней, бросились к фотографам.

Перепуганные путники едва унесли ноги. После этого страшного случая Солонина долго злился на эту статную «гуцулию»*, казавшуюся ему в то время «скопищем разбойников, которым место в тюрьме, а не на свободе», но со временем, поразмыслив над случившимся, пришел к весьма горестным выводам. «...Рядом, — думал он, — живут люди — образованные, вооруженные знанием, и не связаны друг с другом, не общаются, будто бы бог знает какие границы разделяют их» (1, 330). И он решает от всего отказаться, порвать со своим

* Украинцы, переселенные с Буковины.

прошлым, и отправиться в деревню для того, чтобы там «хоть немного стало светлее».

Поселившись в деревне, он стал не учителем или писарем, а лавочником. Так ему казалось удобней, и чувствовал он себя свободным и независимым, вне контроля со стороны кого-либо. Даже светлое око пана станового не останавливалось «на таком человеке, как деревенский лавочник, а незначительному человеку уже благодаря его незначительности легче подойти к крестьянину, легче влиять на него, делать свое дело...» (1, 331).

Таким образом, Солонина прибыл в деревню для проведения в жизнь либеральной культурнической программы «малых дел», сторонником которой в недалеком прошлом был и сам автор. Отход Коцюбинского от «тарасовцев», как уже говорилось, относится к концу прошлого века. Это нашло свое художественное воплощение в рассказе «Для общего блага», написанном в 1895 г. «Посол черного царя» был создан в 1897 г. и отражает тот же этап в становлении мировоззрения писателя. Переходный период от идей «тарасовцев» к революционно-демократической программе и закрепление автора на позициях последней длился несколько лет. Следовательно, писатель не сразу занял определенную позицию по отношению к сторонникам «малых дел», а отсюда и его противоречивое отношение к самому Солонине. Так, например, слушая план его деятельности в деревне, его наблюдения, связанные с предпринятыми им делами, Коцюбинский «чувствовал, как отдыхает (его) сердце» и ему вместе с рассказчиком хотелось верить и надеяться на перемены в деревне. Однако сомнения о возможности изменения положения крестьян путем осуществления «малых дел», присущие в то время автору, передаются и его герою. Оказывается, энтузиазм Солонины далеко не безграничен. Развернув перед слушателем план своих помыслов, он вдруг заключает: «Только много ли сделает один человек?» (1, 332).

О двойственном отношении автора к затеям «тарасовцев» и к конкретным носителям их идей свидетельствует и другой эпизод. С удовольствием выслушав рассказ Солонины о его благих намерениях, автор ни на минуту не забывает, кто такой Солонина и на что способен. Это человек, которого он привык видеть в обществе провинциальной «золотой молодежи», чванный от сознания, что на нем безукоризненно модное платье, что он корректен и обладает аристократическими манерами, этот чиновник с блестящей будущностью... очутился вдруг в деревне в роли деревенского лавочника!..» (1, 323). Автор рассказа говорит: «Я вспомнил, что встречался с ним и в другом обществе, где он держался крайних взглядов и выдавал себя за демократа. Он мне не нравился. Его взгляды так не вязались с пустой жизнью, его демократизм так трудно было сочетать с барскими замашками, слишком дорогим кос-

тумом и т. п., что я просто не верил ему. Своим демократизмом, либерализмом и другими «измами» он лишь украшал себя как чесучовым пиджаком свою статную фигуру, и так же легко, как чесучовый пиджак, мог сбросить и украшения нематериального характера» (1, 323).

Где же, следовательно, гарантия, что этот бедно одетый лавочник в расстегнутой рубаше, у которого на лице вместо самодовольства и напускной важности появилось новое выражение — «сознание собственного достоинства и убежденность», в один прекрасный день вновь не изменит свои взгляды, тем более, что он сам выражал сомнение в возможности осуществления добрых дел. Коцюбинский в это время уже хорошо понимал, что только изменение социальной структуры, ведущее к коренным преобразованиям в экономической, затем и в духовной жизни народа, является единственно правомерной посылкой на пути к прогрессу.

К циклу произведений, в которых отражена бессарабская действительность и присутствуют украинские, родные для Коцюбинского реалии, относится и очерк «На крыльях песни», с подзаголовком автора «Листок из дневника». В лирическом рассказе чувствуется ностальгия писателя, скитавшегося несколько лет по бессарабским просторам в качестве члена филлоксерной комиссии.

«...Знакомо ли вам острое, до физической боли острое чувство тоски по родному краю, каким томится сердце от долгого пребывания на чужбине? Знакомо ли вам такое душевное состояние, когда за один родной звук, за один образ родной готов заплатить годами жизни?..» — с грустью вопрошает автор (1, 239). В этом риторическом вопросе — крик души писателя, оказавшегося далеко от родных мест. «Именно в таком состоянии блуждал я как-то весенним днем вдоль Прута, в южной Бессарабии... Но не успел я как следует оглядеться, как по моим напряженным нервам ударила волна близких, родных мне звуков. Я отчетливо услышал печально величавую мелодию украинской песни. Что это? В этом глухом уголке Бессарабии песня моей родины?» (1, 240).

Песня привела рассказчика к «колыбе» (шалашу), в котором ютилось человек десять батраков с Украины, выводивших старинную чумацкую песню. Песня воскрешает давно забытые картины, разворачивает перед автором трагические события далекой старины. Он вспоминает о тяжелой чумацкой доле, о жизни чумака, которая часто обрывалась в широкой степи, и собратья, похоронив его, насыпали высокий курган, «чтобы с этого кургана была видна его родная Украина» (1, 245). Нередко случалось чумакам отбивать отчаянные атаки озверевших голодных грабителей. Вот одно из таких побоищ под грустную чумацкую песню собравшихся в «колыбе» батраков и представил себе автор рассказа «На крыльях песни».

Последним произведением, которое, хотя и косвенно, относится к «бессарабскому циклу» М. Коцюбинского, является рассказ «Дорогой ценой». Написанный романтически приподнято, он повествует о тяжелой крестьянской доле, о трудностях и опасностях на пути к счастью.

«Происходило это,— так начинается рассказ,— в тридцатых годах прошлого столетия... Украинское крестьянство побежденное в классовой борьбе, с глухим ропотом влачило свое существование под панским ярмом...

Свежие традиции свободы, такие свежие, что иногда трудно было отличить сегодня от вчера, поддерживали тлеющую под пеплом искру. Старшее поколение, свидетель иной жизни, показывало еще на ладонях мозоли от сабли, поднятой на защиту народных и человеческих прав. Песня воли, опоэтизированной, может, в дни лихолетья, звучала чарующим аккордом в сердцах молодежи, звала ее туда, где еще не слышно было звона кандалов, в которые люди заковывали людей» (1, 413).

Земли, на которых еще дышалось свободно, где трудовому люду жилось относительно вольготно, находились совсем рядом. «В широкие, вольные, без пана и панщины, бессарабские степи рвалась горячая фантазия и влекла за собой сотни и тысячи» (1, 413). Это был период, когда в Бессарабии, присоединенной в 1812 г. к России на правах автономной области, действовали некоторые льготы, которыми пользовалось местное население. Именно это и привлекало многих крестьян Украины и России, стремившихся добраться до свободных земель за Днестром, а больше всего за Дунаем, где беглецы, не подчинившиеся русскому правительству после ликвидации в 1775 г. Запорожской Сечи, создали Новую Сечь. Случаи бегства украинских батраков и обнищавших казаков учащались, и это зафиксировано как в официальных документах того времени, так и в ряде художественных произведений классиков украинской литературы.

В пути беглецов подстерегали многочисленные опасности. На них устраивались настоящие облавы. «По всей Бессарабии носились дозорные, шарили всюду, во рвах, в стогах сена, в камышах болотистых рек, выслеживали беглеца казаки, принимавшие участие в этих погонах, получали плату.

Тяжелая кара ожидала беглецов, «преступивших закон». Кому посчастливилось разминуться с охраной, мог считать себя спасенным. Тех же, кто попадал в ее руки, ожидали страшные мучения. «Ужасная была судьба беглеца: его отдавали в рекруты, ссылали в Сибирь, избивали плетью, клеймили, как скот, с наполовину выбритой головой, избитого, исполованного кнутами, отсылали в кандалах обратно к пану, снова в неволю, в рабство» (1, 415).

Об одном из таких случаев идет речь в рассказе «Дорогой ценой». Герой его батрак Остап, бросив родные края, отправился на вольные земли Новой Сечи. Вместе с ним ушла и его возлюбленная Соломия. Тернистым оказался их путь к счастью и свободе. Будучи раненым при переходе Дуная, Остап попадает к цыганам, а вместе с ними — в руки турецкой полиции, которая переправляет его через Дунай с тем, чтобы передать царским властям. Горячо любящая его отважная Соломия решает спасти Остапа, но при схватке с сопровождавшими его турецкими охранниками шаткий челн кренится и она падает в воду. В волнах холодного Дуная она гибнет.

Печален эпилог рассказа. Не состоялось счастье, о котором он мечтал, ушли в небытие картины, грезившиеся ему в первый день бегства. Остался Остап тем же батраком, дожил до глубокой старости, но так и не повстречался со счастьем.

В трагической истории Остапа и Соломии, смело поднявшихся на борьбу за свободную человеческую жизнь, показан активный протест украинского крестьянства.

Рассказ «Дорогой ценой» был опубликован в период подъема социального движения в России накануне революции 1905 г. В рассказе о молодой крестьянской паре, ради свободы не побоявшейся смерти, звучал бесстрашный призыв к борьбе, утверждалось желание народа освободиться от угнетения. Рассказ М. Коцюбинского прозвучал в унисон с «Песней о буре-вестнике» М. Горького, звавшей к борьбе и свободе⁸. Не случайно царский цензор Федоров потребовал, чтобы М. Коцюбинский убрал из рассказа воспоминания деда Остапа о расправе казачества с уманскими панами и те строки, где речь шла о непобедимом стремлении крепостных сбросить с себя панское ярмо⁹.

Рассказ «Дорогой ценой» является одним из выдающихся произведений М. Коцюбинского, отличающимся блестящей художественной формой и высокоидейным содержанием. Это обеспечило рассказу «Дорогой ценой» большой резонанс в передовой демократической литературной критике. Лестных отзывов удостоился рассказ и в зарубежных литературных кругах¹⁰.

«Бессарабский цикл» М. Коцюбинского, тесно связанный с бессарабской действительностью, с трудовым народом, заселявшим эти земли, с его образом жизни, обычаями, верованиями, вызывал и вызывает живой интерес широкого круга читателей, в том числе и многих художников слова. Это привело, в первую очередь, к появлению ряда произведений, в одних из которых можно уловить влияние художественной манеры Коцюбинского, в других — увидеть частичное или пол-

⁸ См.: Калениченко Н. Л. Великий солнцепоклонник. — Київ, 1967, с. 77.

⁹ См.: Коцюбинська-Ефіменко З. Х. Указ. соч., с. 82.

¹⁰ См.: Калениченко Н. Л. Указ. соч., с. 79.

ное использование сюжетов отдельных рассказов цикла, в особенности рассказа «Пе коптьор».

Одним из первых молдавских авторов, обратившихся к рассказу «Пе коптьор», был классик молдавской литературы поэт Алексей Матеевич (1888—1917). В 1906 г. в 48—50-м номерах журнала «Бессарабия» был опубликован очерк «Осень», сюжет которого повторял сюжет «Пе коптьор»*. Это, по сути, было его первое оригинальное произведение.

Другим, не менее интересным вариантом этого сюжета, является рассказ неизвестного автора «Пи куптер», помещенный 23 апреля 1911 г. на страницах газеты «Знамя». Напоминают произведение М. Коцюбинского некоторые эпизоды и коллизии «рассказа из бессарабской старины» русскоязычной писательницы Бессарабии Ольги Накко «Волк», опубликованного в ее сборнике «Бессарабских очерков и рассказов» (Одесса, 1901). Наконец, последний одноименный вариант рассказа «Пі коптьор», опубликованный в 1927 г., принадлежит писательнице Александре Сфекла.

Рассказ «Осень» А. Матеевича является одним из немногих его прозаических произведений. Опубликованный восемнадцатилетним дебютантом, он, вполне понятно, не мог претендовать на художественную завершенность. Стремление будущего молдавского поэта идти вслед за Коцюбинским, пользуясь при этом тем же сюжетом и во многом теми же художественными средствами, свидетельствует о несомненном его пристрастии к манере украинского прозаика. Сюжет «Осени» полностью, хотя и несколько схематично, воспроизводит фабулу произведения Коцюбинского. При всем несомненном своеобразии каждого из этих произведений основные действующие лица — молодая пара и их родители — во многом повторяют друг друга. Как и в произведении Коцюбинского, где роль главного судьи играет отец Иона — мош Костаки, в рассказе «Осень» все конфликты решает отец Петруцэ — мош Думитру Путинэ. Он заставляет своего сына жениться на Марице, несмотря на то, что этому, подобно тетке Анике из рассказа «Пе коптьор», рьяно сопротивляется мать Петруцэ — Замфира.

В начале рассказа А. Матеевич создает определенные психологические предпосылки, объясняющие события его финальной части. Автор характеризует тетку Замфиру как редкостную лентяйку, любящую сквернословить и сплетничать. Таким же непутевым, ленивым и кроме того пьянчужкой оказался и ее сын, соблазнивший Марицу. Сложившееся положение усугубляется именно этими «дополнительными» препятствиями, подобно тому, как на пути Иона и Гашицы стоит ссора между их родителями.

Правда, в отличие от рассказа Коцюбинского, где все де-

* Впервые об общности этих произведений было сказано во вступительной статье Ф. Левита к избранным произведениям А. Матеевича.

тали предельно отработаны, все действия обоснованы, в произведении А. Матеевича немало наивных, не всегда правдоподобных ситуаций. Социальная среда, которую создает А. Матеевич, и этнографическое ее обрамление подчас кажутся нарочитыми, беспомощными. В «Осени» А. Матеевича излишняя яркость и нагроможденность красок заменяет емкую и полную смысла художественную образность. Стремление следовать манере М. Коцюбинского чувствуется во всем. Даже ночной пейзаж, который, как правило, служит фоном, сообщающим соответствующее настроение персонажам, заимствован у украинского писателя. То же самое можно сказать о фольклорных и этнографических «украшениях», которыми изобилует рассказ. Если Коцюбинский описывает молдавские традиционные танцы, то Матеевич обращается к свадьбе и другим хорошо известным ему молдавским обрядам и обычаям. Следуя уже имеющемуся образцу, молдавский писатель широко пользуется идиоматическими выражениями, пословицами и поговорками, снабжает диалоги меткими крестьянскими словечками.

Более удачным, на наш взгляд, является рассказ анонимного автора, опубликованный в «Знамени». Здесь сюжетная схема та же. Более того, даже единственная пейзажная зарисовка — картина тихой весенней ночи, сделана примерно также, как у Коцюбинского, а вслед за ним у Матеевича, но гораздо более удачно, чем у последнего.

«Ночь на дворе, — читаем в рассказе «Пи куптер», — действительно была хороша. На казавшемся бездонным голубом небе ярко сияли звездочки. Ни одно облачко не скользило под ними, словно боясь хоть на минуточку скрыть их от взоров людей, и они доверчиво озаряли землю своим меланхоличным светом. Сухие листочки чеклеж*, сложенные возле дома, шептались, колыхаемые чуть заметным ветерком, приносившим с полей здоровый, бодрящий запах травы и разрыхленной земли»¹¹.

В эту ночь и происходят события, которые во многом напоминают уже описанные М. Коцюбинским и А. Матеевичем. В дом Тодора и Келины Вакарь вечером пришла девушка Катинка. Когда же хозяева дома, поужинав, собрались укладываться на ночлег и предложили Катинке отправиться домой, она наотрез отказалась.

И тут, как и в предыдущих рассказах, в действие вступает мать соблазнителя. Она рьяно защищает свое «невинное дитя», во всем обвиняя несчастную девушку.

Как видим, хотя и другими словами, но с одинаковых позиций матери парней оценивают поступок сына и положение обманутой ими девушки. Интересно, что во всех произведениях

* Чеклеж — кукурузный початок.

¹¹ Знамя, 1911, 10 (23) апреля.

авторы не оправдывают действия матери парня. К тому же, чтобы представить ее в более неприглядном свете, они стремятся сгустить краски при ее характеристике. В очерке Матеевича «Осень» мать Петруцэ — Замфира — лентяйка и сплетница. Келина из рассказа анонимного автора, обвиняя Катинку во всех земных грехах, сама в свое время не отличалась особой целомудренностью. Ее дочь Елена не была похожа ни на одного из родителей.

На помощь девушке, как и в остальных рассказах, приходит рассудительный, справедливый и добрый отец парня — мош Тодор. Казалось бы, конфликт исчерпан. Ведь в остальных рассказах решение отца подводит черту под всем происшедшим. В рассматриваемом произведении мать сына до самого конца пытается помешать браку. Все это только приносит лишние переживания Катинке.

Сын вызывающе вступает в пререкания с отцом. Тодор всячески пытается образумить сына. Видя же, что угрозами нельзя добиться от него повиновения, он находит иные средства для того, чтобы унять страсти и уладить конфликт.

Если права молдавская пословица, утверждающая, что «сладкое слово — много хорошего приносит»*, то перед нами именно такой случай. Выслушав отца Леона, Катинка «поняла, что участь ее зависит от этой минуты». Не остался безразличным к словам Тодора и его сын. Он смущенно молчал, ибо давно разлюбил Катинку и «совместная жизнь с нею пугала его. Но ласковый тон отца, который ему так редко удавалось слышать, начинал на него действовать».

Отец взывает к совести и добропорядочности Леона, наконец, к жалости, которая при любых обстоятельствах не должна покидать человека. Он убеждает Леона, что жениться обязательно нужно, и, в конечном итоге, все улаживается.

Таким образом, в этих произведениях один и тот же сюжет, примерно одинаковые герои. Правда, в рассказах А. Матеевича и неизвестного автора появляются дополнительные персонажи, которые также способствуют «урегулированию конфликта». Это мош Гаврилэ в «Осени» и Домника — сестра Леона в «Пи куптер».

Отдельными элементами напоминает «Пе коптьор» и рассказ из бессарабской старины Ольги Накко «Волк». Само произведение многопланово, и тема его совершенно иная. В нем, в сущности, рассказывается история далеко не новая, история крестьянки, соблазненной баринном, ставшей жертвой господского сластолюбия. Как известно, эта тема нашла свое блестящее воплощение в ряде классических произведений, в частности, в «Бедной Лизе» Н. Карамзина, в «Катерине» Т. Шевченко, «Зое» К. Негруци, «Боярском грехе» М. Садовяну и др. В

* Ворба дудче — мулт адуче.

рассказе О. Накко акценты социального конфликта несколько смещены, ибо соблазненная Замфирица не оказывается жертвой, так как барчук Нику женится на ней. Жертвой здесь становится муж Замфирицы — Георгий, которого она бросает. Финал произведения Ольги Накко трагичен. Георгий при помощи своих друзей заводит Нику в ловушку и расправляется с ним.

Ольга Накко идеализировала патриархальный образ жизни молдавской деревни, грустила по уходу в небытие старого уклада деревенской жизни, по исчезновению старых обрядов и обычаев, всячески стремилась их зафиксировать в своих произведениях и в этом, пожалуй, ее основная заслуга.

В данном контексте следует говорить и об обычае приходить «пе коптьор», который является составным элементом рассказа «Волк». Хотя произведения М. Коцюбинского «Пе коптьор» было опубликовано в 1896 г. и, надо полагать, не ускользнуло от внимания писательницы, ревниво относившейся ко всему, что касалось бытописания молдавского народа, не исключены и типологические совпадения. Дело в том, что обычай бытовал во всем этническом молдавском массиве и не мог не заинтересовать человека, живущего в данной национальной среде, однако в произведении О. Накко он встречается в ином обрамлении и в иной социальной интерпретации.

Рослый и привлекательный Георгий — сын лесника Тодера Подаря, часто ходил в село на жок и соблазнил многих девушек. Одна из них — Замфирица — чтобы заставить парня жениться на ней, приходит к нему «пе коптьор».

Воспользовавшись отсутствием Георгия, Замфирица подошла к его дому, расставила у входа дерн с веточками вербы, а сама незаметно проскользнула в дверь и спряталась на печке. Обнаружив ее, Георгий задумался. «Он хорошо знал, что по молдавскому обычаю соблазненная девушка могла прокрасться в избу к родителям соблазнителя, забраться на печку и просидеть там несколько дней, пока ее родители не узнают, где она, и не начнут переговоров о свадьбе с родителями парня»¹².

Отец Георгия давно овдовел и второй раз не женился. Поэтому в драматическом стечении обстоятельств конфликтующая сторона, т. е. мать соблазнителя, столь рьяно защищавшая своего сына во всех рассмотренных выше вариантах рассказа «Пе коптьор», просто отсутствует, а потому и выпадает высшая ступень нагнетания накала коллизий, предшествовавших, во всех прочих случаях, счастливой развязке. В рассказе О. Накко этот момент даже не завязка, а просто пролог, после которого следует целый ряд перипетий с соблазнителем Нику.

¹² Накко О. Волк. — В кн.: Из бессарабской старины. — Кишинев, 1970, с. 228.

О. Накко не стояла на позициях классовой непримиримости и, как правило, решала все столкновения в духе всепрощения.

Представляет интерес еще один вариант рассматриваемого произведения — рассказ «Пі коптьор» Александры Сфеклы. Сюжет этого рассказа в целом совпадает с сюжетом произведения М. Коцюбинского и в общем воспроизводит все его этапы и основные ситуации. Как и произведение Коцюбинского, этот рассказ отражает молдавскую действительность и изобилует молдавскими выражениями, придающими ему соответствующий национальный колорит.

Существование данного произведения рядом с рассказом М. Коцюбинского, казалось бы, становится бессмысленным. Как и рассмотренные выше варианты рассказа «Пе коптьор», художественный уровень произведения Александры Сфеклы недостаточно высок. Но если существование остальных «вариантов» оправдано хотя бы тем, что они созданы на молдавском и русском языках, то рассказ А. Сфеклы лишен и этого мотивировочного признака, так как написан на украинском языке. Тем не менее, и у этого рассказа «Пі коптьор» есть своеобразные черты. Воспользовавшись уже известным сюжетом, А. Сфекла перенесла место действия в новую действительность и решила конфликт в новом классовом контексте. Рассказ был опубликован в 1927 г. и, следовательно, отражал отсталые традиции, сохранившиеся в новой советской действительности. Сообразуясь с этими обстоятельствами, писательница расставила социальные акценты в соответствии с классовой борьбой, которая в то время была в разгаре и получила широкое отображение в русской, украинской и других национальных литературах страны. Уже в самом начале, отказавшись от традиционной завязки, А. Сфекла создала своеобразную ситуацию, которая в дальнейшем служит как бы основным отправным пунктом, предпосылками, предопределяющими развитие событий. Если во всех остальных произведениях трагедии предшествует пылкая любовь молодой пары, встречи при луне, клятвы и т. д., то в рассказе А. Сфеклы все это выглядит по-иному. В отличие от традиционной интриги, в которой в качестве соблазнителя выступает парень, в рассказе А. Сфеклы эта роль отводится девушке. В ее произведении сама соблазнительница, маленькая, неказистая и коварная Катрина, стремится запутать хорошего парня Доротей. Чтобы добиться своей цели она приглашает его к себе и начинает спаивать.

«Когда же в дом вошла леля Текла, то Доротей и Катрина, гесно обнявшись, спали на кровати»¹³.

Такой натуралистический подход к изображению сцены, достойной более «мягких» тонов, приземленность и вульгаризация конфликта не случайны. Они обусловлены социальным

¹³ Сфекла А. Пі коптьор.— В кн.: Подарунок і подака: Збірка оповідань, 1927, с. 82.

происхождением молодой пары: Катрина — дочь зажиточных родителей, а Доротей — из бедняков. Если же во всех других вариантах этого произведения несчастную девушку просто поносили, оскорбляли, выталкивали из дома, то здесь, «на уровне новых классовых отношений», соблазнитель избивает свою жертву и уже после того выталкивает ее за дверь. Все это еще больше накаляет атмосферу и доведенная до отчаяния, не видя иного выхода из положения, Катрина кончает жизнь самоубийством. Утром ее находят повешенной возле дома соблазнителя.

Если в других произведениях конфликт благополучно разрешался, то в данном случае развязка носит исключительно трагический характер. Интересно, что в рассказе А. Сфеклы впервые пойдет речь о возмездии, что является приметой нового времени. Доротей, которого подозревают, как главного виновника разыгравшейся трагедии, арестовывает участковый милиционер и отводит его в сельский Совет. Натяжки, к которым приводит стремление во что бы то ни стало «прокрутить» устаревшие традиции в новой социальной действительности, чувствуются, конечно, на каждом шагу, а поэтому рассказ и не получил широкого признания, отклика в читательских кругах. При всем этом он представляет собой интерес не только как попытка «разыграть» устаревший обычай в новой действительности, но и как художественный вариант известного произведения, ставшего классическим.

Об огромном интересе к «молдавскому циклу» М. Коцюбинского, как, впрочем, и ко всему его художественному наследию, свидетельствует и частота перевода его произведений на молдавский язык. Так, в 30-е гг. среди немногочисленных переводов произведений братских литератур рассказы М. Коцюбинского занимают одно из основных мест. В 1930—1931 гг. в Госиздате Молдавии отдельными изданиями выходят такие произведения, как «Смех»¹⁴, «Лошади не виноваты»¹⁵, «Для общего блага»¹⁶, «Fata morgana»¹⁷ и «Он идет»¹⁸. В 1932 г. тем же издательством выпущен на молдавском языке рассказ «Подарок на день рождения»¹⁹.

Вслед за этими популярными изданиями вышел двухтомник избранных произведений Коцюбинского²⁰. Затем в 1935 г. в Тирасполе выходит новая подборка избранных рассказов М. Коцюбинского²¹.

В последние предвоенные годы были выпущены еще две

¹⁴ Коцюбинский М. Рысу.— Тираспол, 1930.

¹⁵ Коцюбинский М.— Кай ну-с виноваць.— Тираспол, 1930.

¹⁶ Коцюбинский М. Пентру бинеле де обще.— Тираспол, 1931.

¹⁷ Коцюбинский М. Fata morgana.— Тираспол, 1931.

¹⁸ Коцюбинский М. Ел вине.— Тираспол, 1931.

¹⁹ Коцюбинский М. Дэрунка ла знуа де наштере.— Тираспол, 1932.

²⁰ Коцюбинский М. Скрнерь алесе.— Тираспол — Балта, 1931—1932.

²¹ Cojiubinski M. Vine: Povestiri.— Tiraspol, 1935.

книги М. Коцюбинского — «*Fata morgana*»²² и избранные рассказы²³. Все эти переводы, хотя не отличаются высоким уровнем художественного мастерства, сыграли в свое время исключительно большую роль в деле популяризации украинской литературы в Молдавской Автономной Республике и способствовали укреплению дружбы между народами.

Следующее издание произведений М. Коцюбинского на молдавском языке увидело свет только многие годы спустя, уже в послевоенный период, в Кишиневе. Речь идет о сборнике рассказов в переводе Ф. Чиботаря, изданном Учпедгизом Молдавии в 1953 г.²⁴ В сборник включены четыре рассказа «молдавского цикла» («Для общего блага», «Пе коптьор», «Ведьма», «Отомстил»).

В 1976 г. отдельным изданием в Кишиневе был выпущен рассказ «Харитя»²⁵. Хотя в послевоенный период в нашей республике издано сравнительно немного произведений М. Коцюбинского на молдавском языке, эти переводы выполнены на более высоком художественном уровне. При всем этом надо сказать, что как довоенные, так и послевоенные переводы произведений М. Коцюбинского во многом устарели, не соответствуют современным требованиям переводческого мастерства и, следовательно, настало время подготовки нового издания, куда бы вошли наиболее известные рассказы автора «бессарабского цикла» в современных переводах ведущих молдавских прозаиков.

Благодаря тесной связи М. Коцюбинского с молдавской землей, его состраданию трудовому крестьянству, что так ясно показали произведения «бессарабского цикла», еще при жизни писателя в крае рассказывались легенды о его щедрости, доброте, гуманности. Не случайно в день смерти Коцюбинского бессарабская печать с глубокой скорбью сообщила своим читателям об этом²⁶, а спустя три месяца перепечатала из июньского номера украинского ежемесячника «Литературно-науковий вісник», ставшую впоследствии широко известной, статью М. Горького о М. Коцюбинском²⁷.

Молдавская тема в творчестве М. Коцюбинского заняла исключительно большое место как в украинской, так и в молдавской литературной критике и литературоведении. Среди первых работ на тему «Коцюбинский в Молдавии», очевидно, следует назвать статью И. Заики «Кое-что о жизни Коцюбинского в Бессарабии», опубликованную в 1927 г. Ее автор стремился, главным образом, охарактеризовать период пребывания

²² Коцюбинский М. *Fata morgana*.— Тираспол, 1937.

²³ Коцюбинский М. Повестирь алесе.— Тираспол, 1939.

²⁴ Коцюбинский М. Повестирь.— Кишинэу, 1953.

²⁵ Коцюбинский М. Харитя.— Кишинэу, 1976.

²⁶ См.: Бессарабец, 1913, 25 апреля.

²⁷ См.: Бессарабская жизнь, 1913, 25 июня (8 июля).

писателя в Бессарабии, его отношение к местным трудящимся и реалиям края²⁸.

Спустя три года эту тему продолжит и тем самым заложит начало молдавскому коцюбинсковедению известный в то время литератор Молдавской АССР Самуил Лехтцир²⁹. Написанная по случаю юбилея писателя, она содержала общие сведения о жизни и творчестве писателя, о его пребывании в Молдавии и отражении им в своих произведениях молдавской действительности. Особого внимания в этой статье заслуживает то, что ее автор характеризует украинского классика, как первого и единственного в то время писателя, который в своем творчестве столь много места уделил жизни и быту молдавского народа.

Среди довоенных работ следует отметить и статью А. Азовского, в которой подробно рассматриваются произведения М. Коцюбинского молдавской тематики³⁰.

Вскользь затронутая довоенной критикой и литературоведением «молдавская тематика» в творчестве М. Коцюбинского становится одной из центральных и наиболее актуальных в кругу интересов послевоенных исследователей.

Начиная с 50-х гг. появляются многочисленные монографические работы украинских ученых. В них наряду с различными проблемами творчества писателя рассматриваются и вопросы, связанные с «бессарабским циклом»³¹. Параллельно с крупными, фундаментальными исследованиями на страницах украинской периодической печати в эти годы появляются статьи, в которых исследуются молдавские мотивы в творчестве М. Коцюбинского³².

Некоторые из статей украинских авторов, посвященные пребыванию Коцюбинского в Бессарабии и его «бессарабскому циклу», публиковались на страницах молдавских периодических изданий³³.

Среди авторов, печатавших свои работы о М. Коцюбинском на страницах молдавской периодической печати, следует назвать и дочь писателя — К. Коцюбинскую, опубликовавшую в журнале «Октомврие» статью об истории создания и работы

²⁸ См.: *Зайка І.* Дещо прожиття Коцюбинського на Бесарабії.— *Життя і революція*, 1927, № 7—8, с. 134—142.

²⁹ См.: *Лехтцир С.* Де юбилею луй М. Коцюбинський.— *Він: Їнтребєрь літераре*.— Тираспол, 1930, с. 197—199.

³⁰ См.: *Азовський А.* Бесарабські оповідання М. Коцюбинського.— *Народна творчість*, 1940, № 4, с. 5—14.

³¹ См.: *Коцюбинська-Ефіменко З. Х.* Михайло Коцюбинський: Життя і творчість.— Київ, 1955; *Колесник П. Й.* Коцюбинський — художник слова.— Київ, 1964; *Приходько Ф. А.* Коцюбинський-новеліст.— Харків, 1965; *Калениченко Н. Л.* Великий сонцепоклонник.— Київ, 1967; *У вінок Михайлу Коцюбинському*.— Київ, 1967 и др.

³² См.: *Чорна Т. К.* Молдавський народ в творчесті М. Коцюбинського.— *Радянське літературознавство*, 1957, № 3, с. 53.

³³ См.: *Левченко М. М.* Коцюбинський в Молдавії.— *Октябрь* (Кишинев), 1954, № 1.

над художественными средствами повести «Fata morgana»³⁴. В журнале «Кодры» (№ 9 за 1971 г.) была напечатана рецензия на книгу дочери писателя.

Наши периодические издания помещали и некоторые воспоминания современников и знакомых М. Коцюбинского, представляющие несомненный интерес для литературной общественности. В этом отношении следует выделить «Воспоминания» И. В. Очинского — одного из старейших ученых и культурных деятелей Советской Молдавии³⁵.

Статьи, очерки, заметки, посвященные М. Коцюбинскому, публиковались на страницах нашей прессы по различным случаям: в связи с юбилейными датами, по поводу выхода отдельных изданий или же каких-то новых разысканий тех или иных авторов. В этих материалах чаще всего приводились некоторые общие сведения о писателе.

Основное место среди опубликованных работ, естественно, занимают юбилейные статьи, увидевшие свет по случаю 100-летия со дня рождения и 50-летия со дня смерти писателя. В этих статьях опять-таки обращалось внимание на молдавские мотивы в его творчестве, на ту роль, которую он сыграл в духовной жизни края³⁶.

Среди работ молдавских исследователей, посвященных М. Коцюбинскому, особо надо отметить статью академика И. К. Вартичана, которая, в сущности, является первой из опубликованных в послевоенный период в нашей республике³⁷. В ней автор обобщил факты, связанные с пребыванием М. Коцюбинского в Бессарабии, кратко проанализировал произведения «бессарабского цикла», привел ряд интересных, мало известных сведений о послевоенных преобразованиях села, с которым связано пребывание писателя в наших краях, а также объяснил суть и предназначение, роль в передаче местного колорита молдаванизмов, которыми насыщены произведения «молдавского цикла»³⁸.

³⁴ См.: *Коцюбинская М.* Мунка луй М. Коцюбинский асупра оперей сале «Fata morgana». — Октомврие, 1956, № 1, с. 74—79.

³⁵ См.: *Очинский И.* Аминтирь: Деспре афларя луй М. Коцюбинский ын Басарабия. — Култура Молдовей, 1964, 13 септемврие.

³⁶ См.: *Попович К.* Кынтэрец ал Украиней. — Култура Молдовей, 1963, 25 априлие; Грекул И. Тематика молдовеняскэ ын креация луй М. Коцюбинский. — Молдова Социалистэ, 1963, 7 юлие; *Попович К. М. М.* Коцюбинский. — Култура Молдовей, 1964, 17 септемврие; *Бадю В., Кира Г.* Кынтэрец ал попорулуй: артист, патриот, демократ. — Молдова Социалистэ, 1964, 17 септемврие; *Кидел А.* Мэртурие деспре Басарабия: Деспре афларя веститулуй скриптор украиняня М. М. Коцюбинский ын Басарабия. — Култура, 1965, 19 юние и др.

³⁷ См.: *Вартичан И. К.* Молдавия в творчестве классика украинской литературы М. Коцюбинского. — В кн.: *Вартичан И., Грекул И., Попович К.* Страницы дружбы. — Кишинев, 1958, с. 217—229.

³⁸ Этот вопрос в дальнейшем нашел свою подробную разработку в ряде исследований украинских ученых. См.: *Терешко Л.* Молдаванизмы в но-

В таком же ключе написана статья В. Толоченко, опубликованная в журнале «Лимба ши литература молдовеняскэ». Как и другие молдавские литераторы, он с любовью говорит об украинском писателе, который в период пребывания в нашем крае живо интересовался бытом, изучал жизнь и обычаи простых бессарабских крестьян и в своих рассказах о молдавской действительности осуждал «те социальные условия, которые порождают темноту и невежество и способны не только унижить и оскорбить человеческое достоинство, но порой погубить его»³⁹.

Охарактеризовав тяжелое прошлое, с которым столкнулся М. Коцюбинский в Бессарабии тех времен, И. Вартичан и В. Толоченко воссоздали картину современного молдавского села Джурджулешты. Вошедшее в колхоз «Советский Дунай», оно совершенно преобразилось.

Глубоко признательные великому украинскому писателю за его любовь к молдавской земле и ее людям, благодарные потомки свято чтут его память. Средняя школа села Джурджулешты, в которой сотни внуков и правнуков современников Нерона Замфира получили образование при Советской власти, носит имя великого гуманиста М. Коцюбинского. В здании этой школы открыт литературный музей, пополняющийся новыми и новыми экспонатами о жизни и творчестве М. Коцюбинского. Писательская организация Украины подарила Джурджулештской школе бюст писателя, который хранится в музее⁴⁰.

Учащиеся школы ведут постоянную переписку с родными писателя, с теми, кто его знал, с учебными заведениями и учреждениями, с которыми был связан писатель, освещая, таким образом, неизвестные страницы его жизни.

На одном из домов села открыта мемориальная доска с портретом писателя со следующей надписью: «В 1885 году великий украинский писатель М. М. Коцюбинский пребывал в селе Джурджулешты и написал рассказ «Для общего блага», в котором показана судьба молдаванина Нерона Замфира, жившего в этом доме»⁴¹.

Во всем этом, вне всякого сомнения, находит свое проявление благодарность народа и его любовь к М. Коцюбинскому.

веллах М. Коцюбинского. — Лимба ши литература молдовеняскэ, № 4, 1964, с. 10—13; *Ошибко І.* Молдавські битовізми в оповіданнях М. М. Коцюбинського. — Лексикологія та лексикографія, 1966, № 2, с. 95—105; *Ошибко І.* Функція молдаванізмів в оповіданнях М. М. Коцюбинського. — В кн.: У вінок Михайлу Коцюбинському. — Київ, 1967, с. 237—245 и др.

³⁹ Толоченко В. Молдавские мотивы в творчестве М. Коцюбинского. — Лимба ши литература молдовеняскэ, 1964, № 4, с. 5—9.

⁴⁰ См.: *Ставилэ М.* Ын мемория луй М. Коцюбинский: Музеул де ла Жюрджулешты. — Култура Молдовой, 1964, 14 септембрие.

⁴¹ *Флоря Н.* Аколо унде а попросит Михаил Коцюбинский. — Култура Молдовой, 1960, 20 мартие.

Иван Франко и украинско-молдавские связи

Творчество Ивана Франко наряду с творчеством украинских писателей Тараса Шевченко, Леси Украинки, Михаила Коцюбинского представляет собой осязаемый вклад в сокровищницу духовного богатства человечества. Революционер-демократ, ученый и общественный деятель, он вошел в историю как замечательный прозаик, поэт, драматург, публицист, критик, теоретик и историк литературы, автор целого ряда фундаментальных работ по историческим, философским, социологическим, фольклорно-этнографическим проблемам. Он очень много сделал для укрепления дружбы и культурного сотрудничества между народами как переводчик и неутомимый пропагандист достижений мировой литературы, как исследователь многообразных связей между ними¹.

Титанический труд И. Франко в этой области давно уже стал предметом глубокого исследования и нашел свое отражение в целом ряде работ о роли писателя в развитии литературно-общественных связей украинской литературы с русской², польской³, чешской и словацкой⁴, болгарской⁵, немецкой⁶, английской⁷, французской⁸, индийской⁹.

¹ См.: *Журавська І. Ю.* Иван Франко і зарубіжні літератури.— Київ, 1961.

² *Возняк М. С.* Иван Франко — популяризатор передової російської літератури. Київ: 1953, *Пархоменко М.* Иван Франко и русская литература. Изд. 2-е, дополн. М., 1954; *Дей О.* Иван Франко і перша російська революція. Львів, 1955; *Янковский Ю. З.* Иван Франко и русская реалистическая проза 60—70-х гг. XIX в. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филолог. наук. Киев, 1964 и др.

³ *Вервес Г.* Иван Франко і питання українсько-польських літературно-громадських взаємин 70—90-х років XIX ст. Київ, 1957; *Он же.* Значення Івана Франка у зближенні української і польської літератур.— В кн.: *Міжслов'янські літературні взаємини.* Київ, 1958, с. 111—135 и др.

⁴ Зв'язки Івана Франка з чехами та словаками. Пряшів, 1957; *Журавська І. Ю.* Франко і розвиток чесько-українських літературних зв'язків.— В кн.: *Міжслов'янські літературні взаємини.* Київ, 1958, с. 262—278 и др.

⁵ *Атанасов П.* Иван Франко і Болгарія.— Вітчизна, 1956, № 9, с. 153—160; *Божков С.* Иван Франко в українсько-болгарських літературних зв'язках.— Радянське літературознавство, 1957, № 3, с. 55—61; *Шпильова О.* До історії українсько-болгарських літературних і культурних взаємин другої половини XIX ст.— В кн.: *Міжслов'янські літературні взаємини* Київ, 1958, с. 314—349. Крімте упомянутых, о роли И. Франко в укреплении связей с другими славянскими литературами см.: *Вервес Г. Д.* Иван Франко і слов'янські літератури.— Вісник АН УРСР, 1956, № 8, с. 31—44; *Кирилюк Є. П.* Значення Івана Франка для слов'янських літератур.— Науко-

Активно содействовал И. Франко и развитию украинско-молдавских культурных отношений. С первых шагов на литературном поприще он проявлял интерес к историческому прошлому Молдавии. В 1876 г. в первом оригинальном критическом выступлении «Литературные письма» (четвертая часть) он обстоятельно разобрал поэтические произведения западноукраинского поэта Изидора Р. Пасичинского. Среди них были и поэма «Иван Пидкова» об одном из предводителей совместной борьбы украинского и молдавского народов против владычества Оттоманской Порты в конце XVI в. Двадцатилетний критик резко высказался о поэтических качествах поэмы¹⁰, но описанные в ней события оставили в его памяти неизгладимый след. Спустя тридцать лет в статье «Das älteste rutenische Volkslied» (1906) он определил исторические события XV—XVI вв. как яркое проявление «братства по оружию» украинского и молдавского народов¹¹. А в рецензии на работу А. Яцимирского «Романский митрополит Макарий и новооткрытая славяно-молдавская летопись 1541—1551 гг.» И. Франко еще раз с особой силой подчеркнул важность молдавских источников для всестороннего освещения истории украинского народа эпохи феодализма. Начальный период истории Молдавского княжества, писал он, «имеет интерес также и для истории нашей письменности и для истории нашего народа, части которого не только в австрийской Буковине и Венгрии и в русской Бессарабии, но также и в границах нынешнего королевства Румынии живут в непосредственном соседстве... Вообще более давний период истории казачества, особенно XVI века тесно вяжется с собы-

ві записки Київського ун-ту), т. 17, вип. 2, 36. філолог. ф-ту, № 13, Київ, 1958, с. 5—22.

⁶ Ярема Я. Я. Иван Франко і творчість Генріха Гейне.— Радянське літературознавство, 1960, № 1, с. 23—32; Шаповалова М. Література німецького Просвітництва в оцінці Івана Франка.— В кн.: Іван Франко. Статті і матеріали. 36. 5. Львів, 1956, с. 250—268; Хомицкий О. Иван Франко и немецкие писатели-реалисты второй половины XIX в. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филолог. наук. Киев, 1965.

⁷ Шаповалова М. Франко как исследователь и переводчик Шекспира (Борьба Ивана Франко против извращений Шекспира буржуазными комментаторами и переводчиками). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филолог. наук. Львов, 1950.

⁸ Паляниця Х. В. Иван Франко — критик, популяризатор и переводчик французской литературы XIX века на Украине. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филолог. наук. Львов, 1967.

⁹ Білецький О. Франко й індійська література.— Зібрання праць у п'яти томах, т. 2. Київ, 1965, с. 502—520. См. также: Он же. Світове значення Івана Франка.— Там же, с. 521—530; Іванов Л. Иван Франко і світова література.— Научные записки Днепропетровского ун-та, т. 24. Сборник работ филолог. ф-та, вып. 2. Днепропетровск, 1940, с. 83—120; Рудницький М. Світове значення творчості Івана Франка.— В кн.: Іван Франко. Статті і матеріали. 36. 6. Львів, 1958, с. 81—90 и др. работы.

¹⁰ См.: Літературні письма. IV.— Друг, 1876, № 22, с. 350.

¹¹ См.: Франко І. Вибрані статті про народну творчість.— Київ, 1955, с. 71.

тиями в Волощине (Молдавии)...»¹² И. Франко выступал против искаженного толкования этого периода украинско-молдавских отношений в частности украинским буржуазным историком Е. Грушевским, который рассматривал его только как период участия казаков «в волошских междоусобицах, борьбе претендентов» на молдавский престол, а не как бескорыстную вооруженную помощь украинского народа в борьбе против владычества Турции и ее ставленников¹³.

Таким образом, украинский писатель и ученый обращал внимание на роль украинско-молдавских отношений этого периода и в развитии культуры (письменности) обоих народов. Он придавал большое значение таким очагам культуры средневековья, как монастыри, в особенности Путнянский, а также общим деятелям украинской и молдавской культуры, как, например, Григорий Цамблак. В обзоре истории украинской литературы, написанном для Энциклопедического словаря Ф. Брокгауза и И. Эфрона, говоря о возрастании в первой трети XVII в. роли Киева в «умственном и литературном движении» на Украине, И. Франко в «небывалом оживлении... умственной жизни своего народа» отводит большую роль известному деятелю украинской и молдавской культуры, «воеводичу молдавскому», как его величали украинские летописцы¹⁴, — Петру Могиле. «Главное дело его жизни, — подчеркивает автор, — основание Киево-Могилянской коллегии, которая должна была сделаться забралом православия и южнорусской национальности, пользуясь тем же оружием, каким велись на них нападки со стороны врагов — наукой и просвещением». Указав на исключительную роль П. Могилы в развитии украинского (а также и молдавского. — А. Р.) книгопечатания и литературы, он высказывает сожаление, что в силу исторических обстоятельств «последующие события не дали надлежащего роста семенам, брошенным его рукой»¹⁵.

Не только к отдаленному прошлому проявлял интерес И. Франко. Его внимание привлекала и современная ему жизнь молдавского народа. В частности, он высоко оценил общеизвестное в наши дни и остроактуальное для своего времени прекрасное произведение М. Коцюбинского из жизни бессарабских молдаван «Для загального добра», присланное автором в 1895 г. на конкурс львовского журнала «Зоря». Выступив от имени жюри конкурса еще до публикации рассказа, И. Фран-

¹² Записки наукового товариства імені Шевченко, т. XCIV. — Львів, 1910, с. 224—225.

¹³ См.: *Франко І. Повний образ історії України-Русі: Критичні уваги до історичних праць проф. М. Грушевського.* — В кн.: *Причинки до історії України-Русі, ч. I.* — Львів, 1912, с. 234—238.

¹⁴ См.: *Бевзо О. А. Львівський літопис і Острозький літописець.* — Київ, 1970, с. 111, 136.

¹⁵ *Франко І. Южнорусская литература.* — В кн.: *Энциклопедический словарь, т. XLI.* — Спб., 1904, с. 305.

ко приветствовал попытку писателя расширить тематические рамки украинской прозы, ввести читателя в курс своеобразной жизни молдавского труженика: «Этот рассказ ведет нас в область новую и до сих пор не тронутую нашей беллетристикой (и дополним — рисует роскошными красками) жизнь крестьян-молдаван. Сцены из жизни молдаван в рассказе нарисованы очень красиво, а такие рисунки, как поездка с женой и детьми на виноградник, как сжигание срубленных виноградников и отчаянные жены хозяина, навсегда врезаются в память читателя»¹⁶.

И. Франко очень ценил людей, хорошо знакомых с культурой молдавского народа. В сотрудники чешского научного словаря Отта он, например, советовал привлечь «знатока придунайских стран» (в том числе и Молдавии) украинского этнографа и антрополога, впоследствии профессора Петербургского университета Ф. К. Вовка (Волкова) (1847—1918)¹⁷. С 1878 по 1882 г. Ф. К. Вовк проживал в эмиграции в Запрутской Молдавии, усвоил молдавский язык*, имел тесные контакты с молдавскими культурными и политическими деятелями — выходцами из России, в особенности с молдавским писателем, революционером-народником Замфиром Арбуре-Ралли (1848—1933). Очевидно, через Ф. Вовка и М. Драгоманова деятельность И. Франко стала известна молдавским политическим эмигрантам (К. Доброджану-Геря, Н. Судзиловский-Руссел и др.), которые старались поддерживать с ним связь. Например, М. Драгоманов писал И. Франко в письме от 2 февраля 1887 г.: «Меня просят из Румынии переслать письма с вопросами о положении рабочих — для статистической анкеты. Помните, Вы когда-то с П(авли)ком издали такие письма. Если у Вас они еще есть, то будьте добры, вышлите по такому адресу: Domnului Costica Dobrudjanu-Gariă Ploesti Romania»¹⁸. Известно и другое письмо, адресованное украинскому писателю во Львов непосредственно из Румынии¹⁹.

И. Франко также стремился установить более тесные контакты с запрутской эмиграцией, лично встретиться с ее представителями. Он писал об этом Ф. Вовку в ноябре 1879 г.: «...Возможно Вы смогли бы выслать от себя столько денег, сколько надо бы на переезд в Рум(ынию), потому что я хотел бы непременно увидеться с Вами и вообще с кем можно из

¹⁶ Зоря, 1895, № 11, с. 219. См. также: *Калениченко Н. И.* Франко і М. Коцюбинський.— Дніпро, 1966, № 10, с. 114—119; *Коцюбинська І. М.* Михайло Коцюбинський та Іван Франко.— В кн.: Іван Франко: Статті і матеріали, вип. XI.— Львів, 1964, с. 98—104.

¹⁷ Зв'язки Івана Франка з чехами та словаками, с. 493.

* Некоторые свои работы он подписывал псевдонимом Лупулеску.

¹⁸ Матеріали для культурної і громадської історії Західної України, т. 1 Листування І. Франко і М. Драгоманова.— Київ, 1928, с. 221, (Далее: Матеріали...).

¹⁹ См.: *Documente privind istoria României. Războiul pentru independență. Vol. I, p. 1.*— Buc., 1954, p. 811—812.

товарищей, проживающих в Рум(ынии)». В этом же письме обсуждены и некоторые детали этой поездки: «Лучше было бы, если бы у Вас там кто-то раздобыл румынский паспорт для мужчины среднего роста, светлый блондин, серые глаза, язык немецкий и польский, занятие — какое-нибудь... Будьте добры обязательно сделайте это. Об этом деле пишу и г. Сл. в Ясы»²⁰. Но предполагаемая поездка писателя не состоялась.

И. Франко содействовал установлению связей с другими народами, в том числе и с молдавским²¹ и как основатель украинской революционно-демократической журналистики. Со студенческих лет занимаясь издательской деятельностью, он стремился, чтобы его издания были «полным выражением литературно-научной и общественной работы всего народа», способствовали повышению его социального и национального сознания, обогащению духовными ценностями других народов. Так, весной 1885 г. в проекте программы задуманного ежемесячного литературно-научного и политического журнала «Братство» он писал, что этот печатный орган будет публиковать материалы и «о наших близких и далеких соседях... о жизни их духовной, политической и литературной, о их экономическом положении и народном развитии». Наряду с русскими, белорусами, поляками, чехами, словаками и другими И. Франко называл и молдаван²². Однако этот замысел так и не был осуществлен. В 1893 г. И. Франко задумал выпуск «небольшого журнальчика литературно-научного, специально фольклористического» под названием «Русалка», в котором должны были печататься «главным образом... переводы произведений народной и полутрадиционной литературы других народов»²³. Но и этот замысел не удалось реализовать.

Неутомимый труженик упорно разыскивал в фольклорной сокровищнице других народов интересные аналоги с произведениями украинского народнопоэтического творчества, старательно изучал их, переводил на свой родной язык и по возможности публиковал «с объяснительными примечаниями, с обозначением печатных вариантов, параллельных произведений других нар(одных) литератур»²⁴. Например, публикуя в 1889 г. записанную в с. Мшанец Самборского уезда Галиции колядку, особенностью которой была сюжетная вставка о провале в землю ночью части стены церкви, возведенной сорока мастерами за день, И. Франко провел параллель с польской ле-

²⁰ Літературна спадщина, т. І. Іван Франко. Вип. І. — Київ, 1957, с. 385. Существует предположение, что под криптонимом «г. Сл.» может скрываться Н. Судзиловский-Руссел.

²¹ См.: Дей О. І. Українська революційно-демократична журналістика. — Київ, 1959.

²² Матеріали..., с. 108—109.

²³ Там же, с. 425.

²⁴ Там же, с. 135.

гендой подобного содержания о башне семи богатырей²⁵. Впоследствии, когда после публикации текст колядки стал предметом анализа академика А. Веселовского, усмотревшего в ней только один из бродячих мифологических сюжетов духовных виршей, украинский писатель снова выступил в печати, упрекнув ученого в злоупотреблении аналогиями и игнорировании локальных традиций легенд. При этом он указал, что подобные сюжеты, кроме поляков, есть у сербов — строительство Скадра — и у восточнороманских народов — строительство монастыря Арджеш²⁶.

Баллада «Мештерул Моноле», хотя и связана со строительством Арджешского монастыря в Валахии, благодаря своему поэтическому содержанию получила очень большое распространение и в Молдавии²⁷, в особенности после ее публикации в 1852 г. классиком молдавской литературы В. Александри в известном сборнике «Народная поэзия»²⁸. Впоследствии эта баллада была переведена на французский, английский и немецкий языки. В немецком переводе с ней и познакомился И. Франко. Увидев в балладе не только сюжетную параллель к опубликованной колядке, но и высокохудожественное произведение, в котором, по словам В. Александри, поэтически раскрыта тайна души народа²⁹, он перевел ее на украинский язык. А как известно, в выборе оригиналов для перевода поэт был очень требовательным. «Перевожу только такие произведения из чужих литератур,— заявлял он,— читая которые, имею впечатление, что передо мной открывается новый мир то ли мыслей, то ли поэтических образов, и хотел бы своими переводами вызвать такое же впечатление у читателей»³⁰. Перевод баллады был сначала напечатан в «Приложениях и поправках» в первом томе его «Студій над українськими народними піснями»³¹. Однако, чтобы он имел бóльшую читательскую аудиторию и стал достоянием широких кругов украинского народа, он был перепечатан популярным львовским журналом «Неділя» (1912, № 33).

Следует отметить то обстоятельство, что у И. Франко не было возможности воспользоваться оригиналом произведения.

²⁵ См.: Мирон. Замечательная колядка.— Киевская старина, 1859, кн. I, с. 233.

²⁶ См.: Мирон. К объяснению одной колядки.— Киевская старина, 1891, кн. 12, с. 476.

²⁷ См.: Скице де фолклор молдовенеск.— Кишинэу. 1965, п. 297—301.

²⁸ Poezii poporale. Balade /kьптіче бьтр Жпеші/ adunate ші іndpentate de В. Александрі.— Партеа I. Іашіі, 1852.

²⁹ См.: Александри В. Публицистикэ.— Скрисорь. — Кишинэу: Картя Молдовеняскэ, 1968, п. 127.

³⁰ Цит. по кн.: Журавська І. Іван Франко і зарубіжні літератури, с. 9.

³¹ Франко Іван. Студії над українськими народними піснями, т. I.— Львів, 1913, с. 497—499. (Далее: Студії...). Перевод датирован автором: «10—11 юнія 1912».

Он был вынужден прибегнуть к его немецкому переводу, осуществленному В. Коцебу³². К сожалению, немецкий переводчик позволил себе слишком много вольностей в обращении с оригиналом, уже в подзаголовке к балладе предупредив читателя, что он изменил ее стихотворный размер (*Mit veränderten Versmaß*)³³. Вот как выглядели, например, начальные строки баллады:

«Пе Аржеш ын жос
Пе ун мал фррумос
Негру-водэ трече
Ку товаршь зече:
Ноз мештерь марь,
Калфе ши зидарь,

Ши Манолл, зече
Каре-й ши ынтрече.
Мерг ку тоць пе кале
Сэ алягэ-н вале
Лок де монастире
Ши де поменире».

в поэтическом изложении В. Коцебу:

«Im Argisthal, dem üppig schönen Thal,
Der Woiewod Radu der Schwarze reitet,
Won Dienern rings und Kriegervolk begleitet
Aus stolzem Roß, im Panzerhemd von Stahl.
Und wohl verselin mit Winkelmaß und Kelle,
Zieln frohen Wutns zeln rüst ge Maurer nach:
Zum Klosterbau sucht Radu eine Stelle,
Die schönste, die im Argisthalelag»³⁴.

Как видно из приведенных строк, переводчик позволил себе изменить не только размер стиха, но и последовательно заменил пятичастное астрофическое построение баллады правильными восьмистрочными строфами, прибегнув при этом к словесной витиеватости и лексическим излишествами. Вмешательство переводчика в оригинал не ограничилось только этим. В примечаниях к книге он был «вынужден просить у читателя извинения не только за то, что лишил легенду своей первичной формы и вставил ее в балладный размер стиха» (здесь необходимо уточнить, что В. Коцебу имел в виду стихотворный размер немецкой, а не восточнороманской баллады.— А. Р.), но и за то, что отошел от сюжета оригинала, ибо, по его убеждению, финал баллады «был бы во вред драматическому эффекту всего произведения», и он «точно следовал сюжету (только) до момента окончания стройки»³⁵.

³² Rumänische Volkspoesie. Gesammelt und geordnet von B. Alexandri. Deutsch von W. v. Kotzebue, Berlin, 1857, S. 40—46.

³³ Rumänische Volkspoesie, S. 40.

³⁴ Ibid. Перевод: В Аргиской долине, пышной прекрасной долине
Воевода Раду Черный едет верхом,
Слугами и воинами сопровождаемый,
На гордом коне, в стальных доспехах
И вооруженные копьями и щитами,
За ним следуют веселых десять мужественных
строителей.

Для строительства монастыря ищет Раду место
Самое красивое, что лежало в долине Аргиса.

³⁵ Rumänische Volkspoesie, S. 145.

Эти отступления немецкого переводчика от молдавского оригинала надо учитывать при оценке перевода баллады на украинский язык. Правда, тонкий знаток народнопесенного творчества, И. Франко в своем переводе частично устранил излишние «красивости» немецкого издания, заменив, как он сам предупредил читателя, «напыщенную фразеологию более простыми выражениями в духе народной поэзии»³⁶. Это ему в некоторой степени удалось. Вот как, например, у него звучало то же начало баллады:

«У долині Арджісу прекрасній
Іде воевода Раду Чорний
В супроводі слуг і війська свого
На коні і в панцирі із сталі.
А за ним із мірами й кельнями
Іде крепких мулярів десятків,
Під будову монастирську місця
Раду тут найкращого шукає»³⁷,

Хотя стиль перевода И. Франко и приближен к народнопоэтическому, все же произведения, адекватного оригиналу, не получилось. Основной причиной было то, что ни переводчик, ни другие украинские литераторы не знали молдавского языка. Отсутствие знатоков языка сказывалось на интенсивности общения между литературами братских народов. Поэтому журнал «Літературно-науковий вісник», ведущая роль в руководстве которым в первый период его истории (1898—1906) принадлежала И. Франко, еще в 1902 г. искал адреса людей, владеющих обоими языками³⁸. Только спустя десять лет небольшая группа литераторов, знающих оба языка, начала сплачиваться вокруг журнала «Неділя»³⁹, но и она в связи с событиями первой мировой войны вскоре распалась.

Углубленное изучение украинских народных песен было немыслимо без привлечения молдавских материалов. В свое время Богдан П. Хашдеу обратил внимание на обилие молдавских сюжетов в украинских народных думах и песнях и определил их как важный источник для изучения истории восточнороманских народов⁴⁰. В свою очередь, И. Франко установил, что «самые давние песни нашего народа, о которых дошли до нас письменные упоминания, указывают на сношения с Волощиной»⁴¹. В обращении «От автора» в отдельном издании пер-

³⁶ Франко І. Студії..., с. 497.

³⁷ Там же.

³⁸ См.: Літературно-науковий вісник, 1902, т. XVIII, с. 18.

³⁹ См.: Исторические корни связей и дружбы украинского и молдавского народов. — Київ, 1980, с. 304.

⁴⁰ См.: Романец А. С. Богдан Петричейку Хашдеу и молдавско-украинские связи. — В кн.: Молдавско-руско-украинские литературные связи второй половины XIX в. — Кишинев, 1979, с. 259.

⁴¹ Франко І. Студії..., с. V. Волощина, волохи — так в украинском фольклоре, летописях и разговорной практике называется Молдавия и молдаване.

вого тома «Студій над українськими народними піснями» он приводит высказывание польского историка второй половины XVI в. С. Сарницкого об украинской думе, повествующей «о смерти братьев Струсов в битве с волохами в 1506 г.» Для раскрытия событий, легших в основу этой думы (домогательство молдавским воеводой Богданом руки сестры польского короля Александра), он пересказал их по хронике другого польского летописца М. Кромера⁴². Далее автор привел некоторые молдавские реалии при объяснении песен «Брат продает сестру турку» (IV), «Выкуп из плена» (IX), «Битва под Хотинном» (XXIX) и др.⁴³

Более широко использованы материалы молдавской истории при анализе «жемчужины нашего народного творчества», как назвал И. Франко украинскую народную песню «Дунаю, Дунаю, чему смутен течеш...» («Штефан воевода»). Это наиболее давняя из известных ныне записей песен славян, зафиксированная в середине XVI в. в чешской грамматике Яна Благослова (умер в 1571 г.). Эта песня привлекала внимание многих ученых разных стран, в том числе и Богдана П. Хашдеу, посвятившего ей специальную статью в 1873 г. Причем, если украинские исследователи не придавали особого значения личности героя песни — Штефана-воеводы, то молдавский ученый доказал, что им является выдающийся молдавский государственный деятель и полководец Штефан III Великий⁴⁴.

И. Франко в первой статье, посвященной этой песне, — «Das älteste rutenische Volkslied» (1906) повторил ставшую уже традиционной точку зрения украинских фольклористов о личности героя. «Является ли эта сцена исторической? — спрашивал он и тут же отвечал. — Мы этого не знаем. Имя Стефана носило в XV—XVI вв. много молдавско-валашских воевод и князей, а, впрочем, какое значение имел бы такой момент в жизни князя, даже если бы мы могли установить его документально? Совсем никакого»⁴⁵. Но уже в следующем году в статье «Штефан-воевода» (1907) он не так категорически отрицал важность документации факта. «Впрочем, относительно имени воеводы Стефана, — писал он, — то оно вводит нас в историю Мол-

⁴² См.: Франко І. Студії..., с. V—VI. Кстати, отметим, что подробно описана гибель братьев Струсов в одной из «исторических новелл» молдавского писателя Г. Асаки «Богдан воевод», опубликованной в 1853 г. Г. Асаки указал, что «основные факты этой новеллы основаны на исторических данных, а эпизоды сотканы по преданиям» (См.: Асаки Георге. Опере.— Кишинэу, 1979, п. 543). Он писал, что это дума «до наших дней сохраняется в традициях пастухов» (с. 297).

⁴³ См.: Франко І. Студії..., с. 52, 88, 188 и др.

⁴⁴ Подробную историографию вопроса см.: Романець О. Джерела братерства. Богдан П. Хашдеу і східноромансько-українські взаємини.— Львів, 1971, с. 128—152.

⁴⁵ Франко І. Вибрані статті про народну творчість, с. 71.

до-Валахии и то специально в XVI век, когда на государственном кресле того края под турецким владычеством восседали сряду четыре Стефана, из которых первый Стефан Великий умер в 1502 г. (описка, надо: 1504.— А. Р.), а пятый жил еще тогда, когда писалась Благовослава грамматика»⁴⁶. С течением времени И. Франко все больше убеждался в том, что выяснение личности героя песни имеет немаловажное значение для определения времени ее возникновения. В 1913 г. в «Приложениях» к своим «Студіям...» он обращал внимание, что «хотя песня о воеводе Стефане в своей основе не является исторической, потому что рассказывает о фактах личной жизни, все же не маловажным делом было бы знать, к которому волошскому воеводе Стефану она относится». При этом автор из доступных источников попытался определить прототип героя песни, сосредоточив внимание на личности Стефана Великого, но окончательных выводов об этом не сделал. В то же время И. Франко категорически отверг мнение С. Томашиевского о том, что героем песни мог бы быть Стефан Баторий⁴⁷. И после этого И. Франко не прекращал работы над текстом произведения. 19 февраля 1915 г. он закончил новую статью «Студії над українськими історичними піснями XV ст.», в которой подчеркнул важность установления личности героя песни для определения времени ее создания. Путем логических предположений он пришел к заключению, что «героем песни стали Стефан Великий, который занял престол 28 июня 1456 г. (надо: 1457.— А. Р.), а умер 2 июля 1504 г., прогосподаревавши 40 (надо: 47.— А. Р.) лет. Сколько лет он жил, точно неизвестно, но что воеводой он стал уже в зрелых летах, когда мог разобраться во всех тонкостях сложных и запутанных политических дел, то можно предположить, что в 1456 году ему было по крайней мере 25 лет. В песне он выступает уже воеводой, следует, что частный случай в его жизни, воспетый в народной песне, мог произойти лет пять, а то и десять позже. Тогда же, около 1470 года могла возникнуть и песня об этом неисторическом приключении одного из наиболее выдающихся людей XV века»⁴⁸.

Таким образом, И. Франко самостоятельно пришел к тому же заключению, что и Богдан П. Хашдеу, только произошло это спустя более 40 лет. Причиной этого был языковой барьер, отсутствие обмена научной информацией.

И все же украинский писатель и ученый и при этих неблагоприятных обстоятельствах глубоко осознавал жизненную важность многовековых украинско-молдавских связей, которые проявились, по его образному выражению, и в «братстве по

⁴⁶ Франко І. Студії..., с. 14.

⁴⁷ См.: Там же, с. 466—471.

⁴⁸ Науковий збірник Ленінградського товариства дослідників української історії, письменства та мови, вип. I.— Київ, 1928, с. 32.

оружию». в борьбе против завоевателей и на ниве культуры, письменности, народнопоэтического творчества обоих народов. Он подчеркивал необходимость изучения этих связей и сам внес весомый вклад в это дело, введя в научный обиход украинского литературоведения и фольклористики ряд фактов из истории братского молдавского народа, обогатив культурную сокровищницу украинского народа переводом одного из лучших поэтических произведений восточнороманских народов.

Глава 12

Украинская драматургия в оценке бессарабской прессы

Многообразны и многогранны формы и методы взаимного влияния и взаимного обогащения в сфере духовного общения. Как видно из материалов, вошедших в настоящие очерки, взаимное духовное воздействие шло различными путями. Это и влияние и взаимные переводы, локализации и подражания, творческое восприятие тем, сюжетов, методов и т. д. и т. п.

В общем контексте многообразного процесса молдавско-украинского культурного взаимного обогащения небезынтересна роль украинской драматургии в формировании духовного климата в Бессарабии в начале XX века.

Преследуемые царскими властями, украинские театральные труппы были лишены права выступать в ряде украинских губерний. Из-за восторженного приема, который им оказывали зрители, киевский генерал-губернатор Дрентельн приказал «не допускать украинские труппы к Киеву на пушечный выстрел»¹.

Украинским театральным товариществам разрешалось выступать только в Бессарабии, Таврической и Воронежской губерниях, а также в Донской и Кубанской областях, где проживало украинское население. В силу сложившихся обстоятельств выдающиеся мастера украинского театрального искусства часто выступали в Кишиневе. Благодаря гастролям зрители многих городов и сел Бессарабии знакомились с великолепной, социально-насыщенной и богатой прогрессивными традициями украинской драматургией.

Первое знакомство молдавских зрителей с инсценировкой этих произведений состоялось еще в 1884 г. В «Бессарабских губернских ведомостях» 20 ноября 1884 г. сообщалось: «...15 ноября, в театре-цирке Фюррера, прибывшей на днях в Кишинев известной русско-малорусской труппой М. П. Старицкого, под

¹. Садовський М. К. Мої театральні згадки.— Київ, 1930, с. 12.

режиссерством М. Л. Кропивницкого, дан был... первый спектакль, в состав которого вошли: «Наталка Полтавка», оперетта в 3-х действиях Котляревского и «Дайте мне старуху», фарс-водевиль в 1 действии. В первой пьесе участвовали: г-жа Верина (Терпелыха), Садовская (Наталка) и г. г. Грицай (Петро), Саксаганский (Возный), Кропивницкий (Выборный) и Садовский (Бурлак), во второй: г-жа Александровская и гг. Стодоля и Горский»².

С этого времени вплоть до начала XX в., каждые 2—3 года в Кишиневе гастролировали труппы основоположников украинского театра критического реализма — М. Кропивницкого, Н. Садовского, П. Саксаганского. Благодаря этим труппам жители края познакомились с многими пьесами, вошедшими в золотой фонд украинской драматургии.

Пресса тех лет свидетельствует о том, что украинские постановки шли с огромным успехом. Классик украинской литературы И. Нечуй-Левицкий, бывший в то время преподавателем словесности в Кишиневской гимназии, писал в статье «Из Кишинева»: «Билеты надо было приобретать заранее. Из провинций, из уездных городов понаехало много людей. В трех лучших гостиницах не осталось ни одного свободного номера. Среди театральной публики может третью часть составляли украинцы: можно сказать, что только половина публики совсем понимала украинский язык. Вторая половина мало понимала язык вещей, а все-таки шли в театр: и молдаване, и греки, и армяне, и евреи, и болгары, ибо, как говорили, артисты так чудесно играют и поют, что, даже не понимая половины того, что говорилось на сцене, можно было любоваться игрой и пением артистов»³.

Многочисленные гастрольные выступления основоположников украинского театра критического реализма заложили основу прочных и многолетних культурных связей братских народов.

Ярким и самобытным было украинское театральное искусство, а актеры и драматурги являлись его достойными популяризаторами. Не случайно поэтому на протяжении многих лет каждое выступление в Бессарабии основоположников театра критического реализма становилось крупным событием в духовной жизни края.

В 1901 г. кишиневцы вновь встретились с выдающимися деятелями украинского театра, которые гастролировали в составе «труппы Кропивницкого под руководством Саксаганского и Садовского с участием Заньковецкой». Об этом сообщают «Бессарабские губернские ведомости»⁴.

² См.: Попович К. Ф. Украинский театр в Кишиневе. — Кишинев, 1974, с. 20—21.

³ Нечуй-Левицкий І. С. Зібрання творів: У 10-ти т. — Київ, 1968, т. 10, с. 119.

⁴ Бессарабские губернские ведомости, 1901, 5 декабря.

Сезон открылся драмой М. Кропивницкого «Глитай, або ж Павук». Вслед за ней на сцене театра Благородного собрания была поставлена новая комедия И. Карпенко-Карого «Хазяїн». Комедия, освещающая ту же тему, что и драма Кропивницкого, завершала галерею портретов «мироедов», созданных Карпенко-Карым. В этой комедии, как и в пьесе того же автора «Сто тысяч», источником конфликта являлись деньги, а центральными героями — их владельцы. В пьесе отражены глубокие социальные противоречия в среде украинского крестьянства 90-х гг. В этот период полновластным хозяином деревни становился кулак, а полупатриархальные формы найма все более отживали.

Пресса отметила социальную направленность и актуальность тематики комедии «Хазяїн». «На этот раз,— говорилось в том же номере «Бессарабских губернских ведомостей»,— в «Хазяине» автор затрагивает такой животрепещущий вопрос, каким представляется в настоящее время — продовольственный; затем вопрос об отношениях работодателя к наемнику и пр.

Все это, несомненно, дышит свежестью минуты и интересует общество...»⁵.

Автор рецензии, видимо, был хорошо знаком с украинской драматургией и, в частности с произведениями Карпенко-Карого, поскольку он дал верную оценку его пьесам: «Помимо славы как известного артиста г. Карпенко-Карый пользуется вместе с тем и популярностью автора нескольких малорусских пьес, достоинство которых заключается главным образом в новизне сюжетов, в коих отсутствует шаблонность, наблюдаемая обыкновенно в драматических произведениях старого малорусского репертуара».

С большим подъемом сыграли артисты и пьесу Карпенко-Карого «Сава Чалий»⁶.

Как известно, И. Карпенко-Карый был сторонником драматургии, высоко идейной и социально направленной. В записке в Комиссию по организации I Всероссийского съезда сценических деятелей, написанной совместно с П. Саксаганским, он подчеркивал: «Народ любит смотреть пьесы серьезные, моральные, нравоисправительные, исторические... Публика, смотря плохие пьесы, рассчитанные на то, чтобы дать лишь развлечение, в конце концов развращает свой вкус и уже не умеет ценить истинно литературного произведения». И далее: «Цензура за короткое время не пропустила более десяти хороших драм, разрешая в то же время массу бездарнейших выкрутасов и компиляций литературных клоунов»⁷.

⁵ Там же.

⁶ Там же, 1901, 12 декабря.

⁷ Цит. по кн.: Мороз З. Українська драматургія та театр другої половини XIX ст. — Київ, 1950, с. 56—57.

Идеалы драматурга Карпенко-Карого получили художественное воплощение во многих его произведениях. Однако в пьесе «Лиха іскра поле спалить і сама щезне» Карпенко-Карый частично поступился своими принципами, что сказалось на художественных достоинствах произведения. Исследователи считают, что это отступление обусловлено усилением цензурного гнета. Но каковы бы ни были причины, результат их оказался пагубным для пьесы. Тем не менее драма «Лиха іскра...», поставленная на кишиневской сцене, «прошла прекрасно»⁸.

В «Бессарабских губернских ведомостях» 11 декабря 1901 г. была помещена статья о пьесе, написанной М. Старицким по мотивам романа польского писателя Ю. Крашевского. В первой редакции она называлась «Лиха доля». В ней затрагивалась проблема социального неравенства, расслоения крестьянства. Поэтому цензура запретила ее постановку под предлогом, будто бы события, изображенные в пьесе, «вредно влияют на отношение низшего сословия к высшему, порождая взаимную неприязнь»⁹. Лишив произведение острой социальной направленности, Старицкий в известной мере его мелодраматизировал. Но когда роль Азы исполняла Заньковецкая, по мнению рецензента, — пьеса приобретала совершенно иное звучание. «Когда читаешь пьесу Старицкого, — пишет С. Дурылин, — то перед тобой — растянутая мелодрама с всеми ее большими недостатками и немногими достоинствами; когда же Заньковецкая играла эту пьесу — это была трагедия в наиболее точном и наиболее непосредственном понимании слова»¹⁰.

Блестящая игра труппы, интересный и актуальный репертуар были высоко оценены кишиневскими зрителями. Секрет успеха украинского театра «корифеев», как справедливо писала в то время львовская «Зоря», заключается «...в той исключительной любви и искренности, с которыми украинские артисты отдаются своему делу, в их искреннем, пламенном желании показать интеллигентной России украинское село таким, каким оно является, с его страданиями и радостями, со всеми обычаями как в прошлой, так и в современной общественной жизни»¹¹. Именно так воспринимал и молдавский демократический зритель выступления на кишиневской сцене основоположников украинского театра критического реализма.

Демократическая направленность и высокие художественные достоинства пьес, входивших в репертуар «корифеев», покоряли молдавскую публику. Даже языковой барьер не мог

⁸ Бессарабские губернские ведомости, 1901, 14 декабря.

⁹ Мороз З. Указ. соч., с. 25.

¹⁰ Дурылин С. М. Марія Ханьковецька, життя і творчість. — Київ, 1955, с. 264.

¹¹ Цит. по кн.: Василько В. Микола Садовський та його театр. — Київ, 1962, с. 14.

снизить интерес к настоящему искусству. Духовная близость двух братских народов была порождена общностью их исторических судеб. Молдавский зритель видел в украинских пьесах отражение собственной судьбы.

Театр Садовского, Саксаганского и других выдающихся мастеров украинской сцены был пропагандистом высокого искусства. В то же время это была большая, поистине классическая школа. В ней формировались кадры, возглавившие затем новые театральные товарищества, с которыми связано дальнейшее развитие украинской драматургии. Так, например, М. Старицкий воспитал многих руководителей театральных коллективов: Ю. Косиненко, В. Грицай, К. Ванченко-Писанецкого, М. Пономаренко, М. Ярошенко и др.

В начале 1901 г. театральное товарищество, возглавляемое Е. Ратмировой, поставило в Кишиневе драму Кропивницкого «Невольник» и историко-бытовую драму Старицкого «Маруся Богуславка».

Написанная на сюжет одноименной поэмы Т. Шевченко, драма Кропивницкого была посвящена освободительной борьбе украинского народа против турецких поработителей. В ней гневно разоблачались крепостнический строй и казацкая старшина. Положительными являлись образы людей из народа. Пьеса вызвала живой интерес зрителей¹².

Рецензент объяснял огромный успех спектакля прежде всего тем, что пьеса впервые ставилась на кишиневской сцене. Известно, однако, что драму «Невольник» еще в 1884 г. исполняла в Кишиневе группа Старицкого¹³. Думается, что пьеса была так тепло встречена кишиневским зрителем главным образом потому, что в ней рассказывалось о борьбе украинского народа против турецких поработителей. Это во многом напоминало историю молдавского народа.

Историко-бытовая драма Старицкого «Маруся Богуславка», являясь переработкой народной думы, правдиво воспроизводила прошлое украинского народа, его борьбу против иноземного гнета. В драме прославлялись невольники, восставшие против угнетателей, и осуждались изменники родины. В рецензии, помещенной в «Бессарабских губернских ведомостях» от 11 января, подробно излагалось содержание произведения, а в конце давалась оценка постановке и характеристика исполнителям.

Вскоре после отъезда труппы Ратмировой в город прибыло украинское театральное товарищество, которым руководил В. Грицай. Театральный сезон был открыт в театре Орадовского драмой И. Тогобочного «Борці за мрію»¹⁴. На следующий день в том же театре зрители увидели социально-психологиче-

¹² См.: Бессарабские губернские ведомости, 1901, 9 января.

¹³ См.: Там же, 1884, 1 декабря.

¹⁴ См.: Там же, 1901, 16 января.

скую комедию И. Карпенко-Карого «Сто тысяч», которая «прошла с блестящим успехом». Вечером «не менее удачно» был сыгран «Кум-мірошник» В. Дмитренко¹⁵. В последующие дни артисты показали драму Карпенко-Карого «Наймичка» и шутку-опереттку «Пошились у дурні»¹⁶.

В «Бессарабских губернских ведомостях» 2 февраля появилась рецензия А. Серова. «Мы говорим, конечно, только лишь о тех шумных овациях,— писал рецензент,— какие выпадают на их долю каждый вечер, что же касается сборов, то таковые очень плачевны, а между тем они вправе, кажется, были бы рассчитывать на сборы, т. к. поставленные ими комедии и драмы... разыгрываются... очень дружно». «Шумные овации» и вместе с тем «плачевные сборы» можно объяснить тем, что украинские спектакли шли в Кишиневе непрерывно с середины декабря предыдущего года.

Труппы, возглавляемые Е. Ратмировой и В. Грицаем, представляли в Бессарабии украинское театральное искусство практически одновременно с самыми сильными труппами, уже успевшими снискать заслуженную громкую славу.

Бывшие воспитанники и недавние члены прославленных коллективов, Е. Ратмирова и В. Грицай сумели перенести в свои новые труппы многие лучшие традиции, выработанные театром «корифеев». С самого начала артисты молодых товариществ взяли равнение на знаменосцев национального, демократического, подлинно народного украинского театра. Однако их путь не был прямым и легким. В поисках собственного творческого «почерка» молодые труппы нередко обращались к новым или малоизвестным пьесам, далеко не всегда высокохудожественным. Кроме того, правильное распределение ролей между участниками спектаклей, расстановка нужных акцентов были для молодых коллективов довольно трудными задачами. Но несмотря на отдельные неудачи и ошибки, труппы Е. Ратмировой, В. Грицай и другие, как свидетельствуют рецензии, появившиеся в бессарабской прессе во время их гастролей, сумели обогатить представление бессарабских зрителей об украинской драматургии, познакомить жителей края с новыми именами, новыми сюжетами, новыми героями.

Следующий приезд украинских артистов в Бессарабию относится к 1906 г., когда в Кишиневе гастролировало товарищество под управлением С. Дьякова. На сцене театра Благородного собрания были показаны пьесы П. Мирного, И. Карпенко-Карого, М. Кропивницкого, М. Старицкого, Г. Квитки-Оновьяненко и др.

Драма Панаса Мирного «Лимерівна» — открывала сезон. Рассказывая о тяжелой судьбе украинского крестьянства, драма П. Мирного приобретала особенно острое социальное зву-

¹⁵ См.: Там же, 17 января.

¹⁶ См.: Там же, 18, 19 января.

чание в период первой русской революции. Как и Катерину Островского, «темное царство» и произвол мироедов толкают Наталью — главную героиню, на самоубийство. Ростовщица Шкандыбиха, жизненное правило которой «захочу — будешь жить, захочу — растопчу», подобно Кабанихе, издевается над невесткой потому, что она из бедной семьи. П. Мирный разоблачает звериную сущность эксплуататорского общества, в котором вольготно живет только мироедам и ростовщикам. «...Все не так делается, как нужно; нет правды на свете! — восклицает Василь Безродный. — Люди, как собаки, грызутся, никто друг другу добра не желает. А хуже всего богачи: хотели бы весь мир проглотить!» Разоблачая семью Шкандыбов, нажившуюся на чужом горе, Василь говорит: «Все еще помнят, как старый Шкандыба мошенничал, добывая свое богатство, сколько людей с сумой по миру пустил, на тот свет загнал, гоняясь за чужим добром! Все хорошо знают, что Шкандыбиха и теперь, давая деньги под залог, клочок за клочком отхватывает землю у бедняков, которые не могут в срок долги отдать...» Рассказывая о своей тяжелой доле, Василь размышляет о причинах, которые порождают богатство и нищету. «А кто ты такой? — спрашивает он себя. И с горечью и гневом отвечает: — Приемыш безродный, с голыми руками! Нищий с пустым ртом! Зачем тебе счастье? Пусть оно богатырям служит, им помогает, ведь за ними сила, у них достатки! А откуда они взялись? Как взялись эти достатки? Честным трудом добыты? Мозолистые руки их добывали?» Чтобы произнести такие слова в то время, когда по всей России полыхала революционная борьба, а царская охранка хватала людей по малейшему подозрению, нужно было обладать огромным гражданским мужеством.

О первом спектакле труппы С. Дьякова писал театральный критик газеты «Бессарабская жизнь» в номере от 8 февраля: «„Лымеривна“, очень жизненная, большая жанровая картина с отчетливо и правдиво написанными лицами, сыграна была товариществом для начала гастролей очень удачно, так как драма Мирного позволяет главным артистам развернуть свои силы».

Музыкально-вокальная картина «Вечорниці», сыгранная актерами вечером того же дня, судя по оценке рецензента, с самой выгодной стороны показала певцов и танцоров труппы. В том же номере газеты сообщалось, что на следующий день «будет впервые поставлена четырехактная комедия Карпенко-Карого «Суета», заслуживающая «полного внимания всех знатоков и любителей украинской драматургии».

Комедия «Суета», по словам рецензента, отличается... разнообразием характеристики и сравнительной сложностью своего сценария. В комедии действует масса прекрасно освещенных и вполне жизненных фигур, а показанная в ней коллизия отно-

шений между земледельцами и их учеными детьми значительно повышает интерес всей фабулы. Среди действующих лиц этой комедии талантливому драматургу мы встречаем и несколько редких в малорусской драматической литературе характеров. Генерал, сельский учитель, девушка, окончившая гимназию, кандидат прав, статский советник, помощник классного наставника и оригинальный толкователь «суеты» — старший писарь штаба — все эти люди делают картину «красочной», придают сочность ее краскам, яркость ее тонам.

Рецензент, подписавшийся П-ц, верно охарактеризовал спектакль. Его дополнил Лямед — автор статьи, помещенной под той же рубрикой «Театр и музыка» в «Бессарабской жизни» от 12 февраля. Поскольку в прессе сообщалось, что комедия «Суета» ставилась труппой Дьякова трижды¹⁷, неизвестно, к первой или второй постановке относится рецензия Лямеда. Пожалуй, это самая теплая, проникновенная и глубокая из всех опубликованных в течение сезона рецензий на постановки театрального товарищества С. Дьякова.

«Я слушал эту славную, талантливую комедию Карпенко-Карого, и она пробудила в моей душе что-то прекрасное, давнее, невозвратимое. Дуновением весны и теплом майского солнца веет от ее роскошной природы, от ее здоровых, сильных и милых людей. Нечто вольное и широкое, как простор степи, манит и увлекает нас от суеты и пошлости жизни, одного — к красотам искусства, а другого — к деревне, к труду и земле...».

В комедии «Суета» действуют три группы персонажей: зажиточные крестьяне (Карпо, Макар, Тетяна), крепко связанные с землей; буржуазные интеллигенты (Михайло, Петро), утратившие связь с деревней; интеллигент-демократ (Иван), стремившийся своей деятельностью на поприще искусства стать полезным народу.

Зажиточного хозяина Карпа Барыльченко драматург изобразил положительным героем, воплотившим в себе здоровую мораль трудового человека. В этом проявилась ограниченность мировоззрения Карпенко-Карого, его положительного идеала. Единственным средством от «суеты» драматург считает возвращение в «старое гнездо», к хуторской жизни, которая в действительности не способна ликвидировать «болезнь». Кишиневский же рецензент в призыве драматурга находит именно то, что будто бы в состоянии создать «бодрящее настроение».

Оба кишиневских рецензента отметили своеобразие комедии Карпенко-Карого, обратили внимание на ее отличительные черты. Лямед в частности писал: «В пьесе Карпенко-Карого действует много лиц, по-видимому, чуждых малорусской драме, которая, как известно, на передний план выдвигает быто-

¹⁷ См.: Бессарабская жизнь, 1906, 17 февраля.

вые элементы характеров и разрабатывает сюжеты, сохраняющие национальную колоритность». Перечислив всех действующих лиц, Лямед заключает: «Такое разнообразие лиц и характеров придает картине особенный, исключительный характер».

Новые, казалось бы, для украинской драматургии персонажи, выведенные в пьесе Карпенко-Карого, изображали типичных представителей украинского общества своего времени. Заслуга драматурга заключалась в том, что он не побоялся показать эти персонажи. В комедии «Суета» воплотились замыслы, упомянутые ее автором еще в 1897 г. в совместной с П. Саксаганским записке. Уже тогда украинские театральные деятели призывали драматургов к тому, чтобы они не уходили от злободневных вопросов, чтобы на сцене ставили произведения, воссоздающие «действительную жизнь со всеми ее ограничениями, тормозами и недостатками»¹⁸. Выйдя, как правильно отметил Лямед, за рамки традиционности, Карпенко-Карый содействовал осуществлению требований, выдвинутых в докладе, созданию реалистического театрального репертуара, отвечающего на запросы жизни.

Следующей ставили музыкальную драму М. Старицкого «Ой не ходи, Грицю, та й на вечорниці». В рецензии на этот спектакль утверждалось, что пьеса по своему сюжету и разработке характеров не вносит ничего нового в украинский репертуар. Автор рецензии, не сумев оценить достоинства произведения, ограничился оценкой бытового конфликта. Между тем драма Старицкого глубоко социальна. В ней правдиво отражена жизнь украинского села середины XIX в. И, хотя по цензурным соображениям Старицкий вынужден был отметить, что действие пьесы относится к временам, давно канувшим в Лету, актуальность и социальная направленность ее очевидны. В драме осуждается Хома, который за деньги хочет «купить себе сердце» Маруси и доводит ее до безумия, а ее возлюбленного — до гибели.

Рецензент высоко оценил заключительную часть драмы. «...Надо сознаться, — писал он, — что заключительный аккорд этого произведения почти исключителен по силе оставляемого впечатления и повышается, можно сказать, до шекспировского трагизма. ...Глубоко несчастная, безумная, с блуждающим взором девушка — и у нее в объятиях убаюкиваемый ею еще не похолодевший труп только что отравленного ею возлюбленного — такая картина кажется перенесенной в серые будни нашей жизни из высокого героического репертуара»¹⁹.

Авторы рецензий, как правило, не только передавали общее впечатление от постановки тех или иных пьес, но и

¹⁸ Саксаганский П. К. Из прошлого украинского театра. — М. — Л., 1938, с. 155.

¹⁹ Бессарабская жизнь, 1906, 9 февраля.

высказывали свое мнение по различным вопросам. Например, в рецензии на постановку комедии М. Кропивницкого «Пошились у дурні», опубликованной «Бессарабской жизнью» 10 февраля, П-ц наряду с очень компетентной характеристикой творчества Кропивницкого вообще дает также жанровый анализ этого произведения. «Собственно говоря, пьеса отца украинского театра Марка Лукича Кропивницкого не комедия в принятом значении, как это утверждает афиша, а скорее шутка или, вернее, оперетта-шутка, как она, кажется, и называется в «Збирнике творив» М. Л. Кропивницкого. Во всяком случае, по обилию и разнообразию вокальных номеров, сольных дуэтов, трио и хоровых, комедию «Пошились у дурні» с полным правом можем считать очень музыкальной малорусской опереттой». Примечательно, что и в современной критической литературе это произведение определяется как оперетта-шутка. Таким образом, М. Кропивницкий продолжал развивать характерный для украинской сцены второй половины XIX в. жанр музыкальной комедии, идущей от Котляревского.

Конечно, к сожалению, далеко не все произведения, включенные в репертуар труппы, отличались высокими идейно-художественными качествами. К чести бессарабских рецензентов следует сказать, что такие пьесы получили резко отрицательную оценку. Например, «Бессарабская жизнь» 12 февраля 1906 г. подвергла уничтожающей критике драму малоизвестного автора А. Суходольского «Хмара», а 15 февраля постановку исторической пьесы в пяти действиях «Граф Кирило Розумовський» Г. Ге и Л. Сабинина²⁰.

Эти и некоторые другие неудачные постановки несколько снизили интерес зрителя к труппе Дьякова. Поэтому актеры перед закрытием сезона показали несколько новых украинских пьес, снискавших лестные отзывы критики. В помещении третьей женской гимназии в пользу нуждающихся учащихся был дан 20 февраля «вечер молодежи». В этом «шумном, оживленном, празднично-веселом» вечере участвовали и актеры труппы Дьякова, поставившие четырехактную комедию Б. Гринченко «На громадській роботі» («На общественной службе») и музыкальную мозаику «Вечорниці».

Корреспондент «Бессарабской жизни» П-ц выступил 22 февраля со статьей, в которой подробно проанализировал идейное содержание пьесы Гринченко и охарактеризовал ее героев. Интересна параллель, проведенная рецензентом между пьесой «На громадській роботі» и «Врагом народа» Г. Ибсена. «Вот наконец и малорусский «Доктор Штокман». Прислушайтесь к его центральному лицу (персонажу.— К. П.), и вы ясно заметите в нем ибсеновского «врага народа». Те же мотивы, те же цели, почти одинаковые психологические процессы. Совершен-

²⁰ Бессарабская жизнь, 1906, 15 февраля.

но так же, как и доктору Штокману, Арсену Яворенко приходится бороться с косностью «сплоченного большинства», такие же у обоих препятствия на пути, такая же у обоих нравственная поддержка. Там на пути становится брат, тут — жена; у Яворенко лучшим другом является сестра, у Штокмана — жена, но и там и тут герои стоят лицом к лицу с обществом, с «громадой», и там и тут „стадо осиливает индивидуальность”».

На наш взгляд, аналогии, проведенные рецензентом, весьма убедительны. Правда, оценки, которые он дал тем или иным явлениям идейного и социального плана, не выходят за пределы официальной точки зрения, они обусловлены объективистским миропониманием. Известно, что при всем величии Г. Ибсена, в его отдельных произведениях, в том числе и во «Враге народа», индивидуалистический протест приобретает антидемократический характер. Основная идея пьесы Ибсена в том, что движущей силой общественной жизни является не забота об общем благе, а эгоизм, трусость и честолюбие. В пьесе Гринченко «На громадській роботі», как и в других произведениях («На новий шлях», «Нахмарило»), центральным является образ идеализированного либерала-просветителя. Автор проповедует «малые дела», преувеличивает роль просветительской работы. Таким образом, несмотря на кажущуюся близость этих произведений, они существенно отличаются друг от друга. Это отметил и кишиневский рецензент, глубоко и верно охарактеризовавший центральных героев сравниваемых пьес. «Разница в том,— писал он,— что норвежский и малорусский индивидуалисты приходят к разным выводам, получают разные суммы от тех же слагаемых. Ясно, что верна только одна сумма. Штокман, как известно, приходит к своей знаменитой формуле об одиночестве. Яворенко, напротив, под конец снова становится правоверным «громады» и снова замыкает в волшебный круг ту цепь, каждое звено которой, казалось, увеличивало расстояние между личностью и людьми».

Сезон закрывала пьеса Карпенко-Карого «Житейське море». Это было в какой-то степени закономерно. В комедии еще раз ставился вопрос о моральном возрождении человека, о месте и роли искусства в его жизни. Написанная в канун первой русской революции — летом 1905 г. — пьеса отражала не только точку зрения автора, но и чаяния народных масс. Карпенко-Карый разоблачал аморальность и мещанство буржуазной интеллигенции, клеймил позором декадентов. Если декаденты превозносили культ смерти, то герой пьесы «Житейське море» стремится к красоте и правде жизни. «Нет, в смерти красоты нет! Красота — жизнь! И я хочу жить, жить, по правде жить!» — восклицает он. В этом, пожалуй, и сконцентрирована основная мысль пьесы. Однако в пьесе есть и слабые стороны, которые во многом объясняются противоречиями, собственными Карпенко-Карому.

Рецензенты бессарабских газет подробно освещали ход гастролей. Они стремились оценивать не только сценическое воплощение образов, но и художественные достоинства самих драматических произведений, раскрывать идейное содержание пьес. Они заставляли зрителей задумываться над идейным смыслом того или иного драматического произведения, самостоятельно искать ключ к его пониманию. Несмотря на отдельные срывы, гастроли артистов труппы С. Дьякова стали важным событием в духовной жизни молдавского народа. Артисты, выступавшие на кишиневской сцене, содействовали формированию не только эстетических вкусов, но и общественного мнения, способствовали распространению передовых идей и воззрений.

В начале 1907 г. в Кишинев приехала русско-малорусская театральная труппа под управлением Ф. Левицкого. Как обычно, репертуар труппы состоял из классических произведений и из посредственных вещей. Наряду с упомянутыми пьесами «Ой не ходи, Грицю, та й на вечорниці», «Наталка Полтавка», «Лимерівна», «Бурлака», «Хозяїн», «Дай сердцю волю, заведе в неволю» шли и такие малопримечательные постановки, как «Недолюдки», «В мутній воді» и др.

Театральный сезон открыла фантастическая оперетта Кропивницкого «Вій». Как свидетельствуют высказывания автора рецензии, публиковавшего свои статьи об украинских постановках на протяжении всего сезона за подписью Д.—Б. (В. Н. Лашков.— К. П.), и сама оперетта, и игра артистов произвели на зрителей большое впечатление. Вот, например, что писал рецензент о произведении: «М. Л. Кропивницкий вдохновился нежной, дивной поэзией фантастического «Вия» Гоголя и дал нам полную силы и жизни, красивую и эффектную драматическую вещь. «Вий» Кропивницкого не переделка, а скорее переработка, переложение повести Гоголя; это действительно пьеса, написанная «по Гоголю». Но Гоголь не потерял от этого ничуть: пьеса овеяна его духом, и тот же первоисточник, то же народное предание освещено в «Вие» — пьесе, как и в «Вие» — повести, кротким, серебристым, лунным сиянием. И в пьесе, как и в повести, звучат тихие, меланхолические нотки, слышится недосказанная исповедь сердца, и тайны ночи сияют, но не могут рассеять свои долгие чары»²¹.

Надо сказать, что рецензент стремился проявить максимум принципиальности и по достоинству оценить постановки, не зирая ни на авторитет драматургов, ни на славу артистов. В этом отношении показательна рецензия на постановку исторической драмы М. Старицкого «Маруся Богуславка».

Пьеса уже ставилась в Кишиневе шесть лет назад (9 января 1901 г.). Тогда в «Бессарабских губернских ведомостях» была помещена рецензия, в которой подробно излагалось со-

²¹ Бессарабская жизнь, 1907, 9 января.

держание драмы и давалась стереотипная оценка игре артистов. О недостатках произведения ничего не было сказано. В рецензии Д.—Б., опубликованной 10 января 1907 г. «Бессарабской жизнью», появляется анализ содержания, причем преимущественно его слабых сторон. Недоумевая по поводу того, что Старицкий, автор многих прекрасных, оригинальных пьес, мог создать такую драму, Д.—Б. писал: «Надо умудриться вложить в пять актов столько бесценных слов, нагромоздить такую массу искусственных положений. Это не пьеса, не раскрытие сюжета, развитие характеров, обнаружение идеи, это просто-напросто хрестоматия всевозможных диких диалогов». Рецензент сокрушался о напрасном труде артистов и режиссеров, на долю которых выпало несчастье участвовать в постановке.

Думается, что Д.—Б. в данном случае несколько преувеличил недостатки, ибо драма, не лишенная достоинств, до сих пор занимает постоянное место в украинском театральном репертуаре. Всяк, кто подобно Марусе Богуславке ради личного благополучия поступит интересами родины,—бесславно погибнет. В этой мысли сконцентрирована идейная нагрузка пьесы, и в этом ее непреходящая ценность.

О драме И. Карпенко-Карого «Бурлака» отзыв был теплым и доброжелательным. «Сильные и яркие характеры самого «бурлаки» Опанаса и его «ворога лютого» старшины Михайла Михайловича, тонко очерченный тип писаря Омеляна Григорьевича, наконец мастерские иллюстрации тяжелой темноты и скорее преступной, нежели «святой» простоты невежественной массы,—говорится в рецензии,—очень выгодно выделяют драму Карпенко-Карого из целой сотни украинской драматургии». Это исчерпывающая характеристика произведения и оценка его превосходных качеств.

В отзыве о постановке «Наталки Полтавки» Котляревского особый акцент был сделан на величии произведения. «...И бойкая Наталка, и ее гарный Петро, и сердечный Микола, и добрейшая Терпелиха, и хитрый, но не зловредный Выборный, и этот великолепный Возный, который не делал добра «за недосужностью по должности»,—все это такие образы, которые не сотрет и само всеильное время, покамест будет существовать на земле хоть один малоросс»²².

Через несколько дней в «Бессарабской жизни» появилось объявление: «Сегодня идет пьеса Старицкого «Талан», заслуживающая живейшего внимания наших любителей и знатоков театра. Пьеса касается жизни артистов и занимает в украинском репертуаре очень видное место»²³. Однако спектакль по-

²² Бессарабская жизнь, 1907, 13 января.

²³ Там же, 16 января.

лучился вялым и неинтересным. Надежд критиков и зрителей он не оправдал. «Снотворные длинноты и растянутость диалогов и действий губят «Талан», — писал рецензент. — Кроме того, в пьесе много фальшивых мест, много искусственности и условных положений...». Пьеса, говорится далее, в целом рыхлая, незавершенная, нуждающаяся в доработке. Наиболее удачной ее частью Д.—Б. считал первый акт. «Это, — утверждал он, — положительно самая художественная, наиболее обработанная ее часть... Из числа лиц, выведенных в пьесе, ее героини, Лучицька и Квятковська, пользовались, надо полагать, наибольшим расположением автора, потому что освещены ярко, освещены, если хотите, изнутри: вы видите их психику, читаете, как книгу, их внутренний мир». «Талан» — правдивый рассказ о трагедии талантливой актрисы в условиях классового общества. Жена своевольного, жестокого и невежественного помещика, героиня пьесы артистка Лучицкая становится жертвой домостроя. И тем не менее она находит выход — он в любви народа, который чтит ее талант. Известно, что Старицкий посвятил свою пьесу М. Заньковецкой, которая явилась прототипом главной героини произведения.

Говоря о слабостях пьесы, автор рецензии кое-где был излишне субъективен. Однако в целом его оценка интересна. Правда, он не учел того, что по своей тематике, по смелой постановке серьезных вопросов пьеса необычна для украинской драматургии. Главная особенность пьесы заключалась прежде всего в том, что в ней впервые в украинской драматургии и даже в украинской литературе центральной героиней является женщина — представительница трудовой интеллигенции. Старицкий разработал сюжет, близкий сюжету драмы Островского «Таланты и поклонники», в которой ставится проблема судьбы одаренных людей в условиях буржуазно-помещичьего строя. Однако он не сумел создать оригинальное, самобытное произведение, национальное в лучшем смысле этого слова.

Судя по большинству его рецензий, кишиневский критик относился несколько скептически не только к пьесе Старицкого «Талан», но и к его творчеству в целом. Это подтверждает и рецензия в «Бессарабской жизни» от 19 января на постановку драматического этюда «Зимовні вечір». «С моей стороны, — писал Д.—Б., — было бы ошибкой предполагать, что у Старицкого есть безупречные произведения. Напротив, от упреков не свободно ни одно из них. В каждом рядом с талантливо написанными, вполне художественными сценами и лицами стоят банальности, показываются вялые, бесцветные картины, проходят смутные, никому не нужные лица».

В статье, посвященной постановке драмы М. Старицкого «Ой не ходи, Грицю, та й на вечорниці», рецензент высказывает мнение, что сама драма не вносит ничего нового в украинский репертуар, а некоторые длинноты делают ее сравни-

тельно бледной. Наиболее удачна, по мнению рецензента, заключительная часть драмы.

Резко отрицательно отнесся критик к пьесе И. Тогобочного «Жидівка-вихрестка», уже ставившейся в 1901 г. на сцене театра Орадовского. Тогда в прессе сообщалось об успехе спектакля и говорилось много хорошего об исполнительском мастерстве актеров. Д.—Б. в своей рецензии тоже похвалил артистов, в особенности Лучинскую и супругов Чаплицких, выступивших в главных ролях, Мартынову, Рябинову, Науменко и Володина, однако, отметил, что факты, лежащие в основе драмы, не типичны, а поэтому и не могут быть предметом художественного произведения. «Автор,— писал рецензент, — забыл или, может быть, не знает, что частные случаи, исключительные явления, не представляющие художественного интереса, лишённые дидактического значения, не могут служить предметом изящной литературы»²⁴.

Так резко эту пьесу не оценивал еще ни один из кишиневских критиков, в то время как многие видные украинские литературные и театральные деятели критиковали драматургию И. Тогобочного. Так, еще в 1900 г. Г. Хоткевич по поводу многочисленных драматургов, наводнивших репертуар украинского театра своими произведениями, говорил: «Посмотрим на этих наших Захаренко, Тогобочных, Мирославских-Винниковых, Третьяковых, Ванченков и вообще на всю... плеяду новейших драматических стряпунов. Да неужели сие есть наша драматическая литература? Неужели это то разумное сокровище, с которым мы предстанем пред страшный суд всемирный?»²⁵.

Правда, пьеса «Жидівка-вихрестка» входила и в репертуар наиболее прославленных трупп украинского театра. Но в блестящем исполнении она приобретала черты драмы. В мелодраме «Жидівка-вихрестка», как свидетельствуют современные историки украинского театра, «...роль Лейбы в исполнении Кропивницкого достигала высот трагедии. Сценическое исполнение отвечало наиболее суровым требованиям художественной меры и этим самым поднимало даже слабые произведения до уровня настоящего искусства»²⁶.

Довольно сдержанно говорит Д.—Б. и о пьесе любимого им актера и руководителя украинской театральной труппы Ф. Левицкого «В мутній воді». Комедия, писал он, «...безыдейна, в ней нет мысли и преднамеренности, но она свежа и интересна, а главное проста и правдива. Она не блещет вспышками остроумия, меткостью характеристики, но она светит ровно и мягко, и глазам не больно смотреть на правильно освещенные лица. В ней есть юмор, пусть даже несколько книжного ха-

²⁴ Бессарабская жизнь, 1907, 21 января.

²⁵ Хоткевич Г. Сумний стан теперішнього українського театру. — ЛНВ, 1900, № 2—3, с. 127.

²⁶ Український драматичний театр. — Київ, 1967, с. 245—246.

рактера, не бытовой, самоцветный юмор малорусской драмы, а вводный, сочиненный, прикрепленный, но этот юмор с большим искусством спаян с диалогами, и нужен очень внимательный анализ лиц и коллизий их интересов, чтобы указать место спаек»²⁷.

Мы уже говорили о том, что Д.—Б. несколько пристрастно относился к творчеству М. Старицкого. Однако следует признать, что в большинстве случаев критика была обоснованной, хотя не все то, что Д.—Б. находил плохим, было таковым в действительности. Например, в рецензии на оперетту Н. Лысенко «Чорноморці», шедшую в театре Благородного собрания, автору либретто М. Старицкому предъявлялись чересчур большие претензии²⁸.

«Чорноморці» не оригинальное произведение, а переработка комедии Я. Кухаренко «Чорноморський побит». М. Старицкий придал ей большую сценическую выразительность. Благодаря музыке Н. Лысенко оперетта вошла в золотой фонд классического репертуара украинского театра. Более того, по частоте постановок на сценах различных театров она занимает одно из первых мест среди произведений украинской драматургии.

Рецензируя оперетту К. Ванченко-Писанецкого «Запорізький клад», Д.—Б. отнес ее к категории забавных сказочек с банальными песнями для детей среднего возраста и охарактеризовал как весьма посредственную в драматическом отношении²⁹.

Музыку к оперетте написал М. Васильев, талантливый композитор и дирижер, многие годы руководивший музыкальной частью украинских театральных трупп М. Кропивницкого, М. Старицкого, Н. Садовского, Л. Сабинина и др. Следует также отметить, что прекрасный знаток фольклора и специфики украинского театра, М. Васильев умело и со вкусом оформил многие украинские драматические произведения, учитывая при этом характер пьесы и режиссерский замысел. По единодушному признанию украинской театральной и музыкальной общественности, наибольшее распространение среди украинских трупп получила музыка М. Васильева, написанная для пьес «Наталка Полтавка», «Циганка Аза» и «Запорізький клад»³⁰. В данном случае оценка кишиневского рецензента не объективна.

К. Ванченко-Писанецкий много работал над адаптациями, инсценировками некоторых художественных произведений. Ему принадлежат такие пьесы, как «Тарас Бульба під Дубном» — инсценировка повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», «Катери-

²⁷ Бессарабская жизнь, 1907, 2 февраля.

²⁸ Там же, 4 февраля.

²⁹ Там же, 14 февраля.

³⁰ См.: Український драматичний театр.— Київ, 1967, с. 480.

на» («Мужичка») — переделка пьесы А. Островского «Светит, да не греет», «Запорізький клад», и другие, прочно вошедшие в украинский театральный репертуар и восполнившие его некоторые тематические пробелы.

Мы уже говорили о том, что пьесы подобного рода часто служили предметом острой критики. Преследовавшие чисто меркантильные интересы, эти пьесы в основном строились на грубых эффектах. «Комедии не обходились без пьянки, драки, нескладной болтовни. И комедии, и драмы обязательно были с песнями и танцами, где нужно и где ненужно, да и после представления актеры выступали с песнями и танцами, развлекая зрителей. Грубая схема, рассчитанная на театральные эффекты и лишенная художественной ценности,— вот что такое «драматургия» И. Тогобочного и М. Сегобочного, К. Ванченко-Писанецкого, К. Мирославского-Вишника, В. Захаренко, В. Третьякова и др.»³¹

К сожалению, некоторые второсортные произведения подчас приносили больше дохода, чем классические пьесы. Очевидно, театральный зритель еще не достаточно умел вникать в суть глубоких по содержанию классических украинских произведений и вполне удовлетворялся внешним эффектом.

Следующим спектаклем шла «бувальщина» (быль) «Недолюдки» того же К. Ванченко-Писанецкого. В пьесе показаны сцены из жизни киевских нищих и босяков. По определению кишиневского критика, Ванченко-Писанецкий в данном случае пытался освежить украинскую драматургию, влить в нее новую струю, расширить ее узкие рамки. Вместе с тем он полагал, что если бы пьеса «была несколько самостоятельнее», то столь почтенная задача по обновлению репертуара значительно выиграла бы. Но беда в том, продолжал критик, что «Недолюдки» в общем не больше как перепевы уже пятых песен. В «бувальщине» Ванченко слышатся и свои, малорусские, и чужие, русские, даже французские мотивы. Особенно же вдохновился автор пьесой Горького «На дне»³².

Но если М. Горький разоблачал преступность капиталистического мира, каждодневно выбрасывающего за борт людей, могущих быть полезными обществу, разоблачал ложный христианский гуманизм примиренчества, то Ванченко-Писанецкий лишь вызывает жалость к своим обездоленным героям, мелодраматизируя их поступки, действия, чувства. Касаясь этих черт «бувальщины», рецензент не без основания замечает: «Есть в „Недолюдках“ и архимелодраматические места, от которых мозг холодеет и кровь стынет в жилах... По финальной сцене режиссерскому карандашу следовало бы хорошенько прогуляться, г. Ванченко на пользу, а нам на утешение».

Однако в целом пьеса представляет собой новое явление

³¹ Український драматичний театр.— Київ, 1967, с. 365.

³² См.: Бессарабская жизнь, 1907, 17 февраля.

в украинской драматургии. Рецензент, принципиально подходивший к ее анализу, считал, что есть «...в этой во всяком случае очень и очень интересной пьесе и много положительных качеств».

К. Ванченко-Писанецкий в меру своих возможностей пытался показать борьбу за освобождение человеческой личности, за ее духовную и социальную свободу. Важно, что пьеса «Недолюдки» ставилась в начале 1907 г., в период, когда первая русская революция еще не потерпела окончательного поражения, а репрессии царского правительства против борцов за свободу стали особенно жестокими. При всей мелодраматичности «бувальщины» ее образы — живое порождение времени. Это как бы свидетели обвинения, осуждавшие уже самим фактом своего существования общество, которое способно обречь человека на падение и гибель.

Рецензия на следующую постановку — драму П. Мирного «Лимерівна», в отличие от предыдущих отзывов, — подлинный панегирик. «Лимерівна», считал критик, «...жизненная, реальная, с большой объективностью написанная картина. Интрига занимает в ней лишь служебную, последнюю роль; быт, среда, нравы затронуты слегка и поверхностно, но зато портретной живописи отведено главное, первое место, действующие лица изображены с полнотой и отчетливостью персонажей Котляревского или Квитки-Осноряненко. Некоторые герои, например, сама Лымеривна, Шкандыбиха, Карп, показаны во весь рост, ярко, тонко. Единственно чего нет в пьесе Мирного, это перспективы, т. к. все лица находятся на переднем плане, главное же — исторической типичности, на которую автор, видимо, претендует, если судить по старательному определению времени действия: „в половине XVIII века”»³³. Рецензент, однако, находит, что ничего такого, что приурочивало бы пьесу Мирного к тому или другому времени, в ней нет, и указание автора поэтому совершенно произвольно.

20 февраля 1907 г. в бенефис Ф. В. Левицкого была поставлена комедия Карпенко-Карого «Хазяїн», уже не раз шедшая на сцене кишиневских театров. По сообщению газеты «Бессарабская жизнь» от 23 февраля 1907 г. «бенефис одного из симпатичнейших современных деятелей украинского театра Ф. В. Левицкого прошел с полным материальным и художественным успехом».

«Бессарабская жизнь» рассказала 24 февраля 1907 г. о постановке драмы И. Карпенко-Карого «Наймичка». Кратко изложив содержание пьесы, автор статьи оценил ее следующим образом: «Если я решил сказать здесь несколько слов о «Наймичке», об этой драме, неглубокой, правда, но простой и сильной, как жизнь, которую изображает она, то единственно для

³³ Бессарабская жизнь, 1907, 21 февраля.

того, чтобы упомянуть выступавших в ней артистов, которые ярко осветили картину драмы и наложили на карандаш художника краски жизни».

Нам представляется, что это скупая оценка оригинальной пьесы, затрагивающей актуальные вопросы своего времени. Тема ее действительно традиционна для украинской литературы. Но Карпенко-Карый по-своему трактует эту тему и своеобразно разрешает конфликт. Он ставит акцент на преступности кулачества, обрекавшего батраков на трагическую гибель. В этом плане особенно ярко обрисован Цокуль — типичный представитель нарождавшейся украинской сельской буржуазии, а его жертва — Харитина — наиболее трагический женский образ в украинской драматургии.

Последние спектакли труппы Левицкого шли, в основном, в бенефисе ведущих артистов. В бенефис Савицкого, например, была поставлена небезызвестная драма М. Кропивницкого «Дай сердцу волю, заведе в неволю». «Противники малорусской драмы,—«писал Д.—Б.,—указывают на необоснованность ее действия и нищенство содержания. Происходит мол такого рода диалог.— А в огороде бузина? — Бузина. — Так заспываемо.— А в Киеве дядько? — Дядько. — Так, потанцуемо... Содержание же исчерпывается — изменой и горилкой в драмах и горилкой и любовью в комедиях»³⁴.

Оспаривая такой упрощенный подход к украинской драматургии, кишиневский критик обращается к опыту трех крупнейших основоположников украинского театра. О них рецензент пишет: «Котляревский, Кропивницкий и Карпенко-Карый — три кита, на которых стоит вся украинская сцена. Первый — ее классик, последние — самые популярные из современных нам корифеев малорусского театра.

Кропивницкий и Карпенко-Карый драматурги хотя и одинаковой силы, но разных методов. Один — художник-скульптор; он высекает из бесформенной глыбы мрамора такие прекрасные, такие совершенные формы, которым может позавидовать и сама природа. Мертвый камень оживает, в холодном, бездушном мраморе начинает биться горячее сердце, поселяется человеческая душа.

Другой — художник-мозаист, складывающий свои картины с необыкновенным искусством. Мозаика Кропивницкого по живости красок и ослепительной яркости рисунка не уступает лучшим произведениям живописи. Неисчерпаемый юмор, обилие шуток, остроумных словечек, официальных фраз, песен, присказок — это перлы почти всех произведений Кропивницкого, самоцветные камушки, создающие волшебную игру их огней,— чудные переливы их красок и цветов».

Эта образная характеристика творчества создателей украинского классического театра свидетельствует и об отношении

³⁴ Бессарабская жизнь, 1907, 24 февраля.

самого рецензента к ним, о том, сколь высоко он ценил театральное искусство украинского народа. Она подтверждает, что настоящие знатоки театра не разделяли отношения доморощенных критиков, находивших в украинских театральных произведениях только экзотику и этнографизм.

В конце февраля труппа Левицкого поставила драму И. Тогобочного «Загублений рай», на которую «Бессарабская жизнь» откликнулась отрицательной рецензией. Автор драмы, по определению критика, «...начинает за здравие, а кончает за упокой. Два акта, первый и второй, еще туда-сюда — их можно, по крайней мере, слушать. На списходительный взгляд, они написаны даже бойко, живо, ясно; лица выразительны, действия логичны, фабула развивается и интригует. С третьего акта начинается плач и скрежет зубовой, начинается мелодрамище, переходящее в четвертом акте в вой, а в пятом в панихиду, от которой становится жутко. Особенно же, если невежественные или не знающие никакого чувства меры исполнители впадут в «трагедию» и заиграют с таким пересолом, что и чертям тошно делается.

С третьего акта автора словно подменили: совсем не тот человек. Он не умеет даже уводить своих героев со сцены. Один только выход у него есть: «в садок». Ремарки просто невозможны. В четвертом акте, например, три человека поочередно выстаивают на коленях у суфлерской будки, молясь и плача. В том же акте допущена грубая несообразность. Во время свадьбы в деревне, когда дом полон народа, а двор всякого сброду, когда у каждого окна снаружи толчется по дюжине зевак, больная экономка жениха — помещика Керевича умудряется невидимую проникнуть через окно в гостиную, налить отраву в пузырёк с лекарством и уйти незамеченной»³⁵.

Предпоследним спектаклем труппы Левицкого была комедия Л. Яновской «Лісова квітка», на которую рецензент откликнулся язвительной статьей. «Этот „Лесной цветок“ принадлежит, как видите, дамскому перу, — писал он. — Только не верю я в эти дамские перья. Особенно же в драматургии, требующей решительной, яркой кисти, силы мысли, сжатости выражений... К «Лесному цветку» г-жи Яновской может быть потому я и отношусь несколько предубежденно...

Комедия г-жи Яновской ничего не дает нам, кроме одного, правда сильно освещенного и даже удачно поставленного характера самой „лисовой квитки“ Зиньки»³⁶.

Нам представляется это мнение ошибочным. Л. Яновская написала много драматических произведений, среди которых наиболее известны «На сіножаті» (1897), «На Зелений Клин» (1900), «Лісова квітка» (1903), «Олена» (1905), «Без віри»

³⁵ Бессарабская жизнь, 1907, 1 марта.

³⁶ Там же, 3 марта.

(1907), «Людськэ щастя» (1907), «В передрозвітньому тумані» (1907), «Жертви» (1910); «Огнений змії» (1914). Все эти пьесы весьма сценичны. Среди них наиболее удачна комедия «Лісова квітка». В ней разработана традиционная украинская тема — взаимоотношения между панам и крестьянами. Однако комедийное решение придало ей совершенно новое звучание. Комедия, по утверждениям театроведов, пользовалась немалой популярностью³⁷.

По-видимому, кишиневский рецензент то ли не вник в суть комедии, то ли предвзято ее оценил, то ли, наконец, сама постановка дала повод для подобного отзыва.

Судя по анонсу прессы, труппа Ф. Левицкого дала последний спектакль в бенефис артиста В. Тальмо. 4 марта 1907 г. в «Бессарабской жизни» появилась краткая статья о бенефицианте, служившая рекламой предстоящей постановки. На этом заканчиваются сообщения о зимнем театральном сезоне в Кишиневе труппы Ф. Левицкого.

В начале июля того же года театральное товарищество украинских артистов под управлением Ф. Левицкого вновь посетило Кишинев. К этому времени состав труппы несколько изменился. Репертуар в целом оставался традиционным, за исключением некоторых произведений, не ставившихся в последнем сезоне.

Подробнее хочется остановиться на постановке пьесы Т. Колисниченко «За волю і правду», шедшей 18 июля. Рецензент сосредоточил внимание на двух героях, «олицетворяющих два противоположных направления». Это, с одной стороны, Рябченко — крамарь (лавочник), который, не брезгуя никакими средствами, нажил огромное состояние, с другой стороны, Данило — честный и отважный парубок, который смело и открыто выступает против Рябченко³⁸.

Пьеса не обладала заметными художественными достоинствами, однако отвечала на запросы времени, живо отзывалась на происходившие события. В ней отразилось революционное движение крестьянских масс в период первой русской революции 1905—1907 гг. Данило — это, пожалуй, первый тип сознательного революционера в украинской драматургии. Выходец из деревни, он пробыл несколько лет в городе, где общался с революционно настроенным пролетариатом, затем возвратился в село, так как его уволили с завода из-за политической неблагонадежности. Автор противопоставил образы Данило и Дениса, который тоже был в городе, но состоял там в «черной сотне», а вернувшись в деревню, вступил в союз с кулаками.

Драма Колисниченко насыщена революционными идеями, ее герои часто произносят лозунги, призывающие к восстанию. И хотя ее нельзя отнести к числу оригинальных произведений,

³⁷ См.: Український драматичний театр.— Київ, 1967, с. 345.

³⁸ Бессарабская жизнь, 1907, 20 июля.

хотя композиция ее рыхлая, а сама драма несценична, она была очень хорошо воспринята зрителями. Такие слова героев пьесы, как «все поняли, что под таким гнетом впредь жить невозможно», и «воля придет» вызывали бурю аплодисментов.

Пьеса получила широкое распространение в списках среди многочисленных украинских театральных обществ. Несколько месяцев спустя она стала общеизвестной и вошла в репертуар всех украинских трупп. Из-за революционной направленности пьесы ее постановка неоднократно запрещалась цензурой.

В 11 номере журнала «Театр и искусство» за 1907 г. по поводу огромного успеха драмы писали следующее: «Пламенные тирады героя пьесы, который борется с темными силами за правду, землю и волю, с энтузиазмом воспринимались публикой. Этого было достаточно для того, чтобы пьеса была запрещена к постановке».

Неизвестно, какие выводы сделали из спектакля «За волю і правду» кишиневские сановники. Реакция же зрителей, восприятие ими революционных деклараций героев произведений были такими же, как и во всех городах России. «Собравшаяся в огромном количестве публика чрезвычайно нервно реагировала на многие моменты драмы»³⁹.

Гастроли труппы Ф. Левицкого, выступавшей почти три месяца в Кишиневе, завершились 23 сентября. Разнообразный репертуар и талантливая игра труппы — все это принесло немало радости кишиневским зрителям, заставило еще больше полюбить театральное искусство украинского народа.

Продолжая лучшие традиции, выработанные основоположниками украинского театра критического реализма, труппа под управлением Ф. Левицкого ставила главным образом высокохудожественные, подлинно народные, национальные в лучшем смысле слова произведения. Центральное место в репертуаре труппы занимали произведения И. Карпенко-Карого и М. Кропивницкого, М. Старицкого и П. Мирного, находившие горячий отклик в сердцах зрителей.

Но в силу различных причин, объективных и субъективных, в репертуар труппы прощали малохудожественные и безыдейные пьесы, не всегда достаточно высоким было исполнительское мастерство актеров. Это, конечно, не проходило мимо внимания публики и критики, но, в целом же, отклики прессы на выступления в бессарабской столице труппы, возглавляемой Ф. Левицким, были теплыми и доброжелательными, а оценка мастерства большинства ее участников — весьма высокой.

Начиная с 1910 г. и до конца рассматриваемого периода, т. е. до 1917 г., почти ежегодно приезжали две-три украинские труппы одновременно. Так, в 1909, 1910, 1914 гг. перед молдавскими зрителями выступала театральная труппа А. Суходольского (в 1910 г. одновременно с ними давала спектакли труппа

³⁹ Бессарабская жизнь, 1907, 20 июля.

Б. Оршанова и В. Данченко), в 1911 — труппа И. Замычковского, в 1912 — Б. Оршанова, в 1913 — Л. Сабина, в 1912, 1913, 1915, 1916 — П. Прохоровича. Репертуар гастролировавших трупп во многом был схож, так как большей частью состоял из классических произведений украинской драматургии. Однако, стремясь привлечь на свои спектакли зрителей, приезжавшие коллективы нередко ставили новые пьесы, неизвестные публике. Не все они отличались высокими художественными достоинствами, некоторые давно забыты, хотя в свое время их постановка была полезна, необходима и находила теплый прием у зрителей.

Одной из них была поставленная труппой А. Суходольского во время гастролей 1914 г. пьеса «Перевертень» в переводе Т. Колисниченко. Как писала 27 сентября 1914 г. «Бессарабская жизнь», она произвела на зрителей глубокое впечатление.

Интригующий сюжет пьесы, неожиданные развязки привлекали публику, вызвали сочувствие к жертвам реакционного фанатизма и мракобесия.

Впервые в 1914 г. зрители увидели пьесу «Я — пан!» («Хам»), принадлежавшую перу П. Юркевича — одного из талантливых артистов труппы. Главный герой — Терентий Карпович Кондер, которого, по утверждению рецензента, автор щедро наделил жестоким деспотизмом Вампира (из одноименной драмы Колисниченко), чудачеством Макогоненка (из «Наталки Полтавки») и другими особенностями характера, которых с избытком хватило бы на многих «Кондеров». Это жестокий мучитель своей второй жены и ее детей от первого мужа: сына Кости — студента и дочери Нади. Только благодаря роковому для Кондера стечению обстоятельств открывается для измученных людей дорога к счастливой жизни.

Спектакль, судя по отзывам прессы, смотрелся с интересом, хотя в пьесе немало сложных и не всегда удачных образов. Постановка таких пьес, несмотря на их недостатки, имела определенное воспитательное значение, поскольку проблемы стяжательства и социального неравенства, будучи актуальными во все времена, приобретали еще более резкое звучание в обстановке войны, когда противоречия в обществе обострились до предела.

Во время гастролей театральной труппы И. Замычковского в 1911 г. кишиневский зритель впервые увидел также несколько пьес. Одной из них было «Воскресіння» В. Чубатого. Как писалось в «Бессарабской жизни», эта пьеса выдержала в Киеве, Харькове, Екатеринославле и других городах «несколько десятков представлений при переполненных сборах»⁴⁰. И хотя последние два акта пьесы перенасыщены драматическими коллизиями и при их исполнении «даже зрители со здоровыми

⁴⁰ Бессарабская жизнь, 1911, 29 сентября.

нервами плачут навзрыд», драма низкопробна. Некоторые банальные «компоненты» адюльтера — основная движущая пружина произведения.

Сюжет пьесы арханчен, решение конфликтов шаблонно, а драматический заряд рассчитан на сердобольного и невзыскательного зрителя, не умеющего отличить произведение настоящего искусства от дешевой подделки. К этой же серии относятся такие новые для Кишинева пьесы, как «Сельские сцены» («Пан Штукаревич») Е. Зиневича. По оценке рецензента, эти сцены «носят характер какой-то сказочной балаганщины, и нужен был большой опыт и такт артистов, чтобы при современных требованиях сцены такую вещь можно было смотреть не скучая»⁴¹. Только благодаря мастерской игре артистов пьеса вызвала некоторый интерес у зрителей, а временами даже заставляла их искренне смеяться.

К числу забытых ныне драматических произведений относится и пьеса В. Захарченко «Солом'яна пані», поставленная на сцене театра Фукельмана 25 ноября. По своему содержанию, читаем в рецензии, пьеса «...во многом напоминает старинные мелодрамы, в которых слишком большое и малопоследовательное нагромождение всякого рода ужасов жизни»⁴². Речь идет о молодой, бедной крестьянке, выданной замуж за богатого помещика. Благополучное начало не приводит, однако, к счастливому концу. Молодость и пылкое сердце берут свое, и бывшая крестьянка влюбляется в Василя — такого же простого, как и она в прошлом, хлебороба. Узнав об этом, помещик стреляется, а терзаемый угрызениями совести Василь берет на себя всю вину за его смерть и идет на каторгу. Несчастливая вдова теряет рассудок.

Большой интерес вызвала состоявшаяся 19 сентября постановка «Хмары» А. Суходольского⁴³. Об этой пьесе критики отзывались очень противоречиво, но тем не менее пьеса долго не сходила со сцены. Леденящие кровь страсти, трагические ситуации, следующие одна за другой, натурализм, убийства и излишний этнографизм — основа пьесы. Характеризуя эту драму с точки зрения ее сценических и литературных качеств, а главным образом с точки зрения здравого смысла, М. Кропивницкий с гневом вопрошал: «Какая там техника, какая мозговая работа? Крик, плач, стенания, в шинке швыряния какие-то, звон цепей. Не напишет ли Суходольский пьесу с повешенными?»⁴⁴.

По мнению же кишиневского рецензента, «Хмара» А. Суходольского — «одна из наиболее сценичных и интересных драм малорусского репертуара».

⁴¹ Бессарабская жизнь, 1911, 6 октября.

⁴² Там же, 29 ноября.

⁴³ Там же, 21 сентября.

⁴⁴ Кропивницкий М. Твори: В 6-ти т. — Київ, 1960, т. 6, с. 534.

Плохое впечатление, несмотря на хорошую игру актеров, произвела драма П. Прохоровича «Смерть за честь». По мнению критиков, эта драма «представляет собой одну скучнейшую канитель»⁴⁵.

Новыми для кишиневского зрителя были и пьесы известных украинских драматургов, написанные ранее, но не ставившиеся в Бессарабии. Так, драма И. Карпенко-Карого «Понад Дніпром» была написана еще в 1897 г., однако в Кишиневе ее впервые увидели 29 марта 1912 г. в постановке труппы Б. Оршанова. Пьеса затрагивала один из самых болезненных вопросов украинской действительности конца XIX — начала XX в. — положение в деревне, беспросветную нужду крестьян, вынужденных переселяться в Оренбургские степи или в Приамурский край в поисках лучшей доли.

Один из главных героев — Мирон, представитель новой категории людей, борющихся за ведение интенсивного культурного хозяйства земледельческой артелью (спилкой). По замечанию рецензента, это до некоторой степени напоминало «коммунистическую общину»⁴⁶. Мирону удается создать такую общину, в которой «спильщики» кроме ведения хозяйства сообща обучаются грамоте, организуют хор, защищают интересы бедных, мечтают о счастливом будущем. Все это, правда, происходит вне социальных столкновений, и путь к общине идет вовсе не через революционные преобразования.

Сцена расставания переселенцев со своими односельчанами и с родной землей реалистична и полна драматизма. Правдива и картина возвращения переселенцев из Оренбургских степей, где они испытали большие трудности. Но конец драмы явно утопичен. Вернувшиеся переселенцы застают Мирона при смерти. Умирая, он просит товарищей — «спильщиков»: «Любите друг друга, живите мирно, по-товарищески». Только можно ли «жить мирно» в обществе, раздираемом классовыми противоречиями? Автор не задает этого вопроса. Он просто хочет верить в осуществление своей мечты.

Много неизвестных кишиневцам пьес показала во время гастролей в 1913 г. труппа Л. Сабинина, который также стремился обновить репертуар. Так, 7 ноября шла пьеса Т. Колисниченко «Вампир», известная также под названием «Людожери». В ней воссозданы печальные картины жизни украинского захолустья. Художественное и сценическое решение темы оказалось неудачным, однако в пьесе затрагивались вопросы, понятные и близкие многим, а социальные коллизии не могли оставить публику безучастной.

«Большинство подобных пьес, — отмечают историки украинского театра, — были художественно примитивными, идейно невыразительными, а то и просто ремесленнически бездарными,

⁴⁵ Бессарабская жизнь, 1911, 23 сентября.

⁴⁶ Там же, 31 марта.

но актуальные проблемы, поставленные в них авторами, волновали зрителей»⁴⁷. Не случайно поэтому спектакль прошел с успехом. «Малороссийская труппа Л. Сабинина,— ставили в известность публику «Новости Кишинева»,— и на втором спектакле блестяще доказала наличие драматических и музыкальных сил. Отчетная пьеса прошла с огромным успехом в художественном отношении, и публика щедро наградила исполнителей долго не смолкавшими аплодисментами»⁴⁸.

Еполне заслуженным был успех другой почти не известной кишиневцам пьесы — драмы М. Старицкого «Юрко Довбиш». Написанная в 1888 г. по мотивам романа К. Францоza, пьеса рассказывала о борьбе западноукраинских крестьян (гуцулов) против помещиков и австрийских угнетателей, впервые открыто призывала к борьбе с ними. Главный герой приходит к выводу, что несправедливость окончательно не восторжествует, если все горцы не поднимутся как один.

Включенная в репертуары многих театральных трупп, эта героико-романтическая драма шла многие годы на разных сценах, несмотря на неоднократные запреты цензуры. В 1911 г., например, полтавский генерал-губернатор обвинил Л. Сабинина в том, что он инсценировал некоторые «неблагонадежные» вещи, в том числе драму «Юрко Довбиш». Очень высоко пьеса была оценена кишиневским рецензентом М. Недолиным. «„Юрко Довбиш“,— писал он,— яркая, богатая эффектными эпизодами пьеса, построенная на исторической канве эпохи борьбы карпатских славян за свою независимость»⁴⁹.

В годы, следовавшие за поражением первой русской революции и в канун первой мировой войны, политическая обстановка была напряженной. Этим можно объяснить то, что в репертуаре украинских трупп преобладали произведения, воскрешавшие страницы борьбы украинского народа за национальное и социальное освобождение. Однако далеко не всем драматургам в полной мере удалось создать произведения исторически правдивые. Таковы, например, драмы «Мазепа» и «Гетьман Дорошенко» Л. Старицкой-Черняховской.

Если о постановке драмы «Юрко Довбиш» сообщили только «Новости Кишинева», то «Гетьману Дорошенко» обе газеты уделили очень много внимания как до, так и после спектаклей⁵⁰. Рецензент «Бессарабской жизни» в частности писал: «Пьеса в точности воспроизводит картину ожесточенной борьбы, и перед зрителем проходит длинная галерея героев того времени»⁵¹.

Такая оценка пьесы ошибочна, как ошибочно и мнение одного из рецензентов М. Недолина, что центральный герой про-

⁴⁷ Український драматичний театр.— Київ, 1967, с. 466.

⁴⁸ Новости Кишинева, 1913, 8 ноября.

⁴⁹ Там же, 12 ноября.

⁵⁰ Там же, 13 ноября.

⁵¹ Бессарабская жизнь, 1913, 14 ноября.

изведения — Дорошенко — в высшей степени положительный образ, целиком соответствующий своему историческому прототипу⁵². В действительности образ Дорошенко весьма далек от исторической правды. Л. Старицкая-Черняховская превратила его в трагического героя, который в безвыходном положении взял на себя роль спасителя Украины, однако народ, дескать, лишенный терпения и отваги, не поддержал его, так как не хотел идти на неизбежные жертвы. Автор пьесы не сумела понять роли народных масс в истории. Это сказалось на характерах героев произведения, и в первую очередь — главного действующего лица.

«Гетьман Дорошенко» во время гастролей труппы Сабинина ставился в Кишиневе трижды. И каждый раз — с неизменным триумфом. «Второе представление пьесы «Гетьман Дорошенко», — сообщали «Новости Кишинева», — прошло с тем же огромным материальным и художественным успехом, с каким прошло и первое. Театр был переполнен»⁵³. Такими же были отзывы и на третий спектакль, данный по многочисленным просьбам зрителей⁵⁴.

Среди новых пьес, поставленных труппой Л. Сабинина, были такие забытые ныне произведения, как «Кохайтесь, чернобриві» и «Закоханий пан Цуцик». Первая пьеса — не что иное, как очень плохая инсценировка поэмы Т. Шевченко «Катерина». Тем не менее труппе удалось показать ее дважды (2 ноября и 8 декабря). Пьеса прошла средне, а «Бессарабская жизнь» даже охарактеризовала ее как «прекрасную пьесу»⁵⁵.

Пьесу «Закоханий пан Цуцик» «Бессарабская жизнь» определила как малоценную с литературной точки зрения. «Что касается исполнения ее в театре Горнштейн малорусской труппой г. Сабинина, то на долю участвовавших в пьесе гг. Василенко, Сабинина, г-ж Сосненко и Вишневецкой выпали неблагоприятные роли, и стоило немало труда сделать из этих ролей что-нибудь содержательное»⁵⁶.

Следует сказать, что труппа Л. Сабинина дала большое число благотворительных спектаклей, а также впервые предприняла постановки по сниженным общедоступным ценам. В цикле последних с огромным успехом прошла поставленная вторично пьеса «Юрко Довбиш». «Общедоступник, — читаем в „Новостях Кишинева“, — привлек много „дешевой“ публики, затрудняющейся посещать обычные спектакли... Устраивая общедоступные спектакли, Л. Сабинин стремился облегчить доступ в театр широким массам»⁵⁷. Общедоступным был и так

⁵² См.: Новости Кишинева, 1913, 13 ноября.

⁵³ Новости Кишинева, 1913, 18 ноября.

⁵⁴ Там же, 16 декабря.

⁵⁵ Бессарабская жизнь, 1913, 24 ноября.

⁵⁶ Там же, 21 ноября.

⁵⁷ Новости Кишинева, 1913, 27 ноября.

называемый «первый народный спектакль» — «Ніч під Івана Купала», стоимость входных билетов на который была от семи копеек до рубля. «Это,— подчеркивал автор заметки-анонса,— даст возможность народной массе посетить театр и видеть одно из лучших музыкальных произведений малорусского театра»⁵⁸.

Новые пьесы показывала и труппа П. Прохоровича. О предстоящих гастролях этого коллектива сообщала «Бессарабская жизнь» 31 октября 1912 г. Автор заметки писал о том, что актеры предполагают поставить двадцать, еще не шедших здесь украинских пьес. Однако вниманию зрителей было предложено гораздо меньше пьес, к тому же более чем посредственных: «За синім морем» Гордина, «Жертва віку» Павлюка, «Така їм доля» Третьякова, «Зрада» Прохоровича и комедия «Депутат».

Не могла вызвать особого восторга зрителей и драма П. Прохоровича «Зрада» («Измена»). Кроме анонса о предстоящей 14 декабря ее постановке в газетах ничего более не сообщалось о ней.

Рецензентами были замечены новинки, поставленные труппой П. Прохоровича во время гастролей 1913 г.— пьесы «Депутат» и «Краденое щастя». Сюжет комедии «Депутат» незамысловат. Над невежественным и недалеким богатым крестьянином потешаются односельчане. Они присылают ему «казенный конверт» с надписью «депутату Пилибе Кондратычу». Не вскрывая конверта, Кондратыч, уже как «избранник народа», отправляется в Полтаву. Там он и узнает, что над ним пошутили.

Содержание комедии не отличалось оригинальностью или глубиной, однако она была разыграна просто и весело, а принявшие участие в ее исполнении Прохорович, Левицкий и Туманова «до упаду» смешили публику⁵⁹.

Сюжет пьесы «Краденое щастя» заимствован из жизни украинской деревни. Главный герой — избалованный и распущенный гуляка Роман, сельский Дон Жуан, который соблазняет девушек-крестьянок. Женившись, он тут же под влиянием своего друга Палька бросает жену и перебирается в город, где, подстрекаемый тем же другом, целиком предается развлечениям.

Город оказывается врагом патриархального крестьянина, город, якобы пожирающий все лучшее, что создавалось в деревне на протяжении многих столетий. Подобно мальчику из романа Л. Толстого «Воскресение», которого превратности городской жизни заставляют украсть половик, в результате чего он оказывается за решеткой, в некоторых украинских пьесах («За голод і холод», «Краденое щастя» и др.) ущербных и морально уродливых героев также представляют жертвами па-

⁵⁸ Там же, 9 декабря.

⁵⁹ Бессарабская жизнь, 1913, 12 февраля.

губного влияния городской среды. Эта в корне ошибочная идея обусловила неправильные посылки социального конфликта. В результате события развивались нелогично, часто противореча исторической действительности. Этим объясняется большинство недостатков пьес, в первую очередь — гиперболизация социального момента и его мелодраматическое решение.

Репертуар труппы осенью 1915 г., а также во время следующих гастролей, мало изменился. Из новых, откликающихся на злобу дня произведений, вошедших в репертуар, можно назвать только драму А. Суходольского «Чарівний», впервые представленную на суд кишиневской публики. Произведение, по мнению рецензента, написано под впечатлением переживаемых тяжелых испытаний мировой войны. Центральная идея драмы в том, что необходимо заменить взаимную вражду всепрощающей братской любовью⁶⁰.

Новой пьесой, поставленной труппой П. Прохоровича в период гастролей 1916 г., которыми завершились выступления украинских артистов в дооктябрьский период в Кишиневе, была одна из лучших пьес украинского репертуара — «Зайди-голова» М. Кропивницького.

Заметим, что кишиневская постановка пьесы была второй по счету после премьеры, которая состоялась в 1890 г. в Петербурге. Хотя эта пьеса не построена на таких острых социальных конфликтах, как произведения того же автора «Глитай, або ж Павук» или же «Дві сім'ї», она глубоко реалистична.

Многочисленные труппы украинского театра, на разных уровнях представлявшие кишиневскому зрителю театральное искусство украинского народа, сыграли огромную роль в политическом и культурном воспитании жителей края. Прогрессивные идеи, которыми были проникнуты лучшие произведения украинских драматургов, ставшие известными широкой общественности благодаря гастролям украинских артистов, находили горячий отклик в среде зрителей самых разных национальностей.

Если театр, по выражению одного из зрителей, является «зеркалом жизни и достоинства народа», то такой театр, как украинский, вполне мог быть образцом для всех угнетенных народов царской России. Тематика драматических произведений украинских авторов была близка и понятна молдавскому народу, издавна связанному с украинским народом братскими узами. «Зрителям Молдавии,— пишет современный исследователь молдавско-украинских литературных связей А. С. Романец,— была очень близкой тема пьесы («Невольник» М. Кропивницького.— К. П.) — борьба украинского народа против турецких поработителей. Импонировало им и упоминание в «Невольнике» об общем герое обоих народов — украинского и молдавского — легендарном запорожце Иване Подкове, про-

⁶⁰ Бессарабская жизнь, 1915, 21 ноября.

славившемся в истории освободительной борьбы молдавского народа под именем Никоарэ Поткоавэ»⁶¹.

Украинские драматические произведения, проникнутые гражданским пафосом, приобретали особое звучание в канун, а затем в период первой русской революции в годы, предшествовавшие Великой Октябрьской социалистической революции. Эти социально направленные произведения содействовали созданию революционной атмосферы, разоблачали национальный гнет, которому подвергался украинский народ, способствовали пробуждению национального самосознания молдаван, звали их на борьбу за национальную свободу и равноправие.

⁶¹ Романец А. Пьеса М. Кропивницкого «Невольник» и борьба трудящихся Бессарабии против боярской оккупации.— В кн.: Материалы научно-теоретической конференции «Молдавско-украинские театральные связи».— Кишинев, 1970, с. 31.

Заключение

Настоящая книга завершает освещение процесса многогранных и многоаспектных молдавско-русско-украинских литературных взаимосвязей с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Являясь уникальной в этом роде, работа представляет собой свод, в котором впервые в нашем литературоведении в хронологической последовательности исследуются многообразные явления плодотворного взаимного обогащения духовными ценностями трех братских народов.

Сообразуясь с основными марксистско-ленинскими положениями, авторский коллектив в процессе систематизации и отбора материала руководствовался принципами исторического материализма о детерминированности явлений надстроечного характера, — об их зависимости от конкретных событий и социальной среды. В этой связи прежде всего учитывались объективные исторические факторы, которые определили общность судеб молдавского, русского и украинского народов и уже на этом фоне, соблюдая диалектику взаимной обусловленности, рассматривались различные формы взаимосвязей и взаимодействия литератур.

Сам материал, вошедший в книги, подсказал архитектуру и тематическое их расположение. Таким образом, внутри различных историко-литературных этапов хронологически расположены главы, которые, вписываясь во временные параметры, отражают те или иные литературные явления и факты.

Литературные взаимосвязи на протяжении многих веков включали в себя все известные существующие формы. Это влияния, взаимные переводы, локализации, заимствование сюжетов и форм, идейное воздействие и т. д. Все эти формы в новом контексте и в иной интерпретации нашли свое развитие и в литературном процессе трех братских народов в начале XX в.

Относительно небольшой по времени период богат историческими событиями. Социальные бури, достигшие и пределов нашего края, нашли отражение во всех сферах духовной жизни молдавского народа. В поисках адекватного выражения настроения масс местная интеллигенция часто обращалась к произведениям русских передовых писателей, в творчестве которых

ощущалось биение пульса времени. В этом отношении весьма характерна возраставшая популярность творчества А. М. Горького в литературной жизни Бессарабии. Пребывание в нашем крае титана русской литературы Л. Н. Толстого приумножило интерес к его творчеству, о чем свидетельствуют многочисленные материалы, вошедшие в настоящую книгу.

Русская передовая литература сыграла огромную роль в общественной жизни Бессарабии в начале XX в. Это подтверждает не только широкая ее популяризация на страницах периодической печати, но и произведения местных русских писателей, создававшиеся под непосредственным ее влиянием.

Более того, появляются и некоторые переводы классиков русской литературы на молдавский язык. Выдающийся молдавский поэт начала XX в. А. Матеевич переводит ряд произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. М. Горького, А. П. Чехова и др. Ему же принадлежит и рассказ «Осень», написанный под явным воздействием известного произведения М. М. Коцюбинского «Пе коптьор».

Как видно из главы, посвященной пребыванию Коцюбинского в Молдавии и его «бессарабскому циклу» молдавско-украинские литературные связи в начале XX в. продолжают развиваться. Его рассказы, написанные по молдавским фольклорным мотивам, впоследствии вдохновляют бессарабских писателей, создававших свои произведения на молдавском и русском языках.

Тематический круг молдавско-украинских литературных связей расширили другие классики украинской литературы, в частности И. М. Франко, драматурги И. Карпенко-Карый, М. Кропивницкий, М. Старицкий и др.

Интерес молдаван к украинской литературе и украинцев к молдавской свидетельствует о крепнущей дружбе между этими двумя народами, об общности их интересов и целей. Это подтверждает множество взаимных переводов, увидевших свет в Кишиневе, Киеве, Львове и Черновцах. Расширение географии взаимного распространения художественных переводов является новым показателем, подтверждающим приумножение и расширение добрых традиций, которые сложились еще в далеком прошлом.

Тематические рамки книги расширяют исследования о крупных ученых-славистах наших земляках П. А. Сырку и А. И. Яцимирском, вписавших славные страницы в летопись молдаво-славянских культурных связей.

Итак, культурные связи, уходящие в седую старину, явились предпосылками, определившими на многие века духовную общность между братскими молдавским, русским и украинским народами в дооктябрьский период. Сложившиеся традиции послужили залогом наших последующих успехов.

- А. В. 87
 Адам Г. 192
 Азовский А. 215
 Александрин В. 100, 102, 188, 192, 223
 Александреску Г. 102
 Александров А. Г. 71
 Александров А. И. 174, 175, 178, 182
 Андреев Л. 15, 16, 51
 Арборе-Ралли З. 188, 221
 Асаки Г. 226
 Атанасов П. 218
 Бакалейник П. 124
 Бари А. 169
 Батюшков К. 112, 113
 Бевзо О. А. 220
 Белинский В. Г. 100, 112, 154
 Беляев Ю. Д. 179
 Бен-Дов Е. 146
 Бернштейн С. Б. 178
 Бибери П. 124
 Б-ль Е. 146
 Богач Г. 4
 Богдан Дамниан П. 164
 Богданович А. 72
 Божков С. 218
 Бонч-Бруевич Вл. 57
 Брандес 74
 Брандт Р. Ф. 168, 171
 Брокгауз Ф. 220
 Брюсов В. 109
 Будилин Б. 95
 Булгаков Г. 117
 Бурд-Восходов А. П. 94
 Вайсман И. 51
 Ванченко-Писанецкий К. 232, 243, 244, 245
 Вартичан И. К. 27, 100, 121, 216, 217
 Васильев М. 243
 Василько В. 231
 В. В. 82
 Веккер Б. 91, 92, 93, 94
 Велегорский И. 194
 Венгероу С. А. 182
 Вересасв В. В. 73
 Вербес Г. 218
 Веселинович Я. 179
 Веселовский А. Н. 161, 163, 168, 223
 Вешнев В. Г. (Стрелков В.) 87, 88
 Влайков Н. 5, 127, 128, 131, 132
 Влахуцэ А. 179
 Вовк Ф. К. 221
 Вогюэ де Мельхнор 74, 75, 76
 Вольф Г. 149
 Воробкевич С. 193, 194
 Воровский В. В. 52, 53, 54, 55, 70, 106
 Ганенко П. 12
 Ганс Н. 179
 Гаршин В. 18
 Гастер М. 167
 Гауптман Г. 52
 Ге Г. 237
 Геккер Н. 72
 Гербель Н. 110
 Гиляров А. 120
 Гинкулов Я. 161, 176
 Гинс Г. 41, 42
 Гоголь Н. В. 17, 100, 125, 239
 Голенищев-Кутузов И. 175
 Гончаренко Н. (А. Чаргонин) 124
 Гончаров И. А. 17, 18
 Горький М. 3, 4, 5, 15, 16, 17, 18, 51, 70—99, 100, 122, 140, 149, 157, 207, 214, 244, 259
 Грибоедов А. 18
 Григорьев Н. 81
 Гринберг С. 71, 72, 74, 75
 Гринченко Б. 237
 Грицай В. 232, 233
 Грищенко Е. 59, 60
 Гросул Я. С. 175
 Груздев И. 75
 Грушевский Е. 220
 Гудевич А. 37
 Гусев Н. Н. 37, 63, 67
 Давидов А. 175
 Данте 108
 Данченко В. 250
 Д.—Б. 240, 246, 241, 243
 Дей О. 222
 Державин Г. Р. 113, 115
 Дибров И. 194
 Диллон 74, 75
 Дмитриенко В. 233
 Доброджану-Геря Г. 47, 188, 221
 Добролюбов Н. А. 100
 Долгов Н. 108
 Доманович Р. 179
 Домбровский Я. 13
 Дорошевич В. М. 155, 156, 158
 Достоевский Ф. М. 17, 18, 73
 Драгоманов М. 221
 Драгомир С. 183
 Дринов М. С. 163
 Дурилин С. 231
 Дьяков Н. И. 190
 Дьяков С. 233, 234, 235, 237, 239
 Евдокимов В. 94
 Емельянов Б. 89
 Ергольская Т. А. 22
 Жданов А. М. 169
 Жеромский С. 179
 Жижиян К. 194
 Жуковский В. А. 18

- Заика И. 214
 Замычковский И. 250
 Заньковецкая М. 241
 Захарченко В. 244, 251
 Захаров Ф. Е. 50, 143
 Зиневич Е. 251
 Зубков Ф. 104
 Ибсен Г. 237, 238
 Иванов Вяч. 109
 Иванов С. В. 155
 Иванов Ю. 11, 12, 13, 14, 30, 43, 56
 Игнатов И. 73
 Измайлов А. 106
 Иконников А. 64, 65, 66
 Илнаш А. 164
 Ильинский Г. А. 161
 Иткис М. 56
 Казаку В. 159
 Калачев К. Н.
 Калениченко Н. Л. 207, 221
 Калужняцкий Е. И. 163, 174
 Карамзин П. М. 210
 Карпенко-Карый И. 230, 231, 233,
 235, 236, 238, 240, 245, 246, 249,
 259
 Карский Е. Ф. 169, 175
 Катанов Н. Ф. 182
 Квитко-Основьяненко Г. Ф. 189, 191,
 233
 К. Г. 145
 Келдыш В. А. 20
 Келтуялэ В. 183
 Кирилук Э. П. 218
 Киртока А. 12
 Ключников П. 109, 110
 Кобылянская О. 194, 195
 Койфман М. 135
 Колесник П. 196
 Колинниченко Т. 248, 250, 252
 Кольцов А. 111, 112, 152, 154
 Кондрацкий П. 172
 Константинова М. С. 84
 Корбу Х. Г. 102
 Короленко В. Г. 6, 15, 18, 24, 47, 52,
 70, 152, 154, 155, 158
 Корш Ф. Е. 171, 181
 Косиненко Ю. 232
 Котляревский И. П. 189, 190
 Коцебу В. 224
 Коцюбинская К. 215
 Коцюбинская-Ефименко З. Х. 199,
 207
 Коцюбинский М. М. 3, 4, 5, 103,
 188, 189, 195, 196—217, 218, 220
 Кочубинский А. 173, 174
 Кошбук Г. 102, 152
 Кропивницкий М. Л. 229, 230, 232,
 233, 237, 239, 243, 246, 246, 251,
 257, 259
 Кужбе С.-В. 19
 Куприн А. И. 17
 Куртыш И. М. 64, 65, 66, 67, 68, 69
 Курча-Бессарабский К. 149
 Крылов И. А. 152
 Кюхельбекер В. К. 107
 Крянгэ И. 100, 189, 193
 Лавров П. А. 160, 168, 174, 175, 176
 Лазаревич Л. 179
 Ламанский В. И. 163, 168, 170, 176,
 182, 183
 Лашков В. Л. (Дон-Базилло) 135
 Левит Ф. 100, 121
 Левицкий Ф. В. 239, 245, 246, 247,
 248, 249
 Левченко М. 196, 201, 202
 Лейко К. 191
 Ленин В. И. 8, 9, 10, 14, 24, 29, 31,
 32, 33, 38, 41, 46, 47, 52, 53, 54,
 63, 70, 86, 88, 149
 Ленский З. 127
 Леонов Л. 58
 Лермонтов М. Ю. 111, 115, 116,
 125, 259
 Лесков Н. 18
 Лехтцир С. 215
 Лопарев Х. 177
 Лупу В. 164
 Лунга С. 60, 62
 Луначарский А. В. 16
 Лункашу В. 188
 Лункашу Е. 188
 Лучицкий И. В. 190
 Лысенко Н. 243
 Лямед 235
 Мадан Г. 188
 Майков А. 109
 Маковей О. 193, 194, 195
 Маковницкий Д. П. 46
 Макогон Д. 194
 Мандишевская Е. 189
 Марджанов К. А. 94
 Маркович-Адамов П. 179
 Маркс К. 8
 Мартыновский П. 124
 Марусин Г. 159
 Матеевич А. 5, 19, 20, 47, 100—122,
 152, 208, 209, 259
 Матковский А. А. 161, 173, 175, 177,
 179, 184
 Махо Н. 5, 124, 144, 149
 Мейлах Б. 28, 30, 45
 Мельхиседек М. 165
 Минжуев С. 135
 Микаэла 127, 134, 135, 137, 138, 139,
 140, 141
 Милев Д. П. 145, 149
 Минский Н. 72
 Мирбо О. 52
 Мирный П. 233, 245, 249
 Мирославский-Винищев К. 244

- Михайловский Н. 72, 73
 Могила П. 220
 Молочников В. А. 34
 Мороз З. 230, 231
 Мох М. 163
 Мохов Н. А. 10, 14, 175
 М-ской Н. 42, 43, 44
 Мурлыка 127
 Надсон С. Я. 113, 116, 119
 Наживин И. Ф. 64, 65, 66
 Накко О. 208, 211
 Напсен Ф. 52
 Негруци К. 100, 209
 Недолин М. 253
 Некрасов Н. А. 22, 100, 103, 125, 132, 152
 Не-Крылов 127
 Нечуй-Левицкий И. С. 171, 229
 Нинов А. А. 127
 Ноев С. 16, 17, 39, 40, 41, 126
 Оату В. 5, 19, 152, 153
 Оболенская М. Л. 65
 Оболенский Е. 72, 73
 Овчаренко А. 84, 85, 88
 Оксер Я. 5, 127, 141, 142, 148
 Ольгин 96, 97
 Оршанов Б. 250
 Островский А. Н. 241, 244
 Очинский И. В. 216
 Пайна Э. 98
 Паляница Х. В. 219
 Панаитеску П. 178
 Пархоменко М. 218
 Пархомович А.
 Пасичинский И. Р. 219
 Перетц В. Н. 168, 175, 177, 181, 182
 Петров И. Г. 24, 31, 36
 Печорин Л. 125
 Пешехонов Ф. 124, 144
 Пико Э. 165
 Писаржевская Л. Д. 39
 Писемский А. 18
 Плеханов Г. В. 8
 Поляков В. 104
 Помяловский Н. П. 73
 Пономаренко М. 232
 Попович К. Ф. 27, 189, 216, 229
 Порицкий И. 74, 75
 Поссе В. 72, 73
 Приходько Ф. А. 200
 Прохорович П. 250, 252, 255
 Пруцков Н. И. 108
 Пушкин А. С. 6, 18, 100, 108, 116, 122, 125, 130, 131, 132, 152
 П-ц 235, 237
 Пынзару С. Г. 4
 Пылин А. Н. 163
 Ратмирова Е. 232, 233
 Решетников Ф. М. 73
 Ришпен Ж. 52
 Ровенский А. Г. (Пень-Банко) 125
 Родионова Е. Г. 155
 Роман Т. 19
 Романец А. С. 193, 195, 225, 256, 257
 Рудницкий М. 219
 Русев П. 175
 Руссев Е. М. 178
 Сабинин Л. 237, 243, 250, 252, 253, 254
 Садовяну М. 209
 Садовский М. 228
 Садовский Н. 229, 232, 243
 Саксаганский П. 229, 230, 232, 236
 Салтыков-Щедрин М. Е. 18
 Самурану Г. 183
 Сегобочный М. 244
 Семеновский О. 31, 49, 54
 Серов А. 233
 Силли А. Д. 175, 176, 183, 185
 Симович В. 193
 Скабичевский А. 72
 Скворода Г. С. 189, 190
 Скут-Кушнир 145
 Славич И. 179
 Соболевский А. И. 163, 167, 168, 171
 Соколов Я. 60, 63
 Соловьев С. 109
 Спафарий Милеску Н. 164, 165, 166, 169, 182
 Спыну И. 42, 144, 145, 147
 Стаканов И. 124
 Старницкая-Черняховская Л. 253, 254
 Старицкий М. П. 228, 231, 232, 233, 236, 239, 240, 241, 243, 249, 253, 259
 Стефаник В. 188
 Суворин А. А. 23
 Судзиловский-Руссел Н. 221, 222
 Сутковой Н. П. 65
 Суховых К. 126
 Суходольский А. 237, 249, 251, 256
 Сфекла А. 208, 212
 Сырку М. 159
 Сырку П. А. 6, 158—171, 176, 178, 180, 181, 183, 259
 Сэндерлэнд Т. 63
 Тальников Д. 143
 Тамарин А. 50, 56
 Танев С. И. 117
 Тенеромо И. 39
 Терешко Л. 216
 Терновский Е. 163, 174
 Ткачук Н. 192, 193
 Тогобочный И. 232, 242, 244
 Тодорова Н. 145
 Тодоров Г. 5, 124, 144, 145, 146, 148
 Толоченко В. И. 7
 Толстая С. А. 26, 27

- Толстой А. К. 110, 117, 118, 119, 122
 Толстой Л. Н. 3, 4, 5, 15, 17, 18,
 21—70, 71, 100, 124, 134, 143, 144,
 152, 158, 259
 Томашевский С. 227
 Третьяков В. 244
 Тургенев И. С. 17, 18, 33, 51, 100
 Тутышкин П. П. 39
 Тучак И. 60
 Тютчев Ф. 111
 Уайльд О. 108
 Украинка Л. 218
 Унковский В. 80
 Успенский Г. И. 18, 73, 161
 Федькович Ю. 193, 194
 Фехнер 120
 Фиггнер В. 108
 Флоринский Г. Д. 181
 Форкатти В. 94
 Фортунатов Ф. Ф. 171
 Франко И. 6, 218—227
 Франс А. 52
 Хаджи-Булат 127
 Хашдеу Б. П. 160, 161, 163, 164,
 176, 225, 226, 227
 Хомницкий О. 219
 Хомяков А. 116
 Хоткевич Г. 242
 Хыждэу А. 176
 Цамблак Г. 164, 165, 169, 174, 175,
 187, 220
 Чехов А. П. 6, 15, 17, 18, 70, 73, 82,
 100, 101, 102, 152
 Чернышевский Н. Г. 100
 Чертков В. Г. 35, 50
 Чиботару С. С. 102
 Чокану В. 100
 Чубатый В. 250
 Чумина О. 109
 Шаповалова М. 219
 Шафарик П. 164
 Шах М. 58
 Шахматов А. А. 163, 168, 183
 Шебуев Н. 124, 155, 156, 157, 158
 Шевченко Т. Г. 188, 189, 193, 209,
 218, 232, 254
 Шекспир 108
 Шемяков Д. 11, 12, 13, 14, 30
 Шестак В. 124, 144, 145
 Шкулев Ф. 135
 Шмидт П. Ф. 132
 Шурат В. 188, 189, 192, 193
 Щукин П. И. 172
 Элиасов Л. Е. 81
 Эминеску М. 100, 189, 192
 Энгельс Ф. 8
 Эрленвейн А. А. 59
 Эсхил 108
 Эфрон И. 220
 Южный Ю. 145
 Юркевич П. 250
 Ягич И. В. 163
 Языков Н. 112, 113
 Яновская Л. 247
 Янковский Ю. З. 218
 Ярема Я. Я. 219
 Яролинский А. (А. Ярский) 126
 Ярошенко М. 232
 Ярошинская Е. 194
 Ясод 146
 Яцимирский А. И. 6, 165, 166, 168,
 171—187, 219, 259

МОЛДАВСКО-
РУССКО-
УКРАИНСКИЕ
ЛИТЕРАТУРНЫЕ
СВЯЗИ
НАЧАЛА XX В.
(1901—1917)

*Утверждено к изданию
Редакционно-издательским советом АН МССР*

Редактор *М. Е. Яцишина*
Художественный редактор *В. А. Хохлов*
Технический редактор *Н. В. Попеску*
Корректор *И. В. Сперанская*

ИБ № 1904

Сдано в набор 14.04.82. Подписано к печати 18.06.82. АБ 07488 Формат 60×90^{1/16} Бумага
тип. № 1. Литературная гарнитура. Печать высокая. Усл. печ. л. 16,5. Усл. кр.-отт. 34,32.
Уч.-изд. л. 18,23. Тираж 2080. Заказ 346. Цена 3руб.
Издательство «Штиинца», 277028, Кишинев, ул. Академическая, 3.

Типография издательства «Штиинца», 277004, Кишинев, ул. Берзарина, 8.

1981

КРАСИЛА ПОВЕРЛИВА

молдавско-руско-украинские
литературные связи начала XX в.